

серия

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

CORONATION
HER MAJESTY
QUEEN ELIZABETH
THE SECOND
2 JUNE 1953

М. А. Липкин

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ:

середина 1940-х —
конец 1960-х годов

Университет Дмитрия Пожарского

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

DMITRIY POZHARSKIY UNIVERSITY

MIKHAIL LIPKIN

THE SOVIET UNION AND
INTEGRATION PROCESSES
IN EUROPE:

mid-1940s – late 1960s

Moscow
Dmitriy Pozharskiy University
2016

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

М. А. ЛИПКИН

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ:

середина 1940-х —
конец 1960-х годов

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2016

УДК 06.51.51
ББК 65.9(2)
Л61

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Института
всеобщей истории РАН и Университета Дмитрия Пожарского

Серия основана в 2012 году

Книга издана при финансовой поддержке гранта Президента РФ
по поддержке ведущих молодых докторов наук МД-6912.2015.6
«Советский Союз и модернизационные вызовы 1960-х годов: в поисках
нового внешнеэкономического инструментария»

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН *В. В. Рогинский*,
доктор исторических наук, профессор РГГУ *Д. М. Фельдман*

Липкин М. А.

Л61 Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х —
конец 1960-х годов. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. —
560 с.: ил. (*Серия «Холодная война»*).

Mikhail Lipkin

The Soviet Union and Integration Processes in Europe: mid-1940s — late 1960s.
Moscow: Russian Foundation for Education and Science, 2016. — 560 pp.: ill. (*Book
Series «Cold War»*).

ISBN 978-5-91244-181-3

В книге показана история европейской интеграции и международных экономических отношений в период от окончания Второй мировой войны до конца 1960-х годов. Работа основана на документальных материалах из одиннадцати архивов (семи российских и четырех зарубежных), значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. Показана логика и эволюция советского восприятия интеграционных процессов в Западной Европе с точки зрения глобальных и региональных интересов СССР. Анализируются успехи и неудачи СЭВ — «восточной» интеграционной модели. Впервые проводится документальный анализ внешнеэкономической политики периода «раннего» руководства страны командой Л. И. Брежнева, показана роль китайского и японского факторов в глобальной и региональной политике Москвы.

Для историков, студентов и преподавателей исторических, экономических и политологических дисциплин, специалистов-международников и всех, кто интересуется историей СССР послевоенного периода.

The book examines history of European integration and world economy from the end of the World War II to the late 1960s. It is based on evidences from 11 archives (seven Russian and four West European). This allows to reveal the logic and evolution of the Soviet approach to integration processes in Western Europe from the point of Soviet global and regional interests. It includes an analysis of successes and failures of CMEA — the “socialist” integration model. The book represents the first documental account of the Soviet international economic policies during the “early” period of Leonid Brezhnev’s rule with a focus on the role of the Chinese and Japanese factors in the global and regional politics of the USSR.

For historians, students and teachers of history, economics and international relations as well as for all who are interested in a fresh and documental history of the Soviet politics in the post-War period.

ISBN 978-5-91244-181-3

УДК 06.51.51
ББК 65.9(2)

© Липкин М. А., текст, 2016
© Ормонт М. А., дизайн и оформление издания, 2016
© Горева Е. А., дизайн и оформление серии, 2016
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Содержание

Введение	9
Список сокращений и аббревиатур	19
Глава 1. Планы послевоенного устройства мира и перспективы европейской интеграции в 1940–е годы.....	21
1.1. СССР и становление глобальных международных экономических институтов в 1940-е годы.....	23
1.2. Региональное сотрудничество и первые проекты интеграционных объединений в годы войны	54
1.3. ЮНРРА.....	70
1.4. Первые общеевропейские организации и СССР	79
1.5. «План Маршалла» и «план не-Маршалла»: 1947 год и экономический «тяги-толкай» в Европе	103
1.6. СССР и западные кредиты во второй половине 1940-х годов	123
1.7. Совет Европы, ЕОУС и планы политического объединения Европы на рубеже 1940–1950-х годов	141

Глава 2. Европейская интеграция и «экономика холодной войны»: советская политика в области международной торговли в начале 1950-х годов.....	163
2.1. Центробежные и центростремительные факторы в Европе: КОКОМ, Комиссия СЭВ по координации торговли с капиталистическими странами и развитие межъевропейской торговли в начале 1950-х годов.....	165
2.2. Московское экономическое совещание 3–12 апреля 1952 года: тактический маневр или новая стратегическая линия СССР?	172
Глава 3. СССР и интеграционные процессы в Европе в эпоху «мирного сосуществования»: середина 1950-х — середина 1960-х годов.....	229
3.1. Общевропейский проект коллективной безопасности в Европе и роль экономического сотрудничества в новой политике «мирного сосуществования» 1954–1956 годов.....	231
3.2. 1957 год: Римские соглашения и внешнеполитические дискуссии в СССР.....	254
3.3. Период «оттепели» в советско-английских отношениях: разрядка как британская альтернатива «Общему рынку»?	294
3.4. 1960 год как веха в европейских инициативах Москвы.....	302
3.5. Проект Советско-финляндского союза свободной торговли: утопия периода «мирного сосуществования» или упущенный шанс для экономики СССР?	323
3.6. СССР в поисках стратегического партнера на Дальнем Востоке. Как СЭВ перестал быть европейской организацией.....	330

3.7. СЭВ как «восточная модель» европейской интеграции: 1959–1963 годы	337
3.8. Европейская ассоциация свободной торговли в политике Москвы	360
3.9. Первая попытка расширения ЕЭС и «новая фаза в развитии "Общего рынка"»: 1961–1964 годы	366
3.10. Общеввропейское сотрудничество и проблема западных кредитов в первой половине 1960-х годов	392
 Глава 4. «Время концентрации»: интеграционные процессы во второй половине 1960-х годов	 415
4.1. Внешнеполитические приоритеты нового советского руководства	417
4.2. Борьба новых и старых тенденций в СЭВ во второй половине 1960-х годов	422
4.3. Проблемы и перспективы развития ОВД во второй половине 1960-х годов	434
4.4. Мечты и реалии экономической конвергенции: двусторонние аспекты внешнеэкономических связей СССР и ключевых стран капиталистического мира во второй половине 1960-х годов	439
4.5. Два международных «шока» для СССР: влияние чешского и китайского факторов на советское восприятие интеграционных процессов в Восточном и Западном блоках	468
 Заключение	 497
Приложение	509
Именной указатель	518
Литература	527
Summary	536

Введение

Многие современники в России и на Западе задаются вопросом: почему Советский Союз упустил возможность в 1940–1960-е годы стать полноправным членом ВТО, ГАТТ, МВФ, а если не стать участником, то хотя бы получить ассоциативный статус в Европейских сообществах на ранних стадиях интеграционных процессов в Европе?

Ни отечественная, ни зарубежная историография не дает четкого ответа на данный вопрос. Не существует и сколько-нибудь комплексного исследования на тему «СССР и европейская интеграция», которое было бы основано на анализе рассекреченных архивных материалов ключевых стран и организаций — участников интеграционных процессов в Европе.

Создание Евразийского экономического союза Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и России в 2015 году, вступление России в ВТО в 2012 году, война экономических санкций между РФ и ЕС в 2014–2016 годах с новой силой поднимают вопрос о соотношении регионального и глобального, о преемственности и разрыве во внешней политике страны.

Выстраивание оптимального для России курса в отношении крупнейшего западного торгово-политического партнера — Европейского союза — и решение проблемы создания эффективных инструментов экономического влияния в Евразии невозможны без учета специфики советского опыта, уроки которого либо забыты, либо вообще неизвестны широкой публике. В этом свете изучение истории советской по-

литики относительно интеграционных процессов в послевоенной Европе становится вновь актуальным как по причине появления новых архивных документов, так и из-за очевидного социального запроса — свойственного людям поиска исторических аналогий происходящим в современном им мире процессам.

Следует отметить, что в российской историографии растет интерес к истокам европейской интеграции, ее начальному периоду¹. Однако до недавнего времени сложная картина сосуществования разных идейных течений и выражавших их инициативных групп, то укрупнявшихся до межгосударственного уровня, то дублировавших друг друга и борющихся между собой в национальном масштабе, оставалась вне поля зрения историков. Подавляющее большинство исследований начинались рубежом 1947–1948 годов и заканчивались концом 1940-х — началом 1950-х годов. Период советского «коллективного руководства» и собственно правления Н. С. Хрущева появлялся лишь на мгновение — в анализах советской реакции на Римские соглашения 1957 года, — а затем вновь пропадал из поля зрения. Следующим сюжетом уже выступали инициативы Л. И. Брежнева по налаживанию диалога между СЭВ и Европейским сообществом в 1970-е годы. Тема советской политики в отношении европейской интеграции в историческом ключе эпизодически затрагивалась на страницах работ ряда сотрудников академических институтов, работавших долгое время экспертами-практиками в ИМЭМО АН СССР и ИЭМСС АН СССР по этой теме, а также в публи-

¹ Чубарьян А. О. Российский европеизм. М., 2009. С. 281–325; Синдеев А. А. История западноевропейской интеграции. Начало: 1947–1957 годы. М., 2011; Васильева Н. Ю. СССР и образование Совета Европы // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). Сборник научных статей. М., 2008. С. 97–105; Кузьмин Ю. С. Общая Ассамблея Европейского сообщества угля и стали и развитие европейской интеграции (1952–1958). СПб., 2002; Филитов А. М. Советское руководство и Европейская интеграция (40-е — начало 50-х годов) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 121–141; Европа: проблемы интеграции и развития (под ред. О. А. Колобова). Т. 1. Н. Новгород, 2008.

кациях историков, которые получили доступ к документам на волне «архивной революции» 1990-х годов².

В западной историографии ситуация едва ли лучше. Пальма первенства до недавнего времени принадлежала французской научной школе³, тогда как единичные исследования в других странах ограничивались анализом материалов прессы и мемуаров⁴. Однако в последнее время лидерство в изучении данной темы оспаривается молодыми историками новой волны, объединившимися вокруг Ассоциации молодых исследователей европейской интеграции (RICHE). Отличительной чертой их подхода является интерес к рассматриваемому периоду как к предвестнику интенсивных контактов СССР и европейских структур в 1970-е годы⁵.

² Борко Ю. А. Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: Политический и научный подходы // Доклад на международной конференции «40 лет Римским договорам». СПб., 1997 [http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40_years/borko.html]; Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современные оценка и проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М., 2005; Орлик И. И. СЭВ – «Общий рынок»: первые шаги к сближению двух интеграций. К 60-летию Совета экономической взаимопомощи. Единая Европа: прошлое и настоящее экономической интеграции. ИЭ РАН, РГАЭ. М., 2009. С. 223–238; Дашичев В. И. Проект «Звезда» – в поисках путей выхода из «холодной войны» // Новая и новейшая история, 2010. N 2. С. 120–132.

³ Rey M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris, 2002. P. 260–331; Rey M.-P. Le retour à l'Europe? Les décideurs soviétiques face à l'intégration ouest-européenne, 1957–1991 // Journal of European Integration History, 2005 N1 (Vol. 11). P. 7–27; Rey M.-P. The Soviet leadership and the EEC, 1957–1991: from overt hostility to the quest for partnership // Россия и Запад: исторический опыт XIX–XX вв. М., ИВИ РАН, 2008. С. 260–267.

⁴ Например: Neumann I. B. Soviet perceptions of the European Community, 1950–1988. Norwegian Institute of International Affairs. NUPI Rapport Nr. 131, July 1989.

⁵ Muller W. Die UdSSR und die europäische Integration // Vom Gemeinsamen Markt zur Europäischen Unionsbildung. 50 Jahre Romische Verträge 195–2007. Gehler M. (Hrsg.). Wien-Köln-Weimar, 2009. S. 617–661; Mueller W. The Soviet Union and Early West European Integration // Journal of European Integration History, 2009. N2 (Vol. 15). P. 67–85; Mueller W. Announcing recognition, getting détente? Brezhnev, the EEC and the Moscow Treaty with West Germany. Paper presented at the session H2

В целом для западных авторов характерно использование избранных российских документальных источников для написания обзорных разделов или статей, в которых рассматриваются большие периоды времени (от И. В. Сталина до М. С. Горбачева). В силу этих причин их ахиллесовой пятой является отсутствие анализа советской «кухни» принятия решений, в результате чего часто теряется понимание истинной значимости советских инициатив и их взаимосвязи с вариативной картиной интеграционных процессов в Европе⁶.

Принципиально новым явлением в мировой историографии можно считать книгу «Красная глобализация: политическая экономика советской холодной войны от Сталина до Хрущева», написанную профессором университета Макао Оскаром Санчесом-Сибони и изданную в 2014 году в серии «Новые исследования в европейской истории» Кембриджским университетом⁷. В этой провокационной работе опровергаются существующие представления о биполярной системе и тезис об «автаркии» советской экономической системы. Автор показывает, как СССР интегрировался в мировую экономику, как внешние вызовы влияли на те или иные политические кампании в СССР и какую конструктивную роль играл СССР в интеграции стран третьего мира в глобальную экономику.

 "The EEC and COMECON: 1950s–1980s" on the XIV World Economic History Congress in Utrecht, 3–7.08.2009. *Romano A.* From Détente in Europe to European Détente. How the West shaped the Helsinki CSCE. Brussels, 2009. P. 57–64; *Kansikas S.* "Nordek is an Anti-Soviet Group": the Soviet Attitude to Finnish Participation in the Nordek Plan // *Between Nordic Ideology, Economic Interests and Political Reality. New Perspectives on Nordek.* Helsinki, 2009. P. 109–122.

⁶ Наиболее яркий пример – *Zubok V.* The Soviet Union and European integration from Stalin to Gorbachev // *Journal of European Integration History*, 1996. Vol. 2. N1. P. 85–98.

⁷ *Sanchez-Sibony O.* Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrustchev. Cambridge University Press, 2014. См. подробнее: *Липкин М. А.* Глобальное прочтение истории СССР: дискуссии вокруг «Красной глобализации» Оскара Санчеса-Сибони // *Российская история*, 2016. №1. С. 131–144.

Хотя книга Санчеса-Сибони не посвящена напрямую истории интеграционных процессов в Европе и обходит стороной историю СЭВ, она по-новому ставит общую проблему роли СССР в глобальной истории послевоенного мира: Советский Союз рассматривается в ней не просто в качестве военно-политической сверхдержавы, а как важный элемент глобализации раннего периода — активный игрок и проводник, связующее звено между первым (капиталистическим) и третьим (развивающимся) мирами. Другими словами, СССР выступает не просто участником дуэли с другой сверхдержавой — США, — а представлен в контексте глобальной холодной войны: это участник сложной многосторонней общемировой системы отношений, глобальный контрцентр по генерации и перераспределению ресурсов, идей и технологий между первым, вторым и третьим мирами, особенно в период 1950–1960-х годов. Указанная работа, выделяющаяся максимальной погруженностью в российские архивы (хотя и не все), при всей спорности выводов и суждений обозначила новую волну серьезного интереса к внешнеэкономической истории СССР.

Говоря в целом о тенденциях в исследовании данной темы, следует отметить, что главным стимулом в изучении ее как в отечественной, так и в зарубежной историографии являются крупные международные научные конференции и публикации их материалов в виде сборников статей⁸.

Чем можно объяснить наличие огромного интереса к данной теме (демонстрируемого студентами и исследователями как в России, так и на Западе) и такого неудовлетворительного состояния исследований?

⁸ История европейской интеграции 1945–1994. Под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсон. М., ИВИ РАН, 1995; Международная конференция «40 лет Римским договорам». СПб., 1997 [http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40_years/]; СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). М., 2010; Международная научная конференция «Россия и ЕС: прошлое и настоящее (К 20-летию подписания Соглашения 1989 г. между СССР и Европейским Сообществом)». М., ИВИ РАН, 9–10 ноября 2009 г.; Les deux Europes. Actes du IIIe colloque international RICHIE. Bruxelles, 2009.

Во-первых, сложностью самого явления «европейской интеграции». Довольно часто она упрощается и приравнивается к «западноевропейской интеграции» в лице предшествовавших Европейскому союзу европейских сообществ. Хотя на Востоке была попытка создать альтернативную модель в виде СЭВ, а западноевропейский вариант развивался по крайней мере в форме трех конкурирующих проектов. Первые два из них — Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) и Европейская зона свободной торговли (ЕАСТ) — предполагали реализацию в рамках межгосударственной интеграции. Третий проект относился к наднациональной интеграции: Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), затем «Общий рынок» (ЕЭС) и Евратом, структурно объединившиеся с середины 1960-х годов в «Европейские сообщества». И это не считая хоть и не реализовавшихся, но обсуждавшихся планов создания северо-европейского варианта интеграции (НОРДЭК), а также атлантической зоны свободной торговли между Западной Европой и США.

Во-вторых, исключительно значимой является и проблема доступности источников, необходимых для изучения этой темы. В силу того, что взаимное признание СССР и Европейского сообщества (преемник — Европейский союз) случилось лишь в 1988 году, какого-то специального подразделения, занимавшегося бы исключительно этой темой, ни в одном советском министерстве не существовало. В результате все материалы распределены между различными фондами архивов ключевых министерств, и их выявление хотя бы в объеме «критической массы», позволяющей воссоздать логику и практику советской линии в этом вопросе, требует большой и трудоемкой параллельной работы в АВП РФ, РГАЭ РФ, РГАСПИ, РГАНИ, ГАРФ, архиве ИМЭМО РАН и РАН. Но даже по завершении такой работы остаются лакуны в силу недоступности для исследователей отдельных фондов высшего руководства страны, особенно по мере углубления в 1960-е годы.

Впрочем, со времени написания предыдущей работы⁹ произошли значительные перемены, позволяющие пересмотреть тезис о невозможности изучения эпохи Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. В результате события, претендующего по значимости на звание «второй архивной революции», в конце 2014 года в РГАНИ открылись ключевые фонды ЦК КПСС по периоду 1950–1960-х и частично 1970-х годов. Наконец у исследователей появилась возможность не по косвенным данным, а по первостепенным документам осмыслить роль и место СССР в глобальной системе координат, в том числе опровергнуть многие мифы относительно многосторонних организаций Восточной Европы, СЭВ и ОВД.

Необходимость представлять западную логику восприятия советской политики в отношении европейской интеграции вынуждает обратиться к западным архивохранилищам: архив ЕС во Флоренции, дипломатический архив Министерства иностранных дел Франции, Национальные архивы в Великобритании, личные фонды британских премьер-министров в отделе манускриптов библиотеки Бодлеан в Оксфорде. Причем работа в этих архивах требует минимальных знаний по крайней мере двух, а в лучшем случае трех языков: французского (например, поисковая система в архиве ЕС применительно к рассматриваемому периоду франкоязычная), английского и в отдельных случаях немецкого.

Данная книга написана под влиянием современной транснациональной истории (наиболее известный представитель — Акира Ирайе)¹⁰ — нового направления глобальной истории, противопоставляемого мир-системному (И. Валлерстайн). Отличительной чертой является акцент не на замкнутых структурах или индивидах, а на многосторонних, как государственных, так и негосударственных организациях, контактных

⁹ Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. М., ИВИ РАН, 2011.

¹⁰ Iriye I. (editor). Global Interdependence: the World After 1945. Belknap. Harvard University Press. Cambridge, London, 2014.

зонах, обменах, взаимосвязях, пересечениях и циркуляциях (людей, идей, технологий, товаров и т. д.) Такой подход является оптимальным при сопоставительном анализе интеграционных процессов в западной и восточной частях Европы.

В работе представлен не просто системный, но глобальный взгляд на место и роль региональных интеграционных процессов в советской внешней политике и внешней экономике с точки зрения общемировых тенденций развития: холодной войны, эволюции глобальных институтов ООН, динамики мировой экономики, рождения третьего мира и т. д.

В книге предпринята попытка восстановить сложную палитру «экономической составляющей» европейской политики СССР и показать нередко под неизвестным ранее ракурсом историю международных отношений на региональном европейском (внутриевропейская торговля, общеевропейское сотрудничество) и глобальном («межрегиональное сотрудничество» и многосторонние организации как в системе ООН, так и за ее пределами) уровнях.

При анализе источников особое внимание сознательно уделяется не только итоговым версиям многочисленных предложений, нот, постановлений, но и подготовительному этапу выработки решений по вопросам внешней политики и экономики. Именно уровень обмена мнениями, дискуссии в дипломатических и правительственных кругах ключевых стран Европы, которые отражают попытки чиновников разных ведомств предусмотреть различные возможные варианты развития событий, и позволяют оценить во всей полноте значимость итоговых шагов и понять наличие реально существовавших альтернатив тому развитию Европы, которое впоследствии было канонизировано в научной литературе и образовательных курсах по истории европейской интеграции.

Данная книга является не просто переизданием малотиражной монографии 2011 года «Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х годов». Она существенно раздвигает хронологические границы (до рубежа 1960–1970-х годов), в ней переписаны и дополнены главы

с учетом пожеланий коллег и введения в научный оборот совершенно новых, открытых только в 2012–2014 годах документов по периоду 1953–1970 годов. Появились новые разделы про политическую интеграцию в ОВД и эволюцию СЭВ в 1960-е годы. Впервые дается документальный анализ многосторонней политики нового руководства СССР в период «раннего» Брежнева (1964–1969 годы). В плане источников добавились документы из Российского государственного архива экономики (бывшая секретная часть фонда Госплана), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива Российской академии наук (РАН) и особенно Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Верхней хронологической границей стал 1969 год. Для Восточной Европы он ознаменовался XXIII (специальной) сессией СЭВ (апрель 1969 года), принявшей решение о разработке Комплексной программы социалистической экономической интеграции стран СЭВ, принятой после бурных дебатов и долгих редакционных процедур только в 1971 году. Для Западной Европы 1969 год стал знаковым для преодоления внутренних противоречий, мешавших интеграционному развитию: отставка Ш. де Голля и решение «шестерки стран» о начале подготовки третьего раунда переговоров с Великобританией на эпохальном Гаагском саммите знаменовали новый этап в развитии Европейского сообщества. Изучение 1970-х осложняется пока недоступными материалами центральных фондов АВП РФ и выборочной открытостью документов в фондах Политбюро, СЭВ и ОВД в РГАНИ за период 1970–1980-х годов.

Автор выражает благодарность за возможность научно-исследовательских стажировок по межакадемическому обмену Российской академии наук, Институту всеобщей истории РАН, Британской академии наук, Дому наук о человеке (Франция), а также отечественным научным фондам, предоставившим коллективные гранты, результаты которых использовались при написании отдельных глав данной монографии: Российскому гуманитарному научному фонду и Совету по грантам Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ.

Новое издание книги, переосмысление и существенное дополнение разделов по 1960-м годам, написание последней концептуальной главы стали возможны исключительно благодаря финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих молодых докторов наук МД-6912.2015.6.

Отдельная благодарность — оказывавшим помощь и поддержку автору в его непростой работе по розыску и комментированию документов директорам и сотрудникам архивов: Архива внешней политики МИДа РФ, Российского государственного архива экономики РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Государственного архива Российской Федерации, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Архива Российской академии наук, Исторических архивов ЕС во Флоренции, Архива Министерства иностранных дел Франции, Национальных архивов (Великобритания), Бодлеан лайбрани (Оксфорд). Автор благодарен руководству РГАНИ за разрешение опубликовать цветные схемы-приложения к докладу МИД СССР 1969 г.

Автор благодарит за ценные консультации и отзывы на отдельные части данной книги коллег и специалистов из ИВИ РАН, ИЕ РАН, МГИМО(У), Лондонской школы экономики, Института современных британских исследований (Кингс Колледж), Университета Париж I (Сорбонна), Университета Сьянс По, Европейского института Университета (Флоренция), Александрийского института Университета (Хельсинки).

Список сокращений и аббревиатур

- ВТО — Всемирная торговая организация
- ГАТТ — Генеральное соглашение о тарифах
и торговле
- ЕАСТ — Европейская ассоциация свободной
торговли
- Евратом — Европейское сообщество по атомной
энергии
- ЕЕА — Европейское атомное агентство
- ЕОС — Европейское оборонительное сообщество
- ЕОУС — Европейское объединение угля и стали
- ЕСИТО — Европейская центральная организация
по внутреннему транспорту
- ЕУО — Европейский угольный комитет
- ЕЭК — Европейская экономическая комиссия ООН
- ЕЭС — Европейское экономическое сообщество
(«Общий рынок»)
- ЗЕС — Западноевропейский союз
- КокКом — Координационный комитет по экспортному
контролю НАТО
- МВФ — Международный валютный фонд
- МБРР — Международный банк реконструкции
и развития
- МКС — Международный клиринговый союз
- МЭС — Московское экономическое совещание 1952 г.

- НАТО — Организация Североатлантического договора
- ОВД — Организация Варшавского договора
- ОЕЭС — Организация европейского экономического сотрудничества
- ООН — Организация объединенных наций
- ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития
- СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
- СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
- ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления ООН

ГЛАВА 1

ПЛАНЫ ПОСЛЕВОЕННОГО
УСТРОЙСТВА МИРА
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В 1940-е ГОДЫ

Для того чтобы понять отношение СССР к интеграционным проектам в Европе, следует выйти за рамки простого перечисления советской реакции на первые шаги западноевропейских стран на этом пути и посмотреть на то:

А) какова была роль СССР в создании мировой экономической и региональной европейской архитектуры после Второй мировой войны?

Б) что представляла собою «западноевропейская интеграция» во второй половине 1940-х годов?

В) каковы были внешнеэкономические интересы СССР?

Исходя из полученных ответов, можно рассмотреть вопрос о степени заинтересованности или незаинтересованности СССР в каких-либо общеевропейских интеграционных схемах в условиях перехода от сотрудничества к соперничеству на начальной фазе холодной войны и понять логику советского отношения к интеграционным процессам в Западной Европе, а также существовавшие альтернативы регионального развития в этот период.

1. СССР и становление глобальных международных экономических институтов в 1940-е годы

Сложная картина многосторонней и двусторонней экономической дипломатии по проблемам послевоенного «нового мирового экономического порядка» до недавнего времени остава-

лась на втором плане по сравнению с вопросами разоружения и послевоенных границ. Учитывая развернувшуюся впоследствии холодную войну и жесткое идеологическое противостояние, советская историография «стеснялась» анализировать тему экономического союза между Москвой, Лондоном и Вашингтоном. В постсоветский период эта проблема получила эпизодическое освещение в мемуарах и редких исследованиях практически без привлечения отечественных архивов¹. Между тем для раскрытия темы представляется крайне важным рассмотреть формирование ключевых институтов глобальной экономической архитектуры через призму участия СССР в многосторонней экономической дипломатии с первых военных лет вплоть до конца 1940-х годов.

Как известно, 24 сентября 1941 года на международной конференции в Лондоне СССР выразил согласие с основными положениями Атлантической хартии, оглашенными в августе 1941 года президентами Великобритании и США. Хартия стала программным документом антигитлеровской коалиции. Ее

¹ В отечественной историографии немногочисленные исследования по этой теме принадлежат перу представителей саратовской школы американистов, однако они написаны преимущественно на материале западной историографии и западных архивов. См. *Шенин С. Ю.* Американская программа «Пункта-4»: 1949–1953. Саратов, 2000; *Шенин С. Ю.* Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект. // США: экономика, политика, культура. 1998 № 4 С. 78–87, №5 С. 74–88; *Алексеев Д. С.* На пути к Бреттон-Вудсу: Американское правительство и планирование послевоенного экономического миропорядка (1940–1945 гг.). Диссертация на соискание степ. канд. ист. наук. Саратов, 2003; *Сироткин В. Г., Алексеев Д. С.* СССР и создание Бреттон-Вудской системы 1941–1945 гг.: политика и дипломатия // Новая и новейшая история. Саратов, 2004. №21. С. 72–89. Единственным исключением — работой, частично опирающейся на отечественные архивы — является монография по истории холодной войны, в которой теме советско-американских экономических отношений посвящены две специальные главы: *Батюк В. И., Евстафьев Д. Г.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. В англо-американской историографии тема послевоенного экономического порядка разработана в деталях. См., например: *Будс Р. Б.* Бреттон-Вудская конференция Объединенных наций в 1944 г. (К истории создания Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития) // Новая и новейшая история, 1992. № 2. С. 31–50.

положения позже легли в основу устава ООН. Пятый пункт этого документа декларировал готовность участвовать в международном экономическом сотрудничестве. И практически сразу после подписания этого документа началась негласная борьба между Великобританией и США за звание архитекторов послевоенной мировой экономической системы.

Первыми инициативу в свои руки попытались взять англичане. Еще не открылся второй фронт в Европе, а уже в ноябре 1942 года Великобританией был выдвинут проект Международного клирингового союза (МКС). Он был разработан межсоюзническим финансовым комитетом в Лондоне под руководством известного английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса². 20 февраля 1943 года британский посол в Москве А. Керр передал этот документ для изучения В. М. Молотову.

«Этот план представляет собой начало будущего экономического порядка мира между странами и "выигрыша мира"», – прямо говорилось в конце документа, объяснявшего необходимость «финансового разоружения» и упорядочения валютного хаоса, возникшего в результате Второй мировой войны³. Главной идеей британского проекта было введение общепризнанного метода определения курсов национальных валют и нового инструмента денежного обращения — безналичного «банкора», чья стоимость четко фиксировалась бы в золотом эквиваленте. Такое нововведение позволило бы странам определить их дебитовое или кредитовое сальдо в МКС и в случае положительного баланса открывало возможность для получения овердрафта от МКС.

Однако помимо чисто финансовых положений в проекте имелись соображения более далеко идущего порядка: «Клиринговый союз может стать инструментом и поддержкой для международной политики в дополнение к тем целям, которые

² Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Книга 2. Ч. 2. М., Наука, 2009. С. 229.

³ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 170. Л. 40.

являются его первоначальной задачей. Это положение заслуживает возможно большего подчеркивания. Союз может стать осью будущего экономического управления миром»⁴.

Первый анализ этого предложения принадлежит перу Амазаспа Авакимовича Арутюняна (в то время работника Центрального аппарата НКВД, с 1944 года — заместителя заведующего Экономическим отделом НКВД). Реакция эта была очень скупой и однозначной: это англо-американский сговор и попытка взять руководство послевоенного мира в свои руки⁵. В другом анализе, подготовленном экспертом-консультантом НКВД А. М. Барановским, отмечалось, что речь идет об одном из серии проектов по «международному экономическому планированию». Эти проекты ставили своей целью «ограничить роль СССР в послевоенном устройстве мира, предотвратить рост политического и экономического влияния СССР в Европе и подчинить своему контролю его экономическое развитие после войны»⁶. Бросалось в глаза, что союзники предлагали СССР лишь присоединиться к этому проекту (а не принять участие в разработке), к тому же Москва могла рассчитывать лишь на небольшую квоту в МКС, т. к. она исчислялась в соответствии с внешнеторговым оборотом страны, который у Советского Союза в предвоенные годы был небольшим.

Вместе с тем советские эксперты и дипломаты были далеки от того, чтобы поставить на этом точку. В развернутом анализе «плана Кейнса» Барановского подчеркивалось, что Советский Союз заинтересован в расширении своей внешней торговли после войны, поскольку «это обусловлено, в частности, значительными потребностями, которые возникнут в связи с задачей восстановления хозяйства освобожденных от оккупации районов СССР. Окажется, по-видимому, желательным завоз промышленного оборудования и некоторых видов промышленного сырья. В первое время мы будем продолжать закупки за границей и

4 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 170. Л. 32.

5 Там же. Л. 42.

6 Там же. Л. 49.

продовольствия и некоторых предметов потребления. Несомненно, мы будем расширять отечественный экспорт промышленных товаров и сырья (нефть, марганец, лес и др.)»⁷.

С одной стороны, в анализе Барановского оговаривалась необходимость сохранения монополии внешней торговли и недопущения открытия советских рынков для англо-американского экспорта. С другой стороны, рассматривался вариант ряда уступок в случае улучшения правовых условий и вступления СССР в МКС. «Мы можем использовать Союз для получения выгодных беспроцентных кредитов и устранить неудобства, вытекающие теперь для нас из двусторонних клиринговых соглашений»⁸. Апеллируя к положению статьи седьмой Соглашения между Правительством СССР и США от 11.06.1942 («О принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»), Барановский отмечал, что «мы могли бы допустить смягчение таможенных тарифов, создание условий максимального благоприятствования и даже отказаться на основе взаимности от некоторых налогов и сборов по внешней торговле»⁹.

Еще большими симпатиями к британскому плану прониклись советские эксперты при сравнительном анализе с альтернативными американскими проектами (Международного стабилизационного фонда и Международного банка реконструкции и развития)¹⁰. По вопросу участия или неучастия СССР в предлагаемых многосторонних организациях в конце 1943 года раз-

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ Там же. Л. 59.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 170. Л. 59.

¹⁰ Первый проект американского Министерства финансов – в виде меморандума о «Стабилизационном фонде Объединенных и присоединившихся наций» помощник Госсекретаря США Берди передал в советское посольство 1 февраля 1943 года. Однако в окончательном виде проект организации Международного стабилизационного фонда и связанного с ним Международного банка реконструкции и развития – собственно «план Уайта» – был передан помощником министра финансов США Уайтом в советское посольство 16 июня 1943 года. Последний лег в основу созданных позже МВФ и МБРР.

вернулась масштабная межминистерская дискуссия, в которой приняли участие руководители и ведущие эксперты Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), Народного комиссариата финансов (НКФ), Госбанка СССР и Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ). Оценки прямых экономических выгод в основном были одинаковы: Стабилизационный фонд для СССР не дает особых преимуществ, зато Банк реконструкции и развития представляет очевидный интерес как международный кредитный институт.

Итогом этой дискуссии стали выводы, суммированные и дополненные в письме А. Я. Вышинского на имя В. М. Молотова. В нем говорилось о том, что проект Клирингового Союза наиболее приемлем, так как налагает минимум обязательств в сравнении с американскими проектами. Однако «для нас главный интерес заключается в получении долгосрочных кредитов, что можно будет сделать через ... Банк»¹¹, — резюмировали советские эксперты.

Поскольку американский проект предполагал возможность участия в Банке реконструкции лишь при одновременном членстве в Стабилизационном фонде¹², делалось заключение, при определенных оговорках, о необходимости поддержки американского проекта. При этом, в случае со Стабилизационным фондом, решающими для советских дипломатов оказывались политические соображения развития тесных союзнических отношений с США: «членство в Фонде для СССР может быть продиктовано лишь политическими мотивами, т. е. желанием поддержать американцев, как инициаторов создания Стабилизационного фонда, имея в виду, что после войны, как можно предполагать, Советский Союз будет заинтересован в развитии кредитных и торговых отношений с США в большей мере, чем с Англией»¹³.

11 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 170. Л. 181.

12 Стабилизационный фонд – встречающееся в документах рабочее название будущего МВФ.

13 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 170. Л. 187–188.

В декабре 1943 года шло редактирование проекта директив для экспертов НКФ СССР, отправлявшихся на неофициальные переговоры о Фонде и Банке с экспертами США. В указаниях говорилось, что «советским экспертам разрешается заявить о том, что они считают возможным участие СССР в международной валютной организации как форме международного сотрудничества после войны»¹⁴. При этом ставились задачи: обеспечить невмешательство США во внутреннюю политику Советского Союза, уменьшить взносы СССР в золоте и произвести децентрализацию его хранения (в качестве центров хранения золотых запасов МВФ наряду с Вашингтоном рассматривались Москва, Пекин и Лондон) и усилить влияние СССР в руководящих органах Фонда.

Аналогичные инструкции давались членам советской делегации применительно к переговорам по Банку. Единственным дополнением был важный пассаж в тексте заявления об отношении к Банку. Советским переговорщикам предписывалось заявить: «они полагают, что организация такого Банка не в состоянии разрешить вопрос об обеспечении промышленности США крупными заказами и закупками товаров для восстановления хозяйства СССР, что возможно лишь при условии предоставления Советскому Союзу значительных долгосрочных правительственных займов Правительством США»¹⁵.

В июле 1944 года на валютно-финансовой конференции Объединенных Наций в Бреттон-Вудсе с согласия СССР были приняты проекты Соглашений о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. Однако намеки СССР на обещанные Ф. Д. Рузвельтом миллиардные кредиты для СССР остались без внимания¹⁶.

Посол СССР в США и заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в ответ на запрос В. М. Молотова относительно директив экспертам НКФ в своем заключении, по сути, одобрял

¹⁴ Там же. Л. 173.

¹⁵ Там же. Л. 178–179.

¹⁶ См. *Сироткин В. Г., Алексеев Д. С.* Указ. Соч. С. 86–88.

активную позицию СССР. Он отмечал, что «сохранение мира не в малой мере зависит также от устойчивости экономического порядка и поэтому естественно предусмотреть возможность для основных членов Объединенных Наций оказывать соответствующее влияние на международную финансовую политику»¹⁷.

В то же время, рассуждая, какой тактики придерживаться в отношении этих институтов, в конце декабря 1944 года заведующий Экономическим отделом НКВД В. С. Геращенко и заместитель народного комиссара иностранных дел В. Г. Деканозов сходились во мнении, что ратификация Соглашения и участие СССР в МВФ и МБРР нецелесообразны. Это означало бы существенную поддержку инициативы США без каких-либо ответных шагов со стороны американской администрации¹⁸. Как отмечал Геращенко, если британцы и французы в обмен на участие в этих организациях получили крупные кредиты и ведут переговоры о еще больших суммах, то заявка СССР остается без внимания. В таких условиях спешить со вступлением в эти организации он считал нелогичным. Сигналом к участию, полагал он, должен был стать американский правительственный кредит на выгодных условиях¹⁹.

Геращенко и Деканозов предлагали придерживаться выжидательной тактики: «Следует выждать время и посмотреть как будут складываться обстоятельства с развертыванием работы вновь организованных Валютного Фонда и Банка международных расчетов, с тем чтобы в случае необходимости выбрать подходящий момент для последующего вступления... Можно при этом ожидать, что, будучи заинтересованными в участии Советского Союза в этих международных организациях, главные союзные державы сами предпримут меры к дополнительному приглашению Советского Союза к участию в этих организациях»²⁰, — наивно полагал Деканозов в конце 1944 года.

17 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 17. Д. 170. Л. 203.

18 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 19. Д. 197. Л. 12–13, 15.

19 Там же. Л. 12–13.

20 Там же. Л. 16

Интересно, что Геращенко впоследствии поменял свою точку зрения на прямо противоположную и уже к весне 1945 года перешел на сторону оптимистов. Так, 20 января 1945 года им вместе с упоминавшимся А. А. Арутюняном была подготовлена справка о МВФ и МБРР по итогам конференции в Бреттон-Вудсе. В разделе «наши выводы и предложения» прямо говорилось, что «проекты МВФ и МБРР и другие решения конференции в Бреттон-Вудсе в основном приемлемы с точки зрения международного сотрудничества СССР. Основные указания, которые были даны советской делегации на Конференции нашли отражения в решениях Конференции: квота СССР в Фонде, размер подписки СССР на капитал Банка, изменение паритета советской валюты, характер рекомендаций Фонда, место хранения золота, участие СССР в руководящих органах Фонда и Банка и др.»²¹. С оговоркой «при положительном решении вопроса о вхождении СССР в состав членов Фонда и Банка» и со ссылкой на предложения советской делегации по итогам конференции Геращенко и Арутюнян ставили вопрос о конкретных мероприятиях для принятия обязательств по вхождению в состав членов Фонда и Банка²².

Решающим документом для временного сдвига чаши весов в пользу оптимистов явился отчет советской делегации на Валютной и финансовой конференции в Бреттон-Вудсе. В числе прямых экономических выгод от участия в Фонде называлась возможность покрытия пассивного послевоенного сальдо во внешнеторговом балансе СССР за счет краткосрочных и среднесрочных кредитов. Это не являлось решением основной кредитной проблемы СССР, но виделось как возможность получения дополнительных средств для закупки импорта и приобретения инвалюты для свободы действий во внешней торговле СССР²³. Квота Советского Союза была установлена в размере 1 200 млн долларов, что означало право пользования

²¹ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 5. П. 23. Д. 73. Л. 7.

²² Там же. Л. 8.

²³ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 7. П. 49. Д. 96. Л.14.

кредитом на общих основаниях в размере до 300 млн долларов в год (25% от общей квоты).

Делегации удалось добиться того, что вносимое СССР в МВФ золото должно было храниться в распоряжении Фонда у его депозитария в СССР, то есть на специальном счету в Госбанке СССР. При этом члены делегации предвидели возможность превращения Москвы в региональный центр хранения золотого запаса Фонда для соседних с Советским Союзом государств. Оптимисты в лице членов делегации СССР считали, что «хотя Фонд будет иметь право передвигать принадлежащее ему золото из одних мест хранения в другие, он должен будет, однако, считаться при этом со стоимостью перевозки золота и своими будущими потребностями в золоте. Принимая во внимание отдаленность Москвы как одного из центров хранения золота и сосредоточение, согласно уставу Фонда, первоначально не менее половины его золотых запасов в США, где золото будет главным образом требоваться для покупки долларов США, представляется маловероятным, чтобы золото Фонда, находящееся на хранении в Москве, было передвинуто в течение ряда лет в какое-либо другое место хранения»²⁴.

Что касалось денежной части взноса СССР в Фонд, то она также размещалась на специальном рублевом счете в Госбанке. При этом осуществление всех расчетов во внешней торговле Советского Союза в иностранной валюте, по мнению авторов отчета, давало гарантию стране от предъявления реального спроса на рубли со стороны других членов Фонда. Таким образом, и эти средства, скорее всего, не покинули бы советскую территорию.

Согласно Уставу Фонда в конце каждого финансового года предусматривалось обязательное погашение задолженностей перед Фондом с того момента, когда страна-участник добивалась повышения своего благосостояния. Критерием служило превышение уровнем национального валютного и золотого запаса той квоты, которую каждая страна заявляла при вступлении в Фонд. Это могло быть достигнуто за счет активного

²⁴ Там же. Л. 16.

платежного баланса или успешной местной добычи золота. Помимо того, что авторам советского отчета виделась лишь в отдаленной перспективе ситуация восстановления довоенных показателей СССР во внешнеторговом балансе, делегации удалось провести положение о специальных льготах для стран, пострадавших от вражеской оккупации в виде пятилетнего моратория на учет местной добычи золота. Таким образом, даже при превышении заявленного уровня золотого запаса СССР, он мог в течение пяти лет накапливать свой золотой резерв, не производя каких-либо выплат Фонду.

Существенным моментом для советской системы государственной торговли было и то, что в Бреттон-Вудсе удалось закрепить положение, что страна-член может менять паритет своей валюты без согласия Фонда, «если это изменение не затрагивает международных сделок стран-членов Фонда». Считалось, что поскольку международные расчеты в рублях не проводятся, то и изменения расчетного курса рубля не оказывают влияния на объем и цены экспорта и импорта, а следовательно не затрагивают торговых интересов других стран, и СССР остается свободен от каких-либо согласований в проведении своей валютной политики²⁵.

Одними из самых важных достижений советской делегации были размер общей квоты СССР в Фонде и связанный с нею уровень представительства в этой организации. СССР получал место постоянного представителя в руководящем органе Фонда — Исполнительном Директорате. Советскому Союзу отводилось 12,5% от общего количества голосов членов Фонда (Великобритании — 13,5%, США — 28,3%). Таким образом, по своему удельному весу в МВФ Москва была на третьем месте, лишь немногим уступая такому мировому финансовому центру, как Лондон. Ожидалось, что, блокируясь с другими странами, СССР сможет оказывать влияние на принятие решений в МВФ.

Помимо этого, отчет приводил ряд косвенных преимуществ членства. Одно из главных заключалось в том, что «вхождение

²⁵ Там же. Л. 16–17.

СССР в состав членов Международного валютного фонда будет рассматриваться США и другими Объединенными нациями, как желание СССР участвовать в международном экономическом сотрудничестве. Напротив, отказ СССР от участия в этой международной валютной организации сыграет лишь на руку реакционным элементам в составе финансового капитала США и Англии, являющимися противниками послевоенного сотрудничества основных стран в деле послевоенного мира и порядка»²⁶.

Что послужило причиной такого успеха советской делегации в Бреттон-Вудсе, и почему отчет советских представителей светился оптимизмом относительно будущего сотрудничества в рамках МВФ и МБРР? Как это ни покажется парадоксальным, решающим фактором, по признанию самой советской делегации, была поддержка США — советская и американская делегации по большинству вопросов заранее консультировались друг с другом, готовили общую позицию к заседаниям и блокировались вместе, порою выступая единым фронтом даже против англичан!

«Вопросы, интересовавшие Советскую Делегацию, обсуждались с Американской Делегацией, как правило, до вынесения их на рассмотрение Комитетов и Комиссий, — отмечалось в отчете советских переговорщиков на Бреттон-Вудской конференции. — В связи с тем, что между Советской и Американской Делегациями по ряду вопросов была договоренность о взаимной поддержке на Конференции и, учитывая, что проведение наших положений в значительной мере зависело от позиции США и стран Латинской Америки, Советская Делегация, как правило, не обращалась к делегациям других стран за поддержкой тех или иных предложений или поправок. Отдельные вопросы иногда обсуждались предварительно с Английской Делегацией, но по ряду предложений Советской Делегации (по скидке по взносу золота в счет квоты, по изменению паритета) Английская Делегация выступала против или воздерживалась от голосования»²⁷.

²⁶ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 7. П. 49. Д. 96. Л. 19.

²⁷ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 5. П. 23. Д. 73. Л. 16.

Впрочем, система взаимных консультаций существовала не априори, а родилась в рамках профессиональной работы делегаций. После почти патовой ситуации с неприемлемым для СССР американским предложением об установлении небольшой квоты для СССР в Фонде, состоялась встреча представителей делегаций двух стран. На ней обе стороны выразили «пожелание об урегулировании спорных вопросов между обеими Делегациями вне официальных заседаний комитетов и Комиссии по Валютному Фонду и, в случае достижения соглашений по этим вопросам, о взаимной поддержке на Конференции»²⁸. Можно сказать, что по сути советская и американская делегации работали так, как потом на протяжении всей холодной войны работали вместе англичане и американцы во всех многосторонних организациях. Особенно такого рода предварительное согласование помогло при обсуждении вопроса о хранении золота. Предложение о его депонировании в четырех столицах, включая Москву, внесли сами американцы по итогам предварительного двустороннего совещания экспертов в Вашингтоне²⁹.

Несомненно, это было как заслугой профессионализма обеих делегаций, так и результатом существовавшей в тот момент политической воли к сотрудничеству между лидерами двух стран и их ближайшего окружения. Как показывают исследования по истории Бреттон-Вудской конференции, именно в Министерстве финансов США работали чиновники, наиболее преданные Рузвельту и разделявшие его политический курс на сотрудничество с СССР³⁰.

Парадокс Бреттон-Вудской конференции заключается в том, что, судя по детальному отчету советской делегации, уровень сотрудничества с американцами по финансовым вопросам, касавшимся МВФ, был на порядок выше, чем при об-

28 Там же. Л. 19.

29 Там же. Л. 34–35.

30 Буди Р. Б. Бреттон-Вудская конференция Объединенных наций в 1944 г. ... С. 32, 41–42; Шенин С. Ю. Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект. С. 82–83.

суждении МБРР. Здесь картина была скорее даже противоположной. Применительно к Банку американцы почти всегда согласовывали свою позицию заранее с англичанами³¹. Хотя, как показывает логика сотрудников ЭО НКВД, изначально СССР был больше заинтересован в МБРР, чем в МВФ.

Возможное объяснение состоит в том, что обсуждение проекта МВФ проходило в первую половину конференции, а комиссия по МБРР работала во второй, с 11 по 22 июля 1944 года. К этому времени англичане могли достичь компромиссов с американцами в вопросе о кредитах, в которых они были сами крайне заинтересованы. Если проект МВФ интересовал британцев больше с точки зрения сохранения своих претензий на мировое финансовое влияние («зона стерлинга»), то в МБРР их интересовали скорее условия получения кредитов, и здесь британцы были гораздо более сговорчивыми.

К тому же своеобразным «холодным душем» могло стать сделанное в первой половине конференции на пленарном заседании перестраховочное заявление главы советской делегации о том, что «принятие Конференцией проекта Соглашения о Валютном Фонде не может связывать Советское Правительство в решении вопроса о принятии им Соглашения в целом или в отдельных его частях, и что решения Конференции будут обязательными для Советского Союза лишь после утверждения их Советским Правительством»³².

К этому следует добавить жесткие директивы правительства СССР. Так, наибольшие трудности у советской делегации возникли по вопросу о размере подписки СССР на капитал Банка (т. е. размер взноса в уставной капитал). Указания советского правительства ставили задачу не превышать лимит в 1 млрд долларов. Исходя из этого, советская делегация оперировала суммой в 900 млн. Американская делегация добивалась соблюдения соотношения взноса в Банк с полученной квотой в МВФ — т. е. 1200 млн долларов (квота в МВФ = 12,5 % голо-

³¹ АВП РФ. Ф. 46. Оп. 5. П. 23. Д. 73. Л. 50.

³² Там же. Л. 41.

сов). Были проведены три встречи с американской делегацией. Было созвано даже специальное заседание, где одна часть стран заявила о готовности увеличить свою подписку вместо СССР, а другая — о вынужденном снижении своих квот по Фонду из-за недостаточности размера капитала Банка в связи с советским решением. Советская делегация стояла «на смерть», несмотря на сильнейшее давление. Вынужденная согласиться ради спасения всей конференции американская делегация в итоге поддержала советский вариант. И вдруг, уже после утверждения этой суммы на заключительном заседании комиссии по МБРР, 22 июля из советского торгового Представительства была получена телеграмма с разрешением Москвы увеличить размер подписки СССР до 1200 млн долларов³³.

Это известие вызвало овации членов всех делегаций на заключительном банкете для участников конференции. Не совсем понятно, чем была вызвана столь явная непоследовательность в эволюции позиции советской делегации: сначала добились оптимальных параметров членства, отвечавших интересам СССР (возможность брать больше, а вносить меньше), а потом, закрепив это решение, отдали завоеванное с таким трудом одним махом.

С одной стороны, возможно, это было связано с техническими задержками получения дополнительных директив из Москвы через торгпредство в Вашингтоне. С другой стороны, с желанием произвести особый эффект на союзников. Так или иначе, решение свидетельствует о стремлении СССР к сотрудничеству и участию в МБРР и МВФ, несмотря на сложное экономическое положение страны. Именно так оно и было расценено делегациями основных стран-участниц. Как отмечалось в отчете, американская печать оценила этот шаг как крупный дипломатический успех СССР и демонстрацию искренности желания сотрудничать с другими странами в решении международных экономических проблем³⁴.

³³ Там же. Л. 56–57.

³⁴ Там же. Л. 57.

Подводя итоги участия советской делегации в Бреттон-Вудской конференции, можно сказать, что, получая полное членство и серьезную квоту, СССР был гарантирован от выплат Фонду на первые годы после вступления. Он обеспечивал хранение своих взносов у себя же в Госбанке, был избавлен от ограничений в валютной политике и от валютных флуктуаций благодаря неконвертируемости рубля, получал в Фонде статус, делавший его третьей финансовой державой мира.

Российский историк-экономист В. П. Попов применительно к условиям членства в Бреттон-Вудских структурах полагает, что они были абсолютно неприемлемы для Москвы: «выполнение этих условий для СССР означало серьезную корректировку советской экономики, основанной на централизованном планировании и искусственном (насильственном) ценообразовании в сторону рыночных законов. Даже без учета политических последствий подобная корректировка была затруднительной в чисто практическом плане. Об этом, в частности, предупреждали правительственные органы финансовые аналитики, например, в вопросе об установлении паритета рубля. Так, в условиях монополии внешней торговли и валютной монополии в СССР валютный курс устанавливался непосредственно государством и длительное время оставался неизменным, несмотря на значительные изменения внутренней ценности денег и в золоте, и в товарах»³⁵.

Нет сомнений, что в случае вступления в МВФ и МБРР, давление западных стран в сторону конвергенции советской экономики существенно усилилось бы. И у вступления были не только сторонники, но и противники. Однако, как показывает логика отчета советской делегации и дальнейшие действия советского правительства, существовала вера в то, что возможно совместить государственную монополию и членство в построенных на рыночных принципах глобальных экономических структурах.

³⁵ Попов В. П. Экономическая политика советского государства. Москва–Тамбов, 2000. С. 80.

Алгоритм шагов, необходимых для вступления СССР в полноправные члены МВФ и МБРР был изложен в предложениях членов советской делегации на Валютной и финансовой конференции в Бреттон-Вудсе, что было оформлено в виде записки и проекта постановления Совета народных комиссаров в конце января 1945 года.

В документах предлагалось поручить Комиссии в составе Зверева А. Г. (НКФИН), Вышинского А. Я. (НКВД), Косяченко Г. П. (Госплан), Крутикова А. Д. (НКВД) и Емченко В. Н. (Госбанк) в трехмесячный срок разработать и представить на утверждение в СНК СССР предложения по таким вопросам, которые ранее никогда не вставали перед советской дипломатией и которые могли означать только одно: подготовку к интеграции СССР в создаваемую новую мировую экономическую систему.

Эта подготовка включала в себя серию мероприятий по установлению паритета рубля (в золоте или долларах); продажу и покупку золота в СССР; золотое и валютное обеспечение эмиссии банковских билетов Госбанка СССР; рассмотрение вопросов о действующих в СССР ограничениях потребительских переводов; об определении времени вступления в Фонд; о подготовке законодательных изменений относительно привилегий должностных лиц Фонда; о разработке системы подготовки кадров для международного аппарата Фонда и Банка, а также об определении финальных оговорок, предварительных условий вхождения СССР в Фонд и Банк³⁶.

Распоряжением Совнаркома СССР от 5 марта 1945 года была все-таки образована официальная Комиссия для разработки предложений по вопросам, связанным с участием СССР в МВФ и МБРР. Во главе Комиссии встал председатель Госплана Н. А. Вознесенский. В число членов от НКВД не вошел, как предлагалось изначально, А. Я. Вышинский, зато были включены представители Экономического отдела НКВД, Герашенко и Арутюнян. Комиссия поручила Советской делегации на Бреттон-Вудской конференции подготовить предложения

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 19. Д. 197. Л. 1–4.

по вопросам вступления. Ее предложения были предоставлены 8 апреля в Комиссию.

Неизвестно, сколько еще продолжалась работа данной Комиссии. 29 декабря 1945 года советское правительство заявило правительству США, что оно не считает в настоящее время возможным подписать проект Бреттон-Вудских соглашений. Ряд исследователей полагали, что на этом история участия СССР в Бреттон-Вудской системе и закончилась³⁷. Однако, как показывают архивные документы, несмотря на это заявление, даже в 1946 году тема участия Советского Союза в МВФ и МБРР оставалась актуальной для советского руководства.

Временный отказ подписать соглашение еще не означал полного отказа от участия. Именно в 1946 году между Наркомфином и НКВД СССР возникли серьезные разногласия относительно того, посылать или нет наблюдателя на учредительную сессию МВФ и МБРР, которая проходила 9–18 марта 1946 года в Уилмингтон Айленд, рядом с г. Саванна (штат Джорджия, США). НКВД в лице А. А. Арутюняна и НКВД в лице А. Д. Крутикова считали посылку наблюдателя ослаблением заявленной линии СССР. Напротив, Наркомфин в лице А. Г. Зверева, высказывал «особое мнение», считая целесообразным присутствие наблюдателей, для того чтобы быть в курсе происходящего без принятия на себя каких-либо обязательств³⁸.

Заместителю народного комиссара иностранных дел В. Г. Деканозову уже был подготовлен вариант отрицательного ответа на приглашение правительства США³⁹. Но в итоге парадоксальным образом победила точка зрения Наркомфина — эксперт при председателе Советской закупочной комиссии в Вашингтоне Ф. П. Быстров был направлен в качестве наблюдателя. На вопросы корреспондентов в Уилмингтон Айленд Быстров тогда ответил: «Правительство СССР еще не приняло никакого ре-

37 Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе. С. 73.

38 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 47. Д. 795. Л.3.

39 Там же. Л. 11.

шения, и мы продолжаем изучать сложные вопросы Бреттон-Вудских соглашений»⁴⁰.

Как показывает проект Директив о переговорах с США по кредиту и по другим вопросам, представленный И. В. Сталину за подписями А. И. Микояна, А. Я. Вышинского, А. Д. Крутикова и А. А. Арутюняна 23 мая 1946 года, шанс полноценного участия СССР в англо-американских проектах нового мирового экономического порядка все еще существовал, однако увязывался с непростым вопросом об американском кредите, который обещало СССР еще правительство Рузвельта. В директивах говорилось, что в случае достижения соглашения о полном и окончательном расчете с США по ленд-лизу и достижении соглашения о предоставлении кредита в размере 1 млрд долларов со стороны Правительства США, «делегация может заявить о готовности Советского Союза вступить в члены Международного валютного фонда и Международного банка по развитию и реконструкции, а также в члены Продовольственной Организации Объединенных Наций»⁴¹.

Впрочем, как показывают воспоминания А. И. Микояна, этот проект и обстоятельства его выдвижения стали предметом разгромной критики со стороны Сталина. Дело в том, что с одо-

Илл.1. Обложка пропуска для входа на Красную площадь в день парада войск Красной армии 24 июня 1945 года

и перспективы европейской интеграции в 1940-е годы

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 7. П. 49. Д. 96. Л. 24.

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 28. Л. 70.

брения Микояна его заместитель М. С. Степанов послал текст проекта на согласование замещавшему в тот момент Молотова в МИДе С. А. Лозовскому. Получив одобрение проекта со стороны Микояна и Молотова, 17 мая 1946 года Лозовский по непонятным причинам, нарушив всю существовавшую иерархию партийной власти, не поставив в известность Сталина, без рассмотрения Политбюро, передал проект американской стороне как предложения советского правительства⁴².

Случилось невероятное, как пишет М. Ю. Павлов: «вопрос государственного значения был решен в обход Политбюро»⁴³. В состоявшемся после этого разбирательстве у Сталина главным виновником был признан Лозовский. По оценке Сталина, в проекте делались неоправданно большие уступки США. К счастью для провинившихся, Вашингтон не принял эти предложения за базу для переговоров и в вопросе о кредите продолжал придерживаться связанного подхода — требования одновременных переговоров по политическим и экономическим вопросам⁴⁴.

Ни американского кредита, ни окончательного расчета по ленд-лизу в 1946 году достигнуто не было. Как пишут В. Г. Сироткин и Д. С. Алексеев, пришедшая после смерти Рузвельта команда «ястребов» во главе с президентом Г. Трумэнном еще с осени 1945 года начала превращать Бреттон-Вудскую финансовую систему в «инструмент экономического давления США на разоренную послевоенную Европу». Была изменена основная схема послевоенной помощи. Финансы на реконструкцию европейских государств стали выделяться через политизированный «план Маршалла»⁴⁵. Кредит от МБРР получили Великобритания и Франция, СССР в 1947 году смог лишь улучшить условия обслуживания своих военных зай-

42 Микоян А. И. Так было. С. 496–497

43 Павлов М. Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М., 2010. С. 228.

44 Там же. С. 229.

45 Сироткин В. Г., Алексеев Д. С. Указ. Соч. С. 87.

мов в Великобритании в результате непростых торгово-финансовых переговоров с Лондоном.

Последнее серьезное обсуждение вопроса об участии в МВФ и МБРР в кругах МИДа и МВТ вспыхнуло в декабре 1946 — январе 1947 года. В связи с запросом Генерального Секретаря ООН Трюгве Ли о потребностях в долгосрочном и краткосрочном кредитовании срочных нужд восстановления хозяйства, которые планировалось удовлетворить через МБРР и МВФ, 26 декабря 1946 года за подписью Г. Аркадьева и А. Рощина на имя Вышинского была составлена записка с робким предложением подать заявку на кредиты этих организаций. В ней говорилось, что «СССР не оформил своего членства ни в МБРР, ни в МВФ. И по этой причине, и по общеполитическим причинам у нас нет оснований рассчитывать на предоставление с их стороны кредитов СССР. Тем не менее нам представляется нецелесообразным пренебречь этими учреждениями и вообще участием в международном сотрудничестве в вопросе о кредитовании разоренных стран. Поэтому с нашей точки зрения было бы целесообразным на запрос генерального секретаря ЮНО⁴⁶ сообщить кое-какие из запрашиваемых им данных, опубликование которых не причинило бы ущерба интересам нашей страны»⁴⁷.

Записка предлагала дать сведения о потребностях СССР по продуктам питания, потребления, некоторым видам промышленного сырья, отдельным видам оборудования, также «частичные, предположительные сведения» по таким статьям, как получаемая экспортная выручка, краткосрочные и долгосрочные иностранные кредиты, стоимость и основные виды ремонтных поставок и др. Авторы записки предлагали дать ответ не по всем вопросам, а по тем из них, обнародование которых «не причинило бы ущерба интересам нашей страны». Такие же сведения предлагалось дать по оформленным в качестве самосто-

46 ЮНО в оригинальном документе очевидно калька с английского — United Nations Organization, имеется в виду ООН — прим. автора.

47 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 5. П. 23. Д. 72. Л. 95.

ятельных членов ООН Украине и Белоруссии. «УССР и БССР уже пользуются помощью ЮНРРА, и у них есть большие основания претендовать на предоставление значительных международных кредитов на цели восстановления, — отмечали авторы записки. В том случае, если предоставление кредитов УССР и БССР будет обусловлено их вступлением в члены Международного банка реконструкции и развития и Международного Валютного Фонда, считаем возможным рассмотреть вопрос о вступлении УССР и БССР в указанные организации»⁴⁸. На проекте письма Вышинскому от руки была поставлена сопроводительная заметка Арутюняна, запрашивавшая мнения Молотова: «Сомневаюсь в целесообразности предоставления указанных в письме сведений, да еще в такой короткий срок. Прошу указаний. 28.12.»⁴⁹.

6 января 1947 года на имя Вышинского был получен ответ МВТ СССР от заместителя министра А. Крутикова. «Ни СССР, ни Украина и Белоруссия не являются членами этих учреждений, поэтому вероятность получения кредитов по этой линии представляется совершенно нереальной, в то же время сведения, которые потребовалось бы сообщить в обоснование заявки на финансирование, касаются наших наиболее тщательно охраняемых экономических и внешнеторговых секретов. По этим соображениям Министерство Внешней Торговли считает необходимым воздержаться от представления Генеральному Секретарю ЮНО сведений о потребностях СССР или отдельных республик, в финансировании срочных работ по восстановлению экономики разоренных районов». Внизу письма тем же числом была поставлена резолюция Вышинского, адресованная Молотову: «Считаю это правильным. Прошу Вашего согласия»⁵⁰.

Таким образом, удивительная по смелости инициатива (принимая во внимание временной период ее появления), оформленная от имени заместителя заведующего Экономического от-

48 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 5. П. 23. Д. 72. Л. 96.

49 Там же. Л. 95–96.

50 Там же. Л. 97.

дела МИДа Г. Аркадьева и заведующего Отделом по делам ООН МИДа СССР А. А. Рощина, получила негативный отклик среди руководителей МИДа и МВТ. Можно предположить, что оформленная на уровне заместителя и заведующего отделов МИДа, она отражала существование сторонников сотрудничества с Западом в среде советских дипломатов даже в начале 1947 года.

Не исключено, что эта инициатива была инспирирована самим Молотовым, который, согласно мемуарам, работавшего в его секретариате, В. И. Ерофеева, симпатизировал участию СССР в международных организациях и часто был вынужден шифровать свои инициативы, поддерживая идеи, идущие «снизу»⁵¹. Хотя фонд Экономического отдела не содержит итоговой резолюции Молотова, которая могла быть дана и устно, очевидно, что никаких сведений и сношений с МВФ и МБРР в январе 1947 года уже предпринято не было.

Тем не менее даже в апреле 1947 года Сталин не снял окончательно вопроса об американском кредите с повестки дня. Во время встречи с госсекретарем США Д. Маршаллом 15 апреля 1947 года (за полтора месяца до выдвижения последним знаменитой «программы восстановления Европы», известной как «план Маршалла») в ходе обмена взаимными упреками Сталин опять поднял вопрос об американском кредите СССР. Он дважды возвращался к этой теме и увязывал ее с урегулированием оставшегося долга по ленд-лизу⁵². В ответ на замечание советского лидера о том, что обращение СССР к правительству США 1945 года с просьбой предоставить заем в 5–6 млрд долларов в течение двух лет осталось без ответа, присутствовавший на встрече американский посол Уолтер Бедел Смит не нашел ничего лучшего, как объяснить это небрежностью госдепартамента, якобы потерявшего советский запрос⁵³. Апрельская встреча стала, по сути, решающей перед

⁵¹ *Ерофеев В.* Дипломат. С. 141.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 374. Л. 154, 157.

⁵³ Примечательно, что точно такую же причину американцы назвали англичанам, когда отказались делиться с ними своими ядерными разработками со-

выдвижением американского «плана Маршалла», ориентированного на поддержку капиталистических стран Европы с особым акцентом на восстановление экономического потенциала Западной Германии.

Уже на второй сессии МВФ и МБРР 11–17 сентября 1947 года в Лондоне, куда СССР приглашен не был, вопрос о предоставлении кредитов по линии МБРР был увязан с вступлением в силу «плана Маршалла». При этом руководством Банка был сделан акцент на использовании его средств для восстановления Германии, хотя она не являлась членом МБРР. Это вызвало естественные протесты представителей Польши и Югославии как стран-членов, пострадавших от гитлеровской агрессии и рассчитывавших на преференции для участников антигитлеровской коалиции⁵⁴. Однако было очевидно, что их мнение не могло повлиять на генеральную линию нового руководства МВФ и МБРР.

На совместном заседании Комитетов ООН по Экономическим и социальным вопросам и по Социальным, гуманитарным и культурным вопросам 14 октября 1947 года проявилась новая линия СССР в отношении этих структур. Советский представитель А. А. Арутюнян подверг критике и выступил против утверждения соглашений о МВФ и МБРР. Главным было обвинение в нарушении Устава ООН в том, что эти финансово-экономические структуры выводятся из системы координации специализированных учреждений ООН. Советский делегат безуспешно пытался вернуть проекты на переработку, для повышения степени участия ООН в работе этих организаций⁵⁵.

В том же 1947 году определилось советское отношение к американскому проекту Международной конференции по торговле

гласно «мемориалу взаимодействия», подписанного Рузвельтом и Черчиллем в Гайд-Парке в сентябре 1944 года. Англичанам было заявлено, что документ «декаталогизирован». Несмотря на праведное негодование, заставить США признать факт соглашения оказалось невозможным.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 7. П. 49. Д. 96. Л. 36–37.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 7. П. 49. Д. 96. Л. 12–13.

и занятости, проект которой под разными названиями обсуждался с 1944 года⁵⁶.

Необходимо отметить, что еще в 1944 году в Наркомате внешней торговли (НКВТ) СССР была создана специальная Комиссия по подготовке вопросов о послевоенном международном экономическом сотрудничестве. В ее состав вошли представители различных отделов и управлений НКВТ СССР, привлеченные эксперты из Института внешней торговли и внешнеторговых объединений. Она состояла из трех подкомиссий: по вопросам торговых отношений, по вопросам товарных соглашений и картелей и по вопросам торгового судоходства и морского транспорта⁵⁷.

Тогда, видимо еще в рамках союзнических отношений и с учетом послевоенных интересов СССР, почти все заключения советских экспертов НКВТ предполагали необходимость активного участия СССР в выдвигавшихся США и Великобританией проектах Международной товарной корпорации или Международного торгового союза, несмотря на ряд оговорок. При этом советские эксперты отмечали: «Что касается наших интересов, то, не будучи непосредственно заинтересованы в учреждении Союза (или Комиссии), мы не должны

⁵⁶ Международная торговая организация (МТО) — аналог созданной лишь в 1995 году Всемирной торговой организации (ВТО). Она мыслилась как часть глобального мироустройства наряду с МВФ и МБРР в послевоенный период. Устав МТО был утвержден на конференции ООН по торговле и занятости в Гаване 21 ноября 1947 г. — 24 марта 1948 г. СССР в тот период уже не принял участия в работе Гаванской сессии. Одновременно с созданием МТО было подписано временное соглашение о торговле и тарифах — Генеральное соглашение о торговле и тарифах (ГАТТ). По иронии судьбы в процессе ратификации соглашения об МТО сенат США — страны, бывшей главным инициатором этих глобальных структур — в 1950 году отказался ратифицировать Гаванский устав. В результате планировавшаяся изначально как чисто временная дополнительная мера — ГАТТ — осталась без организационной структуры в лице МТО. Тем не менее именно ГАТТ оказалась наиболее эффективной и жизнеспособной формой согласования и соблюдения международных торговых норм, оформившись в постоянную институцию вплоть до полной трансформации в 1995 году в ВТО, отчего принято говорить об истории ГАТТ/ВТО.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4540. Л. 120.

уклониться от участия в таком Союзе (или Комиссии), если он будет учрежден. Но вместе с тем, в наших интересах могло бы явиться сужение функций Союза (или Комиссии) и, в особенности, ограничение ее компетенции исключительно функциями консультативно-исследовательского характера»⁵⁸.

В середине 1940-х годов СССР участвовал в крупных межгосударственных товарных соглашениях по сахару и пшенице, а также в соглашениях частноправового характера по отдельным товарам: пиломатериалам, спичкам, калию, содовым продуктам, хромпику⁵⁹. Как поясняли свою мысль советские эксперты, «создание единой мощной товарной корпорации по всем видам сырья может стать орудием, которое может быть направлено против СССР,.. при организации отдельных корпораций СССР сможет играть большую роль в тех товарных корпорациях, в которых он заинтересован»⁶⁰.

Наибольшие опасения советских экспертов вызвали проектировавшиеся экспертами Великобритании и США требования к заключению многосторонних соглашений между странами с частной внешней торговлей и странами с государственной монополией на внешнюю торговлю (СССР). Требования фиксации в договорах со странами с государственной торговлей обязательств закупать товары на установленную общую сумму воспринималось экспертами НКВТ как установление иностранного контроля над монополией внешней торговли СССР⁶¹. «Устранение каких-либо попыток сговора между отдельными странами против системы внешней торговли должно являться основной предпосылкой возможности участия СССР в международной экономической организации», — заключали эксперты Комиссии в 1944 году.

Все эти моменты были повторены в специальном Приложении к уже упоминавшемуся проекту майской Директивы

58 Там же. Л. 84.

59 Там же. Л. 90.

60 Там же. Л. 78.

61 Там же. Л. 131.

1946 года о переговорах с США в виде текста «Заявления Делегации о методах осуществления условий статьи VII Соглашения от 11 июня 1942 года, изложенных в предложениях США о расширении мировой торговли и занятости». Правительство СССР подтверждало готовность взять за основу обсуждения, опубликованные Госсекретарем США «Предложения о расширении торговли и занятости». Более того, СССР заявлял о согласии с общими принципами предложений, касающихся тарифов и преференций, количественных ограничений импорта и экспорта, субсидий, картелей и межгосударственных товарных соглашений. Свое участие СССР оговаривал лишь тремя условиями, связанными с особенностями советской экономической системы. Речь шла о неприемлемости каких-либо ограничений внутреннего производства и о неприменении понятия «субсидирование экспорта» вследствие особенностей ценообразования. Кроме того, СССР оговаривал себе право принятия решений только на основании соглашений, заключаемых с отдельными странами применительно к обязательствам стран с государственной монополией делать ежегодные закупки в других странах на согласованную с Международной торговой организацией минимальную сумму⁶².

В феврале 1946 года Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС) вынес по предложению США решение о созыве международной конференции по торговле и занятости. Был образован Подготовительный комитет в составе представителей девятнадцати стран для разработки проекта международной конвенции по этому вопросу. В их число вошел и СССР, который, однако, не принял реального участия в работе Комитета и в определении «кодекса правил добросовестного поведения в торговле», как окрестила американская пресса уставные документы Международной торговой организации (МТО) и Генеральной ассамблеи по торговле и тарифам (ГАТТ).

Опасения МВТ были повторены в анализе проекта Устава Международной организации по торговле и развитию, под-

⁶² РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 28. Л. 148.

готовленном главой экономического отдела МИДа Геращенко в сентябре 1947 года «Участие Советского Союза... — заключал он, — не может принести нам каких-либо выгод и в то же время может создать препятствия для развития торговли между СССР и другими странами»⁶³. МВТ поручалось проанализировать последствия неучастия СССР и аргументировать позицию Москвы в соответствующих публикациях.

Постепенное похолодание в отношениях с бывшими союзниками, нежелание связывать себя международными обязательствами наряду с небольшими прямыми экономическими выгодами для ослабленной в результате войны экономики СССР (его доля в мировом экспорте была невелика) предопределили неучастие страны в Гаванской конференции, принявшей устав МТО в ноябре 1947 — марте 1948 года.

Свидетельством драматического поворота от союзничества к конфронтации является печальная история с книгой профессора Академии внешней торговли Л. И. Фрея. Он был одним из ведущих экспертов НКВТ СССР, руководитель подкомиссии «Вопросы товарных соглашений и картелей» в Комиссии по подготовке вопросов о послевоенном международном экономическом сотрудничестве. В 1946 году он написал работу «Внешняя торговля СССР» в качестве пособия для студентов. В 1947 году это произведение получило разрешение Главлита на публикацию. Однако в мае 1948 года, когда внешнеторговое объединение «Международная книга» уже напечатала тираж, профессор и его пособие подверглись показательной критике, и книга была запрещена.

Как явствует из стенограммы совместного заседания кафедры Академии внешней торговли и Научно-исследовательского института НКВТ, каждый участник этого «суда совести» считал своим долгом выдвинуть то или иное обвинение в адрес профессора Фрея⁶⁴. Ему даже ставилось в вину то, что он вообще подозрительно много пишет. В журнале «Внешняя торговля» по итогам «дискуссии» вышла разгромная рецензия на его

63 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 25. Д. 312. Л. 6.

64 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5681. Л. 16–122.

книгу. Одним из главных аргументов в рецензии было то, что «следуя принципам большевистской партии», автор должен был показать, что «все пресловутые организации "международного сотрудничества" вроде Международного Валютного Фонда, Международного Банка для Реконструкции и другие в самом начале были задуманы в качестве орудия империалистической политики новоявленных американских претендентов на мировое господство. Подобного рода рассуждения способны только притупить бдительность читателя, дезориентировать его»⁶⁵.

В объяснительном письме на имя министра внешней торговли А. И. Микояна Фрей пытался доказать несправедливость предъявляемых ему упреков. Свою позицию он объяснял так: «что касается предложения критиков, что я должен был показать, что Фонд и Банк с самого начала были задуманы как орудие экспансионистского и антисоветского плана, то я полагаю, что так писать, в особенности, когда вопрос о нашем неучастии в этих организациях еще не был окончательно решен, я никак не мог»⁶⁶. Фрей честно признавал, что в 1946 году, когда писалась книга, СССР еще вел переговоры о кредитах с США, и размежевание на лагерь империалистический и демократический, противопоставление прогрессивной советской внешнеторговой политики и экспансионистской американской произошло позже. Очевидно, что профессор Фрей не был конъюнктурщиком и не сумел вовремя перестроиться под радикально изменившуюся международно-политическую обстановку в условиях набравшей обороты холодной войны.

История Л. Фрея созвучна печальной участи Института мирового хозяйства и мировой политики во главе с академиком Е. С. Варгой. Как полагает П. П. Черкасов, последней каплей в терпении Сталина стала большая докладная записка на его имя, датируемая началом 1947 года. В ней излагалась либеральная точка зрения на перспективы будущих отношений

65 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5681. Л. 2.

66 Там же.

с США и доказывалась абсурдность гонки вооружений. «Учитывая большую разницу в национальном доходе и в производительности труда в СССР и США, соревнование в вооружениях между обоими государствами будет означать для Советского Союза несравненно более тяжелое бремя, чем для Америки. Действительное влияние в мире, говорилось также в записке, будет зависеть не от того, какие у нас будут вооруженные силы и где они будут дислоцированы, а от развития производительных сил страны и уровня жизни населения»⁶⁷. Записка не понравилась Сталину, а с середины 1947 года началась развернутая кампания в печати против ИМХМП и лично академика Варги. Институт был закрыт⁶⁸.

Уже в конце 1947–1948 годов происходят изменения в языке советских аналитических справок, которые становятся гораздо суше и наводняются клише и штампами из официальной пропаганды. Никто уже не допускал и мысли о возможности каких-то компромиссов с западными странами вроде снижения торговых барьеров и отказа от субсидирования экспорта, как это допускалось на уровне экспертов в 1943 году.

Таким образом, как показывает анализ новых материалов российских архивов, СССР был готов принять участие во всех трех (МВФ, МБРР, МТО) из проектировавшихся и обсуждавшихся в 1942–1946 годах глобальных многосторонних экономических организациях. При этом совершенно очевидно, что наибольшую заинтересованность советская дипломатия проявляла в отношении некоего продолжения союзнического ленд-лиза. Обсуждение проектов Международной торговой организации занимало гораздо более скромное место, нежели дискуссия о Фонде и Банке.

СССР, который в отличие от союзников, нес на себе основную тяжесть борьбы с фашистской Германией в Европе, помимо военных вопросов, старался не упустить из виду основные тенденции в экономической дипломатии Вели-

⁶⁷ Цит. по: Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 57.

⁶⁸ Там же. С. 59–60.

кобритании и США. В то же время очевидно, что непосредственное ведение войны и масштабы послевоенных разрушений и потерь влияли на логику восприятия этих проектов. Они рассматривались советским руководством через призму послевоенной экономической реконструкции и через опыт экономического сотрудничества, который был приобретен в процессе оказания союзнической помощи по ленд-лизу. Это были самые актуальные задачи для СССР в тот момент и наиболее наглядный опыт, а потому трудно обвинять Москву в экономической и политической близорукости при отказе от участия в глобальных финансовых институтах в тот момент. К этому следует добавить кадровый голод: количество должного уровня экспертов-международников экономического профиля в разы уступало аналитикам западных стран, о чем, в частности, свидетельствуют документы экономического отдела НКВД.

В военные годы союзнический дух витал в советском экспертном сообществе, основная ставка делалась на «особые отношения» с США как будущим главным партнером в послевоенном мире. Однако начавшаяся холодная война и размежевание сначала на экономические («план Маршалла» и Совет экономической взаимопомощи), а затем и военно-политические лагеря с середины 1947 года положили конец любым дискуссиям в СССР о совместном и равноправном участии в многосторонних глобальных экономических структурах. В дальнейшем речь могла идти лишь о построении альтернатив или серьезном реформировании возникших в 1940-е годы структур.

Окончательной точкой в вопросе о валютно-финансовом сотрудничестве в многосторонних экономических организациях с западными странами можно считать установление в начале 1950 года нового курса рубля к американскому доллару (снижение с 5 рублей 30 копеек до 4 рублей) и одновременный переход на золотой стандарт (вместо существовавшей до того привязки курса рубля к американскому доллару). Это искусственное изменение курса, официально объясняв-

шееся возросшей покупательной силой рубля, несомненно, преследовало своей целью укрепить рубль в качестве главной расчетной единицы на финансовом пространстве стран СЭВ и устранение возможных инструментов финансового влияния на курс рубля со стороны стран Запада. Железный занавес в области финансов был опущен окончательно.

Созданный в 1949 году в рамках НАТО Координационный комитет по экспортному контролю и появившаяся в ответ со стороны СЭВ Комиссия по координации торговли с капиталистическими странами ознаменовали начало жесткого противостояния в рамках «экономической холодной войны». Вместо глобального многостороннего экономического сотрудничества началось глобальное многостороннее соперничество.

1.2. Региональное сотрудничество и первые проекты интеграционных объединений в годы войны

Глобальные институты, безусловно, задавали общий тон развитию жизни на европейском континенте, однако для понимания хитросплетений региональной и глобальной политики следует внимательно рассмотреть институциональное оформление «Европы» в послевоенный период.

Традиционно в литературе по вопросу отношения СССР к проблеме «объединенной Европы» делался акцент на идеологическом компоненте — на неприятии любых идей «Соединенных Штатов Европы», исходя из ленинского тезиса о том, что при капитализме они изначально либо невозможны, либо реакционны. Из этого обычно делается заключение о негативном подходе Москвы к любым интеграционным проектам в Европе, доказательством чему служат известные ноты и оценки советской дипломатией создававшихся в 1950-е годы западноевропейских интеграционных структур.

Однако постепенно происходит процесс переосмысления такой однозначной трактовки советского восприятия на матери-

але первой половины 1940-х годов⁶⁹. В научных исследованиях появился новый интерес к ранее казавшемуся малоинтересным военному периоду, когда разворачивались первые дискуссии о послевоенном устройстве Европы и поднималась тема возможных будущих общеевропейских структур.

Отправной точкой в планировании общих структур послевоенной Европы можно смело считать документ из личного архива В. М. Молотова — проект секретного Дополнительного протокола к Договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией (от 15 декабря 1941 года)⁷⁰. Дополнительный протокол так и не был подписан англичанами по причине заключенной ими ранее Атлантической хартии, запрещавшей какие-либо двусторонние территориальные сделки участников тройственного союза СССР, США и Великобритании. Вместе с тем текст протокола представляется крайне любопытным, особенно последние его пункты. Документ был инициирован советской стороной как расшифровка постановлений статей 1 и 2 базового англо-советского договора о сотрудничестве («организация дела мира и безопасности в Европе» и «меры по обеспечению неповторения агрессии»).

Безусловно, ключевыми для СССР были территориальные пункты, которые легли в основу всей советской дипломатии в процессе заключения мирных договоров в 1945–1946 годах. Вместе с тем в проекте протокола были явные уступки

⁶⁹ В 1990-е годы разрабатывалась преимущественно тема отношения СССР в 1940-е годы к Балканской федерации. В более широком плане вопрос поднят на международной конференции «Россия и ЕС: прошлое и настоящее. К 20-летию подписания Соглашения между СССР и Европейским Сообществом 1989 г.» в докладе Вилфрида Лота «The Soviet Union and the beginnings of European integration».

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1141. Л. 133–136. Документ опубликован по материалам АВП РФ в книге: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 49–51.

английской стороне, например, говорилось о военном союзе Британии с Бельгией и Голландией и о праве англичан держать военно-морские базы как в этих странах, так и на западном побережье Германии. Подчеркивалось, что «при решении всех возможных планов организации европейских государств и в первую очередь в Восточной части Европы будет учтена роль СССР как державы, ведущей великую освободительную войну в интересах всех европейских государств, подвергшихся агрессии и оккупированных ныне войсками гитлеровской Германии и являющегося крупнейшим фактором в деле обеспечения прочного мира в Европе и недопущения новых актов агрессии со стороны Германии [выделено мною. — М. Л.]»⁷¹.

Однако, помимо этих общих оговорок, с целью закрепления роли СССР в формировании послевоенной конструкции был включен специальный 18-й пункт, в котором предусматривалась возможность региональных интеграционных межгосударственных европейских объединений: «В части, касающейся возможных послевоенных государственных образований в Европе в виде федераций, союзов или блоков некоторых европейских государств на Севере Европы, в Восточной Европе или на Балканах и вопроса о целесообразности этих образований, Договаривающиеся Стороны условились обсудить эти вопросы дополнительно, при чем основными предпосылками для решения этих вопросов они условились считать следующие:

а) добрая воля и согласие непосредственно заинтересованных государств — возможных участников этих федераций и союзов — на такого рода государственные образования;

б) демократический характер устройства государств-участников этих образований;

в) отсутствие угрозы безопасности со стороны таких образований по отношению к обоим Договаривающимся Сторонам [выделено мною. — М. Л.]»⁷².

71 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1141. Л. 134.

72 Там же. Л. 136.

Квинтэссенцией положений о послевоенном устройстве Европы можно считать следующий, 19 пункт дополнительного протокола — «Признается необходимым создание Европейского Совета как международной организации, в распоряжении которой, в качестве орудия сохранения мира в Европе, должно находиться определенное количество войск»⁷³.

Крайне важны политико-экономические положения, касающиеся совместной реконструкции Европы, включенные в текст последнего варианта предложенного советской стороной министру иностранных дел Великобритании А. Идену 18 декабря 1941 года проекта самого «Соглашения между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией». В статье 3-го советского проекта говорилось: «Обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны, с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами: не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы.

Цели указанной реконструкции должны в особенности включать:

А) Обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран — будут ли они федерированы или существовать как отдельные государственные единицы [выделено мною. — М. Л.].

Б) Реконструкцию промышленной и экономической жизни стран, оккупированных Германией или ее соучастниками»⁷⁴.

Без сомнения, самым главным пунктом для Москвы в предложенных Идену в декабре 1941 года проектах Соглашения и Дополнительном протоколе к нему был вопрос о границах. Переговоры были прерваны и перенесены на 1942 год из-за

⁷³ Там же.

⁷⁴ Ржешевский. О. А. Указ. Соч. С. 71. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 88. Л. 49–50).

неготовности англичан в тот момент заключить двустороннее соглашение о послевоенных границах.

История окончательных переговоров Молотова с Черчиллем и Иденом в Лондоне и подписания текста Советско-английского договора в основном отражена в собрании документов и комментариях к ним, опубликованных О. А. Ржешевским в книге «Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии»⁷⁵. Вместе с тем для «внутренней кухни» советской дипломатии показателен один документ, не попавший в этот сборник. Он проясняет многие вопросы, связанные с существенно изменившейся редакцией советских предложений о послевоенном сотрудничестве в 1942 году.

Речь идет о развернутом письме-директиве В. М. Молотова послу СССР в Великобритании И. М. Майскому от 26 апреля 1942 года, вместе с которым глава советского НКВД пересылал британской стороне обновленные проекты договора о Союзе и военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии и ее союзников в Европе, проект Договора между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе с приложениями в виде нового проекта Дополнительного Протокола и советской ноты Идену о советско-польских послевоенных границах⁷⁶.

Молотов писал, что по мнению советского правительства, в Договоре о Союзе лучше избежать ссылки на Вашингтонскую декларацию государств 1942 года, так как он хотя и не находится в противоречии с этим документом, в то же время имеет другой характер — является «двусторонним обязательством на более широкой основе»⁷⁷.

В английском проекте советскому правительству не понравилось исчезновение упоминания Европы в первом пункте

75 Там же.

76 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4 доп. П. 30. Д. 333. Л. 68–72.

77 Там же. Л. 72.

об обязательствах сторон. «В статье 1 говорится об обязательствах Договаривающихся сторон "действовать по взаимному согласию в разрешении послевоенных вопросов, связанных с организацией мира и безопасности" без упоминания о том, что это обязательство касается лишь Европы, как это вытекает из преамбулы Договора, и как это было записано в согласованном уже с Иденом проекте Соглашения. Необходимо восстановить упоминание о Европе»⁷⁸, — писал Молотов.

О том, что Сталин с некоторым подозрением относился к ранним попыткам глобальной организации мира и гораздо более энергично стремился к организации безопасности европейского континента указывал в своих мемуарах В. И. Ерофеев. Объясняя нежелание Сталина посылать Молотова на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско в 1945 году, он отмечал, что советский руководитель был сторонником региональной системы безопасности в Европе, где у Москвы были большие возможности для влияния⁷⁹. Очевидно, этим же диктовалась настойчивость Молотова в четком указании региональной сферы действия советско-английского договора о безопасности.

Самое интересное, что в письме дается объяснение исчезновения в окончательном тексте Договора о послевоенном сотрудничестве пункта о региональных государственных объединениях в новой Европе: «Нам представляется нецелесообразным в настоящем Договоре развивать вопрос о региональных соглашениях и конфедерациях, так как это неизбежно повело бы к длительному обсуждению весьма сложного и затрагивающего интересы многих государств вопроса, а также к затяжке подписания данного Договора. Советское правительство поэтому предлагает исключить из текста Договора упоминание о региональных соглашениях и федерациях»⁸⁰.

78 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4 доп. П. 30. Д. 333. Л. 68.

79 Ерофеев В. Указ. Соч. С. 126.

80 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4 доп. П. 30. Д. 333. Л. 70.

Меньше чем через месяц Молотов, уже лично прибыв в Лондон, по-другому объяснил исчезновение этого пункта из проекта Соглашения. Он в довольно жесткой форме заявил Идену, что это продиктовано тем, что «делаются попытки направить некоторые федерации против СССР»⁸¹. В ответ на просьбу Идена оставить этот пункт в декабрьской редакции, Молотов предпочел исключить из договора вопрос о безоговорочной поддержке «всяких федераций», оставив его на усмотрение двух правительств в будущем.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 года объединенными усилиями советской и американской делегаций был дан отпор британским предложениям о создании наднациональных объединений в Восточной Европе⁸².

Накануне конференции британское правительство по дипломатическим каналам разослало советским и американским представителям декларацию о послевоенном устройстве Европы. В ней оно предлагало зафиксировать, что «все государства свободны объединяться с другими государствами с целью улучшения их общего благосостояния путем создания институтов на более широкой основе, чем та, на которой каждое из них в отдельности может содержать эти институты»⁸³. Предлагалось предусмотреть одобрение таких государственных объединений «всеобъемлющей международной организацией» (т. е. проектировавшейся ООН) и подтвердить интерес не только к собственному участию, но и к оказанию помощи «другим европейским государствам создавать любые объединения, имеющие целью поднять общее благосостояние и всеобщее процветание континента»⁸⁴. При этом подчерки-

⁸¹ Ржешевский О. А. Указ. Соч. С. 112.

⁸² Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 г. М., 2002. С. 307.

⁸³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. М., 1984. С. 65.

⁸⁴ Там же.

вался важный принцип отсутствия отдельных районов ответственности великих держав в Европе.

Таким образом, в закамуфлированной форме англичане пытались в самых общих словах закрепить поддержку своего видения объединенной Европы в виде набора «блоков» стран, в духе появившейся позже записки У. Черчилля о послевоенной безопасности.

На конференции эти вопросы обсуждались в ходе рассмотрения объединенных пунктов №12 («будущее Польши, Дунайских и Балканских стран, включая вопрос конфедераций») и №17 («Вопрос о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности»).

Начиная дебаты, Иден попытался изначально привязать позицию советской стороны к идеям своей декларации: «Во время переговоров, состоявшихся в Лондоне в конце августа между мною и советским представителем, мы обсудили вопрос о важности для наших правительств европейского единства, в котором заинтересованы наши государства. С этим взглядом согласно и мое правительство»⁸⁵. В ответ Молотов выступил со специальным заявлением по поводу федераций, вошедшим в качестве приложения к решениям конференции.

Преамбула формального ответа советской стороны гласила: «Советское правительство полагает, что малым странам потребуется некоторое, не поддающееся еще точному учету время... чтобы они могли в полной мере разобраться в новой, созданной в результате войны обстановке... Преждевременное и возможно искусственное прикрепление этих стран к теоретически запланированным группировкам было бы чревато опасностями как для самих малых стран, так и для будущего общего мирного развития Европы»⁸⁶. Истинные причины, касавшиеся вопроса о будущем Польши и по-

⁸⁵ Там же. С. 161.

⁸⁶ Там же. С. 179.

литики других проанглийских эмигрантских правительств в изгнании, впрочем, тоже прозвучали в заявлении советского министра иностранных дел.

Опасения потери германских репараций вместе с психологическим образом «санитарного кордона» вокруг СССР, характерного в первую очередь для советских руководителей сталинского поколения, вылились в полное неприятие Молотовым идеи федерированной Европы: «Было бы особенно несправедливо, чтобы страны, ставшие сателлитами гитлеровской Германии, были уже теперь, в качестве равноправных членов тех или иных федераций, поставлены в одинаково благоприятные условия с другими малыми государствами, подвергшимися нападению и оккупации, причем со стороны самих этих сателлитов... Кроме того, некоторые проекты федераций напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно»⁸⁷, — заявил советский министр иностранных дел своим коллегам по коалиции.

Государственный секретарь США Корделл Хэлл поддержал заявление Молотова, отметив, что оно находится в духе принципов американского правительства относительно прав малых держав, и подчеркнул, что правительство США «не поощряло никаких федераций»⁸⁸.

Вообще, как видно по записям заседаний и отдельных встреч Молотова с Хэллом в ходе конференции, для американцев в тот момент главным было добиться согласия СССР по принципиальным вопросам глобального сотрудничества в Бреттон-Вудской системе и ООН. Не случайно на конфиденциальной беседе перед началом заседания 23 октября 1943 года Хэлл торопил Молотова с ответом на приглашение принять участие в конференции по валютным проблемам, откровенно говоря о том, что «в настоящее время, в период во-

⁸⁷ Там же. С. 179–180.

⁸⁸ Там же. С. 180, 181.

йны, имеется гораздо больше возможностей для объединения на базе борьбы против общего врага»⁸⁹. Очевидно, поэтому Хэлл на заседаниях подчеркивал, что региональные европейские вопросы больше относятся к компетенции Великобритании и СССР. Он поддерживал более осторожные формулировки советской, нежели британской, стороны⁹⁰.

О том, как видела британская сторона «единство Европы» вместе с СССР и в чем состояли ее проекты создания послевоенных федеративных образований в Европе под гарантии Москвы и Лондона говорит текст «Записки о послевоенной безопасности», переданной У. Черчиллем И. В. Сталину 2 февраля 1944 года через британского посла А. К. Керра. Этот документ был частью материалов, переданных советскому руководителю с целью информирования его о ходе британских переговоров с турецким премьер-министром в Адене. На них англичане старались как можно быстрее склонить Турцию к переходу на сторону антигитлеровской коалиции.

Записка была подготовлена первоначально именно для турецкой стороны, поэтому в комментариях к ней Керр подчеркнул желание Черчилля правильно понять, что документ предназначался для турок. Посол даже предположил, что там могут быть некоторые вещи, которые вероятно не понравятся Сталину, но премьер-министр настоял на передаче этого документа, веря в то, что глава советского государства поймет «каковы были обстоятельства, и... что Черчиллю нужно было сказать некоторые вещи туркам»⁹¹. Вот наиболее важные положения этой британской «Записки»:

«4. ...Признано, что невозможно заставить побежденного платить за войну, как это пытались сделать в прошлый раз и, следовательно, задача восстановления разрушенной и голодающей Европы потребует от победителей периода, в течение которого они должны будут приложить не менее напряженные уси-

⁸⁹ Там же. С. 139.

⁹⁰ Там же. С. 176–177.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 42.

лия, чем во время войны. В частности, Россия, которая испытала такое ужасное опустошение, получит всю возможную помощь в своей работе по восстановлению экономической жизни своего народа. Представляется вероятным, что экономическая реконструкция и восстановление полностью поглотят энергию всех стран в течение многих лет, принимая во внимание их прошлый опыт и уроки, которые они получили.

5. Россия подписала с Великобританией договор на основе Атлантической хартии, обязывающей обе нации взаимно помогать друг другу. Срок этого договора 20 лет. Согласно этому договору и согласно Атлантической хартии, обе нации отказываются от всякой мысли о территориальных приобретениях. Русские, несомненно, истолковывают это в том смысле, что они имеют право претендовать при том условии, что они достигнут соглашения с Польшей, — на свои границы июня 1941 года, существовавшие до нападения на них Германии.

6. Руководители Объединенных Наций намерены создать мировую организацию для сохранения мира, основанную на понятиях свободы, справедливости и возрождения процветания. Как часть этой организации будет учрежден инструмент управления Европой, который воплотит дух, но который не будет подвержен слабостям бывшей Лиги Наций [подчеркнуто мною. — М. Л.].

Составными частями этого органа будут являться не только великие нации Европы и Малой Азии, как это давно принято считать, но и ряд конфедераций, образованных среди более мелких государств, среди которых представляются очевидными Скандинавский блок, Дунайский блок и Балканский блок [подчеркнуто мною. — М. Л.]. Подобный же инструмент будет создан на Дальнем Востоке с другим составом членов, а все вместе будет связано тем, что державы-победители намерены сохранить полное вооружение, в особенности в воздухе, полностью разоружить виновников.

Никто не может предсказать с уверенностью, что победители никогда не будут ссориться между собой или что Соединенные Штаты не отстранятся снова от Европы, но после переживаний,

и перспектив европейской интеграции в 1940-е годы

через которые прошли все, а также принимая во внимание их страдания и убеждение в том, что третья борьба разрушит все, что осталось от культуры, богатства и цивилизации человечества, и низведет нас до уровня почти диких зверей, — ведущие державы предпримут самые энергичные усилия, чтобы продлить существование своей почетной ассоциации и чтобы путем жертв и самовоздержания завоевать себе славное имя в аналах человеческой истории»⁹².

Как видно из приведенного выше британского видения послевоенного устройства мира и, самое главное, Европы, предполагалось учредить некий «инструмент управления Европой» в духе Лиги Наций: по сути, продолжение советских предложений декабря 1941 года по созданию Европейского совета, хотя и без употребления такого названия. Здесь, как и во многих других документах переговоров с советской стороной военного периода, присутствует идея создания даже не федераций (что допускалось в ходе переговоров советской стороной), а конфедераций, причем широкого географического спектра: Скандинавский «блок» (видимо, прообраз «Нордэка»), Дунайский и Балканский «блоки». При этом СССР реально виделся равноправным партнером «почетной ассоциации» и гарантом нового мироустройства вместе с Великобританией и США.

Проблема интеграционных структур в Европе (на межгосударственной основе) была вновь поднята англичанами в рамках подготовки конференции по вопросу об учреждении международной организации по поддержанию мира и безопасности в Думбарт-Оксе (пригороде Вашингтона) в августе–октябре 1944 года. Это видно из сопоставления представленных великими державами проектов Международной организации

⁹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 58–59. В ходе дальнейших бесед с Керром, когда стало понятно, что Стамбул не намерен разрывать свои отношения с фашистской Германией и британцы вынуждены были ввести эмбарго на поставки товаров Турции, Сталин высказал свой скептицизм в отношении перспектив обращения турок в борцов с германским фашизмом. Однако никаких комментариев по поводу основных положений Записки Черчилля о послевоенном устройстве мира с его стороны не последовало.

по безопасности (будущего Совета Безопасности ООН). В разделах, касавшихся возможных региональных организаций, дальше всех пошли англичане. В духе «Записки» У. Черчилля британская сторона заявляла: «Точно так, как существуют специальные функциональные организации, так могут существовать и региональные объединения для различных целей там, где может быть достигнуто очевидное преимущество путем ограничения сферы деятельности, — говорилось в британском меморандуме о характере проектируемой организации. — В частности, должна существовать какая-то региональная организация для Континентальной Европы, хотя бы только для того, чтобы предупредить повторение обстоятельств, которые привели к тому, что две мировых войны возникли в этом районе. Положение Европы в конце этой войны потребует особой заботы и помощи со стороны Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и СССР и должны быть найдены средства для того, чтобы предотвратить положение, при котором она могла бы стать центром третьей мировой трагедии. Возможно, что из какой-либо "Европейской Комиссии Объединенных наций", такой, как была предложена в меморандуме господина Идена от 1 июля 1943 года, может возникнуть европейская организация, которая под руководством трех главных союзников могла бы поощрять мирные тенденции, залечить раны Европы и в то же время помешать Германии опять установить гегемонию над континентом. Такие региональные объединения могли бы также возникнуть для экономического сотрудничества, для содействия росту благосостояния колониальных территорий и т. д.»⁹³.

Американский проект будущей ООН предусматривал возможность создания функциональных специализированных организаций и агентств, которые бы действовали в соответствии с четким регламентом отношений с обсуждавшейся в Думбарт-Оксе глобальной международной организацией. Так, они допускали, что Экономический и социальный совет Объединенных наций создаст экономическую, социальную

⁹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 13. Д. 131. Л. 44.

и другие комиссии для детального изучения круга проблем, входящих в его компетенцию. Но дальше этого, в направлении какой-то региональной интеграции, их предложения не получали развития⁹⁴.

Советский проект был наиболее консервативен в этом вопросе. Главная его мысль заключалась в том, что вопрос о региональных организациях подлежит дальнейшему изучению. Он гипотетически допускал «создание отдельной международной организации», не связанной с Международной организацией безопасности, или нескольких организаций в различных областях сотрудничества, таких как экономическая, социальная и т. д. Но главной мыслью было не расплывать функции обсуждаемой глобальной организации, чей круг компетенции касался вопросов мира и безопасности⁹⁵.

Об этом прямо говорилось в Директивах к переговорам о создании Международной организации безопасности, утвержденных Советом народных комиссаров СССР 9 августа 1944 года. В них советским представителям ставилась задача в порядке зондажа прояснить позицию союзников в вопросе о региональных организациях. «При этом необходимо иметь в виду наше отрицательное отношение к предложениям о создании региональных организаций с широкими правами в системе Международной организации безопасности. Советские представители должны возражать против предложений о создании такого рода региональных организаций»⁹⁶, — говорилось в директивах.

Для позиции И. В. Сталина являются показательными его развернутые высказывания в беседе с Черчиллем и Иденом 17 октября 1944 года. Премьер-министр Великобритании в ходе беседы вновь поднял вопрос об объединении Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Как указывалось в записи беседы, «Черчилль заявляет, что зло в Европе заключалось в том, что существовало 10–15 различных валют, несколько дюжин тамо-

⁹⁴ Там же. Л. 36–37.

⁹⁵ Там же. Л. 3.

⁹⁶ Там же. Л. 11.

жен. Все это мешало торговле. Он, Черчилль, хочет видеть Европу процветающей, и поэтому представляется целесообразным найти некоторую форму экономического объединения государств Европы в форме, например, таможенного союза [выделено мною. — М. Л.]»⁹⁷.

«Тов. Сталин заявляет, что в первые три-четыре года после войны в Венгрии, Чехословакии и Польше будут преобладать настроения национализма. Первым желанием этих народов будет желание устроить по-своему свою национальную жизнь. Эти народы будут противиться ущемлению их прав путем объединения их с другими странами. Поэтому едва ли народы европейских стран согласятся на создание таможенных союзов. До какой степени режим Гитлера развил национальные чувства показывает пример Югославии, где не только хорваты, но и черногорцы, словены и сербы и мелкие национальности — все хотят иметь свою автономию. В первые годы после войны над другими желаниями народов будет превалировать желание пожить полной национальной жизнью без помех. После прошлой мировой войны были созданы некоторые несостоятельные государства, и они потерпели банкротство, так как их создание было мало обосновано. Но теперь было бы опасно кинуться в другую крайность и заставлять малые народы объединяться друг с другом. Трудно представить себе, чтобы чехи и венгры, даже чехи и поляки, нашли общий язык. Поэтому он, тов. Сталин, считает, что сейчас невозможно думать об объединениях, хотя в будущем они не исключены [выделено мною. — М. Л.]»⁹⁸.

Если применительно к Польско-Чехословацкой федерации, переговоры о которой велись эмигрантскими правительствами в Лондоне, позиция СССР была однозначно негативной, то применительно к балканскому региону Советский Союз сам предпринял в 1944 году попытку поощрить создание федерации южных славян. Как показывает детальный

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 283. Л. 84.

⁹⁸ Ржешевский О. А. Указ. Соч. С. 480.

анализ этой проблемы, проведенный известным специалистом по истории Южной Европы Л. Я. Гибианским, Москва была отнюдь не против создания коммунистических интеграционных объединений на основе союза Югославии и Болгарии, особенно в обстановке вступления советских войск на Балканы осенью 1944 года. Различные планы объединения Югославии и Болгарии, Югославии и Албании разрабатывались руководителями партизанских движений этих стран, особенно активно — И. Б. Тито⁹⁹.

Однако решающим фактором стали не только этнотерриториальные споры, а позиция Великобритании. Она, как союзная держава, заявила протест вступлению оккупированной страны, воевавшей на стороне Германии Болгарии, и полноценного члена Объединенных наций Югославии в единую федерацию. Болгария на тот момент еще не подписала мирного договора со странами-победительницами. На самом деле британское «вето», как отмечает Л. Я. Гибианский, было продиктовано опасениями резкого усиления позиций Москвы в этом регионе и угрозой территориальной целостности Греции, которую англичане считали своей сферой интересов. В начале 1945 года СССР был вынужден считаться с мнением союзника. Планы южнославянской федерации были отложены и в дальнейшем уже никогда не были осуществлены¹⁰⁰.

Отказ СССР от идеи «федерирования» отдельных частей Европы, пусть и временный, не означал отказа от сотрудничества в создании общих послевоенных структур Европы и совместного восстановления послевоенных экономик, как планировалось в Атлантической хартии и Советско-английском договоре 1942 года.

Не следует забывать, что под маской «реконструкции Европы» и начались политико-экономические мероприятия по под-

⁹⁹ Гибианский Л. Я. Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории, 2001 №11. С. 48.

¹⁰⁰ Там же. С. 49.

готовке первых интеграционных западноевропейских структур. Избегая вначале пугающего и малопонятого термина «интеграция» западные политики в 1940-х и даже начале 1950-х предпочитали использовать в своем политическом лексиконе эвфемизмы вроде «реконструкция» Европы, «объединение» Европы. Позже стали говорить о «европейской конструкции». В этой связи любопытно проследить развитие союзнических институтов от ЮНРРА к уже менее союзнической Европейской экономической комиссии ООН и совсем чуждой Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС).

1.3. ЮНРРА

У СССР был опыт участия совместно с союзниками в оказании экономической помощи странам, пострадавшим в ходе Второй мировой войны в рамках многосторонней Администрации помощи и восстановления Объединенных наций (ЮНРРА) в период ее существования в 1943–1948 годах. В организацию первоначально входили СССР, США, Великобритания и Китай (позже вошли Австралия, Бразилия, Канада, Франция и Югославия). Кроме Совета и Центрального комитета, осуществлявших руководство деятельности этой организации, существовало два региональных комитета: по делам Европы и Дальнего Востока, а также отраслевые комитеты (снабжения, финансового контроля, промышленного восстановления, сельскохозяйственного восстановления и т. д.). Основными странами-донорами, формировавшими 93% основного фонда ЮНРРА, были США, Великобритания и Канада. Большинство других стран, в основном получавших помощь, в 1943 году были в состоянии вносить вклад лишь в административный фонд, покрывавший расходы на центральный аппарат и региональные миссии. Страны-участники вносили свой взнос в общий фонд помощи в размере 1–2% от ВВП (в соответствии с менявшимися условиями членства). Всего, по данным В. В. Соколова, СССР внес до 1 июля 1947 года в администра-

тивный бюджет ЮНРРА 3500 тыс. долларов¹⁰¹. Они опровергают некоторые утверждения о том, что СССР был освобожден от уплаты административных взносов¹⁰². По данным материалов РГАЭ РФ, в 1945 году административный взнос СССР за 1944 и частично 1943 годы составил 800 тыс. долларов США¹⁰³.

Генеральная контора ЮНРРА находилась в Лондоне. Советские представители занимали пост заместителя Генерального директора ЮНРРА американца Фиорелло Ла Гардия (всего было 4 заместителя) и были представлены в головных структурах организации: в Комитете по перемещенным лицам, Комитете по общественному признанию, Комитете снабжения, Комитете по финансовому контролю и Европейском региональном комитете. На местах советские представители занимали посты заместителя начальника миссии в Албании; начальника миссии в Чехословакии; начальника миссии в Греции; заместителя начальника миссии в Югославии; заместителя начальника миссии в Польше по вопросам транспорта; помощника начальника отдела промышленного восстановления Балканской миссии; заместителя начальника миссии в Каире по потребностям, координированию и снабжению и др.¹⁰⁴

Конечно, руководящие должности в центральном аппарате ЮНРРА были в руках американцев и англичан. Недовольство этим фактом со стороны других союзных правительств отмечалось даже в беседах британских представителей с генеральным директором ЮНРРА¹⁰⁵. На возникавшие в связи с этим разногласия в работе с советским представителем жаловался руководитель комитета по делам Европы Лейт-Росс. «К сожалению, — писал в августе 1944 года Фредерик Вильям Лейт-Росс генеральному директору ЮНРРА, — я должен сказать, что

¹⁰¹ Соколов В. В. ЮНРРА и Советский Союз. 1943–1948 годы (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. М., 2011. №6. С. 26.

¹⁰² Снапковский В. На весах справедливости. Деятельность ЮНРРА в Беларуси. 1945–1947 гг. // Неман. Минск, 1993. №6. С. 159.

¹⁰³ РГАЭ РФ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 6252. Л. 70.

¹⁰⁴ Там же. Л. 69, 71, 72.

¹⁰⁵ Там же. Л. 62.

я встречаю значительные трудности в получении полного сотрудничества со стороны своего советского коллеги. В течение первой половины года не было никаких затруднений, но за последние недели он проводит такую линию, согласно которой вопросы политики не должны решаться мною как Заместителем Генерального Директора Администрации, а должны обсуждаться на общем административном Совете»¹⁰⁶.

Несомненно, что работа именно европейского комитета стала ареной политической борьбы. В итоге, как отмечал бывший ответственный за британское участие в ЮНРРА, позже помощник секретаря Форин Офис Холл Пэтч в беседе с главой ЮНРРА Ла Гардией, «иногда министерство иностранных дел слышало о неудовлетворении Союзных Правительств составом миссий Администрации, в особенности в отношении Европейской региональной конторы. Точка зрения такова, что никакого действительного полномочия не было дано Европейскому региональному комитету и что ничего большего не существует кроме проекта на бумаге. Лондонские комитеты не работали, и всякое существенное дело, представляемое им, всегда передавалось в Вашингтон»¹⁰⁷. Причем недовольные были не только в среде советских представителей, но и среди стран, старавшихся заручиться советской поддержкой в ЮНРРА, например Франции. Со слов советского представителя, французская делегация в конце 1943 — начале 1944 года опасалась установления американского контроля над экономикой послевоенной Франции. «Красной нитью всех закулисных переговоров французов было: не давать УНРРА слишком много власти в контролировании грузов, ввозимых во Францию, что Франция могла бы иметь связь со странами — поставщиками не через УНРРА, а непосредственно, ставя, однако последнюю просто в известность о свершившемся факте»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Там же. Л. 60.

¹⁰⁷ Там же. Л. 62.

¹⁰⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4279. Л. 11.

Несмотря на политический застой в Европейском комитете, по линии ЮНРРА поступала реальная помощь. В апреле 1945 года руководство ЮНРРА выдвинуло предложение о создании специального фонда в 20 млн долларов на удовлетворение неотложных экстренных нужд в опустошенных районах СССР. С конца 1945 года Белорусская и Украинская ССР как полноправные члены ООН также стали получать помощь по линии ЮНРРА. Белоруссии, чей ущерб от войны по оценкам англо-американских экспертов оценивался в 15 млрд долларов, после вступления в ЮНРРА, была оказана помощь в размере 61 млн долларов, Украине — 189 млн долларов¹⁰⁹. Для сравнения, советские республики запрашивали в совокупности помощь в размере 700 млн долларов, а по объему выделенной в итоге помощи были на последнем месте среди европейских стран (не считая Албанию)¹¹⁰.

Реально, по белорусским оценкам, республика успела получить продуктов на 29,5 млн долларов, лекарств — на 10 млн долларов, одежды — на 7 млн долларов¹¹¹. Наиболее существенной в критический период первых послевоенных лет была помощь продовольствием, составлявшей до половины всех поставок. Хотя поставки продовольствия и были завершены к концу 1946 года, благодаря экономии, республике удалось несколько сгладить за счет этих запасов продовольственную ситуацию в неурожайном 1947 году¹¹². Оценки эффекта от полученной СССР помощи в литературе найти проблематично, так как такого рода информация специально замалчивалась и по мере охлаждения отношений с главным донором ЮНРРА — США — помещалась под гриф «секретно».

В единственном архивном исследовании В. В. Соколова на эту тему отмечается, что советские сотрудники в лондонском

109 *Снапковский В.* Указ. Соч. С. 164; Документальный фильм «Обратный отсчет — ЮНРРА. Неизвестная миссия». Реж. М. Речкалова. Беларусь, 2010.

110 *Снапковский В.* Указ. Соч. С. 164.

111 Там же.

112 Там же. С. 161.

аппарате ЮНРРА использовали большую заинтересованность Великобритании в торговле с СССР (в частности, в лесоматериалах для программы жилищного строительства). Это позволило заказать из средств ЮНРРА британское промышленное оборудование взамен недопоставленных товаров из других стран¹¹³. По приводимым им данным МВТ, на 1 августа 1947 года Белоруссия получила от ЮНРРА общую помощь на сумму 1 475 699 тыс. руб., а Украина — 3 641 667 тыс. рублей¹¹⁴.

Немаловажен тот факт, что международные миссии ЮНРРА в Москве, Минске, Киеве реально работали в 1946–1947 годах, распределяли поставки и собирали информацию о нуждах пострадавших районов. То был пусть и не идеальный (миссии работали естественно под зорким надзором ответственных органов), но реальный опыт сотрудничества с Западом в духе союзнических отношений.

Однако, чем дальше от окончания войны, тем больше возрастал соблазн использования помощи для оказания политического влияния на те или иные страны. Советская сторона жаловалась на дискриминацию в оказании помощи странам Восточной Европы и СССР, особенно на фоне того факта, что большинство руководящих постов в ЮНРРА занимали англичане и американцы.

Как указывалось в справке по итогам участия советской делегации в пятой сессии ЮНРРА в августе 1946 года в Женеве, еще до начала заседания основные страны-доноры (США, Великобритания и Канада) на серии совещаний в Госдепартаменте США выработали единую позицию о прекращении деятельности ЮНРРА к концу 1946 года. Они выступили за передачу ее функций различным организациям при ООН, в том числе Международному банку по реконструкции и развитию¹¹⁵. По сути этот подход был озвучен в итоговом выступлении Ла Гардии, заявившем, что «деятельность ЮНРРА, рассчитанную на спец-

113 Соколов В. В. Указ. Соч. С. 32.

114 Там же.

115 РГАЭ РФ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4872. Л. 2.

ифический период, можно считать законченной и проблемы оказания помощи должны решаться в настоящее время на иной основе и иными способами, чем это делала ЮНРРА». Он выдвинул предложение повысить статус Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), превратив ее из статистического органа в корпорацию по выявлению, закупке и экспорту товарных излишков в нуждающиеся страны вместо ЮНРРА. Решение проблемы промышленного и сельскохозяйственного восстановления экономик пострадавших стран Ла Гардия предложил переложить на МБРР и МВФ¹¹⁶.

Во многом продолжая эти идеи, с программным докладом выступил глава американской делегации, заместитель госсекретаря США Вильям Л. Клейтон. Он констатировал окончание особого переходного периода от войны к миру, в течение которого была необходима ЮНРРА, и заявил о том, что дальнейшая помощь странам, нуждающимся в иностранной валюте, чтобы заплатить за импорт путем кредита или займа, будет оказываться Международным Банком или МВФ. Таким образом, отныне каждая страна должна была самостоятельно договариваться со страной-поставщиком. Для возобновления международных торговых связей Клейтон призвал отказаться от протекционизма и максимально открыть свои границы, что отвечало американской концепции Международной торговой организации и ГАТТ¹¹⁷.

В развернувшейся дискуссии тут же четко обозначились позиции стран, получавших помощь по линии ЮНКТАД, настаивавших на продолжении деятельности организации, и стран-доноров, не желавших давать средства на 1947 год.

Советская делегация, а также делегации УССР и БССР солидаризировались со странами-получателями помощи. Представитель СССР на Политическом комитете заявил: «если всеми выступавшими делегациями признается, что ряд стран будет нуждаться в помощи в 1947 году и если считается, что помощь должна оказываться через Международную организацию или

¹¹⁶ Там же. Л. 3–4.

¹¹⁷ Там же. Л. 5–7.

организации, то при наличии ресурсов нам кажется целесообразным сохранить ЮНРРА, которая за свою деятельность получила высокую оценку, располагает достаточным опытом и организованным аппаратом. Всякая другая организация, в том числе ФАО, для этой цели не подходит, так как никогда не занималась вопросами снабжения»¹¹⁸. В то же время советская делегация всячески уклонялась от просьб сторонников сохранения ЮНРРА внести собственный административный взнос за 1947 год ввиду неопределенности дальнейшей судьбы этой организации. В принятой резолюции отмечалось, что никаких новых фондов ЮНРРА создаваться не будет и ее функции возьмут на себя постоянные агентства ООН: Экономический и социальный комитет, ФАО, МБРР и МВФ.

Тем не менее уже 26 августа 1946 года Ла Гардия после поездки по СССР встретился с И. В. Сталиным и стал всячески отстаивать идею сохранения ЮНРРА. Проинформировав о решении в Женеве прекратить ее деятельность 31 декабря 1946 года, он высказал точку зрения Совета фонда, который готовил доклад для ООН с целью убедить в необходимости продолжения деятельности по оказанию помощи в той или иной форме. Ла Гардия убеждал Сталина, что в помощи продолжали нуждаться Греция, Польша, Югославия, Албания, Австрия, Италия и, возможно, Чехословакия и Китай. Он также намекнул на вероятную необходимость оказания помощи Украине и Белоруссии. Он предложил СССР принять участие в формировании основного фонда и поддержать работу ЮНРРА¹¹⁹.

Ответ советского лидера гласил: «если США и Англия найдут возможным и впредь вносить деньги в фонд, то Россия не откажется участвовать, начиная с будущего года, такова официальная позиция СССР»¹²⁰. При этом И. В. Сталин обратил внимание на болезную тему — «практическое препятствие», в виде избирательной помощи перемещенным лицам, среди которых, по

¹¹⁸ Там же. Л. 8.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 138.

¹²⁰ Там же.

его данным, числились советские предатели и изменники. Ла Гардия заверил Сталина, что в 1947 году этот камень преткновения исчезнет вовсе, поскольку такие вопросы будут переданы в ведение специализированной организации ООН, так называемой ИРО. В конце беседы Сталин окончательно поддержал идею сохранения ЮНРРА и поблагодарил Ла Гардию за помощь советским республикам, наиболее пострадавшим от военных действий¹²¹.

О том, что слова Сталина не были блефом, говорит его переписка с советским министром иностранных дел в ноябре 1947 года. Молотов каждодневно докладывал Сталину из Нью-Йорка о повестке заседаний ООН и согласовывал линию СССР. Он телеграфировал «Дружкову», как подписывался Сталин в переписке с ним из Сочи, что Ла Гардия выступил с предложением создать чрезвычайный фонд Объединенных Наций для оказания помощи в 1947 году в сумме 400 млн долларов деньгами или товарами. Согласно его предложению, в создании такого фонда должны были принять участие все страны-члены ООН. Шкалу взносов для каждого государства должна была установить Генеральная Ассамблея¹²².

США выступили против продолжения помощи через какую-либо новую международную организацию. «Правительство США хочет оказывать помощь только от своего имени и, как выяснилось, только тем европейским странам, режим в которых оно одобряет (Греция, Италия, Австрия), — телеграфировал Молотов. — Поэтому представитель США на Ассамблее возражал против предложения Ла Гардия о создании международного фонда. Предложений о продолжении оказания помощи через ЮНРРА никто не вносит, и вопрос о прекращении деятельности ЮНРРА можно считать предрешенным. Мы выступили с заявлением, что было бы желательно продолжение в 1947 году деятельности ЮНРРА с ограничением ее функций поставками продовольствия и других самых необходимых

121 Там же. Л. 141–142.

122 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 72. Л. 207.

предметов. Однако одновременно заявили, что советская делегация готова изучить предложение, внесенное Ла Гардия. Мы не дали согласия на принятие предложения Ла Гардии потому, что не совсем ясно, что будет собой представлять этот "фонд" и принесет ли наше участие в нем какую-либо пользу Советскому Союзу», — писал Молотов в шифровке «Дружкову»¹²³. Он также информировал главу СССР о том, что Ла Гардия оказывает на него нажим с целью озвучить готовность СССР внести свой пай в новый фонд, дабы это повлияло на позицию США.

В ответ «Дружков» послал шифротелеграмму следующего содержания: «Вопрос об ЮНРРА, то есть о продовольственной помощи нуждающимся странам на международной базе — приобретает деликатный характер. Если помнишь, ранним летом этого года Трумэн запросил меня — сможет ли СССР немедленно выделить двести тысяч тонн зерна в фонд ЮНРРА для помощи нуждающимся, на что я ответил, что виды на урожай в 1946 году еще не ясны, ввиду чего я лишен возможности дать определенный ответ. Не сомневаюсь, что американцы используют этот ответ для того, чтобы взвалить одиум ликвидации ЮНРРА на СССР и тем направить на нас местные круги общественного мнения. Имея в виду это обстоятельство, я на вопрос Ла-Гардия в августе этого года о нашей позиции ответил, что СССР не против продления деятельности ЮНРРА, что СССР готов внести свой, правда небольшой, пай в международный фонд помощи, если США и Англия будут продолжать свое участие в этом фонде. Я ему сказал, что СССР не может в этом деле взять на себя инициативу, хотя бы потому, что он не может внести большого вклада в это дело, что инициатива должна исходить от США и Англии, которые не испытали оккупации, не пережили тех потрясений и опустошений, которые пережил СССР, ввиду чего они имеют возможность вносить более серьезные вклады в общий фонд, при этом я добавил, что если США и Англия

¹²³ Там же.

пойдут на продление деятельности ЮНРРА, то СССР присоединится к ним»¹²⁴.

Сталин отказался самостоятельно выступать с декларацией о позиции СССР, порекомендовав Молотову на более низком уровне озвучить советскую позицию на заседании одного из комитетов Ассамблеи¹²⁵. 28 ноября 1946 года Молотов сделал заявление Ла Гардии о том, что Советский Союз внесет свой, небольшой, пай в предлагаемый фонд, если новая организация будет основана на тех же принципах, что и ЮНРРА¹²⁶. Однако судьба инициатив Ла Гардии была предрешена — США готовили политизированный «план Маршалла», альтруистическая организация помощи, подконтрольная системе ООН в виде ЮНРРА или ее продолжателя им была не нужна.

В итоге построенный на многосторонней основе орган при такой универсальной организации, как ООН с участием стран разной социально-экономической ориентации оказался несовместим с целями, которые преследовали представители двух конкурирующих лагерей. Великобритания и США стали инициаторами роспуска этой организации в начале 1947 года. Взамен США выдвинули в середине 1947 года новый план помощи, известный как «план Маршалла». Одной из его главных особенностей был вывод такой «помощи» из-под контроля ООН.

1.4. Первые общеевропейские организации и СССР

Еще до выдвижения «плана Маршалла» в 1947 году и создания для его реализации Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) в 1948 году, предпринимались попытки сформировать общие для всей Европы экономические структуры. В последние годы войны Лондон активно продвигал

¹²⁴ Там же. Л. 215.

¹²⁵ Там же. Л. 216.

¹²⁶ Там же. Л. 261.

идею создания экономических организаций — «скреп» будущей архитектуры послевоенной Европы согласно британскому видению этой будущности.

В декабре 1944 — феврале 1945 года англичане через своего посла в Москве А. К. Керра и путем личных посланий Д. Бальфура и Д. Уотсона приглашали СССР к участию в англо-американо-советских переговорах о создании Европейского экономического комитета и Европейского угольного комитета¹²⁷. Примечательно, что в самых первых британских предложениях эти организации подавались как эволюция ЮНРПА, к опыту которого они апеллировали¹²⁸.

«Дорогой господин Вышинский, — писал в первом письме по этому вопросу британский посол в Москве А. К. Керр 19 октября 1944 года, — я получил указания информировать Советское Правительство о том, что мое Правительство рассматривало вопрос, не требуется ли в дополнение к средствам координации, предоставленным Администрацией помощи и восстановления Объединенных Наций, дополнительный механизм для разрешения экономических проблем в Европе в течение периода, когда прекратятся недостатки в снабжении и судоходстве»¹²⁹.

Для этого предлагалось учредить в Лондоне Европейский экономический комитет (ЕЭК), функции которого сводились бы к следующему: а) обеспечение наиболее эффективного взаимобмена товарами и услугами между странами Европы; б) определение назначения товаров, которые удалось бы получить из нейтральных и вражеских стран (оговаривалось, что должен быть установлен приоритет для претензий к вражеским странам на товары, необходимые для оккупационных сил и для дальнейшего ведения войны против Японии)¹³⁰.

127 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 23. Д. 253. Л. 1–2.

128 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 7. Д. 70. Л. 1.

129 Во втором письме на эту тему от 8 ноября 1944 года Керр извинялся за неправильную формулировку фразы — имелись в виду «проблемы, которые встанут в течение периода, когда еще будут продолжаться нехватки в снабжении и перевозке». — АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 7. Д. 70. Л. 5.

130 Там же.

Достижение этих главных целей предполагало принятие общих решений по более широкому кругу вопросов: источникам сырья, сельскому хозяйству, возможностям максимально эффективного использования рабочей силы и т. д.¹³¹ ЕЭК мыслился англичанами как головная организация, которая возглавляла бы работу таких специализированных общеевропейских агентств, как Европейская угольная организация (ЕУО) и Европейская центральная организация по внутреннему транспорту (ЕСИТО).

Вырабатывая свою позицию в данном вопросе, НКВД СССР подготовил три аналитические записки.

Первая, «Об английском предложении относительно Европейского Экономического Комитета», была направлена на имя наркома иностранных дел В. М. Молотова 8 декабря 1944 года за коллективной подписью пяти заведующих и заместителей отделов НКВД (В. С. Геращенко, К. В. Новикова, С. К. Царапкина, А. А. Арутюняна, Г. П. Аркадьева). В разделе «выводы и предложения» сразу же говорилось о том, что британское предложение не отвечает интересам СССР. Приводились три аргумента:

«а) Оно представляет собой попытку англичан закрепить свою руководящую роль в разрешении послевоенных экономических проблем в Европе, в крайнем случае, договорившись с Соединенными Штатами;

б) Можно полагать, что создание Европейского Экономического Комитета имеет также в виду ограничить роль Советского Союза в разрешении репарационных проблем и соответственно уменьшить репарационные поступления Советскому Союзу;

в) Рассматриваемое предложение предполагает связать возможное в будущем экономическое проникновение СССР в страны Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы»¹³².

Тем не менее авторы записки предлагали принять участие в переговорах в Лондоне. Аргументами «за» были: без СССР Великобритания и США самостоятельно договорятся о своей роли

¹³¹ Там же.

¹³² АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 7. Д. 70. Л. 14.

в разрешении европейских экономических проблем, отказ нарушил бы обязательства о сотрудничестве с союзниками в послевоенных вопросах. Самое главное — «участвуя в переговорах, СССР мог бы, используя англо-американские противоречия в области регулирования послевоенных экономических проблем, оградить свои интересы — оттягивать переговоры, а при создании Комитета сделать его приемлемым для СССР (придать ему консультативный характер, перевести место пребывания на континент и т.д.)»¹³³. При этом авторы записки ссылались на аналогичную точку зрения, которой придерживался Наркомат внешней торговли СССР в лице А. И. Микояна¹³⁴.

Вторая аналитическая записка «О международной угольной организации» была составлена тем же коллективом авторов (за исключением Аркадьева) 17 января 1945 года. По сравнению с первой, она была более детально подготовлена (с приложением справки об угольной промышленности Европы) и говорила о намного большем интересе Москвы к вопросу о распределении угля.

«Учитывая, что германский уголь в преобладающей степени, около 80% всех запасов каменного угля в стране — сосредоточен в Западных районах (Рур, Саар, Аахен), которые будут оккупированы не нашими вооруженными силами, что означает, что англичане и американцы будут пытаться в значительной мере по своему усмотрению решать вопросы о германском каменном угле, мы полагаем бы, что в случае создания Европейской угольной организации наше участие в ней было бы желательным с целью защиты интересов СССР, в особенности по линии получения угля в счет репарационных поставок». Поэтому авторы записки предлагали дать согласие на переговоры, чтобы уже в их процессе определить, нужно ли создавать предлагаемые европейские экономические структуры¹³⁵.

¹³³ Там же. Л. 15.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. Л. 20–21.

Следует отметить, что такой же осторожной точки зрения придерживалось в тот момент и руководство США. Позиция советских экспертов была в тот момент настолько близка к американской, что они предлагали поддержать американское предложение о переносе переговоров с января на февраль, что соответствовало общей советской установке на затягивание этого процесса.

В записке подчеркивалась задача включить в переговоры по ЕУО, помимо СССР, США, Великобритании и Франции, также и Польшу в лице Временного правительства Польши (Люблинского комитета). Речь шла о «представителях тех европейских правительств, которые реально осуществляют власть в освобожденных районах и на территории которых имеется значительная угольная промышленность»¹³⁶.

Третий, объединяющий, анализ советских экспертов «О европейских экономических организациях» был подготовлен 20 января уже силами только Экономического отдела НКВД (Герашенко и Арутюняном). В нем в основном повторялись общие положения предыдущих записок¹³⁷.

Таким образом, на основе трех представленных документов можно говорить о том, что для экспертов НКВД СССР применительно к планированию первых общеевропейских структур ключевой задачей было обеспечить СССР получение, по праву победителя, репарации с побежденных стран, а также возможность трансформировать свой военно-политический авторитет в экономический, позиционировать себя как будущий экономический центр силы для стран Восточной, Южной, а также и Северной Европы. В то же время ЕЭК и ЕУО рассматривались как возможный инструмент влияния на «нейтральные» страны Европы¹³⁸, для которых внешнее энергоснабжение было вопросом жизни и смерти. Поэтому позиция СССР может быть сравнима с британской применительно к первым

¹³⁶ Там же. Л. 21.

¹³⁷ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 3. П. 7. Д. 12а. Л. 9.

¹³⁸ Там же. Л. 10.

реальным шагам западноевропейской интеграции в середине 1950-х: участие, но с целью, скорее, сдерживать развитие и влиять изнутри, нежели возглавить процесс и получить какие-то существенные выгоды от объединения стран Западной и Восточной Европы¹³⁹.

В ответном письме первого заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского Керру от 27 февраля 1945 года было дано согласие советского правительства на участие в «неофициальных переговорах исследовательского характера» совместно с делегатами правительств Великобритании, США и Франции в Лондоне. Повестка дня переговоров предполагала, во-первых, рассмотреть, «какие вопросы, затрагивающие экономические отношения европейских союзников возникли или должны возникнуть в переходный период и, в частности, проблемы, относящиеся к производству, снабжению и распределению, которые не могут быть решены эффективно при существующих методах действий». И, во-вторых, «рассмотреть, требует ли решение этих вопросов создания предложенного Европейского Экономического Комитета»¹⁴⁰.

Советскими делегатами были назначены торговый представитель в Лондоне Д. Г. Борисенко, сотрудник торгпредства П. К. Кулаков и некто профессор А. Баяр. Директивы советским представителям сводились к зондажу намерений англичан и американцев в отношении предлагаемых европейских структур. В отличие от приведенных выше аналитических записок, ЕУО предлагалось рассматривать не как агентство ЕЭК, а в качестве самостоятельной структуры. Советским делегатам рекомендовалось дать согласие на неофициальные переговоры о создании ЕУО. Применительно к ЕЭК давалось указание всячески доказывать его нецелесообразность как дублирующего другие экономические организации. Одним из решающих аргументов должен был быть тот факт, что в повестку дня созы-

¹³⁹ Липкин М. А. Британия в поисках Европы: Долгий путь в ЕЭС: 1957–1974 гг. СПб., 2009. С. 20–28.

¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 23. Д. 253. Л. 4.

ваемой конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско был поставлен вопрос о создании Международного экономического и социального совета ООН и его региональных организаций¹⁴¹.

В марте–апреле 1945 года с участием советских представителей в Лондоне прошли предварительные переговоры о ЕУО и ЕЭК. Документы Национальных архивов Великобритании содержат записи рабочих встреч представителей четырех стран. Из них следует, что уже 15 марта позиции сторон определились. Советские представители, имея жесткие инструкции из Москвы, заявили о преждевременности создания ЕЭК¹⁴². Применительно к проекту ЕУО они внесли поправку о приоритете выплат репараций странам-победительницам перед любыми другими поставками угля из Германии. Поправка эта оказалась неприемлемой для западных стран. Тем не менее рабочие встречи продолжались, и союзники прилагали максимум усилий, чтобы заставить Москву смягчить свою позицию¹⁴³.

О степени заинтересованности Великобритании в участии СССР говорит ключевой документ британской стороны — меморандум «Отношение Советского правительства к предлагаемому Европейскому экономическому комитету» от 4 апреля 1945 года. Он был составлен по итогам обмена мнениями между Экономическим, Северным, Германским и Общим департаментами Форин Офис, состоявшегося после получения 29 марта 1945 года телеграммы Керра из Москвы¹⁴⁴. В доку-

141 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 7. Д. 70. Л. 49.

142 The National Archives (TNA). FO 371/45668. Foreign Office Minute (Mr. Ronald). E. E. C. E. Memorandum of the general line which Mr. Ronald proposes to take in his statement at a meeting to be held on Thursday 10th April giving the views of His Majesty's Government, to be communicated to Soviet Government with regard to the Emergency Economic Committee for Europe. 7th April, 1945.

143 TNA. FO 371/45668. European Coal Organization. Foreign Office Minute (Mr. Lincoln). 3^d April 1945.

144 TNA. FO 371/45668. Economic Department. Attitude of the Soviet Government towards the proposed European Economic Committee. 4th April 1945.

менте прямо говорится, что «будет всегда гораздо сложнее работать с русскими, чем с американцами. Но сотрудничество русских настолько необходимо в ряде областей, что стоит проявлять величайшее терпение настолько, насколько существует хоть малейший шанс того, что оно проявится в ближайшее время»¹⁴⁵.

Применительно к ЕУО ключевым аргументом был тот факт, что два больших угольных бассейна находятся на территории Польши и Чехословакии, а третий — на занятой советскими войсками восточной части Германии. Отмечалось, что если политика в отношении угля на территории контролируемой союзниками в Западной Германии будет отличаться от Восточной, то возникнут неизбежные трения в союзническом Контрольном совете в Германии. Этого в тот момент британские дипломаты всячески хотели избежать. К тому же Франция выражала гораздо меньший интерес к участию в этой организации без СССР, нежели на общеевропейской основе. Отмечалось, что любые поставки угля из Германии неизбежно окажутся связаны с вопросом о выплате репараций, что также невозможно осуществить без участия СССР¹⁴⁶.

В Европейском экономическом комитете, видевшемся в качестве головной организации всего общеевропейского проекта, сотрудничество СССР требовалось для сохранения доступа к хотя и небольшим, но «бесценным экспортируемым излишкам продовольствия» из стран Восточной Европы, чья позиция зависела от Москвы. Ради этого британские дипломаты даже были готовы начать работу ЕЭК с ограниченным членством и ограниченными функциями, как того хотела Москва, лишь бы сделать возможным присоединение СССР к его работе.

Следует напомнить, что проблема восстановления довоенных экономических связей со странами Восточной Европы для островной Великобритании была в послевоенные годы вопро-

145 Ibid.

146 Ibid.

сом жизни и смерти. Центральными для британской экономики были поставки продовольствия и угля.

На XIV Международном конгрессе по экономической истории в Хельсинки в августе 2006 года американский историк Роберт Марк Споулдинг представил доклад «Сельское хозяйство как государственное искусство: экспорт и импорт польских продуктов в начальный период холодной войны, 1947–1957». В нем он убедительно показал, что на протяжении 1947–1950 годов польское правительство умело использовало зависимость Британии и других западноевропейских стран от экспорта польских продуктов питания. В последующий период Польша сместилась с позиций регионального экспортера в группу региональных импортеров продовольствия. «Не было никаких сомнений, — отмечал в докладе Споулдинг, — что Западная Европа, и прежде всего, Британия и Западная Германия отчаянно нуждались в недолларовых источниках продовольствия, которые Польша могла поставлять и поставляла».

По мнению докладчика, несмотря на распространенные представления о трениях между союзниками, США специально поощряли британскую торговлю капиталным оборудованием с Польшей в обмен на закупки зерна и мяса, стремясь путем крупных заказов на продукцию сельского хозяйства затормозить процессы коллективизации в Польше. Для Британии соображения идеологического плана были второстепенными, на первом плане были вопросы увеличения ежедневного рациона граждан и прямой экономической выгоды в условиях проблем с торговым балансом и нехватки долларовых активов. Ради продукции польского сельского хозяйства Британия отказалась от финансовых претензий к правительству Польши в десятки миллионов фунтов¹⁴⁷.

¹⁴⁷ *Spaulding R. M. Agricultural Statecraft: Polish Food Exports and Imports in the Early Cold War, 1947–1957. Paper prepared for the XIV International Economic History Congress. Helsinki, Finland, 21–25 August 2006. P. 12–13. [http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers3/Spaulding.pdf* Дата обращения: 01.10.2011]

Вынужденное введение системы карточек на хлеб в 1946 году, резкое уменьшение карточных рационов в 1947 году, снижение мясного рациона в 1951 году были в центре острых внутривнутриполитических баталий на Британских островах и напрямую угрожали существованию лейбористского правительства К. Эттли. Отсюда повышенное внимание лейбористов к торговле с Восточной Европой, в том числе и СССР. И отсюда неизбежные трения с конкурентами Польши на глобальном послевоенном рынке сельскохозяйственной продукции — поставщиками более дорогого продовольствия из Канады, Австралии, Дании и Нидерландов. По мере усиления американского нажима с целью установления всеобщего эмбарго в торговле промышленным оборудованием и товарами с соцстранами, удивительные «особые отношения» Лондона с Варшавой стали ослабевать¹⁴⁸. Этому способствовало и падение экспортных возможностей Польши вследствие усиления государственного контроля над аграрным сектором. К середине 1950-х годов Варшава существенно снизила свои поставки, а вскоре и вовсе попала в зависимость от импорта зерна из ФРГ.

Безусловно, выдвигая план ЕУО, Великобритания ставила перед собою цель обеспечить страну бесперебойными поставками стратегического сырья — угля, который в то время был все еще главным источником энергии и с которым было связано все производство стали как для мирной, так и военной экономики. Наиболее крупные запасы угля и руды находились в Центральной Европе, причем не только на границе Франции и Германии, но и в Польше, особенно после того как по итогам Второй мировой войны Варшаве отошли богатые углем области Германии.

Как отмечали советские обзоры зарубежной прессы за 1946 год, в британских газетах повышенное внимание уделялось участию Польши в общеевропейском угольном пуле¹⁴⁹. «Весьма прискорбно, — писала "Манчестер Гардиан" 31 января 1946 года — что Польша и Советский Союз, хотя и были приглашены, до сих пор еще не включились в эту организацию, одна-

¹⁴⁸ Spaulding R. M. Op. Cit. P. 12, 16, 18.

¹⁴⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4536. Л. 16.

ко, ввиду того, что до сих пор еще не решено, как "Европейская Угольная Организация" будет согласована с недавно созданным Экономическим и Социальным Советом Объединенных Наций, эти страны все еще могут быть включены. Польша, располагающая в настоящее время всеми шахтами Силезии, будет в ближайшем времени в состоянии экспортировать крупные количества угля, и было бы весьма прискорбно, если бы этот уголь не распределялся бы тем же порядком, как и остальной уголь. Хотя добыча угля в шахтах на континенте, — согласно первым ежемесячным статистическим данным, опубликованным "Европейской Угольной Организацией", — повсеместно увеличивается, нехватка угля в Западной Европе в течение первой послевоенной зимы, была весьма резкая. Америка старается помогать по мере возможности, однако колоссальное расстояние, которое надлежит покрыть при переброске угля, ограничивает эту помощь. Что касается Англии, то г-н Шейнвелл, министр по топливу, очень мало надеется на то, чтобы Англия была в состоянии возобновить крупный экспорт угля. Поэтому какое бы то ни было увеличение импорта угля в большинстве европейских стран зависит от экспорта угля из Германии»¹⁵⁰.

Именно из-за германского вопроса советские поправки к проекту ЕУО на переговорах в Лондоне оказались неприемлемыми для западных стран. Как писал в этой связи в Форин Офис британский дипломат в Вашингтоне Дж. Кулсон, «основная трудность заключается в тезисе русских о том, что репарационный уголь должен быть гарантирован в первую очередь, и лишь потом возможно распределение любого другого угля. Мы не готовы это принять, во-первых, поскольку это повредит дискуссии о репарациях, которая еще не состоялась, и, во-вторых, поскольку мы не можем позволить ослабить нашу позицию, требуя того, чтобы первыми изъятиями с германских ресурсов стали выплаты за важнейшие статьи немецкого импорта»¹⁵¹. Слова посла свидетельствуют: аналогично истории с «планом

150 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4536. Л. 17–18.

151 TNA. FO 371/45668. J. E. Coulson to Foreign Office. 29th March 1945.

Маршалла», для западных союзников уже в 1945 году первостепенным стал вопрос об интеграции Германии в экономическую систему Западной Европы, а вопрос выплаты побежденной стороной репараций отошел на второй план.

В какой-то момент на переговорах даже возникла ситуация, когда западным дипломатам пришлось обсуждать вопрос о целесообразности создания этих организаций в случае неучастия СССР. На сепаратном совещании ими было принято решение не отказываться от учреждения этих структур, даже в западноевропейском варианте. При этом они тешили себя надеждой на присоединение СССР в будущем¹⁵². Эту линию одобрил лично министр иностранных дел А. Иден 9 апреля 1945 года, указав на необходимость сохранения открытых дверей для СССР и желательность участия Москвы, но не до такой степени, чтобы остановить работу по созданию ЕЭК, ЕУО и ЕСИТО¹⁵³.

В директивах из Форин Офис в британское посольство в Москве 20 апреля 1945 года в сжатой форме повторялась аргументация в пользу участия СССР, особенно подчеркивалась чрезвычайная важность его членства для полноценного функционирования ЕУО. Керру давались указания демонстрировать открытость создаваемых организаций для возможного вступления в них СССР на более поздних стадиях и обеспечить полное информирование советского правительства о развитии этих организаций. На 18 мая 1945 года в Лондоне была назначена конференция по созданию Европейской угольной организации, а на 25 мая 1945 года — конференция по образованию Чрезвычайного европейского экономического комитета (слово «чрезвычайный» было добавлено в название по настоянию американской делегации).

Как следует из проекта записки Вышинского на имя Сталина, составленного в мае 1945 года, по итогам переговоров предла-

152 TNA. FO 371/45668. Foreign Office Minute (Mr. Ronald).

153 TNA. FO 371/45668. P. M. Minute. Soviet attitude to the European Economic Committee. Reply to Moscow telegram 1016. 9th April 1945.

галось сообщить союзникам: СССР считает созыв этих конференций «несвоевременным». При этом проигрывалась ситуация с созданием этих органов вопреки позиции СССР. «Если англичане и американцы не примут это предложение, — писал Вышинский, — то если эти органы будут созданы без нашего участия, интересы СССР не должны пострадать, так как распределение германского угля будет осуществляться под наблюдением союзных контрольных органов в Германии, а отсутствие наших представителей в Европейском Экономическом Комитете позволит сохранить для нас свободу действий в области экономической политики в Восточной Европе»¹⁵⁴.

Таким образом, руководство НКВД СССР предлагало оставить за собой право действовать самостоятельно, рассматривая центральным инструментом своей экономической политики в Германии союзнический Контрольный совет. Эксперименты в виде ЕУО, как только они приобрели более конкретные очертания воспринимались как угроза утраты контроля над ситуацией и с чисто прагматической точки зрения теряли свою привлекательность для Москвы.

Судя по дальнейшим действиям советской стороны, логика Вышинского была созвучна видению этого вопроса И. В. Сталиным. Хотя мы не располагаем письменными свидетельствами его реакции на эти предложения Вышинского, очевидно, что решения в таком вопросе могли быть приняты только с личной санкции руководителя страны. И решения не заставили себя ждать.

16 мая 1945 года советское правительство в ответной ноте НКВД на ноту Форин Офис по вопросу создания ЕУО и ЕЭК сформулировало свою позицию относительно «несвоевременности» созыва учредительной конференции этих двух структур. Центральным моментом стала попытка вообще вывести вопрос о германском угле из компетенции ЕУО, что шло вразрез с общим замыслом такой организации со стороны Великобритании.

¹⁵⁴ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 7. Д. 70. Л. 50.

«В целях создания благоприятных условий для работы Конференции по учреждению названных органов, Советская делегация на Лондонской Конференции приняла активное участие в выработке меморандума о характере будущей деятельности Европейской Угольной Организации. Однако ряд важных предложений Советской Делегации не встретил поддержки со стороны других делегаций. В частности, не было принято другими делегациями предложение Советской Делегации относительно разграничения функций Европейской Угольной Организации и союзных контрольных органов в Германии в отношении распределения германского угля.

Советское Правительство считает, что распределение германского угля должно находиться исключительно в компетенции союзных контрольных органов, и поэтому Европейская Угольная Организация может заниматься вопросами распределения излишков германского угля, причем размеры этих излишков должны быть определены союзными контрольными органами»¹⁵⁵.

В начале сентября 1945 года Экономический отдел НКВД представил справку и меморандум на имя Молотова, в которых он приходил к однозначному выводу о нецелесообразности участия СССР в обеих организациях¹⁵⁶.

8 октября 1945 года Вышинский письменно известил поверенного в делах Великобритании в СССР Ф. К. Робертса, что ввиду создания Экономического и социального совета (ЭКОСОС) ООН, СССР «не видит оснований для деятельности в настоящее время Европейского Экономического комитета, о котором сообщалось в ноте Министерства иностранных дел Великобритании от 3 мая 1945 г.»¹⁵⁷.

Тем не менее настойчивые предложения англичан присоединиться к этим структурам, в особенности к ЕУО, и попытки уговорить СССР войти вместе с другими ключевыми для угольной

155 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 3. П. 7. Д. 12. Л. 36–37.

156 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 23. Д. 253. Л. 11–15.

157 Там же. Л. 18.

отрасли восточноевропейскими странами (прежде всего, Польшей) продолжались на протяжении ноября–декабря 1945 года и даже весной 1946 года.

Ради этого в советское посольство в Лондоне исправно посылались протоколы работы ЕУО. В этих же целях с пометкой «срочно» британский посол в Москве Керр послал 4 декабря 1945 года пламенное письмо на имя Вышинского, в котором всячески выражал надежду, что советское правительство пересмотрит свое отношение к этой организации накануне первого собрания Совета ЕУО, намеченного на 6 декабря. «Мое Правительство с трудом верит, — писал Керр, — что Советское Правительство приняло решение, сообщенное в Вашем письме господину Робертсу, при полном ознакомлении с фактами, и оно искренне надеется, что после размышления над вышеизложенными соображениями Советское Правительство пересмотрит дело и согласится, в конце концов, присоединиться к Организации, поставив себя таким образом в положение участника восстановления Европы, в соответствии со значением Советского Союза»¹⁵⁸.

В своем письме Керр старался всячески отвести советские аргументы о ненужности ЕУО в свете планируемого создания Экономического и социального совета ООН и доказать необходимость и безотлагательность ее функционирования. Он писал о том, что в отличие от не существующих пока специализированных комитетов ЭКОСОС ООН, ЕУО решает проблемы повседневного характера: «Эта работа охватывает такие вопросы, как подготовка подробных заявок на уголь, включая заявки в ЮНРРА, и распределение угля помесечно»¹⁵⁹. К этой же работе относилась логистика — выбор наиболее быстрых и надежных путей доставки, мест хранения и погрузки угля его потребителям, что предусматривало эффективную связь с военными властями на оккупированных территориях. Цель ЕУО, по мысли Керра, состояла в оказании временной помощи до

158 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 3. П. 7. Д. 12. Л. 46–47.

159 Там же. Л. 46.

создания и начала работы каких-либо специализированных подразделений ЭКОСОС ООН. Керр дипломатично обошел большой вопрос о германском угле.

Письму Керра было придано особое значение: из всех известных документов по данной теме оно получило самый большой список рассылки. Среди адресатов на первом месте стоял, естественно, Сталин и все члены Политбюро, в узком кругу которых выработывалась политическая линия НКВД СССР.

16 декабря Керру был отправлен ответ за подписью Вышинского. В нем повторялась предыдущая формулировка о том, что вопрос о целесообразности учреждения такой организации относится целиком к компетенции ЭКОСОС, и накануне созыва первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР не станет пересматривать свою позицию по вопросу образования ЧЕЭК и ЕУО.

Этот ожидаемый ответ сопровождался, однако, показательным пассажем, в котором СССР в качестве аргументов ненужности ЕУО указывал как раз на то, чего он так добивался при создании этой организации: «Что же касается высказанного в Вашем письме мнения о роли Европейской Угольной Организации в деле оказания помощи европейским странам, то, поскольку эта организация обладает лишь консультативными функциями, и распределение угля и, в особенности, германского угля, фактически от этой Организации не будет зависеть, ее деятельность не может, по-видимому, оказать сколь-нибудь серьезного влияния на положение с топливом в Европе»¹⁶⁰.

Тем самым СССР давал понять: он уже ни при каких условиях не заинтересован участвовать в дополнительных европейских структурах вне рамок ООН. Очевидно, уже только из нежелания поддержать европейскую инициативу Великобритании, а отнюдь не из боязни взять на себя лишние международные обязательства в вопросе, который, согласно логике Кремля, должен был быть подконтролен ООН.

9 марта 1946 года Чрезвычайный европейский экономический комитет (ЧЕЭК) в рамках подготовки конференции

¹⁶⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 23. Д. 257. Л. 1.

министров продовольствия и сельского хозяйства предпринял еще одну попытку включить в свою работу восточноевропейские страны. На это мероприятие были посланы приглашения СССР, УССР, БССР, Польше, Югославии — странам, не являвшимся участниками этой организации. В этой связи Арутюнян подготовил 12 марта 1946 года записку на имя Молотова, с анализом этих предложений и оценкой всех «за» и «против» участия.

Отмечая, что конференция созывается в рамках подготовки к мировой конференции под эгидой Международной продовольственной организации (ФАО), Арутюнян предложил считать нецелесообразным советское участие, ибо СССР не участвовал ни в ФАО, ни в ЧЕЭК. К тому же он подчеркнул опасность навязывания идущих вразрез с интересами СССР обязательств по снабжению продовольствием стран Западной Европы и возможную угрозу раскрытия информации о продовольственных ресурсах и планах заготовок в СССР. Вдобавок к этому он отметил, что конференция созывается союзниками без предварительной консультации с СССР, несмотря на «решающую роль» СССР и стран Восточной и Юго-Восточной Европы в производстве зерновых¹⁶¹.

В проекте ответа на письмо ЧЕЭК в обиженных тонах заявлялось: «...Ограниченный характер Европейского экономического комитета обязывал бы Комитет, если он считает необходимым созывать Конференцию всех европейских стран, предварительно проконсультировав вопрос также с Советским Союзом». Причем главным пунктом несогласованности действий выставлялась не экономическая, а политическая составляющая: приглашение союзниками без согласования с СССР представителей одних оккупированных стран (Италия, Венгрия и др.) и не приглашение, к примеру, Болгарии¹⁶².

По этой причине руководство СССР выбрало тактику бойкота мероприятий ЧЕЭК.

¹⁶¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 18. Д. 250. Л. 1–2.

¹⁶² Там же.

По материалам АВП РФ видно, что первые планы создания панъевропейских структур — Европейского экономического комитета, Европейской угольной организации (выдвигавшиеся англичанами уже осенью 1945 года) были внимательно проанализированы Наркоматом внешней торговли и Экономическим отделом НКВД. Оценки советских экспертов сводились к тому, что за этими планами стоят стремления англичан и американцев усилить свое экономическое влияние на континенте и ослабить экономическую роль СССР в Восточной Европе и на Балканах. Участие СССР признавалось нецелесообразным, а все вопросы экономического сотрудничества предлагалось рассматривать в рамках Экономического и Социального Совета ООН, где у СССР были хорошие позиции¹⁶³.

Это подтверждает секретная и потому максимально открытая переписка «Дружкова» (находившегося на правительственной даче в Сочи И. В. Сталина) и В. М. Молотова (возглавлявшего советскую делегацию на сессии ООН в Нью-Йорке). Примечательно, что это самый ранний из найденных в российских архивах советский документ, в котором употребляется термин «интеграция». 29 ноября 1946 года Молотов телеграфировал: «В связи с обсуждением на Генеральной Ассамблее вопроса об «экономическом восстановлении разоренных территорий» делегации США и Англии могут внести предложение о создании так называемой европейской экономической комиссии, поскольку американский и английский представители в Экономическом и Социальном совете зарезервировали право поставить этот вопрос на Ассамблее. По замыслу американцев и англичан комиссия должна состоять из европейских стран-членов ЮНО плюс США и выполнять следующие задачи:

- 1) содействовать развитию и «интеграции» экономики европейских стран,
- 2) собирать и публиковать экономическую информацию и

¹⁶³ АВП РФ. Ф. 0431. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 27–28, 31–32.

3) давать рекомендации правительствам по вопросам экономического развития европейских стран.

Предложение о создании комиссии поддерживают также поляк и чех, объясняя свою позицию тем, что отказ от участия в этой комиссии затруднит им получение финансовой помощи от США и Англии, а также от международного банка реконструкции.

Считаем возможным не возражать против предложения о создании европейской экономической комиссии, если этот вопрос будет поднят на Ассамблее. При этом оговорить, что в случае проведения комиссией обследований экономического положения в тех или иных странах Восточной Европы или посылки в эти страны комиссий, представителей и проч., эти мероприятия могут проводиться только по согласованию с заинтересованным правительством»¹⁶⁴. Молотов запрашивал в этой связи указаний Сталина и получил их 30 ноября в лаконичной и четкой форме: «на № 478 согласен», телеграфировал ему Дружков¹⁶⁵.

Таким образом, с согласия СССР была создана другая организация — Европейская экономическая комиссия в рамках Экономического и Социального Совета ООН, которой суждено было стать главной площадкой как для пропаганды, так и для зондажей и свежих инициатив между Западом и Востоком в системе международных экономических отношений периода холодной войны.

Главной целью Комиссии провозглашалось проведение «согласованных действий для экономического восстановления Европы, для поднятия уровня европейской экономической активности, для установления и усиления экономических отношений европейских стран как между собой, так и с другими странами мира»¹⁶⁶. Предусматривалось проведение исследований, сбор информации и принятие первостепен-

164 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 72. Л. 265.

165 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 72. Л. 266.

166 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 24. Д. 307. Л. 1.

ных мер для экономического восстановления пострадавших от войны стран Европы — членов ООН. Первоначально в Европейскую экономическую комиссию вошли 18 стран, в том числе СССР, УССР, БССР и США (как оккупирующая Германию и Австрию держава).

Советский Союз серьезно готовился к первой сессии ЕЭК ООН и эта подготовка наряду с умелым ведением двусторонних консультаций с другими членами ЕЭК во время сессии позволили советским дипломатам добиться больших результатов.

Главными пунктами директив советской делегации на сессии были три: противодействовать попыткам англо-американцев превратить ЕЭК в инструмент экономического давления на восточноевропейские страны; исключить возможность вмешательства в экономическую жизнь европейских стран без согласия правительств стран-членов ЕЭК; добиваться прекращения деятельности и перехода всех функций от созданных в 1945 году Чрезвычайного европейского экономического комитета, Европейской угольной организации и Европейской центральной организации по внутреннему транспорту (ЕСИТО), в которых Советский Союз не участвовал. При этом отмечалось, что делать это все следует, «имея в виду необходимость свести функции Европейской Экономической Комиссии от отдельных органов к задачам информационно-консультативного характера»¹⁶⁷.

В черновом варианте справки «Позиция Советской делегации на сессии европейской экономической комиссии» применительно к созданию Подкомиссии по углю говорилось прямо: «это даст нам возможность ослабить монопольное влияние англичан и американцев в распределении угольных ресурсов, экспортируемых в европейские страны из Германии и США». Состав подкомиссии, в которую в качестве угледобывающих стран вошли бы СССР, УССР, Польша, Югославия, Чехословакия, Франция, Норвегия, Бельгия, Голландия, Англия и США

¹⁶⁷ Там же. Л. 41–42.

«создает благоприятные условия для проведения политики Советского Союза», — отмечалось в документе¹⁶⁸.

Далее следовало разъяснение, в чем состоит угольная политика СССР: «имея в виду, что в число стран-экспортеров угля в европейские страны должна будет войти и Польша, в получении угля из которой заинтересован СССР, следует предложить, чтобы подкомиссия по углю занималась главным образом распределением немецкого экспортного угля»¹⁶⁹. В отношении других стран-экспортеров ставилась задача свести рекомендации ЕЭК по распределению их добычи к минимуму и применять исключительно с согласия добывающих стран¹⁷⁰. Зато применительно к координации технического восстановления угольной промышленности стран-членов ЕЭК, СССР высказывались пожелания реального наполнения этих функций содержанием. Отмечалось, что в интересах Советского Союза получить горное оборудование и иную техническую помощь для восстановления национальной угольной промышленности, пострадавшей от войны сильнее других стран Европы¹⁷¹.

По кадровой политике делегации ставилась задача поддерживать французские предложения об избрании председателем ЕЭК представителя Чехословакии (желательно, Я. Масарика), вице-председателем — представителя Дании. Польский представитель рассматривался как желательная кандидатура в случае создания подкомиссии по углю вместо ЕУО, а французский — в случае образования подкомиссии по транспорту.

На состоявшейся 2–16 мая 1947 года сессии ЕЭК ООН основные дебаты развернулись вокруг компетенции ЕЭК и проблемы передачи полномочий послевоенными экономическими организациями-дублерами. Глава американской делегации, помощник госсекретаря по экономическим вопросам У. Клейтон в своем выступлении сделал акцент на экономической взаимо-

168 Там же. Л. 14.

169 Там же. Л. 15.

170 Там же. Л. 14–15.

171 Там же. Л. 15.

зависимости стран Европы, задаче преодоления экономической раздробленности Европы и, главное, возобновления торговли с Германией. Эта линия была характерна для англо-американского тандема, ставившего себе целью использовать ЕЭК для скорейшего возобновления торговли с англо-американской зоной оккупации Германии¹⁷². Их поддерживали делегаты Греции, Турции, Голландии, Бельгии и Люксембурга. Другим полюсом притяжения были советская и украинская делегации, с которыми блокировались страны Восточной Европы и по ряду вопросов малые и средние страны Западной Европы (Дания, Швеция). В своих выступлениях советский и украинский делегаты делали акценты на сохранении суверенных прав стран-участниц и приоритетном внимании к пострадавшим от агрессии Германии странам в определении политики ЕЭК.

Франция колебалась между теми и другими, но в моменты решающих голосований склонялась на сторону англо-американского блока. Так французы в начале сессии готовились выдвинуть кандидатуру главы чехословацкой делегации Я. Масарика на пост председателя Европейской экономической комиссии, в чем ее, безусловно, поддерживали СССР и страны Восточной Европы. Однако в ходе заседаний французская делегация полностью изменила свою позицию и выдвинула собственного кандидата — французского министра реконструкции Андре Филиппа. Резкое неприятие этого шага советской стороной и скандинавскими странами наряду с очевидным отказом французов от поддержки Масарика привели к снятию обеих кандидатур. Получив новые директивы из Москвы, делегация СССР предложила на пост председателя более приемлемую и неангажированную кандидатуру представителя Дании Верума. Благодаря этому ходу СССР единственный получил безоговорочную поддержку своей инициативы — Верум был избран единогласно и публично пожал руку представителю СССР, выдвинувшему его кандидатуру¹⁷³. Выбор представителя малой страны, лояльной

¹⁷² Там же. Л. 45.

¹⁷³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 24. Д. 307. Л. 50.

СССР, наряду с назначением кандидатуры поляка Я. Рудзинского на пост вице-председателя, были несомненной победой советской делегации.

Еще большего удалось добиться в содержательном плане работы ЕЭК. Было принято решение о ликвидации ЕСИТО не позднее 27 сентября 1947 года с обсуждением вопросов передачи ее функций на второй сессии ЕЭК. Несмотря на огромный интерес французской и польской делегаций к сохранению или воссозданию в рамках новой европейской комиссии Европейской угольной организации (ЕУО), после упорной работы с ними, советским представителям удалось добиться решения о ликвидации ЕУО к концу 1947 года. Ряд функций ЕУО переходил к ЕЭК, однако обсуждение деталей переносилось на вторую сессию ЕЭК ООН.

Наиболее острые дискуссии развернулись по вопросу о судьбе Чрезвычайного европейского экономического комитета. Такие страны, как Дания, Голландия, Люксембург, Бельгия, Норвегия и Польша поддерживали идею сохранения ЧЕЭК, в особенности его подкомитета по торговле с Германией, по распределению лесных материалов, электроэнергии, помощи сельскому хозяйству и др. После упорных дискуссий в соответствующем рабочем комитете, советской делегации удалось провести несколько измененное предложение о ликвидации этой структуры через 45 дней по окончании второй сессии ЕЭК ООН. Вопрос о передаче его функций созданной ЕЭК ООН был отложен.

Градус обозначившегося противостояния, в центре которого была судьба политики в отношении побежденной Германии, показал себя в выступлениях делегатов великих держав. Американский представитель выступил с угрожающим заявлением о том, что в случае, если вопрос о функциях, передаваемых ЕЭК ООН со стороны упраздняемой ЧЕЭК не будет решен на второй сессии ЕЭК, американская делегация будет считать себя свободной от обязательств ликвидировать эту организацию. Британский представитель поддержал такую позицию и высказался о возможности продолжения работы вне рамок ЕЭК. Эту позицию поддержали Бельгия и Голландия. В отличие от них,

Чехословакия поддержала позицию СССР. Несмотря на эмоциональные дебаты, в итоге резолюция была принята единогласно, хотя было очевидно, что противостояние интересов Запада и Востока в ЕЭК ООН только начиналось¹⁷⁴.

В целом, как показывает логика советских дипломатов и экспертов-экономистов, для СССР в 1945–1947 годах участие в общеевропейских экономических объединениях (ЕУО, ЧЕЭК) было скорее обременительным, нежели желательным. Советское руководство намеревалось обеспечить интересы СССР как державы-победительницы через союзнический Контрольный совет и структуры ООН, рассчитывая на союзничество в вопросах получения репараций в рамках этих организаций.

Новые архивные документы показывают высокую степень стремления к сотрудничеству со стороны западных держав. СССР также поначалу демонстрировал готовность к диалогу. К примеру, не случайно символом юбилейной сессии, посвященной 220-летию образования АН СССР, прошедшей в Москве 15 июня – 3 июля 1945 года стали флаги трех стран-победительниц: СССР, США и Великобритании. Казалось бы, идеологические разногласия не мешали вере в послевоенное сотрудничество как в науке, так и в экономике. Поэтому и стали возможными неофициальные переговоры в Лондоне в 1945 году. Но, казалось бы, существовавшая общность экономических интересов в восстановлении своих экономик, пострадавших в ходе войны, натолкнулась на ключевое геополитическое расхождение в подходе к судьбе побежденной Германии. Поэтому ЧЕЭК и ЕУО так и не стали подлинно общеевропейскими организациями.

СССР сделал основную ставку на создание другой региональной организации – Европейской экономической комиссии в системе ООН. При этом Москва существенно выхолостила ее содержание, дабы оградить страны Восточной Европы от проникновения США и Великобритании. По сути, майской сессией ЕЭК ООН 1947 года была закрыта страница в поиске путей послевоенного объединения Европы. С этих пор Запад стремил-

¹⁷⁴ Там же. Л. 55.

ся вывести обсуждение всех существенных вопросов экономического сотрудничества за рамки ЕЭК ООН, а СССР, напротив, пытался вернуть их обсуждение в ЕЭК ООН. Провал попыток сохранить ЧЕЭК, ЕУО и ЕСИТО подтолкнул США при поддержке Великобритании и Франции к идее «плана Маршалла». Проекты «объединенной Европы» сузились до Западной части континента, а европейская интеграция стала развиваться согласно логике холодной войны.

1.5. «План Маршалла» и «план не-Маршалла»: 1947 год и экономический «тяги-толкай» в Европе

Наиболее подробный документальный анализ зигзагов советской и западной дипломатии вокруг обсуждавшего «план Маршалла» Парижского Совещания министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР (27 июня — 2 июля 1947 года) можно найти в работах известного историка-международника М. М. Наринского¹⁷⁵. Вместе с тем представляется важным добавить ряд документальных штрихов к имеющимся представлениям об участии СССР в первом и последнем общем обсуждении «Плана Маршалла» летом 1947 года.

Советский Союз принял предложение Франции и Великобритании принять участие в обсуждении заявления американского государственного секретаря Дж. К. Маршалла, сделанного им в Гарвардском университете 5 июня 1947 года. В своем выступлении Маршалл высказал предложение осуществить программу американской экономической помощи для восстановления разрушенных войной экономик европейских стран. Хотя ника-

¹⁷⁵ Наринский М. СССР и план Маршалла: по новым материалам Архива Президента РФ // Новая и новейшая история. 1993 № 2 С. 11–17; Наринский М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции / Под ред. Намазовой А., Эмерсон Б. М., 1995. С. 30–45.

кой конкретной информации о характере, размерах и способах реализации этого проекта Москва в тот момент не имела.

О заинтересованности Москвы в присоединении к этому плану говорит состав советских экономистов — членов советской делегации на Парижское совещание. В их число входил имевший мировой авторитет, хотя и опальный в то время в СССР академик Е. Варга, руководители европейских отделов МИДа, включая правовой и экономический. О серьезности отношения Москвы свидетельствуют и директивы для советской делегации на этом совещании.

Наиболее показательным для понимания причин патовой ситуации, возникшей между делегациями на Совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и Франции в Париже и последующего отказа СССР от участия в «плане Маршалла», является сопоставление установок советской делегации и аналогичных документов со стороны Великобритании, Франции и США.

Конечный текст советских директив был утвержден 25 июня 1947 года и неоднократно цитировался в исследованиях¹⁷⁶. Однако наиболее полно советскую позицию раскрывает не конечная сокращенная версия, а первоначальная, более детальная, которая была послана на утверждение Молотову еще 21 июня 1947 года¹⁷⁷. Во-первых, она подтверждала логику восприятия «плана Маршалла» со стороны советских дипломатов: говоря о «характере и условиях» предполагаемой помощи США, которые предстояло выяснить на конференции, в документе давались варианты советских догадок на этот счет: то ли это новый ленд-лиз, то ли долларовый или товарный кредит¹⁷⁸. Далее уже шли вопросы механизмов реализации этой программы. Важно отметить, что в советском восприятии план Маршалла был продолжением ленд-лиза, новой кредитной линией, а не многоходовой программой построения платформы для европейской

¹⁷⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 18. Д. 214. Л. 5–7.

¹⁷⁷ Там же. Л. 8–13.

¹⁷⁸ Там же. Л. 8.

интеграции с введением таможенных союзов в Европе, как это мыслилось в Вашингтоне.

Как отмечалось в варианте ответного выступления Молотова на предложения Бевина, подготовленном сотрудниками советской делегации (Кумыкин, Геращенко и Колпаков), «речь может идти лишь об оказании реальной помощи европейским странам путем предоставления им оборудования, сырья, продовольствия, для того чтобы они могли быстрее закончить восстановление и приступить к дальнейшему развитию своего хозяйства. Такая помощь в настоящее время возможна и желательна со стороны Соединенных Штатов»¹⁷⁹. Ту же мысль подтверждает проведенное в 1990-е годы интервьюирование М. М. Наринским советского дипломата В. Ерофеева, который объяснял участие СССР в обсуждении «плана Маршалла» следующим образом: «Надо было согласиться на это предложение и попробовать, если не совсем устранить, то максимально сократить все отрицательные черты, добиться, чтобы они не навязывали нам каких-то условий. Короче говоря, что-то вроде ленд-лиза. Молотов был как раз сторонником такого подхода»¹⁸⁰.

Слова Ерофеева подтверждала директива советской делегации: «При обсуждении любых конкретных предложений, касающихся американской помощи Европе, советская делегация должна возражать против всяких условий такой помощи, которые могли бы повлечь за собой ущемление суверенитета европейских стран или их экономическое закабаление»¹⁸¹. Советским представителям предписывалось показать отрицательное отношение СССР к условиям предоставления помощи в Греции и Турции. Делегация должна была возражать против «возможных предложений о составлении такого общеевропейского экономического плана, который препятствовал бы промышленному развитию стран Восточной Европы и закреплял бы довоенное соотношение между экономикой отдель-

179 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 18. Д. 213. Л. 21.

180 Цит. по: *Наринский М.* План Маршалла и Советский Союз... С. 33.

181 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 18. Д. 214. Л. 9.

ных европейских стран»¹⁸². Существование общеевропейского плана допускалось, но, как подчеркивалось в инструкции, «на основе заявок отдельных стран с учетом того, какие из них могут быть покрыты за счет европейских ресурсов, и какие — за счет американских поставок»¹⁸³. Таким образом, СССР не отвергал с ходу американскую помощь Европе и вообще идею общеевропейского плана реконструкции, но делал акцент на минимальное координирование, максимальный учет индивидуальных особенностей стран и, самое главное, сбалансированность американской помощи внутриевропейскими ресурсами, с целью предотвратить попадание Европы в полную зависимость от США.

В институциональном плане СССР стремился противодействовать планам Британии и Франции обойти при разработке европейских экономических программ ЕЭК ООН. Как видно из директив, делегация должна была возражать против привлечения таких структур, как МБРР, МВФ и Организации по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО). «Советская делегация должна также возражать против попыток продолжить деятельность Чрезвычайного Европейского Экономического Комитета путем привлечения к разработке европейских экономических программ. Советская делегация может согласиться с привлечением к этой работе в качестве консультативного органа Европейской угольной организации на тот период, пока ее функции не будут переданы Европейской экономической комиссии»¹⁸⁴.

Таким образом, СССР всячески стремился сохранить контроль над координацией будущей экономической помощи через органы ООН (где у него были голоса Украины, Белоруссии и восточноевропейских стран) в механизме принятия решений по «плану Маршалла», противясь созданию новых структур с неясным представительством.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. Л. 10.

¹⁸⁴ Там же. Л. 11

Весьма интересен с точки зрения отношения Москвы к интеграционным схемам «плана Маршалла» пункт 8 данных директив, который позднее был исключен. В нем говорилось, что если «английская или французская делегации поставят вопрос о «так называемом облегчении торговли путем общего снижения таможенных тарифов европейских стран, а также о предоставлении общих экономических возможностей, советская делегация должна возражать против обсуждения таких предложений, мотивируя это тем, что такие вопросы должны решаться путем переговоров с каждой заинтересованной страной»¹⁸⁵.

Едва ли не самое главное условие, ставившееся советским делегатам и ставшее камнем преткновения на переговорах, был вопрос о Германии. Участие Германии в планах экономической помощи Европе было невозможно до соглашения об экономическом единстве этой страны и урегулировании вопросов выплаты репараций. Задачей советской делегации было отстоять выполнение Германией репарационных обязательств и сохранение полной компетенции Контрольного Совета четырех держав-победительниц, не допустив передачу экономических вопросов на откуп каких-либо других организаций. Для гарантии отсутствия предпосылок для возрождения германского военного потенциала ставилась задача добиться немедленного введения четырехстороннего контроля над рудниками Рурской области¹⁸⁶.

Установки делегаций Великобритании, Франции и США показывают прямо противоположные цели на совещании. У западных стран изначально было другое отношение к программе американской помощи. Трехсторонним переговорам в Париже предшествовали англо-французские переговоры 17–18 июня 1947 года, а уже в ходе Совещания произошли секретные переговоры представителей британского кабинета с помощником государственного секретаря США по эконо-

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. Л. 11–13.

мическим вопросам У. Клейтоном 24–27 июня, информация о которых скрывалась от СССР¹⁸⁷.

В отечественных исследованиях по «плану Маршалла» распространены ссылки на поступившую в Москву по каналам разведки информацию из Лондона о сути секретных англо-американских переговоров. Считается, что именно она сыграла решающую роль в резкой смене отношения Кремля к «плану Маршалла» и окончательном повороте Москвы от сотрудничества к конфронтации с бывшими союзниками. Вместе с тем никто так и не представил этот решающий документ, хотя подобная информация наверняка должна была бы исходить от представителей «кембриджской пятерки»¹⁸⁸.

Единственный доступный источник, прямо указывающий на это — мемуары Павла Судоплатова. Он пишет о том, что информация поступила в Комитет информации Вышинскому от Дональда Маклейна. Суть шифровки сводилась к тому, что цель плана — установление американского экономического господства в Европе. Он также предусматривал прекращение репарационных выплат Германией¹⁸⁹.

Эти данные подтверждаются доступным для исследователей документом более низкого уровня, поступившим по каналам МИДа СССР. Как указывалось в информации, полученной советским корреспондентом ТАСС в Лондоне от коллеги из агентства «Ассошиэйтед пресс» Гавшона, англичане и американцы во время секретных переговоров в Лондоне договорились о том, что «план Маршалла» будет конкретным «планом реконструкции», а не просто помощью европейским странам по подобию ликвидированной в начале 1947 года ЮНРРА. Во-вторых, согласно

¹⁸⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 19. Д. 231. Л. 5–6.

¹⁸⁸ Например, в приводившихся статьях М. М. Наринского и Д. С. Алексеева, в монографии П. П. Черкасова вообще не делается никаких сносок. В официальной публикации «Очерки истории министерства иностранных дел» дается ссылка на американские архивы, содержащие записи беседы У. Клейтона и Э. Бевина — Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 344.

¹⁸⁹ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. С. 378–379.

сепаратной договоренности, он виделся как цепочка отраслевых комитетов, подчиненных главному комитету. В комитетах должны были быть представлены малые европейские страны (независимо от их степени участия в антигитлеровской коалиции). Самое главное — подобная организация виделась исключительно вне стен и контроля ООН.

Причиной этому был принципиальный вопрос о Германии, не являвшейся членом ООН. США и Британия договорились сделать Германию ключевым элементом восстановления Европы. Отсюда следовала англо-американская установка на саботаж выплат германских репараций СССР¹⁹⁰. Таким образом, директивы советской делегации диаметрально расходились с планами франко-британской стороны, особенно в пункте участия Германии и привлечения Европейской экономической комиссии ООН.

В своих выступлениях Молотов исходил из логики и опыта ЮНРРА и ленд-лиза. Он выступил против всеобъемлющей экономической программы для европейских стран в вариантах, предложенных французской и британской делегациями. Главным аргументом было неизбежное вмешательство во внутренние дела государств-получателей помощи. Как показывает стенограмма, и в дискуссии, и в программных заявлениях советский представитель подчеркнуто употреблял термин «национальная экономика».

28 июня Молотов внес советские предложения по повестке дня Совещания:

1. Установление потребностей европейских стран в американской помощи.
2. Определение методов рассмотрения заявок европейских стран в американской экономической помощи (создание соответствующих комитетов; взаимоотношения с Европейской экономической комиссией).
3. Выяснение возможностей, характера и условий американской экономической помощи Европе¹⁹¹.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 31. П. 109. Д. 52. Л. 19.

Не получив одобрения своей версии повестки дня, которая сводилась к формуле «утром — деньги, вечером — стулья», советская сторона предложила свой вариант «плана Маршалла». Он был озвучен Молотовым на третьем дне заседания министров иностранных дел в Париже 30 июня. Предлагалось создать Комитет содействия с подкомитетами по продовольствию, топливу и оборудованию. В него должны были войти СССР, Великобритания, Франция и другие европейские государства. Задачами Комитета являлись: сбор заявок от европейских стран на предоставление американской помощи; составление на их основе сводной программы, в которой приоритет отдавался бы странам антигитлеровской коалиции; выяснение возможностей США предоставить запрашиваемую помощь. Комитет, согласно мысли Молотова, должен был установить контакт с Европейской экономической комиссией ООН. Вопрос о Германии выводился за скобки, оставаясь в компетенции четырех великих держав¹⁹².

Возглавлявший британскую делегацию министр иностранных дел Эрнест Бевин сразу заявил, что это противоречит его инструкциям на совещании, а потому его продолжение кажется ему безнадежным. Глава французской делегации министр Жорж Бидо более дипломатично заметил, что он должен изучить текст, чтобы понять, какие предложения Молотова совместимы с инструкциями его правительства, а какие нет¹⁹³.

Согласованная англо-французская позиция и советские предложения, как уже говорилось, исходили из прямо противоположных директив. Разногласия коренились не только в проблеме Германии, но в самой философии «помощи» — советском представлении о новом ленд-лизе и западном — о гораздо более масштабной и долгосрочной перестройке национальных экономик. Хотя термина «интеграция» никто не употреблял, и более того, на совещании Бевин всячески заверял в отсутствии связи между вопросом о сохране-

192 АВП РФ. Ф. 0629. Оп. 1. П.1. Д. 1а. Л. 140.

193 Там же. Л. 141.

нии суверенитета и участием в «плане Маршалла». Различие в «философии», изначальных шаблонах и представлениях об американской помощи, помноженные на недоверие и секретную дипломатию Великобритании, Франции и США привели к отказу советской стороны принять участие в общеевропейском плане экономической реконструкции.

Так ли был недостижим компромисс на совещании в Париже? Представляется, что в определенный момент советские участники потеряли интерес к этому мероприятию. Как только стала известна суть закулисных переговоров Э. Бевина с У. Л. Клейтоном, советские делегаты ужесточили свою позицию. Судя по стенограмме заседаний, более жесткую линию заняли и англичане. Бидо пытался до последнего спасти встречу от провала, но и в его последних выступлениях появилось больше стальных нот, нежели компромиссных формулировок. Каждая сторона старалась выгородить себя и обвинить другую в ставшем очевидным расколе Европы¹⁹⁴. СССР отказался от участия в «плане Маршалла» в том виде, как его представляли французы и англичане. Таким образом, экономический раскол произошел гораздо раньше военно-блокового оформления «холодной войны».

Казалось бы, СССР поставил жирный крест на «плане Маршалла». Началась мощная пропагандистская кампания против «маршаллизации» стран Западной Европы. Однако опустился ли железный занавес в умах советского руководства после того, как советская делегация покинула Париж?

В книге С. А. Микояна «Анатомия Карибского кризиса» приводятся свидетельства венгерского министра Ниярди о том, что в отличие от Сталина, Анастас Иванович, по крайней мере, до 1948 года, питал надежду на участие СССР в «плане Маршалла». Со слов Ниярди, Микоян в 1948 году якобы прямо сказал ему: «план Маршалла может со временем не только облегчить напряженность между Востоком и Западом в сфере экономики, но может также иметь позитивный эффект в улуч-

¹⁹⁴ Там же. Л. 191–203.

шении политической атмосферы. [...] Мы могли бы с успехом использовать несколько миллиардов американских долларов для той огромной работы по восстановлению, которая нам предстоит». Комментируя эти слова, Ниярди поделился с сыном А. И. Микояна своей уверенностью, что, говоря это, его отец производил впечатление человека, верящего в возможность участия СССР в «плане Маршалла»¹⁹⁵.

Хотя иных подтверждений слов Ниярди в распоряжении историков нет, небезынтересен один документ без точной даты и названия, найденный в фонде Г. М. Маленкова. Документ под грифом «совершенно секретно» представляет собою вопросник и запись диалога в формате вопрос-ответ по проблемам реорганизации мировой экономики в свете подготовки к некоей «международной конференции социалистических партий»¹⁹⁶.

1947 год был годом ослабления позиций Маленкова на советском политическом олимпе, периодом временного триумфа группы Жданова. Тем не менее, судя по наличию текста в его личном фонде и типичному для советских документов этого времени характеру ответов, можно сделать вывод, что интервьюируют высокопоставленного советского представителя, скорее всего именно Маленкова. Об этом косвенно говорят и окружающие этот документ другие записи (стенограммы бесед Маленкова с Пьетро Ненни в 1947 году). Основываясь на этих данных, интервью можно приблизительно датировать второй половиной 1947 года, когда уже шла подготовка к реализации «плана Маршалла» на Западе, а СССР формально отказался от участия. Если посмотреть на крупные международные конференции второй половины 1947 года, то с наибольшей вероятностью подготовка этого документа была связана с Информационным совещанием представителей коммунистических партий в Польше в Шклярской Порембе 22–28 сентября 1947 года. На нем был представлен известный

¹⁹⁵ Микоян С. А. Анатомия Карибского кризиса. С. 474.

¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–36.

жесткостью своих оценок доклад Жданова, провозгласивший деление мира на два лагеря. Важная часть доклада была посвящена «американскому плану закабаления Европы». Итогом этого совещания стало известное решение о создании Коминформа.

Вероятно, документ из фонда Маленкова представлял собою некий более гибкий вариант советского подхода к отношениям с США. Как следует из его текста, несмотря на набор характерных для второй половины 1947 года штампов, удивительно, что собеседник не отговаривает западные страны от принятия американской помощи.

«Вопрос: не считаете ли Вы, что «план Маршалла» может в некоторой степени помочь экономическому восстановлению европейских стран?

Ответ: «План Маршалла» направлен не на восстановление европейских стран, а на их порабощение. Существо «плана Маршалла» состоит в том, чтобы расколоть Европу, создать «Западный блок» под эгидой Америки, восстановить германский империализм, реставрировать власть помещиков и капиталистов в странах новой демократии и заставить их отказаться от тесного экономического и политического сотрудничества с Советским Союзом.

«План Маршалла» отражает стремление американских империалистов разрешить за счет европейских стран свои трудности и смягчить действие надвигающегося экономического кризиса. [...]

Вопрос: Следует ли, по Вашему мнению, отказаться от американской помощи и экономических связей с США вообще?

Ответ: Нет, не следует отказываться. Конечно, наивно было бы считать, что США будут оказывать европейским странам какую-либо бескорыстную помощь. Но это не значит, что надо отказываться от экономических связей с США и американских займов. Однако главным условием этих экономических связей должно быть ограждение национального суверенитета и экономической независимости страны. Иностраннные займы и кредиты не должны быть главным источником восстановления

национальной экономики. Основным и решающим условием восстановления страны должны стать мобилизация и использование внутренних сил и ресурсов и развитие собственной промышленности.

Вопрос: как, по Вашему мнению, должны строиться экономические отношения между различными государствами?

Ответ: они должны строиться исключительно на принципах равноправия сторон и взаимного уважения их суверенных прав. Примером этому могут служить договоры Польши, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Финляндии с СССР. Эти договоры являются взаимно выгодными для их участников и не содержат в себе посягательства на их государственную независимость»¹⁹⁷.

Как показывает эта цитата, в ответах высокопоставленного советского собеседника явно обнаруживается странное противоречие: с одной стороны, всячески доказывается, что «план Маршалла» не помогает восстановлению послевоенных экономик стран Западной Европы и направлен против СССР; с другой — вместо ожидаемого и, казалось бы, логичного призыва к борьбе с американским присутствием в Европе говорится, что отказываться от кредитов и развития экономических связей с США ни в коем случае не стоит. Следует лишь соблюдать разумные пропорции этих займов и строить отношения не на многосторонней, а двусторонней основе, не допуская чрезмерной зависимости от Вашингтона.

О скрытом сопротивлении в 1947 году советских чиновников повороту СССР к экономической автаркии в рамках блока социалистических стран говорит и совершенно неизвестный эпизод с рассмотрением вопроса об участии СССР в комитетах ЕЭК ООН. На примере эволюции советской позиции в этой организации как на лакмусовой бумаге отражается весь драматизм поворота СССР от сотрудничества к соперничеству.

Как следует из сухих выписок из протоколов Коллегии МИДа СССР, в сентябре-октябре 1947 года состоялись четыре

¹⁹⁷ Там же.

заседания (!) Коллегии по вопросу об участии СССР в комитетах ЕЭК ООН, причем три из них были признаны неудовлетворительными.

26 сентября рассматривался вопрос о созыве Комитета по углю ЕЭК ООН и Коллегия обязала выступавшего с докладом заведующего Экономическим отделом В. С. Геращенко представить новые предложения, с учетом сделанных во время обсуждения замечаний¹⁹⁸. 30 сентября состоялось повторное рассмотрение вопроса об участии в комитетах ЕЭК ООН с докладами Геращенко и его заместителя А. С. Чистякова. По итогам обсуждения было решено, что «вопрос т. Геращенко не подготовлен». Геращенко и Чистякову поручалось в трехдневный срок разобраться в вопросе и внести конкретные предложения¹⁹⁹. Но и на состоявшемся 7 октября 1947 года заседании Коллегии МИД опять было сочтено, что предложения недостаточно подготовлены и вопрос откладывался до следующего заседания, а Геращенко и Чистякову поручалось подготовить новые предложения «с учетом состоявшегося обмена мнениями»²⁰⁰.

Хотя мы не располагаем стенограммами этих заседаний, суть «замечаний» можно понять по эволюции текстов докладных записок Геращенко и Чистякова, стремившихся обосновать и сохранить участие СССР хотя бы в одном рабочем комитете ЕЭК ООН.

25 сентября (накануне первого заседания) Геращенко в записке Молотову писал: «учитывая, что СССР, БССР и УССР являются членами Европейской экономической комиссии и что наш отказ от участия в Комитетах, созданных Комиссией, явился бы поводом для квалификации его как нежелания сотрудничать в разрешении европейских экономических проблем, в силу этого, целесообразно принять участие в работе некоторых комитетов»²⁰¹. Ссылаясь на мнение МВТ СССР, в за-

198 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 25. Д. 313. Л. 1.

199 Там же. Л. 2.

200 Там же. Л. 3.

201 Там же. Л. 4.

писке отмечалось, что «непосредственной пользы» такое участие не приносило, однако по указанным выше соображениям предлагалось дать согласие на работу в комитетах по углю, транспорту и комитета по промышленности и снабжению. Сообщалось, что Министерство путей сообщения также не возражало против участия советского представителя в комитете по транспорту²⁰².

После обсуждения на Коллегии 30 сентября Геращенко и Чистяков подготовили новую записку Молотову (от 4 октября), в которой «дополнительно разобрались» в вопросе об участии в комитетах ЕЭК ООН. В ней аргументировалась нецелесообразность участия в комитетах по углю, электроэнергии, промышленности и снабжении, подкомитетам по пилотам, удобрениям и щелочам, а также в совещании по жилищным вопросам. Во-первых, акцентировалось внимание на том, что комитеты имели право делать рекомендации, а «подобного рода рекомендации совершенно неприемлемы для Советского Союза». Во-вторых (и это было самое главное!), отмечалось, что из 16 стран-участниц ЕЭК ООН 11 одновременно стали членами Комитета европейского экономического сотрудничества — структуры, созданной в 1947 году для реализации «плана Маршала».

Этот Комитет обнародовал доклад-программу восстановления экономики западноевропейских стран, детализированный план поэтапной реализации «плана Маршалла». «Можно полагать, — писали во второй записке Геращенко и Чистяков, — что указанные 11 стран, участвовавшие в разработке доклада, будут стремиться использовать Комитеты в целях проведения таких решений, которые позволили бы им осуществлять регулирование производства отдельных европейских стран в своих интересах. Учитывая это обстоятельство, нам не следует своим участием в Комитетах связывать себя в критике политики стран-участников Комитета европейского экономического сотрудничества во время обсуждения его рекомендаций, которые

²⁰² Там же. Л. 5.

будут вынесены соответствующими Комитетами на рассмотрение Европейской Экономической Комиссии»²⁰³.

Но даже несмотря на эти новые оценки, экономисты МИДа, как за последнюю соломинку, цеплялись за участие в хотя бы одном рабочем подразделении ЕЭК ООН — в Комитете по транспорту. Геращенко и Чистяков отмечали, что этот орган в отличие от других не обладает правом выносить рекомендации. В вопросах организации перевозок в Европе крайне заинтересованы дружественные страны Восточной Европы. Участие давало СССР бонус в виде доступа к информации о состоянии европейского железнодорожного и водного транспорта²⁰⁴.

К записке прилагался подготовленный ими проект письма на имя И. В. Сталина и проект постановления Совета Министров СССР. Однако, после очередной выволочки на заседании Коллегии, Геращенко и Чистяков были вынуждены написать последнюю записку, полностью пересмотрев свои позиции. 13 октября они уже признали нецелесообразность участия в Комитете по транспорту ЕЭК ООН. Поддержка дружественных стран признавалась возможной для СССР в рамках участия в общих сессиях ЕЭК²⁰⁵. Ни в одном рабочем комитете СССР представлен не был, о чем 16 октября 1947 года Сталина параллельно информировали и Молотов (шифрограммой на юг), и Вышинский (запиской с развернутым обоснованием)²⁰⁶.

Еще в мае 1947 года, накануне второй сессии ЕЭК ООН и до обсуждения «плана Маршалла» в Париже, В. С. Геращенко и В. А. Зориным была составлена записка на имя Молотова «О дальнейшем направлении работы советских представителей в Европейской экономической комиссии». В ней советские экономисты предлагали внести предложение на июльской сессии ЕЭК о создании специального фонда при ЕЭК для восстановления и развития промышленности и сельского хозяйства

²⁰³ Там же. Л. 10.

²⁰⁴ Там же. Л. 14–15.

²⁰⁵ Там же. Л. 14–15.

²⁰⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 25. Д. 314. Л. 1; 2–3.

стран, пострадавших от вражеской оккупации. В документе отмечалось, что это была бы альтернатива превращения Европы в рынок для американской продукции с использованием ЕЭК. Предлагалось тем самым противопоставить линии США «нашу позицию использования американских капиталов для промышленной реконструкции особо пострадавших стран Европы и увеличения занятости населения»²⁰⁷.

В то же время уже в этом документе появляются попытки предложить выработать альтернативный план экономического сотрудничества и торговли со странами Восточной и Северной Европы на 3–5 лет, с тем чтобы поддержать «новые демократические режимы» и помочь им противостоять экономическому нажиму США²⁰⁸.

Казалось бы, противопоставить что-либо более экономически привлекательное, чем «план Маршалла», не располагая теми финансово-экономическими ресурсами, какими располагали в конце войны США, для СССР (как страны, понесшей наибольший ущерб) было утопией. Однако эта утопия разделялась не только в СССР, но и в ряде капиталистических стран, что делало такое видение возможной альтернативы не столь утопическим в тот момент времени.

В этом отношении показателен состоявшийся в октябре 1947 года визит делегации английских лейбористов-парламентариев в СССР. Ему было придано чрезвычайно большое внимание с советской стороны: достаточно сказать, что после приемов в Москве делегатов посадили на самолет и отправили на личную встречу с Иосифом Виссарионовичем в его резиденцию в Сочи, а все беседы отличались необычайной продолжительностью и откровенностью собеседников с обеих сторон.

Этот визит предстает в особо важном свете для раскрытия нашей темы, если учесть неизвестную переписку с советской стороной главного вдохновителя и организатора этой поездки — левого лейбориста Кони Зиллиакуса. Сам Зиллиакус не

207 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 25. Д. 311. Л. 4.

208 Там же.

раз оказывался автором смелых и конструктивных инициатив в отношении СССР и играл роль эксперта по Советскому Союзу и международным отношениям в лейбористской партии, выступая с лекциями и публикуя книги и памфлеты. В 1947 году он был членом Исполнительного комитета Фабианского общества, членом совещательного Комитета Фабианского общества, бывшим членом исполкома Лейбористского Национального Союза и членом влиятельного Королевского института международных дел.

В личном и конфиденциальном письме послу СССР в Лондоне Г. Зарубину от 8 августа 1947 года Зиллиакус излагал цели «намеченной экспедиции» по странам Восточной Европы. Он довольно подробно описал эволюцию политической линии лейбористской партии и произошедший в рядах консервативной партии раскол по вопросу внешнеполитического курса страны. На этом фоне специально подобранный Зиллиакусом состав группы лейбористов, по его признанию, давал основания полагать, что по возвращении из поездки эти люди составят центр притяжения для тех политиков, которые противились американскому давлению во внешней политике. Они должны были стать костяком лейбористского лобби, которое придерживалось более сбалансированного курса на развитие отношений с близкими британским социалистам в идейном плане странами Восточной Европы. Подобранный Зиллиакусом состав делегации включал представителей трех крупнейших профессиональных союзов Великобритании (горняков, машиностроителей и железнодорожников), членов группы по торговле и промышленности фракции лейбористов в британском парламенте и одного члена руководящего органа партии — Национального исполнительного комитета²⁰⁹.

Вот как виделся результат этой поездки «бунтовщику» Зиллиакусу: «это ядро в свою очередь станет авангардом в кампании по перестройке психологических и моральных основ нашей внешней политики, то есть оно еще больше увеличит силы внешнеполитических бунтовщиков. Оно включит в себя видных деятелей

²⁰⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 35. Д. 486. Л. 16.

тред-юнионов. Кроме того, оно направит кампанию не к пустым и нереальным решениям, предложенным, например, Р. Х. С. Кроссманом и Майклом Футом и даже Р. В. Маккеем, которые увлекаются фантазиями насчет западного блока, независимого как от США, так и от СССР, и управляемого антикоммунистическими социал-демократами, а в том направлении, на котором я настаивал в течение долгого времени: мы должны основывать нашу политику в Азии на интернационализме, а не на империализме, а это означает, что мы должны совместно с СССР настаивать на том, чтобы были учтены англо-советские взгляды в вопросах Дальнего Востока, а также на полном участии Советского Союза в урегулировании дел Среднего Востока, в международных полицейских мероприятиях в этом районе и в международном контроле Суэцкого канала, а также в демилитаризации Кипра и Додеканез. Совет Безопасности и Социально-Экономический Совет Объединенных наций будут орудиями этой политики»²¹⁰.

Развивая свои положения о необходимости социализма для здоровой международной политики в Европе, Зиллиакус выдвигал собственный, альтернативный официальному, внешнеполитический курс Соединенного Королевства и, по сути, альтернативный план европейской интеграции — план единой социалистической Европы. «Если мы будем действовать в этом духе, — писал он в письме, — мы должны принять коммунистические партии так же, как и социалистические партии, в качестве партнеров в деле реконструкции и в деле объединения и умиротворения Европы посредством регионального соглашения в рамках Объединенных наций, опирающегося на треугольник англо-франко-советских союзов. Допустимо существование западного подразделения в рамках этого соглашения, приближающегося к федерации, но это возможно лишь как часть общего соглашения с СССР, охватывающего всю Европу и использующего Европейскую Экономическую Комиссию Объединенных наций как один из инструментов проведения этой политики»²¹¹.

²¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 35. Д. 486. Л. 16–17.

²¹¹ Там же. Л. 17.

Такая подоплека визита англичан предопределила постановку в центре беседы В. М. Молотова с лейбористами в Москве 13 октября 1947 года вопросов торговых и экономических отношений между Британией и СССР. Англичане были настолько заинтересованы в восточноевропейских рынках для своего экспорта и озабочены продовольственной проблемой на Британских островах, что ставили напрямую вопрос о возможности приобщения английской экономики к планам координации народного хозяйства стран Восточной Европы. «Вместо того, чтобы иметь соглашения между Англией и отдельными восточноевропейскими странами, следует разработать какой-то координированный общий план, что-то вроде восточноевропейского "плана не Маршалла"»²¹², — прямо заявил Молотову глава делегации К. Зиллиакус.

И в беседе с Молотовым, и в беседе со Сталиным лейтмотивом выступлений британцев было чувство надвигающегося экономического кризиса и боязнь попадания в полную зависимость от «американского капитализма». «Усиление экономического кризиса, возможно, приведет к созданию экономического блока в западной Европе, который послужит противовесом для американского блока», — высказался по этому поводу член Исполкома профсоюза железнодорожников Артур Чэмпион²¹³. Последовал ответ Сталина: «Это не исключено»²¹⁴.

Мысль Чэмпиона спровоцировала длинное выступление главы СССР относительно «оптимальной» торгово-экономической политики Британии. Как следует из записи беседы, «если бы он, тов. Сталин, был англичанином, скажем, членом лейбористского правительства, он бы принял такую установку. Он не стал бы ослаблять экономические связи с США. Он продолжил бы эти связи, но одновременно он бы наладил отношения со странами, которые нуждаются в английском оборудовании и могут поставлять продовольствие [выделено мною. — М. Л.]. Он потре-

212 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 2. Д. 23. Л. 27.

213 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 286. Л. 35.

214 Там же.

бовал бы, чтобы Америка пошла на уступки и, если она на это не пойдет, если она не предоставит более льготные условия, то он бы начал укреплять связи с другими странами, откуда Англия может получить продовольствие. Это обстоятельство предоставило бы Англии возможность иметь в руках средство давления на Америку, и Америка стала бы более уступчивой. Тогда исключительная зависимость Англии от Америки отпала бы, и Англия, став более самостоятельной, могла бы вести политическую игру и маневрировать, используя эти возможности... Россия, а также другие страны Европы, которые уже кое-что имеют и торгуют между собой, могли бы предоставить то, в чем Англия нуждается. Если этого не сделать, если Англия не будет искать опоры одновременно в США и в Европе, тогда ей будет плохо, она ослабнет и подпадет под полную зависимость от Америки. Фунт стерлингов потеряет свою ценность»²¹⁵.

Прямо-таки теория «трех окружностей» Черчилля, только в изложении Иосифа Виссарионовича. Из вышеприведенного эпизода можно заключить, что в 1947 году Сталин уже не опровергал полностью возможность объединения европейских стран на экономической основе, хотя очень хотел видеть это объединение в виде нейтральной или по крайней мере самостоятельной «третьей силы», неподвластной прямому диктату США и связанной экономическими отношениями с СССР. При этом под «Европой» он явно подразумевал «большую Европу» с участием восточноевропейских стран и советской России, декларируя всяческую открытость к взаимовыгодной торговле с бывшей «мастерской мира». И вместе с этим так же, как и в таинственной беседе, из фонда Маленкова, Сталин, по-видимому, еще сохранял интерес к американским кредитам.

По сути, ни в 1947, ни в 1948 году СССР не выдвинул никакого «плана не-Маршалла», несмотря на очевидный запрос со стороны как западноевропейских, так и восточноевропейских стран. Создание Коминформа было ответом идеологическим, но не экономическим. В 1949 году был создан Совет экономической

²¹⁵ Там же. Л. 36–37.

и перспектив европейской интеграции в 1940-е годы

взаимопомощи (СЭВ) как прямой ответ на консолидацию Западной Европы в рамках американской финансово-экономической помощи (создание в 1948 году ОЕЭС). Об этом напрямую говорилось в приложении к секретному протоколу закрытого совещания представителей правительств Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии 5 января 1949 года «О тесном экономическом сотрудничестве СССР и стран народной демократии». В нем отмечалось, что «отсутствие постоянных связей по согласованию экономической политики стран народной демократии и СССР в их торговых отношениях с другими государствами наносит ущерб экономическим интересам этих стран и объективно помогает Соединенным Штатам Америки и Англии использовать в своих интересах указанную несогласованность действий стран народной демократии и СССР. Это особенно является в настоящее время, когда США, используя «план Маршалла», оказывают влияние на экономическую политику стран Западной Европы, направляя ее против интересов СССР и стран народной демократии»²¹⁶.

Если создание СЭВ было хотя и запоздалым, но прогнозируемым ответом на «план Маршалла» и Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), то инновационный асимметричный ответ со стороны Москвы появился лишь в апреле 1952 года в виде неправительственного международного экономического совещания и созданных на нем международных экономических структур.

1.6. СССР и западные кредиты во второй половине 1940-х годов

Проблема западных кредитов для СССР является неотъемлемой частью истории несбывшихся планов совместной реконструкции Европы в 1940-е годы. Представляется немаловажным рассмотреть вопрос об интеграционном и дезинтеграционном

²¹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1073. Л. 3.

потенциале общих для послевоенных стран Европы валютных проблем с точки зрения перспектив возникновения единого финансового пространства Западной и Восточной частей Европы. Для понимания того, насколько сильна была политическая и экономическая заинтересованность СССР в валютном сотрудничестве с западными финансовыми центрами, в качестве примера будет рассмотрена история несбывшегося американского, военного английского и послевоенного шведского кредитов, которые оставались долгое время связной нитью между Москвой и ведущими столицами Запада, несмотря на первые «заморозки» холодной войны.

Как отмечает в своем исследовании В. П. Попов, вопрос о роли внешних источников в послевоенной реконструкции советской экономики остается малоизученным²¹⁷. По оценкам Попова, удельный вес поступлений в советский бюджет по программе ленд-лиза и репараций в 1945 году составлял 16,2% всех доходов Советского Союза. И советское руководство планировало развивать столь выгодное экономическое сотрудничество с главным кредитором послевоенного мира — США.

История попыток СССР получить американский кредит рассмотрена во многих отечественных и зарубежных исследованиях²¹⁸. Отчасти она была затронута в первом параграфе данной работы в увязке с политическими зигзагами СССР в отношении МВФ и МБРР и «планом Маршалла». Этот кредит выступал в качестве главной предпосылки развития торговых отношений с США. Известно, что в 1946 году советской стороной был подготовлен проект «Договора о дружбе, торговле и мореплавании между СССР и США», подписание которого напрямую увязывалось с гибким урегулированием расчетов по

²¹⁷ Попов В. П. Указ Соч. С. 109.

²¹⁸ Батюк В. И., Евстафьев Д. Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 91–95. Печатнов В. О. От Союза – к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. С. 121–122; Попов В. П. Экономическая политика советского государства. С. 109–110; Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. С. 62–63.

ленд-лизу и выделением крупного правительственного кредита со стороны Вашингтона²¹⁹.

Вопрос о кредите многократно поднимался советской стороной на протяжении 1944–1946 годов. И даже, как было показано выше в разделе про МВФ/МБРР, — в начале 1947 года. Сумма обсуждаемого кредита менялась со временем. Как показывают исследования, переговоры велись на двух уровнях: на высшем (И. В. Сталин), где фигурировала сумма в 5–6 млрд долларов, и на более низком — министерском (А. И. Микоян) — где обсуждалась более реалистичная сумма в 1 млрд долларов.

Согласно неподтвержденным косвенным источникам, на которые ссылаются в своей работе А. А. Данилов и А. В. Пыжиков, якобы еще на встречах в Тегеране и Ялте в 1943–1944 годах Рузвельт лично обещал Сталину десяти миллиардный долларовый кредит (6 млрд — для восстановления экономики СССР и еще 4 млрд для закупок продовольствия)²²⁰. Даже если подобная устная договоренность и имела место, как отмечали В. Батюк и Д. Евстафьев, с июля 1945 года кредит таких размеров был невозможен чисто по техническим причинам. 31 июля 1945 года Конгресс США утвердил статут Экспортно-импортного банка США, устанавливавший ограничение на кредиты иностранным государствам в размере 3,5 млрд долларов²²¹.

Если тема многомиллиардных кредитов, якобы обсуждавшихся на конференциях конца Второй мировой войны на самом высоком уровне, не имела до настоящего времени прямых документальных подтверждений, то история переговоров А. И. Микояна с американскими представителями в 1943–1944 годах частично описывается в мемуарах самого Микояна, а более подробно прослеживается документально в биографической работе М. Ю. Павлова. В беседах с предсе-

²¹⁹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 28. Л. 82–87. Последнее исследование по вопросу о ленд-лизе см.: *Соколов В. В.* Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. М., 2010. № 6. С. 3–17.

²²⁰ *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы, 1945–1953 годы. М., 2002. С. 20–22.

²²¹ *Батюк В., Евстафьев Д.* Указ. Соч. С. 95.

дателем Торговой палаты США Эриком Джонстоном Микоян прямо говорил о взаимном прагматическом интересе двух стран: «между Советским Союзом и Соединенными Штатами нет не только политических, но также и экономических противоречий. СССР нуждается в импорте продукции американской промышленности, которой, в свою очередь, требуются крупные рынки сбыта»²²².

Эти переговоры Микояна привели к появлению конкретного проекта кредитного соглашения со стороны США сроком на 30 лет в сентябре 1944 года. Однако на совещании у Молотова проект постановления по данному вопросу был подвергнут резкой критике со стороны председателя Госплана Н. А. Вознесенского. В лице Вознесенского и Микояна столкнулись противники и сторонники финансово-экономического сотрудничества с Западом. Молотов воздержался от присоединения к той или иной стороне, видимо поняв «откуда дует ветер».

Уже в январе 1945 года именно Молотов по указанию Сталина составил советский проект договора, в котором фигурировала в разы отличавшаяся от американских предложений сумма в 5–6 млрд долларов. При этом рост кредитных appetитов СССР поразительным образом усиливался по мере ослабления интереса к его выдаче со стороны США. Как с некоторым удивлением отмечал по поводу советского проекта американский посол в СССР Аврелл Гарриман в 1945 году, «советское правительство не хочет представлять в роли просителя и полагает, что может диктовать условия»²²³.

Ответные американские условия кредита, выдвинутые по результатам поездки по СССР группы конгрессменов США в сентябре 1945 года, оказались уже полностью неприемлемыми для СССР. Они предполагали выполнение Советским Союзом шести пунктов, среди них — предоставление сведений о доле ВПК в экономике страны, полные статистические сведения о промышленном производстве, вывод войск

222 Павлов М. Ю. Анастас Микоян... С. 178.

223 Указ. Соч. С. 93.

из стран Восточной Европы, обеспечение основных свобод, включая свободу слова и передвижения в Восточной Европе²²⁴. Сталин счел такие условия оскорбительными и подчеркнул: «Советское правительство просто не примет таких условий к обсуждению. Когда это будет исключено, то Советское правительство будет готово вступить в переговоры с правительством США, если оно готово к этому»²²⁵. Как показывает анализ американских документов, проведенный В. О. Печатновым, интерес СССР только подогревал рост политических appetитов со стороны США, особенно внутри военных ведомств, хотевших получить максимум уступок в обмен на финансовую помощь²²⁶.

При том что с точки зрения финансовых экспертов США, Советский Союз рассматривался вполне платежеспособным партнером (как крупная золотодобывающая держава), а руководящие фигуры в СССР долго не могли расстаться с красивой иллюзией заграничного решения внутренних проблем, решающими оказались политические факторы. Несколько наивная и в то же время исключавшая политические уступки линия Москвы, игравшая на руку «ястребам» в политическом руководстве США после смерти Рузвельта, разрушила иллюзии советского руководства относительно решения послевоенных экономических проблем путем развития финансово-экономической оси «Москва–Вашингтон».

США хотели серьезных политических уступок и свободы доступа к информации, увязывали этот вопрос с погашением кредита по ленд-лизу. СССР пытался продать выгодное ему решение урегулирования платежей по ленд-лизу и получить низкую ставку кредита без политических уступок Вашингтону. В итоге ни базовый Договор о дружбе, торговле и мореплавании с США, ни какие-либо кредитные соглашения подписаны не были.

224 Быстрова Н. Е. СССР и формирование... С. 62–63.

225 Печатнов В. О. От союза – к холодной войне. С. 121–122.

226 Там же. С. 122.

Если в торговле СССР с западными странами в послевоенный период США заняли весьма незначительное место, то на первое место по объему советского экспорта с завидным отрывом вышла Великобритания. Казалось бы, парадокс: в советской пропаганде Лондон выступал главным подстрекателем и поджигателем холодной войны. С Британией у СССР были также непростые, но зато более реальные товарно-финансовые отношения.

В своих мемуарах А. И. Микоян подробно описывает процесс переговоров по улучшению условий британского военного кредита. Играя на том факте, что у Москвы и Лондона существовал обоюдный интерес к развитию двусторонней торговли, Микоян инициировал попытку добиться улучшения условий послевоенных выплат. СССР интересовало оборудование, британцев — лес, пшеница и различное сырье. Узнав о том, что после войны Великобритания снизила французам платежи по военному кредиту с 3 до 0,5%, советская сторона поставила на торговых переговорах вопрос о льготных условиях обслуживания оставшейся части британского кредита, что вылилось в тридцать две беседы Г. Вильсона и А. И. Микояна в 1947 году²²⁷.

Началось все с того, что в апреле 1947 года британское правительство само инициировало торговые переговоры с СССР относительно заключения генерального соглашения. В Москву был направлен секретарь по заморской торговле Гарольд Вильсон (будущий лидер лейбористской партии и премьер-министр Великобритании). Переговоры зашли в тупик из-за того, что Москва увязывала развитие торговли с Великобританией с облегчением условий выплат по кредиту военного времени, предоставленному согласно Соглашению от 16 августа 1941 года о взаимных поставках, кредите и порядке платежей. К тому времени СССР уже произвел выплаты за британские поставки по ленд-лизу на сумму более 45 млн ф. ст. наличными и произвел оплату причитавшихся британской

²²⁷ Микоян А. И. Указ. Соч. С. 498–511.

стороне процентов по кредиту на сумму около 19 млн ф. ст. Как указывалось в письме Молотова на имя посла Великобритании Мориса Петерсона, «дальнейшее пользование кредита на условиях погашения в такой короткий срок, как пять лет, и со столь высокой процентной ставкой, как три процента годовых, не соответствовало бы отношениям между двумя союзными странами»²²⁸.

На переговорах в Москве А. И. Микоян настойчиво предложил Вильсону пересмотреть условия, аргументируя это огромным вкладом СССР в общую победу и окончанием периода военного времени, к которому относилась выдача кредита. В дальнейшей переписке СССР по сути пошел на шантаж Лондона, объявив произведенный 30 апреля 1947 года Госбанком СССР платеж последней выплатой на прежних условиях. Вильсон был вынужден вернуться в Лондон, англичане в деликатной форме дипломатической переписки дали понять Москве, что объявление намерения об отказе от уплаты очередного платежа по кредиту 1 августа 1947 года «разрушило бы всю структуру договорных отношений между правительствами»²²⁹.

20 июня 1947 года Вильсон с группой британских экономистов вновь приехал на торговые переговоры в Москву. Советская сторона предложила конкретный список товаров: британских — оборудование для лесной промышленности; советских — зерно, лососевые и крабовые консервы, лес. Британская сторона уклонилась от обязательства по поставкам оборудования, согласившись лишь на поставку некоторого количества рельсов.

Как показывают документы, главным камнем преткновения опять стал вопрос о принятии советских предложений об изменении условий кредита военного времени. СССР предлагал снизить ставку по кредиту до 0,5% годовых (против 3% по Соглашению 1941 года) и пролонгировать платежи с 5 до 15 лет с началом погашения с конца четвертого года ежегодными рав-

²²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 36. Д. 503. Л. 8–9.

²²⁹ Там же. Л. 22.

ными долями. При этом советская сторона ссылалась на аналогичные послабления по пролонгации долга военного времени, предоставленные Лондоном Парижу. СССР в ходе переговоров пошел на небольшие уступки, предложив пролонгировать только половину от оставшейся к выплате британской стороне суммы в 1 млрд 600 млн рублей (без учета процентов). Британская сторона согласилась пролонгировать только четвертую часть от половины этой суммы, что завело переговоры в тупик и привело к отзыву британской делегации²³⁰.

Первого августа, в условиях отсутствия торгового соглашения и нового финансового соглашения, Москва в одностороннем порядке произвела выплату лишь 50% суммы, причитавшейся Лондону по соглашению 1941 года. Несмотря на протесты, то же самое повторилось 31 октября 1947 года, причем выплата процентов была произведена из расчета не 3%, а 0,5% годовой ставки, хотя нового соглашения британской стороной подписано еще не было²³¹.

5 декабря 1947 года для возобновления прерванных переговоров в Москву вновь прибыла британская делегация во главе с Г. Вильсоном и состоялась финальная стадия переговоров, по итогам которой было заключено соглашение о взаимных поставках на один год. Но самое главное — СССР получил от Великобритании даже больше, чем первоначально добивался. Как отмечалось в проекте коммюнике по вопросу об англо-советских торговых отношениях, «процентная ставка по кредиту, начиная с 1 мая 1947 года снижается с 3%, предусмотренных Соглашением 1941 года, до 0,5% годовых. Срок погашения кредита для половины непогашенных еще ссуд, а также всех ссуд, которые будут предоставлены, пролонгируется до 15 лет, с началом погашения с конца четвертого года двенадцатью равными ежегодными долями, тогда как старые условия кредита предусматривали начало погашения с конца третьего года и окончание — в конце седьмого года. В отно-

230 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 36. Д. 504. Л. 9–11.

231 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 36. Д. 503. Л. 26, 27.

шении еще не оплаченных поставок кредит будет предоставляться на полную их стоимость, в то время как Соглашением 1941 года предусматривалась оплата поставок наличными, золотом и американскими долларами, в размере до 40% их стоимости [...].

Правительство Великобритании отказалось, за некоторым лишь изъятиями, от своих претензий к Советскому Союзу в связи с поставками и услугами за время Второй мировой войны, определяемых в сумме около 30 млн фунтов стерлингов»²³².

Таким образом, путем силовой дипломатии СССР оказался в абсолютном выигрыше. То, что не удалось достичь силовыми методами в урегулировании задолженности по ленд-лизу с американцами, удалось с англичанами. По оценкам А. И. Микояна, общий экономический выигрыш Москвы составил 58,3 млн ф. ст. (с учетом урегулирования претензий военного времени и пересмотра цен на поставляемые по Соглашению 1941 года британские товары)²³³.

СССР не только снял все спорные вопросы, но еще и разместил в Британии за счет военного кредита послевоенных заказов на дефицитное оборудование на сумму в 18 млн ф. ст. Советское правительство, со своей стороны, обязалось выделить Лондону из урожая 1947 года 750 тыс. тонн кормового зерна с февраля по сентябрь 1948 года по специальной цене, которая не разглашалась в коммюнике. Было условлено провести следующие переговоры не позднее мая 1948 года с перспективой заключения торгового соглашения на более долгий срок²³⁴. В итоге, хотя не все советские заказы были выполнены, как показывает приводимая ниже таблица данных МВТ СССР, к концу 1940-х Великобритания стала крупнейшим рынком для советского экспорта в западном мире (за исключением Финляндии, данные по которой в таблице не учитываются)²³⁵.

232 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 36. Д. 503. Л. 25.

233 Микоян А. И. Указ. Соч. С. 511.

234 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 36. Д. 503. Л. 25–26.

235 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 66. Л. 79.

Торговля СССР с капиталистическими странами с 01.06.1949 г. по 01.06.1950 г., в млн руб.²³⁶

	2-е полугодие 1949 г.		1-е полугодие 1950 г.	
	<i>импорт</i>	<i>экспорт</i>	<i>импорт</i>	<i>экспорт</i>
Всего	474	432	399	419
Англия	152	77	147	75
Страны Британской империи	4	76	6	171
Египет	9	–	75	–
Европейские страны (кроме Англии)	177	250	62	163
США	80	4	104	4

В ситуации послевоенной Европы едва ли не единственным государством континента, сохранившим благодаря своему нейтралитету достаточные финансовые ресурсы для кредитования других стран, была Швеция. Ее правительство сделало вполне осознанный и самостоятельный выбор в пользу СССР при планировании своей послевоенной внешнеполитической ориентации. Оно сделало ставку на развитие тесных экономических связей с победившей фашистскую Германию восточной сверхдержавой. Этому, безусловно, способствовала деятельность на посту советского посла в Швеции выдающейся личности среди советских дипломатов того периода — А. М. Коллонтай.

Впервые предложение о заключении кредитного соглашения с СССР в размере 1 млрд шведских крон (около 238 млн ам. долларов) Стокгольм сделал Москве еще в 1944 году. Весной 1944 года

²³⁶ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 66. Л. 79.

шведский штаб обороны посчитал, что внешняя торговля облегчит СССР послевоенное восстановление и продолжение политики индустриализации страны, а значит, будет постоянный спрос на индустриальные товары, «сделанные в Швеции». Однако в тот момент Коллонтай было дано указание не считать это предложение представляющим интерес для СССР²³⁷.

Причины советского отказа были разъяснены в записке А. И. Микояна на имя Сталина 10 декабря 1944 года. В ней доказывалась невыгодность кредита: высокий процент (3,5%), половину выделяемых средств составляли предпринимательские кредиты, половину — деньги под гарантии шведского государства. К тому же фактически это был связанный кредит, поскольку советские заказы по кредиту осуществлялись на основе поставляемого из СССР сырья, в качестве товаров для оплаты кредита 25% оплачивались наличными, остальное — такими дефицитными для СССР статьями, как нефть, медь, резина, хром и т. д.²³⁸

Второй раз Стокгольм сделал предложение о кредите в 1946 году. И оно было принято Москвой, результатом чего стало подписание советско-шведского кредитного и торгового соглашения 7 октября 1946 года. В переводе на американские доллары размер кредита составлял 278 млн американских долларов. Он предоставлялся на 5 лет для оплаты советских заказов в Швеции. Срок погашения был установлен в 15 лет, а стоимость — в 3% годовых. Кроме того, в течение первых 3-х лет проценты по кредиту не начислялись, что наряду с некоторыми другими условиями соглашения, снижало стоимость заемных средств до 2,37% годовых²³⁹. Это было сопоставимо с запрашиваемой СССР в тот же период у США ставкой в 2% под обещанный Рузвельтом многомиллиардный американский кредит, который так и не был предоставлен.

237 Комаров А. А. СССР и Скандинавский оборонительный союз. 1948–1949 гг. // Северная Европа. Проблемы истории. М., 2003. Вып. 4. С. 91.

238 Кен О., Рурпасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. М., 2005. С. 342–343.

239 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 141. Л. 45.

Подробный анализ советско-шведских кредитных переговоров можно найти только в специальном разделе, написанном А. Рурпасовым в коллективной монографии российских и шведских историков «Швеция в политике Москвы: 1930–1950-е годы»²⁴⁰. В ней отмечается, что существовала прямая взаимосвязь между проснувшимся в середине 1945 года советским интересом к шведским деньгам и эпопеей с попытками получить американский кредит. «В Москве стали проявлять бóльшую заинтересованность в получении у Швеции государственного кредита лишь после того, как стало очевидным, что получение кредита в США — дело не ближайшего будущего»²⁴¹, — пишет А. Рурпасов.

Как объясняет шведский исследователь Мартин Кан (со ссылками на неопубликованную диссертацию Бригит Карлссон 1992 года), и шведское правительство, и шведские предприятия испытывали опасения по поводу емкости послевоенного европейского рынка для ориентированной на экспорт экономики Швеции²⁴². Перспектива увеличения шведского присутствия на рынке СССР представлялась политикам в Стокгольме «спасительным кругом». Швеция искала одновременно замену германскому рынку в Европе и решение проблемы поставок сырья и энергоресурсов для своей промышленности из Польши и Чехословакии, что зависело от позиции Москвы. Доля Восточной Европы в шведской торговле сразу после окончания войны сперва увеличилась, но затем уменьшилась в начале 1950-х годов. Карлссон считает, что невозможно однозначно сказать, что именно оказывало решающее влияние на советско-шведскую торговлю: внешнеполитические соображения шведского кабинета, экономическая дипломатия или внутриэкономическое развитие страны²⁴³.

240 Кен О., Рурпасов А., Самуэльсон Л. Указ. Соч. С. 339–360.

241 Там же. С. 344.

242 Kahn M. *Sovjetekonomin med Svenska ögon. Svenska statens bild av Sovietunionens ekonomi 1917–56*. Sekel. Lund, 2009. P. 520.

243 Ibid. P. 520–521.

Совершенно очевидно, как показывают А. Рурпасов и А. Комаров, политическая логика Москвы в первую очередь диктовалась стремлением противодействовать англосаксонскому влиянию в Северной Европе, особенно планам втягивания ее в орбиту Западного блока или создания «блока Северных стран»²⁴⁴. Об этом говорит резкая активизация шведского направления в европейской политике СССР, включая реальное начало переговоров по кредиту, произошедшее как раз через месяц после Фултоновской речи Черчилля²⁴⁵.

Карлссон приходит к выводу, что решение о выдаче кредитов Советскому Союзу (и Польше) со стороны Швеции все же в большей степени обуславливалось экономическим расчётом, чем соображениями политики безопасности. Другие исследователи оценивали советско-шведский торговый договор так же, но Мартин Кан подчёркивает, что соглашение совершенно очевидно имело и политический аспект, который был важен для Стокгольма²⁴⁶.

Интересен не просто сам малоизвестный факт крупного шведского кредита и тесных финансовых связей между Советским Союзом и Швецией на начальном этапе холодной войны. Примечательно то, что несмотря на огромную потребность СССР в размещении заказов на Западе, шведский кредит к моменту окончания срока его действия (1950 год) был использован лишь наполовину, то есть полмиллиарда шведских крон ушли назад вместе с процентами без всякой пользы для Советского Союза. В дальнейшем СССР продолжал платить проценты за всю сумму и лишь в 1961 году приступил к выплате основного долга. Как следует из справки 1960 года, кредит был использован в сумме 553,7 млн шведских крон (427,6 млн руб.). Используя право досрочного погашения, СССР начал в 1961 году выплачивать большие суммы, пытаясь тем самым стимулировать добрососедские отношения с Швецией в начале 1960-х годов²⁴⁷.

²⁴⁴ Кен О., Рурпасов А., Самуэльсон Л. Указ. Соч. С. 348–349.

²⁴⁵ Там же. С. 353.

²⁴⁶ Kahn M. Op. Cit. P. 520–521.

²⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 734. Л. 52.

Официальная версия причин такого незначительного использования заемных средств: размещению советских заказов помешала холодная война и американское давление на Стокгольм. В результате произошла резкая смена просоветских настроений на прямо противоположные.

Неофициально существует мнение о том, что именно в период после выделения кредита Советскому Союзу в Швецию стали просачиваться слухи об истинных причинах исчезновения члена влиятельного семейства Валленбергов. Учитывая, что Валленберги представляли крупнейший банкирский дом Швеции, судьба дипломата Рауля Валленберга, выполнявшего посреднические функции в Европе и задержанного в Будапеште сотрудниками СМЕРШа, могла иметь прямое отношение к изменению кредитной политики Швеции в 1948 году.

В своих мемуарах Павел Судоплатов отмечает, что еще в 1942 году при помощи контролируемого Валленбергами банка, СССР удалось заключить бартерную сделку по обмену высококачественной шведской стали на советскую платину, невзирая на то, что Швеция официально провозгласила нейтралитет²⁴⁸. Он также предполагает, что одной из возможных целей похищения Р. Валленберга была его вербовка с целью использовать положение его семьи для получения выгодных кредитов на Западе²⁴⁹. Хотя более вероятной выглядит другая версия, об интересе к его фигуре в связи с выполнением им посреднических функций между западными союзниками и немецкой разведкой с целью спасения евреев в Европе, но, видимо, не только. Он мог рассматриваться также как участник закулисных переговоров третьего рейха с англо-американцами о возможном сепаратном мире в 1945 году²⁵⁰. Видимо, в этом качестве важного свидетеля он стал интересен для советских спецслужб, что закончилось его исчезновением в 1947 году.

248 Судоплатов П. Указ. Соч. С. 435.

249 Там же. С. 436, 438.

250 Там же. С. 438–441.

Другая возможная неофициальная версия столь незначительного отношения к шведскому кредиту в условиях нехватки валютных средств — элементарное разгильдяйство советской бюрократической машины, не уделявшей достаточного внимания долгосрочному планированию и использованию заемных средств. На такую мысль наводит одна из официальных причин, названная в справке министра внешней торговли Меньшикова по этому вопросу: «у нашей промышленности отпала заинтересованность в импорте из Швеции таких видов крупного оборудования, как паровозы нормальной и узкой колеи, думпкары, некоторые виды оборудования для торфяных работ, оборудования для заводов по производству штампованных радиаторов и т. д.»²⁵¹.

Еще в сентябре 1946 года разразился скандал вокруг фигуры А. И. Микояна в связи с катастрофической ситуацией по валютному плану СССР на IV квартал 1946 года. В записке А. Косыгина на имя Сталина указывалось, что «в связи с тем, что валютный план представлен МВТ, Госбанком и Минфином СССР с общим дефицитом в сумме 506.745,4 тыс. руб., в том числе по свободной валюте 289.530,6 тыс. руб., Валютный комитет вынужден задерживать представление валютного плана на утверждение и изыскивает возможности для покрытия указанного дефицита»²⁵².

В приложенной к этой жалобе справке главная вина приписывалась ведомству Микояна — Министерству внешней торговли. «Считаем необходимым сообщить Вам, что Министерство внешней торговли — Заместитель министра т. Степанов — с ведома т. Микояна, представило в валютный комитет при Совете Министров СССР проект валютного плана торговых операций на IV квартал 1946 г. с дефицитом свободной валюты в сумме 186,4 млн руб., несмотря на указание Правительства о достижении активного валютного баланса СССР. Такой дефицитный валютный баланс был представлен в Правительство при значительных остатках экспортных товаров у Министерства внешней торговли как на начало IV квартала (349 млн руб.), так и на конец квартала (291 млн руб.).

²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 73 Л. 74.

²⁵² РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 141. Л. 48.

Министр внешней торговли т. Микоян уклонился от представления указанного валютного плана и порекомендовал это своему Заместителю т. Степанову, который с преступной халатностью составил проект валютного плана торговых операций и представил его в Валютный Комитет при Совете Министров СССР. После того как указанный проект валютного плана был отклонен Правительством, Министерство внешней торговли — т. Микоян — вторично предоставило проект плана, опять-таки с дефицитом в 39,6 млн руб. Рассмотрение и проверка в правительстве представленного т. Микояном плана показали, что имеются возможности составить бездефицитный валютный план торговых операций на IV квартал 1946 года.

Проверка также показала, что Министерство внешней торговли и его валютное управление, руководимое т. Степановым, не справляется с делом обеспечения валютного плана, плохо занимается анализом результатов наших внешнеторговых операций, не оказывает соответствующего влияния на хозяйственную деятельность своих торговых объединений»²⁵³.

В ответ Микоян написал покаянное письмо Сталину от руки, в котором взял всю вину на себя и обещал исправить ситуацию. «В этом деле большая моя ошибка и вина.

Конечно, не может быть речи, чтобы я сознательно уклонялся, но так получилось. Во второй половине сентября и в первые дни октября почти все мое время поглощали вопросы внутригосударства²⁵⁴, а затем шесть недель провел в Казахстане, по возвращении откуда пришлось наспех заняться валютным планом.

Доказано, что мне нельзя брать на себя много обязательств, когда я свободен от работы по внутригосударству. Я могу и должен сделать все, чтобы исправить свои ошибки, быстро поправить дела во внешнеторговле и в первую очередь обеспечить активный валютный баланс по внешней торговле»²⁵⁵.

²⁵³ Там же. Л. 51–52.

²⁵⁴ Внутригосударство — внутренняя торговля.

²⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 141. Л. 53.

Этот эпизод не получил освещения в специальных исследованиях об А. И. Микояне, хотя он стал одним из аргументов Сталина в дальнейшей критике и нападках на Анастаса Ивановича²⁵⁶. Что это было: борьба между ведомствами и их руководителями, попытка Сталина свалить вину за хронический недостаток иностранной валюты на Микояна или действительно чрезмерная перегруженность министра внутриэкономическими проблемами СССР в тот период, предстоит разобраться будущим исследователям. Но налицо факт серьезных проблем с планированием и проведением внешнеторговых операций СССР, косвенным отражением чего стало составление списка изначально ненужных товаров со Швецией, из-за чего СССР не смог использовать половину из полученного миллиардного шведского кредита в отведенный договором срок.

В пользу такого объяснения говорит и тот факт, что справки и постановления по поводу использования шведского кредита появились лишь накануне окончания срока действия кредитного договора. Более того, рассмотрев этот вопрос по поручению Политбюро, А. Микоян, А. Зверев, П. Кумыкин и А. Громыко пришли к выводу о «нецелесообразности обращения к шведскому правительству по вопросу об использовании остающейся части кредита» и предложили снять этот вопрос с обсуждения на Политбюро.

«Рассчитывать на то, что шведы в настоящих условиях дадут согласие на пересмотр списков и на продление срока использования кредита нельзя [...]. В случае нашего обращения к ним о продлении срока использования кредита шведы могут заявить, что более чем на 400 млн крон кредит не использован по

²⁵⁶ Например, в одной из последних биографий А. И. Микояна историк из Краснодара М. Ю. Павлов цитирует критические выпады Сталина в адрес Микояна в октябре 1947 года в связи с проектом соглашения о поставках зерна в Чехословакию: «Тов. Микоян не в первый раз подсовывает нам проекты, идущие вразрез с интересами нашего государства. Вспомните историю с вопросом о плане внешней торговли с активным для нас балансом, а также с вопросом о валютном плане». Нет сомнений, что Сталин припомнил именно эпизод 1946 года — Павлов М. Ю. Анастас Микоян... С. 230.

вине советской стороны и всего лишь менее чем на 100 млн крон из-за отсутствия предложений со стороны шведских фирм», — говорилось в справке-обосновании по этому решению²⁵⁷. СССР стеснялся поднимать этот вопрос со Швецией из-за боязни показать свою уязвимость и стать мишенью для западной пропаганды. Однако если в аналогичной ситуации путем активной борьбы и дипломатического давления СССР удалось добиться в своих интересах улучшения условий обслуживания английского кредита, шведский был отдан фактически без боя.

Казалось бы, взаимовыгодные товарно-финансовые отношения несли в себе объединительный потенциал для стран Восточной и Западной Европы после войны. С экономической точки зрения, испытывавшие дефицит в сырье страны Западной Европы были заинтересованы в недолларовых закупках на Востоке. Страны Восточной Европы и СССР были заинтересованы в валютной выручке от экспорта своих товаров на Западе. Их также интересовали механизмы получения западных кредитов для закупок промышленных товаров с целью восстановления и развития своего индустриального потенциала. Но в условиях холодной войны, как показывает история американского, английского и шведского кредитов, политические факторы оказывались решающими в выборе экономических партнеров. Идеологические и геополитические соображения лежали в основе провала попыток Москвы получить крупные американские кредиты.

В случае успешного претворения в жизнь статей шведско-торгового и кредитного договора, по оценкам А. Рурпасова, советский рынок мог выйти на третье место по объему товаров для Швеции²⁵⁸. Но усиление холодной войны и недостаточное внимание к ведению торгово-финансовых операций привели к малой отдаче от шведского кредита как для экономики СССР, так и экономики Швеции. Единственным существенным успехом выглядит история с пролонгацией британского военного

257 РГАСПИ. Ф. 84 Оп. 1. Д. 74 Л. 31.

258 Кен О., Рурпасов А., Самуэльсон Л. Указ. Соч. С. 357.

кредита. Но и он, по сути, носил тактический характер, под- держивая отношения на определенном уровне, но не обладая потенциалом для превращения советского рынка в значимый сегмент британской экономики.

1.7. Совет Европы, ЕОУС и планы политического объединения Европы на рубеже 1940–1950-х годов

В историографии в качестве «точки бифуркации» в истории первых послевоенных наднациональных проектов в Западной Европе принято считать резонансное выступление У. Черчилля 19 сентября 1946 года в университете Цюриха. В нем он высказал свое видение единой некоммунистической Западной Европы, поддержав идею франко-германского послевоенного сближения и построения некоего подобия Соединенных штатов Европы, могущих стать «третьей силой» между двумя сверхдержавами, СССР и США. Это было первое выступление на тему европейского объединения на столь высоком политическом уровне, в котором прозвучало конкретное предложение создания Совета Европы²⁵⁹. Оно дало импульс для всплеска дискуссий и появления различных трактовок форм и методов построения «единой» (на тот момент Западной) Европы.

Начальный этап развития западноевропейской интеграции представлял собой довольно пеструю картину сосуществования разных идейных течений и выражавших их инициативных групп, то укрупнявшихся до межгосударственного уровня, то дублировавших друг друга и боровшихся между собой в национальном масштабе.

Одно крыло сторонников объединенной Европы в послевоенный период можно условно объединить под маркой «ней-

²⁵⁹ Подробный анализ ключевых выступлений «отцов-основателей» западноевропейской интеграции см. в книге: Чубарьян А. О. Российский европеизм. М., 2009. С. 290–303.

трализма». После всех ужасов войны его сторонники просто мечтали о мирной и независимой объединенной Европе, вне конфликтующих блоков и военных союзов. Однако логика развития холодной войны, а также развернувшаяся идеологическая борьба (в том числе использование СССР международного движения за мир в политических целях) дискредитировали идею нейтральной Европы. Наоборот, необходимость объединения перед лицом коммунистической угрозы превратилась в один из главных политических императивов движения за «объединенную Европу» в рамках западной части континента.

Близкой к этому крылу, хотя и разделявшей антикоммунистическую направленность «европейского единства», было созданное в 1946 году Социалистическое движение за Соединенные штаты Европы. Его главной целью было создание социалистической Европы — «третьей силы», независимой от СССР и США²⁶⁰.

Но самыми заметными и влиятельными были объединения сторонников построения федералистской Европы. Так, в 1946 году порядка 50 национальных движений сторонников европейского федерализма объединились в Союз европейских федералистов с целью поменять общественное мнение в своих странах в пользу создания Западноевропейской региональной федерации во главе с неким федеральным органом или правительством. Почти одновременно, в 1947 году, для пропаганды идей федералистов и давления на правительства стран Европы был образован Европейский парламентский союз во главе с Рихардом Куденхов-Калерги, который возглавлял панъевропейское движение в межвоенный период²⁶¹.

Противники федералистов — сторонники классического межгосударственного сотрудничества в своих планах ограничивались тесными формами сотрудничества между прави-

²⁶⁰ Синдеев А. А. Начало. 1947–1957 годы. С. 19.

²⁶¹ Там же. О панъевропейском движении и личности А. Куденхов-Калерги см.: Громова А. В. Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея Пан-Европы // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории, 2007 № 20. С. 189–197.

тельствами европейских стран, избегая потери суверенитета в результате образования наднациональных структур. Поскольку такой взгляд был изначально наиболее распространенным, его приверженцы в тот период не создавали каких-то специальных лоббистских групп давления.

Несколько по другому принципу была организована еще одна проевропейская транснациональная структура, Европейская лига экономического сотрудничества. Она изначально позиционировала себя как экспертное сообщество, объединяющее официальных представителей европейских стран в целях защиты экономических интересов Западной Европы и построения «Общего рынка». В нее входили премьер-министр Бельгии Пол ван Зееландер, будущий премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, будущий президент Франции Жискард д'Эстен и др. Эта группа не стала массовым движением, но получила поддержку промышленных и финансовых кругов западноевропейских стран. Она осуществляла экспертизу и выражала интересы бизнеса и профсоюзов на высшем политическом уровне.

В 1948 году состоялся общий Европейский международный конгресс в Гааге под председательством Уинстона Черчилля. На нем столкнулись представители всех вышеперечисленных течений. Обсуждение происходило в трех комитетах: социально-экономическом, политическом и культурном. В ходе дискуссий выявилось главное противостояние между представителями Франции, Бельгии, Италии, Голландии (отстаивавшим наднациональный, федеративный принцип объединения) и депутатами от Великобритании и стран Скандинавии (ратовавшим за межгосударственные связи между правительствами и парламентами в формате союзнических отношений).

Конгресс дал толчок практическому обсуждению планов создания новых общеевропейских политических институтов, к чему европейцев подталкивали США. В итоге 5 мая 1949 года был достигнут компромисс: 10 западноевропейских стран (Бельгия, Великобритания, Дания, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Голландия и Швеция) подписали устав Совета Европы. Это была первая международная парламент-

ская ассамблея. Первые делегаты назначались национальными парламентами или правительствами. Штаб-квартирой стал Страсбург, символизовавший примирение между немцами и французами²⁶².

Однако все развивалось отнюдь не так радужно, как хотелось европейцам. Анализируя развитие Европейского движения за 1949–1951 годы, его генеральный секретарь Жорж Ребатт в начале 1952 года констатировал кризис в стане европейского движения и разочарование от деятельности Совета Европы. В резкой форме он заявил: «Совет Европы, который, в момент его создания, казался краеугольным камнем нашего строительства, далек от того, чтобы стать эффективным рабочим инструментом для европейского единства... известные правительства Европы, сперва косвенно, а затем и прямо, решили что они имеют определенные причины самоустраниться от эффективного сотрудничества в работе по созданию европейского единства, и, как следствие, ряд представленных на консультативной ассамблее стран, формально поддерживая европейскую идею, в действительности работают против нее»²⁶³. Он раскрыл методы скрытой борьбы государств за влияние в Совете Европы, указав на появление в европейском движении дублирующих организаций (например, Французский Совет за Объединенную Европу и Движение «Объединенная Европа»), благодаря которым Британия и Франция получали самое большое количество мандатов по сравнению с другими странами. Этим организациям было рекомендовано слиться с уже существующими национальными комитетами европейского движения²⁶⁴.

Оценки генерального секретаря подтверждают выводы российского историка Ю. С. Кузьмина о том, что разными способами основной тон в Совете Европы на начальном этапе задавала

262 Европа: проблемы интеграции и развития / под ред. О. А. Колобова. Н. Новгород, 2008. Т. 1. С. 78–89; Кузьмин Ю. С. Указ. Соч. С. 18–19.

263 Bodleyan library. MS. Macmillan Dep. C. 390. Papers relating to the European movement. Fol. 23–24

264 Ibid.

Великобритания, пытаясь получить максимальное число мест в этом органе с целью оказания влияния на весь процесс развития европейской интеграции. В тот момент Лондон стремился не допустить реализации федералистских идей в Европе²⁶⁵.

Интересно, что на первой сессии Совета Европы в числе прочих проектов было выдвинуто предложение объединить структуры Организации европейского экономического сотрудничества и ЕЭК ООН в некое единое экономическое ведомство Совета Европы с целью выработки программы экономической интеграции стран-членов этих организаций. Причем приверженцами этого подхода выступили такие представители разных европейских движений, как Ги Молле, Андре Филипп, Робер Шуман, Ферручио Фари и Гарольд Макмиллан²⁶⁶.

Из всех амбициозных планов создания наднациональных структур европейской интеграции конца 1940-х — начала 1950-х годов был успешно реализован только один — проект французского генерального комиссара планирования Жана Монне — Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Проект этот также вошел в литературу под названием «план Шумана», поскольку озвучен был именно министром иностранных дел Франции Робером Шуманом, хотя его подготовка велась группой экспертов в Комиссариате планирования под руководством именно Жана Монне.

Политические цели проекта состояли, с одной стороны, в необходимости привязать к себе Западную Германию и исключить угрозу немецкого реваншизма в Европе. А с другой — в стремлении опробовать модель наднационального управления, хотя бы на уровне отдельно взятого сектора экономики. По сути, был выбран метод «шоковой терапии»: декларация готовилась в строжайшей тайне на межгосударственном уровне между его ключевыми участниками: Францией и Западной Германией

265 Кузьмин Ю. С. Парижский договор 1951 г. и многоуровневая интеграция в 50-е годы // 50 лет Европейских сообществ и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Международная научная конференция, Санкт-Петербург 19–20 октября 2011 г. URL: <http://www.edc.spb.ru/conf2001/Kuzmin.html>

266 Milward A. From Reconstruction to Integration. Lnd., N. Y., 1984. P. 303.

(с одобрения США), без какого-либо информирования Великобритании, без участия деловых кругов, парламентариев и европейского движения этих стран²⁶⁷.

Хотя Алан Милвард несколько оспаривает версию о полной завесе тайны над этим планом и приписываемых Жану Монне исключительных авторских правах на этот проект, можно сказать, что парадоксальным образом проект первой наднациональной европейской структуры был создан руками самих государств в тайне от собственных граждан²⁶⁸. Именно это обеспечило успех. 9 мая 1950 года министр иностранных дел Франции Робер Шуман озвучил планы правительства, предложив, во-первых, путь постепенного движения к объединенной Европе, а во-вторых, впервые озвучив идею передачи всего франко-немецкого производства угля и стали в ведение высшего органа с возможностью для других европейских стран принять участие в новой организации. В то же утро французское правительство одобрило «план Шумана». Публичные обсуждения во французском парламенте прошли уже после подписания договора лишь в рамках его ратификации в декабре 1951 года.

Главной политической целью этой инициативы было искоренение многовекового франко-немецкого конфликта в Центральной Европе, что было необходимой предпосылкой для любых проектов объединения Европы. Кроме того, это отвечало стремлению США включить Западную Германию в систему западных союзов и тем самым создать условия для образования зависимого от Запада капиталистического государства на территории трех немецких оккупационных зон (американской, британской и французской). С экономической точки зрения добыча угля и производство стали были неразрывно связаны между собой, к тому же они являлись жизненно важными секторами экономики в послевоенное время. Реконструкция европейских

²⁶⁷ Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). The birth of the Community of Europe. The Declaration of 9 May 1950 [URL: <http://www.cvce.eu/collections/unit-content/-/unit/02bb76df-d066-4c08-a58a-d4686a3e68ff/3b073a30-f149-4016-8a58-281270d4336f> Дата обращения: 01.10.2011]

²⁶⁸ Milward A. Op. Cit. P. 304–305.

стран означала повышенный спрос на сталь для железных дорог, мостов, шахт, заводов, жилищного строительства. Начавшаяся в июне 1950 года война в Корее повысила и градус напряженности в Европе, что вылилось в росте спроса на сталелитейную продукцию для ВПК западноевропейских стран.

Французское производство стали зависело от поставок угля, богатейшие запасы которого находились в Саарской и Рурской областях Западной Германии, оккупированной после войны Францией. Ожидавшееся в декабре 1951 года окончание полномочий международного органа управления Рурской областью грозило Франции экономической катастрофой — полной остановкой производства. Собственные производственные мощности Западной Германии, восстановленные в рамках «плана Маршалла», в случае самостоятельного развития, таили в себе угрозу жесткой конкуренции с французскими заводами. В целом «план Шумана» давал возможность сделать производство угля и стали локомотивом развития экономики Западной Европы, уменьшая производственные издержки и снижая конечную цену для потребителя²⁶⁹.

С благословения США 20 июня 1950 года в Париже открылась конференция, в которой участвовали делегаты ФРГ, Франции, Италии и стран Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) — тех европейских стран, в экономике (особенно в энергетике) которых уголь в то время занимал первостепенное место. 18 апреля 1951 года между ними был подписан договор, учреждавший Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) — первый структурный элемент западноевропейской региональной интеграции²⁷⁰.

²⁶⁹ *Milward A. Op. Cit. P. 279–305.*

²⁷⁰ В отечественной историографии закрепилось название ЕОУС, хотя в буквальном переводе организация именовалась «Европейское сообщество угля и стали» (ЕСУС), став частью «Европейских сообществ» вместе с ЕЭС и Евратомом, согласно Римскому договору 1957 года. Впрочем, как в отечественной, так и в зарубежной историографии применительно к 1950–1970-м годам в одинаковом собирательном значении употребляются названия «Европейское сообщество» и «Европейские сообщества».

Особенностью договора о ЕОУС было то, что, несмотря на, казалось бы, технический круг проблем двух интегрированных секторов экономики (вопросы производства, инвестиций, ценового регулирования, условий конкуренции, торговой политики в области угля и стали), была создана сложная система управления. Главным новшеством были наднациональные полномочия Высшего руководящего органа ЕОУС (его решения были обязательными для исполнения правительствами стран-участниц объединения)²⁷¹. Восемь членов Высшего органа²⁷², хотя и назначались правительствами соответствующих стран, приносили клятву защищать общие интересы объединения, невзирая на национальные пристрастия. Независимость от национальных государств была также продумана финансово: работа финансировалась из 1% налога с товарооборота угольных и сталелитейных компаний, а не из государственной казны каждой страны-участницы²⁷³.

Помимо Высшего руководящего органа, структурообразующими органами ЕОУС были Общая ассамблея, Специальный совет министров и Суд. В Общей ассамблее были представлены представители парламентов стран-участниц ЕОУС, в его компетенцию входило право отправить двумя третями голосов в отставку весь состав Высшего руководящего органа. Он мыслился как структура, предохраняющая от возможного произвола Верховного органа. Совет министров был призван стать медиатором между новым наднациональным органом и правитель-

²⁷¹ В данном случае мы следуем традиции отечественной научной литературы, в которой прочно закрепилось название «Высший руководящий орган», хотя Ю. С. Кузьмин считает более верным употребление буквального перевода названия – «Верховная власть», что, по его мнению, подчеркивает принципиальное отличие этого органа от всех других международных организационных структур того периода. – *Кузьмин Ю. С. Указ. Соч. С. 24.*

²⁷² Всего на первом этапе существования ЕОУС было девять членов Верховного органа. Согласно сложной системе кадрового отбора, девятый член не назначался, а избирался уже самими восемью представителями.

²⁷³ Статьи 9 и 50 Договора об учреждении европейского объединения угля и стали (Париж, 18 апреля 1951 г.) [URL: <http://lawru.info/legal2/se11/pravo11451/page3.htm> Дата обращения 01.10.2011]

ствами входящих в него стран. Суд был призван разрешать все возникающие в процессе работы конфликты участвующих сторон. Учредительные документы придавали ЕОУС статус субъекта международного права²⁷⁴.

Ратификация Парижского договора преодолела сопротивление коммунистов в парламентах западноевропейских стран. Уже во второй половине 1952 года различные органы ЕОУС приступили к работе. В 1953 году все его участники констатировали несомненные выгоды от перестройки угольной и металлургической промышленности и роста внутриевропейского производства и торговли. С политической точки зрения ЕОУС оправдал надежды на примирение и сотрудничество между Францией и Западной Германией.

Успешное создание первой интеграционной структуры в 1952 году дало стимул для возобновления поиска формул политической интеграции в Западной Европе. Еще в 1950 году параллельно с обсуждением планов интеграции угольной и металлургической промышленности шла работа над проектом единой европейской армии, известным как «план Плевена» — по имени его автора, премьер-министра Франции Рене Плевена. Озвученный в национальном собрании Франции в октябре 1950 года, этот проект предусматривал секторальную интеграцию в области обороны — создание наднационального командования в рамках Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

Договор был подписан 27 мая 1952 года в Париже министрами иностранных дел Франции, ФРГ, Италии и Бенилюкса. Его главным положением было разрешение ФРГ восстановить собственные вооруженные силы после Второй мировой войны, поставив их под контроль общеевропейского командования. Соглашение также предусматривало тесное взаимодействие ЕОС и НАТО. Однако ратификация договора парламентами стран-участниц постоянно откладывалась из-за наличия сильной оппозиции, как внутренней, так и внешней. Левые и националистические

²⁷⁴ Подробнее см.: Кузьмин Ю. С. Указ. Соч. С. 27–55.

силы, особенно во Франции, были решительно против наднационального ЕОС. Немаловажную роль сыграла четко заявленная позиция СССР, решительно осуждавшего ремилитаризацию Западной Германии, заключение сепаратных договоров бывших союзников с Боннским правительством и вообще идею военного объединения западноевропейцев против Восточной Европы, что означало раскол европейского континента.

О том, что претензии СССР имели под собой реальную основу, говорит агитационный памфлет, распространявшийся в 1952 году Европейской лигой экономического сотрудничества, который так и назывался: «Перевооружение Западной Европы и ее экономическая консолидация». В нем напрямую говорилось о том, что невозможно найти решения экономическими проблемами Европы, не решив первостепенный вопрос о ее перевооружении. По сути, памфлет предлагал сделать из объединенного военно-производственного комплекса западноевропейских стран мотор всей европейской интеграции, который бы дал толчок экономической интеграции, приведя впоследствии к объединению невоенных рынков и валют²⁷⁵. При этом было совершенно очевидно, что за красивыми словами о необходимости спасения Европы за счет подобного военного пула стояло стремление мобилизовать Западную Европу, следуя логике послевоенной конфронтации с восточноевропейским социалистическим лагерем.

Справедливости ради следует отметить, что в британском Форин Офис относились с большим недоверием к деятельности Европейской лиги. В своей официальной политике Лондон стремился оказывать влияние на развитие интеграционных процессов в Западной Европе, избегая собственной вовлеченности в какие-либо наднациональные структуры. Как говорил Уинстон Черчилль, «мы с Европой, но не в ней»²⁷⁶. Его политические оппоненты, лейбористы, были еще более прямолинейны:

275 Bodleyan library. MS. Macmillan Dep. C 415. ELEC – European league for Economic Cooperation. Fol. 35–36.

276 Липкин М. А. Указ. Соч. С. 23.

«мы, англичане, ближе к нашим родственникам в Австралии и Новой Зеландии на дальнем конце мира, чем к Европе», — констатировала брошюра исполкома лейбористов «Европейское единство» в 1950 году²⁷⁷.

Именно в этом духе еще на этапе создания ЕОУС британцы выдвинули план альтернативной интеграции. Они предлагали превратить Европейское объединение угля и стали из наднациональной в межправительственную организацию. Этот план предусматривал подчинение координационного экспертного органа ЕОУС комитету министров стран — членов ЕОУС, который, в свою очередь, должен был стать подотчетным комитету министров Совета Европы. Целью Лондона на протяжении первой половины 1950-х годов было подчинить Совету Европы (в котором Британия имела внушительное представительство) все остальные интеграционные структуры, включая ЕОС. Естественно, континентальные европейцы, среди которых преобладали федералисты, расценили такие действия англичан как искусную кампанию по саботажу достигнутых соглашений²⁷⁸.

Первые успехи секторальной интеграции на примере ЕОУС подталкивали к более амбициозным проектам. Идея Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) предусматривала слияние со временем структур ЕОУС и ЕОС в некое единое политическое руководство Западной Европой. Для этого в конце 1952 — начале 1953 года специальный “ad hoc” комитет в рамках Общей ассамблеи ЕОУС разработал план европейского политического сообщества (ЕПС), представлявшего собой первый проект общеевропейской конституции. Однако он, как и ЕОС, так и остался на бумаге в связи с провалом ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе в ходе голосования во французском парламенте 30–31 августа 1954 года. Стало очевидно, что быстрая военно-политическая интеграция даже шести стран в 1950-х оказалась утопией. Вместо ЕОС главной военно-политической организацией для

277 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1146. Л. 92.

278 Липкин М. А. Указ. Соч. С. 22–23.

Западной Европы на долгие годы стал Западноевропейский союз (ЗЕС), в котором главенствующие позиции занимала Великобритания и который был построен на принципах межгосударственного сотрудничества.

Хотя проекты западноевропейской интеграции подразумевали создание замкнутой экономической и политической группировки стран, сплочение которых в политико-идеологическом плане происходило на базе противопоставления себя коммунистической Восточной Европе, нельзя сказать, что идеал европейского единства — подлинное объединение всей Европы — был забыт насовсем.

Еще Черчилль, выступая на первом заседании Совета Европы, говорил о необходимости оставить часть пустых кресел в ожидании присоединения восточноевропейских стран. Правда, при этом он выдвигал в качестве условия принятие ими западных ценностей свободы и демократии²⁷⁹. Со стороны различных общественных движений и новостных агентств на имя Сталина направлялись запросы относительно отношения СССР к идеям построения федеральной Европы и возможности присоединения восточноевропейских стран²⁸⁰.

Одним из наиболее существенных и последних шагов к общеевропейскому сотрудничеству было приглашение СССР присоединиться к Брюссельским конвенциям о таможенных вопросах — результату долгих дискуссий о создании европейского таможенного союза, к созданию которого западноевропейцев подталкивали США. Как пишет Алан Милвард, эта инициатива была ответным шагом европейцев на амбициозные планы Вашингтона по превращению послевоенной Западной Европы в зону свободной торговли для облегчения проникновения американских товаров на интегрированный рынок²⁸¹.

279 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 60.

280 См., например: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 211. Л. 17–19; Ф. 558. Оп. 11. Д. 229. Л. 107–110.

281 *Milward A. Op. Cit. P. 178.*

Западноевропейцы сами пригласили СССР к участию в специальной рабочей группе по изучению мер, необходимых для создания европейского таможенного союза. Анализируя это предложение, в октябре 1947 года в Кремле сочли малоперспективным создание такого союза ввиду наличия явной оппозиции скандинавских стран. Молотов дал указание своему заместителю Я. А. Малику не просто затянуть с ответом, а не отвечать на приглашение в принципе²⁸².

В результате разногласий между Британией, Францией и Нидерландами в 1948 году таможенный союз так и не состоялся²⁸³. Тем не менее появление дополнительного игрока — провозглашенной в 1949 году Федеративной республики Германии — подтолкнуло интеграционные процессы в Западной Европе. Хотя и далекие от таможенного союза, Брюссельские конвенции 1950 года были призваны создать механизм согласования таможенной политики европейских стран. Нотой бельгийского посольства от 10 мая 1951 года правительство СССР было официально приглашено присоединиться к трем конвенциям, подписанным 15 декабря 1950 года, о сотрудничестве в таможенных вопросах.

Первая из них, о товарной номенклатуре таможенных товаров, вводила единую товарную классификацию для таможенных тарифов и статистики внешней торговли. «Ее схема приспособлена к потребности капиталистического товарооборота и существенно отличается от нашей номенклатуры», — отмечалось в записке министра иностранных дел А. Я. Вышинского и министра внешней торговли М. А. Меншикова на имя Молотова по этому вопросу²⁸⁴. Вторая конвенция, об оценке товаров для таможенных целей, вводила единые методы оценки товаров для исчисления таможенных пошлин. «В наших условиях внешней

282 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 25. Д. 311. Л. 19.

283 *Milward A.* Op. Cit. P. 196

284 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 72. Л. 57–58. Подписанная 15 декабря 1950 года в Брюсселе Конвенция учреждала Совет по таможенному сотрудничеству, который затем эволюционировал во Всемирную таможенную организацию со штаб-квартирой в Брюсселе.

торговли, когда не может возникнуть вопроса о неправильности взимания импортных пошлин, данная конвенция является беспредметной»²⁸⁵. Третья предусматривала создание Совета по таможенным вопросам, но также не представляла интереса для советской стороны²⁸⁶.

«Идея европейского таможенного союза навязана американцами в плане подготовки создания так называемой "Объединенной Европы"», — отмечали Вышинский и Меньшиков. По причине отсутствия экономической заинтересованности и близкой связи с «планом Маршалла» МИД и МВТ СССР сочли присоединение СССР нецелесообразным²⁸⁷.

Об отсутствии интереса у СССР к таможенным вопросам в тот период говорит и отказ от подписания Протокола Международного Союза рубрикации таможенных тарифов 1949 года — организации, к которой Москва присоединилась еще в 1935 году. Союз занимался обнародованием и обменом информацией о таможенных тарифах стран-участниц. Бельгийское правительство как страна, где находилась штаб-квартира этого Союза (в Брюсселе), пригласила СССР присоединиться к Протоколу и увеличить свой членский взнос. Те же Вышинский и Меньшиков предложили без формальной денонсации, подписанной СССР Конвенции сообщить, что СССР «не предполагает присоединиться к Протоколу 1949 г.»²⁸⁸

Весьма показательна, на удивление мягкая, если не сказать вялая, реакция Москвы на снижение таможенных барьеров между странами Западной Европы. В справке на имя И. В. Сталина от 16 ноября 1950 года министр внешней торговли жаловался, что «западноевропейские страны-участницы плана Маршалла, в соответствии с решением так называемой Организации Европейского экономического сотрудничества проводят с октября 1949 года взаимную отмену количественных ограничений на

285 Там же.

286 Там же.

287 Там же. Л. 57.

288 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 68. Л. 110–112.

импорт ряда товаров, преимущественно сырьевых и сельскохозяйственных продуктов, ввозимых в порядке частной (негосударственной) торговли»²⁸⁹. Это означало нарушение Великобританией, Францией, Бельгией, Швецией, Данией и Норвегией условия наибольшего благоприятствования, предусмотренного в действовавших торговых соглашениях с СССР. Формально Москва имела все основания заявить протест. Однако МВТ считало нецелесообразным предпринимать такой демарш.

Свою позицию Меншиков аргументировал так: «нераспространение на СССР режима, вытекающего из отмены количественных ограничений импорта, не наносит существенного ущерба интересам нашего экспорта, поскольку наша торговля с перечисленными выше странами осуществляется преимущественно или по согласованным спискам, или в виде отдельных компенсационных сделок, или с правительственными организациями (например, продажа зерна и леса в Англию), а не с частными фирмами. Кроме того, наш протест в настоящих условиях вряд ли мог бы дать положительные результаты»²⁹⁰.

Тот факт, что в попытках наладить таможенное сотрудничество с Москвой особые усердия прилагала Бельгия, был связан с успешным подписанием в 1948 году Торгового соглашения и Соглашения о платежах между СССР и Бельгийско-Люксембургским экономическим союзом (БЛЭС). Причем во всех документах Москва официально признавала этот экономический союз, и соглашения подписывались именно с союзом, а не с каждой из стран в отдельности²⁹¹. Это редкое для атмосферы 1948 года соглашение позволяет говорить о том, что СССР не был огульным противником западных экономических союзов вообще. Бельгийско-Люксембургский союз был наименее политизирован и, конечно, играл куда более скромную роль, чем ЕОУС и более поздние интеграционные объединения с участием Западной Германии.

289 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 66. Л. 138.

290 Там же. Л. 138–139.

291 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 61. Л. 118.

Советская реакция на проекты Совета Европы, Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), европейского оборонительно-го сообщества (ЕОС) были детально рассмотрены в публикациях отечественных историков²⁹². Все они говорят о том, что Совет Европы, ЕОУС и особенно ЕОС, не говоря о планах европейского политического союза, рассматривались Кремлем крайне негативно в контексте военно-политической интеграции Запада по американским лекалам.

Характерна краткая справка «Европейский Совет», составленная Г. Рассадным и Г. Ратиани 22 августа 1949 года и разосланная В. М. Молотову, А. Я. Вышинскому и Б. Ф. Подцеробу: «Уже в настоящее время очевидно, что организаторы "Европейского Совета" ставят перед этим органом такие задачи, как:

1. Демагогией в "европейском парламенте" об "организации Европы", об экономическом, социальном и культурном "сотрудничестве" отвлечь внимание народов "маршаллизованных" стран от последствий экономического кризиса и провала "плана Маршалла", и воспрепятствовать росту борьбы трудящихся этих стран за осуществление своих требований.

2. Усилить идеологическую подготовку новой войны, противопоставляя страны Европейского Совета Советскому Союзу и странам новой демократии, создавая "гражданский" орган, выражающий "европейское общественное мнение", угодное заправилам военного Западного Союза и Северо-атлантического блока.

3. Оформить вовлечение Западной Германии и некоторых других стран, неучаствующих в Северо-атлантическом договоре

²⁹² *Егорова Н. И.* Реакция советских лидеров на «планы» Плевена и Шумана // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). М., 2008. С. 67–86; *Васильева Н. Ю.* СССР и образование Совета Европы (по материалам отечественных архивов и советской прессы) // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). М., 2008. С. 97–105; *Кузьмин Ю. С.* Общая ассамблея европейского сообщества угля и стали и развитие европейской интеграции (1952–1958). СПб., 2002; *Зуева К.* План Шумана и Советский Союз // История европейской интеграции: 1945–1994. М., ИВИ РАН, 1995. С. 55–67; *Размеров В.* Брюссельский пакт и план Плевена в советской внешнеполитической пропаганде // История европейской интеграции: 1945–1994. М., 1995. С. 129–140.

в активную политическую и идеологическую подготовку новой войны против СССР и стран народной демократии.

4. Пропагандой об "общеевропейских" и "сверхнациональных" интересах замаскировать империалистическую колонизацию Западной Европы и уничтожение национального суверенитета и независимости европейских стран в целях осуществления англо-американских планов мирового господства»²⁹³.

При этом две центральные для развития западноевропейской интеграции страны, Франция и Великобритания, также рассматривались как главные проводники американского влияния на континенте. Несмотря на тот факт, что «план Шумана» и «план Плевена» (ЕОС) родились в недрах французской школы политического планирования, считалось, что «французские правящие круги действовали по указке американцев»²⁹⁴. Так, в справке «О позициях США, Франции и Англии в вопросе об "объединении Европы"» отмечалось, что внесенное французами в ноябре 1951 года предложение о создании «европейской федерации» с наднациональными органами было инспирировано США. Подтверждением этого послужила публичная поддержка федерализации Европы со стороны президента Трумэна, озвученная им в послании конгрессу²⁹⁵.

Великобритания в отличие от Франции, несмотря на бурное планирование послевоенных европейских структур, на самом деле устранилась от участия в наднациональной организации ЕОУС и ЕОС и пыталась фактически ослабить интеграционные процессы в Западной Европе, заменив их на более легкие формы сотрудничества. Это отмечалось советскими экспертами. В частности, в справке «О позициях США, Франции и Англии в вопросе об "объединении Европы"» говорилось: «...английское правительство, не допустив в период переговоров о создании Европейского Совета наделения этой организации полномочиями политической власти, в дальнейшем отказалось

²⁹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 73.

²⁹⁴ Егорова Н. И. Указ. Соч. С. 79.

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 85.

участвовать в угольно-металлургическом объединении и в "европейском оборонительном сообществе" и в течение продолжительного времени вообще пыталось сорвать осуществление "плана Шумана" и "плана Плевена". Пользуясь правами оккупирующей державы, английское правительство не давало согласия на участие Западной Германии в "европейской армии". Только под американским нажимом англичане в сентябре 1951 года пошли на уступки и отказались от противодействия созданию "европейской армии" с участием западногерманских дивизий, оговорив, однако, что сама Англия в "европейское оборонительное сообщество" не вступит»²⁹⁶.

В то же время эта страна получила черную метку с советской стороны за пламенные речи У. Черчилля, которые, как отмечали не раз британские историки, прямо противоречили его делам на посту премьер-министра. Его выступление в Фултоне, призывы к созданию Совета Европы и ЕОС закрепили за Великобританией в глазах советских аналитиков имидж главного вдохновителя антисоветских замкнутых группировок в Западной Европе²⁹⁷.

Наиболее болезненным и пугающим для СССР было втягивание в эти проекты Западной Германии, что предвещало быстрое укрепление западного лагеря за счет возрождающегося экономического и военного потенциала Бонна с перспективой возрождения немецкой гегемонии в Западной Европе и захвата руководящих позиций в создаваемых интеграционных структурах.

В рассматриваемый период в оценках советских экспертов уже не было никакой полемики или разногласий, как в случае с МВФ и МБРР в 1943–1946 годах. Феномен западноевропейской интеграции означал однозначное «зло», связанное с глобальным противостоянием СССР и США и не рассматривался в качестве самостоятельного, имеющего внутриевропейские корни, явления.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1071. Л. 88–89.

²⁹⁷ *Егорова Н. И.* Указ. Соч. С. 79–80.

Как показывает проведенный в первой части данной работы анализ документов, СССР активно участвовал в выработке послевоенного «мирового экономического порядка» в виде институтов Бреттон-Вудской системы и был гораздо более близок к интеграции в мировую финансовую архитектуру, чем считалось до сих пор. Именно финансовый интерес (кредиты на восстановление и развитие экономики) был первостепенным в желании Советского Союза продолжать сотрудничество с западными союзниками после Второй мировой войны. На переговорах о создании МВФ СССР добился наиболее благоприятных условий членства и, несмотря на огромный урон, нанесенный стране войной, успешно трансформировал военно-политический авторитет в финансово-экономический, добившись места третьей мировой финансовой державы после США и Великобритании. В торговых вопросах, как было показано применительно к проекту Международной торговой организации и ГАТТ, интерес Москвы к участию в многосторонних организациях был гораздо слабее.

Глобальные институты виделись СССР как часть международного механизма по реконструкции Европы, финансово-экономическая часть проекта Объединенных наций. При этом поначалу главным экономическим и политическим партнером в советском планировании выступала заокеанская сверхдержава — США, а не пул собственно западно- или восточно-европейских стран. Причем, как было показано применительно к идеям военного времени о федеральном устройстве отдельных частей Европы, советские дипломаты находили общие точки соприкосновения с американцами, объединяясь против британских планов собрать из малых стран Европы некий конструктор интегрированных субрегиональных «блоков».

Главным фактором в эволюции советской позиции в отношении федераций или конфедераций европейских стран был вопрос о степени участия и самостоятельности эмигрантских правительств в послевоенном политическом устройстве Польши и Чехословакии. Поэтому постепенно из проектов соглаше-

ний с Великобританией исчезла тема федераций, и в последующие годы Москва жестко оппонировала попыткам англичан придать приоритетный характер этому вопросу. Единственным исключением стала попытка самостоятельного создания южнославянской федерации в 1944 году на базе просоветских партизанских движений в Югославии и Болгарии. Однако желание сохранить союзнические отношения с Лондоном в тот момент преобладали, и идея осталась на бумаге.

До 1946 года иллюзии относительно американского кредита и некоего продолжения ленд-лиза на новом уровне сохранялись и заставляли СССР смотреть сквозь пальцы на развитие экономических связей с опустошенными странами Западной Европы, которые в большинстве своем сами искали экономической помощи извне. Редкое исключение составляла Швеция, и то, переговоры по кредитному и торговому соглашению с СССР начались лишь после осознания трудностей с получением американского кредита.

Как было показано на новых архивных материалах, применительно к первым проектам европейских экономических организаций, к участию в которых приглашался СССР (Европейский экономический комитет, Европейская угольная организация), Москва занимала позицию, близкую к английской политике конца 1940–1950-х годов в отношении Совета Европы, ЕОУС и позже ЕЭС. Не отрицая на словах важности общеевропейской реконструкции и торговли, Советский Союз, как региональный лидер и сверхдержава с глобальными интересами, фактически не был заинтересован в тот период в усилении многосторонних экономических европейских организаций и в создании каких-то панъевропейских интеграционных образований. Поддерживая на словах идеи европейской торговли и европейского сотрудничества, как показывает разобранный пример с оценкой Европейского таможенного союза, Москва не видела угрозы для своих экономических интересов от сближения западных стран в таможенных вопросах. Делая ставку на свой авторитет и развитие двусторонней договорной базы сотрудничества, в первую очередь с США, советские эксперты не верили в реальность

появления нового центра силы в виде «объединенной Западной Европы». Можно сказать, что подобно критиковавшемуся не раз впоследствии британскому прагматизму, помешавшему Лондону принять полноценное участие в европейской интеграции в 1950-е годы, чисто прагматический подход Москвы к созданию панъевропейских структур в 1945–1946 годах не позволил СССР сыграть сколь-либо важную роль в европейском движении, наибольшие шансы для которого имелись в случае участия в Европейском угольном комитете.

Заняв впоследствии обиженную позицию и громко хлопнув дверью после Парижской сессии министров иностранных дел, обсуждавшей «план Маршалла» летом 1947 года, СССР, несмотря на сигналы из западных стран о наличии интереса к некоей альтернативе, несмотря на проводимую им же политику игры на противоречиях западных держав, занял однозначно негативную позицию и не выдвинул никакой реальной общеевропейской альтернативы в 1947–1951 годах. У СССР не было в тот период своего Шумана или Монне, которые смогли бы создать привлекательный «план не-Маршалла» для всей Европы, даже на базе социалистических ценностей, которые, как было показано на примере лейбористов в 1947 году, пользовались большой популярностью в тот период.

Изменившийся политический ландшафт привел к переменам во внешнеэкономическом инструментарии. Вместо планировавшегося в последние годы войны сотрудничества сверхдержав в глобальных институтах началось противостояние по линии «экономической холодной войны». Оно обозначилось в опускании «железного занавеса» руками Координационного комитета по экспортному контролю стран НАТО и Комиссии по координации торговли с капиталистическими странами при бюро СЭВ. Перестраховываясь, СССР свел к минимуму свое участие в ЕЭК ООН.

В условиях холодной войны вся противоречивая картина первых шагов западноевропейской интеграции сводилась к однозначному восприятию этих действий как проявлений антисоветской политики США. «Европейская интеграция» не вос-

принималась как самостоятельный феномен, рассматриваясь исключительно как пропагандистский ход, «шумиха» для прикрытия военно-политической интеграции стран Запада против СССР и государств Восточного блока.

Вместе с тем стоит внести некоторые коррективы в общее представление об отношении Советского Союза к интеграционным экономическим группировкам. Если в масштабах общеевропейского проекта в духе «Соединенных штатов Европы» советские дипломаты в 1940-е годы придерживались догматических подходов В. И. Ленина, то, к примеру, Бельгийско-люксембургский экономический союз у них не вызывал никакого отторжения. С ним СССР подписал торговое соглашение и развивал прагматические экономические отношения, поскольку он не был так политизирован, как ЕОУС.

В целом для периода рубежа 1940–1950-х годов является показательной оценка британского представителя в ЕЭК ООН, который так оценивал поведение СССР в этой единственной на тот момент общеевропейской структуре: «олицетворением всех вопросов торговли между Востоком и Западом служит то, что тогда как и мы, и русские предпочитают вести дела через двусторонние переговоры, последние считают целесообразным поощрять международную дискуссию по спорным вопросам, чего мы не делаем. Я думаю, что это различие в подходе к международным встречам проистекает отчасти из того обстоятельства, что русские — диалектические материалисты, а мы эмпирики, и отчасти из фактической стороны дела (акт Бэттла и т. д.)»²⁹⁸.

Самая серьезная попытка диалектических материалистов найти общий язык с западными эмпириками была предпринята Москвой в 1952 году, чему посвящена вторая глава книги.

²⁹⁸ TNA. FO 371/100853. Northern Department. East/West Trade in ECE. J.G.S. Beith, UK Permanent Delegation, Geneva to T. Garvey, FO. 17 April 1952.

ГЛАВА 2

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И «ЭКОНОМИКА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

2.1. Центробежные и центростремительные факторы в Европе: КОКОМ, Комиссия СЭВ по координации торговли с капиталистическими странами и развитие межъевропейской торговли в начале 1950-х годов

Созданный в 1949 году в рамках НАТО Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) и появившаяся в ответ со стороны СЭВ Комиссия по координации торговли стран-участников СЭВ с капиталистическими странами при Бюро СЭВ ознаменовали начало противостояния в рамках «экономической холодной войны». Вместо регионального многостороннего экономического сотрудничества в деле реконструкции Европы началось глобальное многостороннее соперничество. Однако пристальный взгляд на документы первых лет заседаний созданного комитета по торговле в рамках НАТО показывает, что особенно в начальный период функционирования этого органа между его участниками происходили дискуссии, где в ожесточенной борьбе сталкивались национальные интересы и наднациональные требования «единства Запада» перед лицом «угрозы» с Востока.

В 1951 году, в целях ужесточения политики торговой блокады СССР и стран восточного блока, а также коммунистического Китая, США заменили «план Маршалла» на закон о взаимной безопасности. Была создана новая руководящая структура —

Администрация взаимной помощи, отвечавшая за координацию всей финансово-экономической политики «помощи» США. В рамках этой линии конгресс США 26 октября 1951 года принял Закон о контроле за взаимной военной помощью (известный также в западной литературе по имени внесшего законопроект конгрессмена как «закон Бэттла» или «акт Бэттла»). Суть его заключалась во введении более широкого списка запрещенных товаров, отличного от существовавшего, в рамках согласованного списка КОКОМ и в односторонних санкциях против западных стран-нарушительниц эмбарго в торговле с Восточным блоком (угроза прекращения финансовой, экономической и военной помощи со стороны США).

Односторонние изменения в политике Вашингтона вызвали бурю негодования среди европейских стран, что старались не афишировать на Западе, но что бросается в глаза при анализе материалов архива КОКОМ, хранящихся в Париже¹. Открывая 15 января 1952 года дебаты по новому американскому законодательству на заседании Консультативной группы КОКОМ делегат Франции с трудом сдерживался от возмущения:

«Для начала я хотел бы напомнить вам, что французское правительство выступает категорически против блокады восточно-европейских стран. [...]»

Более того, для вас не будет новостью узнать, что Франция сталкивается с немалыми экономическими и финансовыми трудностями. Сталкиваясь с серьезным дефицитом валюты, в особенности долларов, Франция вынуждена пытаться путем обмена с восточноевропейскими странами предпринимать усилия для того, чтобы получать сырье и материалы, без которых немислимы ее экономическая жизнь и ее обороноспособность. Покупка зерна в СССР означает экономию долларовых

¹ Даже полуофициальный орган правительства Великобритании, ближайшего союзника США, «Таймс» вышла 30 июля 1951 года с критической статьей в адрес готовившегося американского закона. Газета задавала неудобные вопросы относительно того, доколе вопросы торговли Западом и Востоком будут решаться по указке из Вашингтона без учета мнения европейцев. – The Times July 30, 1951.

средств, покупка крепежного леса означает вклад в функционирование наших угольных шахт, которые столь необходимы для нашей экономики и для нашей обороны. Покупка длинноволокнистого асбеста, хрома и редких металлов призвана помочь нашим усилиям в деле перевооружения.

Я бы хотел попутно здесь отметить, что французское правительство имеет существенные кредиты в восточноевропейских странах. Разрыв торговых отношений с этими странами будет означать потерю для Франции и французских граждан крупных сумм, чье возмещение в рассрочку предусматривается торговыми соглашениями, и которые насчитывают сорок миллиардов франков, иными словами, около 110 миллионов долларов»².

Эти высказывания показывают, насколько советские статьи экспорта в страны Западной Европы были действительно важны для экономики этих стран, насколько, несмотря на политику «сдерживания» и участие Франции в НАТО, продолжала существовать экономическая «взаимозависимость» между странами Европы даже в период военно-политического раскола на два лагеря.

Высказывая свою благодарность за американскую помощь по «плану Маршалла», французский делегат с плохо скрываемым возмущением заявил о том, что его правительство «с удивлением и тревогой» восприняло текст «акта Бэттла», который был принят США без консультаций с западными странами, интересы которых он ставит под угрозу. Он жестко заявил, что в глазах Франции — это чисто американский закон, который французское правительство вовсе не обязано признавать³. Французскую позицию о недопустимости торговой блокады стран Восточного блока поддержал и делегат Норвегии⁴.

² Archives du Ministère des Affaires Étrangères (AMAE). Service des Pactes. COCOM 7. Consultative Group 1952–1953. Summary records of the meeting of the Consultative Group. 15th and 16th January 1952. Fol. 14.

³ Ibid. Summary records of the meeting of the Consultative Group. 15th and 16th January 1952. Fol. 15.

⁴ Ibid. Fol. 4.

Делегат Великобритании был более сдержан в своем выступлении. Он подчеркнул наибольшую обеспокоенность своего правительства тем, что американский закон угрожает согласованному в рамках КОКОМ праву каждой из стран-участниц вводить исключения на применение запрещенной номенклатуры из списка КОКОМ в случае, если оно сочтет это оправданным и необходимым для оплаты стратегических товаров со стороны восточного блока. Англичанин подчеркнул необходимость сохранить суверенное право каждой из стран-участниц вводить исключения на тот или иной вид товаров в торговле с Востоком, высказавшись тем самым против попытки американцев в одностороннем порядке навязать принципиально новый наднациональный механизм контроля товарной номенклатуры с соцстранами⁵.

Доводы Франции и Великобритании были полностью поддержаны и развиты представителем Дании. Он привел в качестве примера зависимости малых стран Западной Европы от товаров из Восточной Европы импорт угля, которым западноевропейцы были не в состоянии обеспечить себя самостоятельно. Датчанин призвал Вашингтон принять во внимание разницу между экономикой США и такой страны, как Дания, которой приходилось импортировать практически все сырые материалы, в том числе ряд товаров — из стран восточного блока. Он напомнил, что правительство Дании выступало за многосторонний подход в вопросах контроля за импортом в соцстраны и для него неприемлем предлагаемый в законе Бэттла двусторонний подход (США и каждая страна Западной Европы в отдельности)⁶. Он призвал США пересмотреть вопрос практического применения закона Бэттла, пригрозив, что одностороннее прекращение помощи со стороны Вашингтона стране, торгующей с Восточным

⁵ Ibid. Summary records of the meeting of the Consultative Group. 15th and 16th January 1952. Fol. 8; 12–13.

⁶ Ibid. Summary records of the meeting of the Consultative Group. 15th and 16th January 1952. Fol. 2–3.

блоком будет иметь самое серьезное последствие не только для сотрудничества в рамках Консультативной группы КОКОМ, но и во всех мало-мальски значимых международных организациях⁷.

В наиболее примирительном духе выступил представитель ФРГ, что, впрочем, не вызывает удивления, так как Западная Германия своим существованием в тот момент была полностью обязана США, напрямую зависела от американского военного «зонтика» и имела самые тесные экономические связи с Америкой. Но даже он подчеркнул необходимость сохранить механизм принятия коллективных решений в рамках Консультативной группы. Западногерманский делегат высказал мысль о том, что его правительство видит работу этой группы в общем контексте политики Запада в отношении Востока: политики исключения возможности войны путем достижения превосходства в силе. В качестве доказательства правительства ФРГ своей готовности сотрудничать в этой политике немецкий делегат привел пример внушительного перевеса голосов в бундестаге при ратификации «плана Шумана», тем самым подчеркнув, что создание ЕОУС является звеном в цепи мероприятий против Восточного блока⁸.

Как показывает приведенная дискуссия в Консультативной группе Координационного комитета по экспортному контролю НАТО в январе 1951 года, ставшая в послевоенные годы классической, советская политика игры на противоречиях между странами Запада была не самоиллюзией, а опиралась на серьезные разногласия между западноевропейцами и американцами. Более того, как видно из выступлений делегатов Франции и Дании, статьи стратегических товаров из стран СЭВ, которые подпадали под контроль КОКОМ, были действительно крайне чувствительными для экономик этих стран.

7 Ibid. Fol. 3.

8 Ibid. Fol. 5.

Оценить эффективность коллективных действий восточного прототипа КОКОМ — Комиссии СЭВ по координации торговли с капиталистическими странами крайне сложно, так как практически все соцстраны тайком друг от друга так или иначе пытались вырвать валюту за запрещенные и котирувавшиеся на западе товары и подделывали статистику. Капстраны же старались сэкономить валюту, покупая по бартеру восточноевропейские товары и также периодически нарушали экспортный контроль КОКОМ, о чем говорят документы Кэ д'Орсэ под рубрикой «незаконная торговля с восточноевропейцами»⁹. Вместе с тем не вызывает сомнений, что холодная война и ограничительные меры влияли на падение экономических связей в ущерб национальным интересам европейских стран (Финляндия и Австрия были редким исключением).

По официальным данным, подготовленным СССР в 1950 году для взаимного информирования стран СЭВ о торговле с капстранами за период с 1 июля 1949 по 1 июля 1950 года, торговый оборот СССР с Западом во втором полугодии 1949 года уменьшился на 30% и еще на 36% в первом полугодии 1950 года (по сравнению с теми же периодами предыдущего года). Таким образом, удельный вес этих стран сократился в 1950 году более чем вдвое в сопоставлении с 1948 годом¹⁰. Если верить справке, во втором полугодии 1949 и первом полугодии 1950 года СССР не вывозил совсем в капиталистические страны: нефтяных труб, качественных сталей, цветных металлов (за исключением 500 тонн меди, поставленных Италии для выполнения советских заказов на оборудование), руд цветных металлов, нефтепродуктов,

⁹ AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 191. Jean Payart, Ambassadeur de France, Haut Commissaire de la République Française en Autriche à Son Excellence Monsieur Robert Schuman Ministre des affaires étrangères, Paris. Commerce clandestine avec l'Est européen. Le 15 février 1952. Fol. 127–128.

¹⁰ Эти данные приводились без учета советско-финской торговли, где на основе многостороннего клиринга, наоборот, объемы торговли с каждым годом увеличивались.

кокса и крупного промышленного оборудования, «в отношении которых Советом предусмотрено ограничение продаж в капиталистические страны»¹¹. «Из товаров, экспорт которых в капиталистические страны подлежит в соответствии с решением Совета ограничению, вывезена за указанный период марганцевая руда на 10,3 млн руб. Экспорт этой руды в капиталистические страны из СССР сокращен с 462 тыс. тонн в 1948 г. до 43 тыс. тонн во втором полугодии 1949 г. и 47 тыс. тонн в первом полугодии 1950 г.»¹². Таким образом, в 1950 году экспорт марганца все же несколько возрос по сравнению с 1949 годом.

Самое интересное, что по итогам обсуждения на Политбюро, Молотовым было приказано Микояну убрать информацию об импорте цветных металлов, каучука, шерсти и джута, которые, согласно первоначальному варианту, приводились как наиболее крупные статьи советского импорта. Также было дано распоряжение изъять таблицу советского импорта и экспорта, ограничившись общим описанием в тексте документа¹³. Упоминание импорта цветных металлов в измененной редакции приводилось без цифр и лишь как пример реэкспорта в страны СЭВ.

Получается, советское руководство «стеснялось» признавать факт несамодостаточности экономики СССР от ряда дефицитных статей западных товаров в своем импорте. В дальнейшем боязнь показать свою большую заинтересованность в торговле с капиталистическими странами не раз становилась аргументом против успешного заключения торговых сделок с западноевропейцами, когда требовалось проявить дополнительную инициативу со стороны СССР.

О вреде «экономики холодной войны» для панъевропейских экономических связей говорят данные о торговых переговорах с ведущими странами Европы. Переговоры с Вели-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 66. Л. 79.

¹² Там же. Л. 80.

¹³ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 66. Л. 130.

кобританией о заключении всестороннего англо-советского торгового соглашения в марте–августе 1949 года были прекращены из-за того, что англичане, настаивая на поставке из СССР марганцевой руды и асбеста, отказывались под влиянием США поставлять взамен олово и алмазы. Также были прекращены переговоры с Францией о заключении соглашения о товарообороте и платежах в середине 1949 года из-за того, что Париж отказался поставлять танкеры, а в других французских товарах СССР в тот момент не был заинтересован¹⁴. Торговля с этими странами велась путем заключения отдельных сделок. Международно-правовая база, необходимая для развития экономических связей в общеевропейском измерении в этот период практически не развивалась.

Наличие прагматического интереса в развитии торговли с обеих сторон при существовании явных противоречий относительно степени жесткости политики «сдерживания» коммунизма среди стран Запада и желание остановить интеграцию Западного блока подвигли СССР на путь новых инициатив в области глобальной и региональной торговли. Таким важным, хотя и малоизвестным в историографии событием стало Московское экономическое совещание в апреле 1952 года.

2.2. Московское экономическое совещание 3–12 апреля 1952 года: тактический маневр или новая стратегическая линия СССР?

История Московского экономического совещания (МЭС) до недавнего времени лишь отрывочно попадала в поле внимания исследователей¹⁵. Применительно к западной исто-

14 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 66. Л. 83.

15 Как звено в цепи событий, отражавших борьбу за власть в среде узкого круга руководства СССР, МЭС получило краткое освещение в книге: Жуков Ю. Н.

риографии, как отмечал французский исследователь Тьерри Робэн из Института политических исследований, это событие было предано забвению, и его упорно игнорирует подавляющее большинство работ по истории международных отношений¹⁶. Комплексного анализа этого важного внешнеполитического мероприятия в историографии не существует.

Между тем, несмотря на давление и информационный бойкот со стороны Запада, МЭС удалось собрать 471 делегата из 48 стран мира (не считая еще 84 человек: экспертов, советников, наблюдателей и просто гостей мероприятия)¹⁷, включая ведущие капиталистические страны. Это первый случай после опущенного в 1947 году «железного занавеса» организованного в послевоенном СССР международного события такого масштаба, в котором была задействована армия обслуживающего персонала — как сотрудников «Интуриста», так и просто переводчиков, водителей, официантов. С учетом значительного числа «исследовательских» туристических визитов в различные части до того закрытого СССР (по заявкам различных делегаций), общая стоимость мероприятия оценивалась организаторами как превышающая

 Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000 С. 556; применительно к развитию советско-итальянских отношений МЭС в качестве самостоятельной главы анализируется в монографии: *Хормач И. А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. М., 2005. С. 330–341.* В западной историографии единственная серьезная публикация по этой теме вышла недавно во Франции на базе исключительно архива МИД Франции – *Thierry Robin. Les relations commerciales de la France et de la Grande-Bretagne avec la République populaire de Chine, à la lumière de la Conférence économique internationale de Moscou d'avril 1952 // Revue d'Histoire Diplomatique. Vol. 1. 2007. P. 41–58.*

¹⁶ *Thierry R. Op. Cit. P. 41.*

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 190. Л. 348. — данные справки «Сведения о составе делегатов и других участников Международного Экономического Совещания в Москве» 12.04.1952 следует считать более точными, чем приводившаяся в книге 2011 года цифра в 450 делегатов (по информации от 27.02.1952 Григорьяна Сталину) — РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 116.

Илл. 2. Профессиональный состав участников МЭС¹⁹

7,180,000 советских рублей¹⁸. Окончательная стоимость пока остается неизвестной.

В западных странах это событие было заклеено как очередной акт советской внешнеполитической пропаганды. Безусловно, это было частью общего замысла подобного мероприятия, особенно принимая во внимание, что предложение о его проведении впервые было озвучено советской делегацией на Всемирном совете мира в феврале 1951 года. И национальные подготовительные комитеты в каждой из стран-участниц поначалу опирались на соответствующие национальные комитеты сторонников мира. Однако затем организаторы постарались не олицетворять себя исключительно с политизированным движением за мир.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 1178. Л. 44.

¹⁹ Диаграмма построена автором на основе архивных данных: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 190. Л. 348.

При внимательном изучении переписки, связанной с организацией этой конференции можно найти свежие и вполне прогрессивные идеи. Конечно, в письмах и докладах таких организаций, как ВЦСПС или Советский комитет сторонников мира на первом месте стояли соображения пропаганды (разоружение ради выгод мирной торговли). Однако изучение материалов Министерства внешней торговли СССР, Всесоюзной торговой палаты, Института экономики АН СССР, открывает совершенно новый пласт конструктивных идей. Это ряд свежих и вполне прагматических предложений по развитию экономических связей между странами с разным социально-политическим строем в духе “business as usual”. Помимо этого, довольно необычно и даже в каком-то плане рискованно (с точки зрения способности контролировать подготовительный процесс, если предположить, что это было чисто пропагандистское мероприятие) выглядит список городов, выбранных для заседаний. Инициативный комитет заседал в 1951 году в Копенгагене, а Бюро Комитета содействия развитию международной торговли выбирало между Лондоном и Берлином, пока не обосновалось в Вене в 1952 году.

Совещание изначально планировалось как неправительственное. В каждой стране был образован национальный подготовительный комитет, который координировал подготовительную работу в соответствующей стране. В самом СССР весь процесс координировался не МИДом, а Внешнеполитической комиссией ЦК во главе с В. Григорьяном.

Ключевой документ по целям и задачам Совещания был передан Внешнеполитической комиссией на утверждение Политбюро 26 января 1952 года. Это был текст проекта решения Политбюро по подготовке и проведению Совещания с рядом дополнительных документов в приложении. В нем прямо говорилось, что «основная цель Московского экономического совещания заключается в том, чтобы содействовать прорыву торговой блокады и той системы мероприятий по экономической дискриминации в отношении СССР, стран народной демократии и Китая, которая в последние годы проводится прави-

тельством США со все большим нажимом...»²⁰. Совещание было призвано поддержать существующие протестные настроения в деловых кругах капиталистических стран; за счет конкретной программы развития торговли (с акцентом на мирные отрасли производства) заинтересовать значительные промышленные и торговые круги различных государств. Прагматическая торговая составляющая заключалась в выявлении возможностей восстановления и развития нормальных экономических связей между странами. И уже в последнюю очередь говорилось о «привлечении к делу защиты мира новых слоев населения на основе их заинтересованности в расширении экономического сотрудничества»²¹.

Кто были эти «значительные торговые и промышленные круги»? Список фирм претерпевал существенные изменения по мере отказа одних и появления предложений по приглашению других компаний и ассоциаций. Интересно, что в тексте постановления фигурировали Торговая палата США, Национальный союз промышленников Англии, Национальный совет предпринимателей Франции, Генеральная конфедерация итальянской промышленности и др. Также сознательно говорилось о желательности пригласить помимо «прогрессивных» профсоюзов некоторые откровенно антисоветские, реакционные профорганизации, например Международную конфедерацию христианских профсоюзов и др.²² В пункте о составе Совещания указывалось примерное распределение делегатов по идеологическому признаку: треть делегатов должны были составить представители СССР, Китая, стран народной демократии и ГДР. Половина участников совещания должна была состоять из делегатов капиталистических стран, однако так, чтобы не менее трети из них составляли «прогрессивные деятели». Остальные участники ожидалось из зависимых и слаборазвитых стран²³.

20 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 61.

21 Там же. Л. 62.

22 Указ. Соч. Л. 63.

23 Там же.

В списке кандидатур, отобранных национальными комитетами и одобренных в Москве, особое внимание уделялось генеральным директорам ведущих корпораций Европы и Америки, а также международным бизнес ассоциациям. Подробный внутренний доклад таможенных служащих из Праги о том контингенте лиц, которые проезжали в Москву через Чехословакию, давал следующую характеристику участникам: «Политический профиль делегаций весьма широкий. Поскольку отдельные участники проезжающие Прагой проявили свою политическую ориентацию, можно констатировать, что между ними были люди как весьма прогрессивного мировоззрения (даже члены соответствующих компартий), так и социал-демократы разных оттенков, либералы, консерваторы, даже реакционеры. Преобладал тип либеральный и консервативный»²⁴.

Интересна в этой связи ситуация с подготовкой и составом британской делегации на МЭС. В РГАСПИ имеется копия записи беседы Первого секретаря посольства СССР в Великобритании тов. Бруслова с Айвор Монтегю, возглавлявшего британский комитет сторонников мира. В этой беседе Монтегю делился сведениями о ходе подготовки и ключевых фигурах британского подготовительного комитета: профессоре Кембриджского университета Джоан Робинсон, бизнесмене и бывшем кандидате в депутаты лейбористской партии Х. Уолстоне, и некоем эксцентрике-филантропе по фамилии Браун, представителя фирмы Glassimettal²⁵. Именно они представляли Великобританию на сессиях Инициативного комитета в Праге и Копенгагене.

В беседе с советским дипломатом Монтегю жаловался на то, что «Робинсон, Уолстон и Браун на этих конференциях получили указания о проведении своей работы по подготовке к экономической конференции независимо от организации сторонников движения за мир Великобритании. В результате Робинсон, Уолстон и Браун ведут свою работу, не информируя руководство

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 790. Л. 351.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 838. Л. 58–59.

комитета сторонников движения за мир в Великобритании и друзей»²⁶. Таким образом, подготовка британской делегации к МЭС проходила не по идеологическому, а по профессиональному признаку и велась независимо от заидеологизированного Всемирного совета мира и его национального отделения в Великобритании. Очевидно, именно это позволило сделать британскую делегацию одной из самых представительных и активных на МЭС: в ее состав вошли 5 депутатов палаты общин (Хьюгс, Дэвис, Сильверман, Усборн, Дрейсон), а возглавил ее депутат верхней палаты — лорд Бойд-Орр.

Если британская делегация состояла из 29 человек, то французская делегация была самой многочисленной в Москве и насчитывала 36 человек. Ее возглавлял Поль Бастид, бывший министр торговли, сотрудник научно-исследовательского института. В отличие от британской делегации, две трети французов составляли представители конкретных фирм и бизнес ассоциаций. Интересно, что оставшаяся треть включала даже не входивших в состав основной делегации «группу поддержки», включая несколько французских писателей, среди них, к примеру, был известный романист Морис Дрюон²⁷.

В своем исследовании Тьерри-Робэн высказывает мысль о том, что наиболее влиятельной на МЭС была французская делегация в силу своих размеров и профессионального состава²⁸. Это спорная оценка, так как по российским документам и по масштабам заключенных контрактов с КНР, а также политическому весу участников, представляется, что менее многочисленная британская делегация была наиболее активной. Не случайно ее участие получило несравнимо большее освещение в западной прессе и в дипломатической переписке.

²⁶ Там же. Л. 59.

²⁷ AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Conférence des économistes pour la paix. Monsieur Yves Chataigneau Ambassadeur de France en URSS à Son Excellence Monsieur Robert Schuman Ministre des affaires étrangères (Direction générales des affaires politiques). Moscou, le 16 avril 1952. Annexe 1. Liste de la participation française à la rencontre économique internationale. Fol. 80.

²⁸ *Thierry Robin*. Op. Cit. P. 49.

Самыми представительными с точки зрения участия лиц с правительственными полномочиями были советская и китайская делегации (по 26 членов каждая). Во главе делегации СССР был глава Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеров, а КНР – Нан Ханчен, президент народного банка Китая. Интересно, что из всех европейских стран только Югославия не получила приглашения и не была представлена на МЭС.

Делегация из США была одной из наименее многочисленных, так как внутри этой страны давление на приглашенных в Москву было особенно сильным. Для МЭС характерна эклектичная фигура одного из немногих американских депутатов — Оливера Викери. Его пестрая биографическая справка, подготовленная советскими органами, рисует образ видного представителя махровой заокеанской буржуазии. И именно в этом качестве он был приглашен в Москву и получил слово для выступления. Фигурируя в роли представителя «Оусен энд компани», якобы ищущей новые рынки, он в то же время был членом Совета Северной Калифорнии по международным вопросам, клуба «Коммонуэлс» и Масонского ордена! А также Артистического клуба и Ассоциации тихоокеанского транспорта, в которой являлся президентом и председателем совета директоров. На конференции он выступил с пламенной речью «Свободная торговля и духовное слияние»²⁹.

Приоритеты совещания и планировавшийся состав говорят о том, что, вне сомнений, главный эффект для СССР ожидался в отношениях со странами Запада. В свою очередь, письма, посланные в адрес инициативного комитета, не оставляют сомнений в том, что на Западе существовал неподдельный интерес к восточным рынкам. Можно найти массу простых писем, рекламирующих новые продукты и технологии, а также содержащих вопросы о возможностях установления деловых контактов с потенциальными партнерами из стран СЭВ по конкретной номенклатуре товаров. И хотя организаторы старались всячески подчеркивать в подготовительных материалах, что Сове-

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 796. Л. 168; 176–177.

щение — это не промышленная выставка, а гораздо более серьезное и масштабное мероприятие, на деле каждая страна СЭВ (включая сам Советский Союз) подготовили детальные планы увеличения торговли с конкретными странами (в первую очередь западными), а во время проведения Совещания были организованы несколько масштабных промышленных и продуктовых выставок, организованы показы советской моды и т. д.

Резолюция Инициативного комитета в Копенгагене была принята после дискуссии с представителями капиталистических стран. Например, в докладе о работе Инициативного комитета (составленном для Внешнеполитического комитета ЦК) говорилось, что «представители капиталистических стран выражали опасения и требовали гарантий, что московское совещание не будет иметь политического характера, не будет связано с движением за мир, не будет касаться политических разногласий, разъединяющих в настоящее время различные страны, совершенно исключит вопросы пропаганды и, в частности, вопрос о превосходстве одного социального строя над другим, имена участников не будут использоваться в политических целях и не будут связаны с какими-либо решениями, с которыми они не согласны»³⁰. И именно благодаря тому, что была дискуссия, по настойчивому требованию западных делегатов, были внесены поправки в текст итоговой резолюции³¹.

О серьезности намерений советской стороны говорит тот факт, что тексты выступлений советского представителя на пленарном заседании и представителей ВЦСПС и Всесоюзной торговой палаты на различных секциях Совещания редактировались по меньшей мере пять-семь раз (каждый) как его авторами, так и высокопоставленными чиновниками из внешнеполитического комитета ЦК.

В своих оценках МЭС французский посол в Москве писал министру иностранных дел Роберу Шуману о том, что совещание — это «этап в рамках политического маневра долгосрочно-

³⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 166.

³¹ Там же. Л. 174–175.

го характера», т. е. оценивал мероприятие в Москве как многоходовую политическую комбинацию³². Нет сомнений, что конференция преследовала целый набор целей, которые можно условно сгруппировать в соответствии с тремя рабочими комитетами, в рамках которых строилась работа МЭС. Это было противодействие «Плану Маршалла» и интеграционным мероприятиям в Западной Европе («Развитие международной торговли»), укрепление позиций СССР в развивающихся странах и особенно роль посредника в торговых отношениях Китайской Народной Республики с Западом («Проблемы развивающихся стран») и, наконец, общий пропагандистский удар по глобальной политике эмбарго и ограничений со стороны КОКОМ («Международное экономическое сотрудничество как вклад в решение социальных проблем»).

Ни один из доступных документов напрямую не говорит о том, что Московское совещание было связано с ратификацией Парижского или Боннского договоров. Однако время созыва конференции, изначально планировавшейся на конец 1951 года, вызывает вполне обоснованные подозрения³³. Вполне допустимо, что одной из целей этого мероприятия было помешать подписанию Боннского (сепаратного договора США, Великобритании и Франции с ФРГ в мае 1952 года) и Парижского (о ремилитаризации ФРГ и создании Западноевропейского союза, подписанного в 1954 году) договоров, а также осложнить

³² AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Conférence des économistes pour la paix. Monsieur Yves Chataigneau Ambassadeur de France en URSS à Son Excellence Monsieur Robert Schuman Minister des affaires étrangères (Direction générales des affaires politiques). Moscou, le 16 avril 1952. Fol. 67.

³³ На то, что такая связь существовала и могла оказывать влияние на обсуждение вопроса о ремилитаризации ФРГ, указывает засекреченный документ 1952–1953 годов, хранящийся в Национальных архивах Великобритании. Он содержит записи заседаний организации Брюссельского договора (Западного союза, преобразованного в 1954 году в Западноевропейский союз с участием ФРГ), на которых, исходя из названия, рассматривался вопрос о МЭС – TNA DG 1/25. Brussels Treaty Organization and Western European Union. Moscow Economic Conference 1952–1953. Попытка рассекретить документ в 2009 году не увенчалась успехом. До 2011 года его текст оставался недоступен.

ратификацию в парламентах шести западноевропейских подписанного в 1951 году договора о создании ЕОУС.

О чем можно говорить без капли сомнения, так это о том, что под разговорами о противодействии американской политики торговой дискриминации стран Восточной Европы и Китая подразумевалась борьба с первыми проявлениями западноевропейской интеграции. Говоря «американская политика в Европе» подразумевалось то, что позже вошло в советский политический лексикон как «западноевропейская интеграция».

Вот почему борьба с «планом Маршалла» подразумевала и борьбу с первым из европейских сообществ, ЕОУС. «Принятый недавно рядом европейских стран «план Шумана» предусматривает отмену режима наибольшего благоприятствования, предоставленного странами-участницами другим странам по торговым договорам и соглашениям, в отношении торговли каменным и бурым углем, коксом, железной и марганцевой рудой, ломом, чугуном, сталью, прокатом и т. д.», — прямо говорилось в приложенной к проекту аналитической записке МВТ СССР³⁴. В ней предлагалось развивать широкие возможности советской торговли с Западной Европой и доказывалось, что это укрепит торговый и финансовый потенциал западных держав и даст им гарантированные заказы для промышленности, а значит, приведет к улучшению ситуации с безработицей и жизненными стандартами³⁵.

Далее в той же справке проводилась прямая связь между созывом конференции и принятием 16 июня 1951 года «закона Бэттла» в США: «Раздел 5 этого закона означает отказ от принципа наибольшего благоприятствования в отношении СССР, стран Центральной и Восточной Европы и Китая, а раздел 11 предусматривает даже прямой запрет ввоза некоторых товаров из СССР и Китая»³⁶.

34 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 4.

35 Там же.

36 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 4.

Илл. 3. Международное экономическое совещание (МЭС) в Москве 3–12 апреля 1952 г. Выступление Генерального секретаря подготовительного комитета МЭС Робера Шамбейрона в Колонном зале Дома Союзов. Из фондов РГАКФД.

Анализ озвученных на МЭС советскими представителями предложений по развитию торговли показывает, что среди всех прочих капиталистических стран трем было уделено особое внимание со стороны СССР: Франции, Западной Германии и Великобритании.

Франции отводилась в организационном плане ключевая роль: бывший депутат парламента и служащий министерства финансов Робер Шамбейрон возглавил сперва Инициативный комитет, а затем Комитет содействия международной торговли. Во-вторых, как следовало из его вступительного слова на открытии совещания, именно в Париже впервые собрались представители делового мира, профсоюзов и научных кругов и выдвинули идею созыва конференции³⁷. Наиболее щедрое предложение по развитию взаимной торговли (5–6-кратное увеличение товаро-

³⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 796. Л. 150.

оборота по сравнению с уровнем 1951 года) было сделано с советской стороны Франции³⁸. Сравнивая давление, которое оказывалось на участников совещания в их родных странах, только во Франции министр иностранных дел Робер Шуман разослал специальные письма приглашенным делегатам, призывающие одуматься и отказаться от участия в этой затее³⁹.

Другой страной, занимавшей важное место в советских предложениях, была Западная Германия. В выступлении директора Научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР Н. Орлова содержался специальный пассаж, адресованный Бонну. В нем говорилось: «те побежденные страны, развитие мирной экономики которых в настоящее время тормозится и которые лишены самостоятельности в ведении своих внешне-торговых дел, могли бы занять подходящее место в развитии международной торговли»⁴⁰. Конкретные предложения были сделаны в заявлении главы советской делегации М. Нестерова: «Советские внешнеторговые организации, развивая торговлю в широких масштабах с ГДР, готовы установить торговые связи с деловыми кругами Западной Германии и разместить там заказы на товары, обычно вывозившиеся из Германии в СССР, с поставкой в течение ближайших 2–3 лет, на сумму до 2 млрд руб. Со своей стороны, Советский Союз мог бы поставлять в Западную Германию зерно, лес, марганцевую и хромовую руды, нефтепродукты и другие товары»⁴¹.

Помимо планов по открытию «железного занавеса» материалы конференции говорят о том, что впервые идеи мирного

³⁸ Там же. Д. 797. Л. 118.

³⁹ Там же. Д. 790. Л. 349. Средства государственного давления на приглашенных участников МЭС в каждой стране были разными. Например, США угрожали сделать невъездными в Америку всех участников из Франции, Бельгии, Италии, Голландии. Более того, в марте 1952 года в США была проведена большая международная экономическая конференция, явно призванная перехватить инициативу и отвлечь внимание деловых кругов капиталистического мира от советской темы.

⁴⁰ Там же. Д. 796. Л. 147–148.

⁴¹ Там же. Д. 796. Л. 147–148.

Илл.4. МЭС 3–12 апреля 1952 г. Групповой снимок делегаций Западной и Восточной Германий, объединившихся на фоне Царь-пушки в московском Кремле. Из фондов РГАКФД.

существования и экономического сотрудничества были косвенным образом озвучены еще в последние годы жизни Сталина, а подхвачены и развиты уже при Н. С. Хрущеве.

Один из самых интригующих и загадочных фактов в истории МЭС заключается в том, что столь прочно вошедший в политический лексикон в более поздний период советской истории термин «мирное сосуществование» неожиданно появляется в секретных проектах выступления советского представителя на МЭС в конце января — начале февраля 1952 года. Первый проект выступления был приложен к проекту резолюции Политбюро по МЭС, подготовленный на имя Сталина и разосланный всем членам Политбюро (Г. М. Маленкову, Л. П. Берия, Н. А. Булганину, А. И. Микояну, Л. М. Кагановичу и Н. С. Хрущеву).

На анализе эволюции этого документа стоит остановиться отдельно. В первом варианте выступления (вероятно, его следует датировать 26 января — одной датой с самим проектом решения Политбюро) на первой же странице вторым абзацем

Илл.5. МЭС 3–12 апреля 1952 г. Пробыл час опальных советских экономистов? Академик Е. С. Варга (слева), член-корр. К. В. Островитянов (справа), секретарь-переводчик Мехта и профессор Мукерджи (экономический факультет в Лакнау, Индия) перед совещанием. Из фондов РГАКФД.

напечатано: «Советский Союз исходит из возможности мирного сосуществования различных социально-экономических систем [выделено мною. — М. Л.] и готов развивать торговые отношения со всеми странами и со всеми торговыми и промышленными кругами, если эти отношения будут развиваться на основе взаимной выгоды и строгого выполнения взятых на себя обязательств»⁴². В правом верхнем углу всего документа размашистым почерком Молотова написано: «тон грамотный». В следующей версии этого текста, датированной 1 февраля 1952 годом, слово «социально-» вычеркнуто от руки, оставлено «мирного сосуществования различных экономических систем»⁴³. А уже через день, 2 февраля, само «мирное

⁴² Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 59. Л. 65.

⁴³ Там же. Л. 84.

существование» было вычеркнуто, и вместо него вписано «экономическое сотрудничество»⁴⁴.

Таким образом, можно констатировать, что в начале 1952 года в узком кругу лиц, которые были причастны к выработке советской внешней политики, рассматривались идеи мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем. Первоначальный автор проекта неизвестен. Можно предположить, что поскольку он был представлен от имени Внешнеполитического комитета, который, как известно, после снятия в 1949 году с поста министра иностранных дел, курировал В. М. Молотов, значительная доля инициативы исходила от Молотова. Причем, если известные исследователи советского периода Олег Хлевнюк и Йорам Горлицкий считают, что это означало ограничение его компетенции «второстепенными, пропагандистки-информационными аспектами», следует признать, что в случае с МЭС Внешнеполитическая комиссия претендовала на выработку альтернативного внешнеполитического курса страны⁴⁵. Тот факт, что инициатива Внешнеполитического комитета развивалась абсолютно автономно от МИДа СССР во главе с А. Я. Вышинским, добавляет авторства этой инициативы Молотову. Однако трудно поверить, что Молотов мог быть абсолютно самостоятелен в такой инициативе без сигнала сверху. Можно также заключить, что, по-видимому, в итоге термин «мирное сосуществование» был сочтен преждевременным, а может быть даже опасным. Тем не менее смысловая коннотация оставшегося на месте вычеркнутого «мирного сосуществования» нейтрального «экономического сотрудничества систем» в советском понимании (при чтении между строчек) вполне могла подразумевать гораздо больше, чем простой дебит и кредит в торговле.

Советская история знает немало примеров маскировки и текстовой подстраховки новаторских идей в речах совет-

⁴⁴ Там же. Л. 100

⁴⁵ Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 95.

ских лидеров. В итоговом выступлении советского представителя в апреле 1952 года этот абзац прозвучал следующим образом: «Советский Союз готов расширить торговые отношения со всеми странами и со всеми торговыми и промышленными кругами, имея в виду, что эти отношения будут основываться на взаимной выгоде и точном выполнении сторонами взятых на себя обязательств. При этом Советский Союз исходит из того, что различия экономических систем [выделено мною. — М. Л.] не могут являться препятствием для развития такого сотрудничества между всеми странами»⁴⁶. А в резолюции МЭС, в разделе о путях улучшения экономических отношений между различными странами мира, все-таки хоть и не в первоначальной формулировке, но ближе всего к ней прозвучало: «теоретически и практически доказано, что существование различных социально-экономических систем [выделено мною. — М. Л.] не может служить причиной, препятствующей развитию широких экономических отношений. При желании сотрудничества на основе равноправия и взаимной выгоды оно может быть осуществлено в значительных масштабах»⁴⁷.

Для достижения этих целей МЭС предлагал предпринять ряд шагов. Первая часть, политическая: прекратить войну в Корее и Вьетнаме, подписать Пакт мира между пятью великими державами, прекратить гонку вооружения. Заслуживает внимания текст Пакта. Во-первых, он констатировал необходимость международного сотрудничества независимо от экономического развития, социальной или политической системы стран-подписантов, что звучало как начало разрядки. Во-вторых, в стремлении закрепить принцип наиболее благоприятствуемой нации в торговых отношениях, он был направлен против ЕОУС. В нем подчеркивалась недопустимость введения контроля над международной торговлей сырьевыми материалами одной страной [читай — США] или

⁴⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 797. Л. 112.

⁴⁷ Там же. Д. 521. Л. 97–98.

Илл.6. МЭС 5–12 апреля 1952 г. Голосование делегатов в Колонном зале Дома Союзов. Из фондов РГАКФД.

группой стран [читай — ЕОУС. — М. Л.] в ущерб интересов других стран⁴⁸.

Вторая, экономическая: отказ от дискриминации в международной торговле, в частности, с СССР, странами Восточной и Центральной Европы, а также Китая; заключение Пакта экономического сотрудничества между правительствами всех стран. Разработанный текст Пакта международного экономического сотрудничества в числе прочих обязательных для такого рода документов слов общего содержания имел обязательную часть: договаривающиеся стороны обязались вступить в переговоры для заключения соглашений по интересующим их вопросам в течение 6-месячного периода после вступления в силу этого документа⁴⁹.

Одним из реальных результатов конференции стало решение учредить Комитет содействия международной торговле.

⁴⁸ Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 59. Л. 21.

⁴⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 521. Л. 100.

В его задачу входила подготовка второй, аналогичной московской, международной конференции по вопросам торговли и пропаганда итогов МЭС. Комитет был также призван передать предстоявшей Сессии ГА ООН резолюцию МЭС с требованием созыва ООН Межправительственной конференции содействия мировой торговле, на которой были бы озвучены заключения и предложения МЭС⁵⁰. Невероятно, но факт: благодаря чрезвычайно активному участию британской делегации польский представитель профессор Оскар Ланге предложил советской стороне сделать Лондон местом заседаний такого комитета⁵¹. Советский представитель и глава Всесоюзной торговой палаты М. Нестеров отверг эту идею, предложив выбрать Берлин. В итоге была согласована кандидатура столицы Австрии Вена.

Однако вскоре после завершения МЭС без видимых причин советская сторона начала отстраняться от работы созданного с таким трудом Комитета содействия международной торговле. Появились первые смутные признаки того, что СССР стал затягивать принятие кардинальных решений, в то время как Р. Шамбейрон и профессор О. Ланге торопили события и были полны энтузиазма относительно перспектив деятельности Комитета. Внезапно «дипломатическая» болезнь скосила советского представителя М. Нестерова. Он начинает избегать участия в заседаниях Бюро Комитета содействия международной торговле (с июля 1952 года), а также прямых контактов с Шамбейроном по телефону. Советская сторона затягивает с образованием национального отделения Комитета, а также с выплатой членского взноса.

Что интересно, согласно постановлению Совета Министров СССР от 24 апреля 1952 года, Всесоюзной торговой палате выделялись 48 тыс. инвалютных рублей с целью поквартального внесения в качестве советского взноса за участие в работе Комитета в 1952 году⁵². Поначалу выплаты не производились вви-

⁵⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 137. Д. 792. Л. 169.

⁵¹ Там же. Л. 203.

⁵² Там же. Л. 270.

ду неопределенности вопроса с местопребыванием Комитета. Однако, когда штаб-квартирой была выбрана Вена и в начале ноября 1952 года Нестеров послал Молотову запрос о том, следует ли произвести выплату (указав на то, что Венгрия и Китай уже внесли свои взносы), Молотов в ответ написал от руки: *«Надо вызвать тов. Нестерова и сказать, что этого делать не следует. Необходимо в точности придерживаться тех указаний, которые были даны 15.11.»*⁵³.

Какие именно указания были даны 15 ноября, установить по архивным документам пока не удалось. Несколько дел, посвященных Московскому экономическому совещанию в РГАСПИ (впрочем, как ни странно, и в Национальных архивах Великобритании), остаются частично или полностью засекреченными. Однако суть этих указаний становится понятна по ответу на запрос политсоветника советской части союзнической Комиссии по Австрии С. М. Кудрявцева о том, как следует реагировать на настойчивые предложения со стороны Шамбейрона провести заседание Комитета по развитию международной торговли в Праге в декабре 1952 года. Ответ руководителя внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Г. Григорьяна был оформлен в виде письма на имя Сталина, в котором он информировал главу страны о сути запроса советского политсоветника и подчеркивал «собственную» точку зрения о том, что дальнейшее существование Комитета содействия международной торговле не представляется целесообразным⁵⁴.

К письму на имя Сталина прилагался проект постановления ЦК КПСС, в котором предлагалось утвердить текст ответной телеграммы Кудрявцеву с окончательным вердиктом: «Нестеров находит нецелесообразным созыв Бюро и считает, что, как показал опыт, вообще нецелесообразно продолжение существования Комитета, так как это создает видимость особой заинтересованности СССР и стран народной демократии в торговле с капиталистическими странами, что не

⁵³ Рукописная помета Молотова – там же.

⁵⁴ Там же. Л. 272.

соответствует интересам дела и противоречит общеизвестным фактам»⁵⁵.

Несмотря на начавшееся уже в середине 1952 года сворачивание дальнейшего участия СССР в деятельности созданных на МЭС перспективных структур, эффект от конференции выходил за рамки чистой пропаганды.

Французские архивы показывают, что конференция вызвала значительный интерес со стороны официальных кругов Парижа. Вместе с тем характерно, что депеши и аналитические материалы о мероприятии в Москве были помещены в два больших досье из общей серии «СССР» под названием «Экономическая конференция за мир», что говорит об изначальном отношении к совещанию как пропагандистскому мероприятию.

В пленарном выступлении представителя французской делегации Бернара де Робинэ де Пла президента Французской федерации рекламных агентств прямо прозвучала мысль о том, что дипломатов постигла неудача и эта уникальная конференция призвана решить гору накопившихся проблем, дав возможность встретиться представителям разных экономических систем, убежденных в том, что эта встреча есть гарантия и одновременно проявление мирных намерений.

Он обрисовал катастрофическое положение с платежным балансом Франции: превышение импорта над экспортом в 1951 году, по его данным, составляло 339 млрд франков против 102 млрд. В 1950 году американские кредиты после войны были спасительным, но временным решением. «В течение последних лет страны Западной Европы, в том числе Франция, искали пути решения проблемы платежного баланса двумя путями: развитием товарооборота с США и многосторонней торговли при помощи Европейского платежного союза. Опыт показывает неэффективность этих попыток и необходимость подлинно всемирной торговли. [...] История, пусть и короткая, Европейского платежного союза — это история его кризиса;

⁵⁵ Там же. Л. 274.

кризиса, который в течение последнего периода, спровоцировал повторное появление все больших и больших таможенных барьеров.

Эти трудности проистекают не из технического несовершенства, а из глубинных экономических причин, главной из которых является то, что члены Европейского платежного союза имеют одинаковую экономическую структуру: они не дополняют друг друга, а наоборот, порождают конкуренцию, и эта ситуация обостряется тем больше, чем больше сужается всемирный рынок»⁵⁶.

Пересылая тексты выступлений и развернутую информацию о МЭС министру иностранных дел Роберу Шуману, французский посол в Москве Ив Шатэньо охарактеризовал эту речь как пример невежества и наивности, неподготовленности французских делегатов, о которой он весьма сожалел⁵⁷. В то же время, очевидно, что даже если не обращать внимание на пацифистскую риторику, в выступлении французского делегата была правдоподобная зарисовка крайне неблагоприятной и неопределенной ситуации с экономикой Западной Европы. В успех первых западноевропейских интеграционных планов в начале 1950-х верили далеко не все.

Анализу конференции в Москве было посвящено специальное рабочее совещание под председательством министра иностранных дел Р. Шумана в Европейском департаменте французского МИДа 25 апреля 1952 года. На нем французское правительство подтвердило свою принципиальную позицию развивать товарооборот между Западом и Востоком, несмотря

⁵⁶ AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Conférence des économistes pour la paix. Monsieur Yves Chataigneau Ambassadeur de France en URSS à Son Excellence Monsieur Robert Schuman Ministre des affaires étrangères (Direction générales des affaires politiques). Moscou, le 16 avril 1952. Annexe 2. Fol. 82–83.

⁵⁷ AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Conférence des économistes pour la paix. Monsieur Yves Chataigneau Ambassadeur de France en URSS à Son Excellence Monsieur Robert Schuman Ministre des affaires étrangères (Direction générales des affaires politiques). Moscou, le 16 avril 1952. Fol. 70.

на риск превращения этого сюжета в политический маневр со стороны Восточного блока. В качестве повода проверить добрые намерения Москвы предлагалось возобновить переговоры о торговом соглашении и попытаться включить заключенные на МЭС частные контракты в общее соглашение о торговле. В отношении политической линии соцстран на отмену ограничений на торговлю стратегических товаров было решено выступить единым фронтом с англичанами с целью совместного информирования американцев. Впрочем, тут же (видимо дополнительно, судя по другому цвету машинной ленты) была впечатана предохранительная фраза о том, что «в любом случае не ставится вопрос об изменении ныне существующей политики в этом вопросе»⁵⁸.

В заключение была отмечена особая важность анализа результатов МЭС применительно к французской политике развития контактов с коммунистическим Китаем. Было заявлено о необходимости предпринять все возможное и невозможное для развития этого азиатского направления⁵⁹.

Представление о французских оценках экономического эффекта от МЭС можно составить на основании перехваченной МГБ СССР аналитической записки Главного управления по экономическим делам МИДа Франции. Она предназначалась для французского посольства в Москве и датирована 23 мая 1952 года⁶⁰. В ней давалась трезвая оценка многообещающих контрактов и советских предложений по увеличению в два-три раза торговли с капиталистическими странами. По французским оценкам, это означало бы необходимость довести ее до 10–15 млрд в год вместо имевшихся 5 млрд, что потребовало бы от СССР выделить дополнительно 1–2% от своего ВВП. Даже в случае достижения пятикратного увеличения торговли с од-

58 AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Conférence des économistes pour la paix. Compte-rendu de la réunion tenue le vendredi 25 avril chez le Président Schuman à 11 heures. A. S. Conférence économique de Moscou. Fol. 140–143.

59 Ibid.

60 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1348. Л. 122–126.

ной Францией (до 15 млрд франков), это означало бы достичь всего лишь одну треть от суммы подписанного накануне франко-финляндского соглашения, что по своим масштабам отнюдь не являлось панацеей для французской экономики⁶¹.

В целом записка приходила к выводу о том, что Франция заинтересована в развитии торговли с Востоком, однако шаги навстречу должны идти от Москвы, а не Парижа. «Конечно, Франция принимала участие в выработке ограничительных мер со стороны западных держав в отношении продажи восточному блоку товаров или материалов, имеющих стратегическое значение, — разъяснялась позиция правительства в записке. — Но эти ограничения касаются очень незначительной части возможного обмена, причем существует правило, допускающее в виде исключения взаимные сделки. Поэтому мы должны расстроить маневр с обращением в ООН, задуманный на Московском совещании, имеющий целью инкриминировать контроль над стратегической торговлей между Западом и Востоком»⁶². Посольству в Москве ставилась задача «проследить, в какой степени СССР постарается использовать положение посредника, которое он создал себе в Москве. Возможно, что он предоставит своим сателлитам, в частности, Китаю, право самим вести игру по развитию их торговли с Западом»⁶³.

Оценки МЭС со стороны Форин Офис были также в духе осторожного пессимизма. По итогам визита неофициальной британской делегации на МЭС, МИД Великобритании оценил заключенные руководителем делегации лордом Бойд-Орром соглашения с Чехословакией, Румынией, Болгарией и ГДР как типично пропагандистские шаги. По ним списки покупаемых у восточноевропейцев товаров оставались теми же, а взамен обещались стратегические (металл) или близкие к запрещенным стратегические товары, которые Британия все равно не смогла бы продавать, связанная обязательствами в рамках КО-

61 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1348. Л. 124.

62 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1348. Л. 126.

63 Там же.

КОМ. Подписанные британской делегацией контракты с Чехословакией, по мнению Форин Офис, полностью повторяли существующее англо-чехословацкое финансовое и торговое соглашение. Принципиально нового коммерческого интереса для Британии в восточных предложениях Министерство торговли и Форин Офис не нашли⁶⁴. Вместе с тем те же дипломаты в инструкциях своему представителю в Западный Союз и в справке Северного департамента писали, что «без торговых соглашений значимость конференции была бы весьма незначительной»⁶⁵.

При этом дипломаты из Северного отдела МИДа Великобритании отмечали, что несомненной частью советского плана было продемонстрировать особое расположение к Соединенному Королевству. Сделки, заключенные британской делегацией, по своим объемам были самыми значительными на конференции. Этому факту была придана особая публичность в западной прессе, особенно французской. Сделано это было, по мнению Форин Офис, с целью возбудить ревность со стороны других стран, посеять сомнения в искренности официальной политики страны, поссорить с американцами. Эти негативные последствия конференции предлагалось брать в расчет на ближайших заседаниях в ЗЕС и в НАТО⁶⁶.

В этом духе были выдержаны официальные заявления в прессе о МЭС министра торговли и выступление в Палате общин секретаря по заморской торговле 22 апреля 1952 года. Впрочем, это не помешало министру торговли Питеру Торникрофту послать секретное письмо в советское посольство в Лон-

64 TNA. FO 371/100853. Northern department, Foreign Office to Commercial Department, Paris Embassy. 14 May 1952. Это письмо было разослано британским МИДом всем посольствам в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и в Азии в качестве базового ориентира на случай вопросов про МЭС.

65 TNA. FO 371/100856. Northern department. Moscow Economic Conference. Attaches brief on conference for UN Economic and Social Council 1952. 10 May 1952.

66 TNA. FO 371/100853. Northern department, Foreign Office to Commercial Department, Paris Embassy. 14 May 1952.

доне с целью прозондировать возможность расширения после МЭС советско-британской торговли потребительскими товарами, в первую очередь — текстилем⁶⁷.

25 апреля 1952 года состоялось министерское межсекторальное совещание в Форин Офис с участием представителей Северного департамента, Торговой палаты, Департамента взаимной помощи, Отдела экономических отношений, Отдела западных организаций, отделов Китая и Кореи, а также отделов информационных исследований и информационной политики⁶⁸. Целью совещания было выработать директивы для представителя Великобритании в Западном Союзе⁶⁹ накануне запланированного там на 1 мая 1952 года специального заседания по Московской конференции.

По итогам обсуждения был сделан вывод о том, что, хотя практические результаты конференции приносят больше дивидендов СССР, нежели странам НАТО, не следует придерживаться слишком пессимистичной линии в отношении МЭС. Был выработан классический рецепт: выжидательная тактика и сбор дополнительной информации. В случае успеха пилотных контрактов, заключенных на МЭС, считалось необходимым придать большей огласке торговую составляющую этого мероприятия. Торговой палате поручалось на условиях строгой конфиденциальности неофициально опросить вернувшихся британских участников на МЭС. Также подчеркивалось, что не следует акцентировать внимание на том факте, что «закон Бэттла» был одной из мишеней Московской конференции — на министерском

67 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 77. Л. 149.

68 TNA. FO 371/100854. Moscow Economic Conference. Record of meeting held in Foreign office to consider draft brief for use of UK representative to Brussels Treaty Permanent Commission. 25 April 1952.

69 Западный Союз — замкнутая военная группировка западноевропейских стран, рассматривавшийся как переходная структура в преддверии создания НАТО. Возник на базе Брюссельского договора об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной обороне 1948 года. После провала попытки создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) в 1954 году трансформировался в Западноевропейский союз (ЗЕС) — военную организацию с участием ФРГ.

совещании было отмечено, что он непопулярен как в Западной Европе, так и в странах Восточного блока⁷⁰.

В тот же день Форин Офис издал директивы для представителя в организации Брюссельского пакта (Западный Союз). В них говорилось о том, что Советское правительство нашло новое мощное экономическое оружие для своей кампании за мир в предложениях торговых сделок. Экономическое оружие оценивалось как гораздо более изощренное и действенное, чем классический политический арсенал борцов за мир. Как признавалось в документе, хотя все заключенные на МЭС торговые соглашения носят весьма поверхностный и мало чем подкрепленный характер, но в условиях крайне трудного периода для западной легкой промышленности вполне естественно, что они вызовут большой интерес⁷¹.

Применительно к западноевропейской интеграции в британских директивах подчеркивалась необходимость принимать во внимание тот факт, что ввиду недавнего сокращения импорта из стран Брюссельского пакта необходимость увеличить импорт восточных товаров в обмен на английский текстиль может вызвать недовольство западноевропейских партнеров. Вопрос о том, насколько Британия могла позволить себе пойти на реальное увеличение товарооборота с Восточным блоком (при этом ведя борьбу за активный торговый баланс) оставался открытым.

В качестве лучшей тактики предлагалось ни в коем случае не противодействовать притягательному лозунгу увеличения торговли между Западом и Востоком, а поддержать его, но при

70 TNA. FO 371/100854. Moscow Economic Conference. Record of meeting held in Foreign office to consider draft brief for use of UK representative to Brussels Treaty Permanent Commission. 25 April 1952; Проблема трений между Лондоном и Вашингтоном подробно рассмотрена в специальной главе в монографии Яна Джексона – *Jackson I. The Economic Cold War. America, Britain and East-West Trade, 1948–63.* Hampshire, N.Y., 2001. P. 90–111.

71 TNA. FO 371/100854. Moscow economic conference. Brief for Brussels Treaty Permanent Commission on the Conference, drawn up by the Northern Department. 25 April 1952.

этом усилить пропагандистские мероприятия с тем, чтобы «публика» не забыла о необходимости существования контроля за стратегическими товарами. Аргументом должна была служить «агрессивная политика» СССР, который, по версии авторов документа, сам был повинен в существующих торговых барьерах и «искусственных препятствиях» между Западом и Востоком⁷².

К сожалению, хранящийся в Национальных архивах Великобритании файл, посвященный специальному заседанию Ассамблеи ЗЕС по итогам Московского экономического совещания на момент подготовки книги оставался засекречен⁷³. Вместе с тем в архиве МИДа Франции доступны материалы КОКОМ, позволяющие составить общее впечатление о реакции западноевропейских стран на Московское экономическое совещание в международных организациях западного блока.

Заседание Консультативной группы КОКОМ, посвященное анализу итогов МЭС, состоялось 30 апреля 1952 года. Его открыл представитель Западной Германии, речь которого сводилась к оценке конференции как серьезного успеха Восточного блока, поставившего под вопрос западную систему экспортного контроля. В этой связи он как бы «между прочим» в качестве напоминания-предостережения партнерам подчеркнул особую уязвимость и явную ревность ФРГ к другим делегациям на МЭС, которые в случае снятия торговых барьеров могли и забыть о национальных интересах Западной Германии в Восточной Европе: «Федеральная Республика Германии в настоящее время не имеет ни торгового договора, ни даже официальной основы для заключения бартерных соглашений с Советским Союзом или с Румынией, Болгарией или Китаем. Вследствие этого положение Западной Германии кардинальным образом отличалось от других стран-членов, которые имели такие соглашения. Исходя из этого факта, многие немецкие бизнесмены боялись, что на основе таких договорных торговых отношений после

72 Ibid.

73 TNA. DG 1/25. Brussels Treaty Organization and Western European Union. Moscow Economic Conference. 1952–1953.

конференции мог произойти существенный рост экспортной торговли некоторых стран-членов с Советским блоком за счет немецкого экспорта в этот регион. Нет смысла повторять вновь, что Восточная Европа традиционно была одним из наиболее важных рынков для Германии, и что в настоящее время в торговле произошел очень значительный спад»⁷⁴.

После этого пассажа представитель ФРГ призвал устранить подозрения и сомнения в приписываемых западным странам двойным стандартам — расхождению между официальными декларациями и практикой деловых кругов Запада. Он предложил провести масштабную дискуссию политики консультативной группы для сохранения единства Запада перед лицом коварного Востока и принятия совместных действий по противодействию итогам МЭС⁷⁵. Эта мысль как по заказу была подхвачена американским представителем, который в рамках официальной политики Вашингтона высказался за полный обмен информацией о МЭС, выработку общей линии и принятие контрмер⁷⁶.

Выступление представителя Великобритании было выдержано в духе британских директив для ЗЕС. В нем отрицалась экстраординарность неофициальных контрактов, подписанных в Москве и отмечалась возможность торговли нестратегическими товарами через стандартные межправительственные каналы в рамках уже существующих соглашений. Утверждалось, что в МЭС не участвовали представительные бизнес-ассоциации Запада и ее успех преувеличивается⁷⁷.

74 AMAE. Service des Pactes. COCOM 7. Consultative Group 1952–1953. Record of discussion on Moscow Conference. 30 April 1952. Fol. 1.; О давлении и критике официальной позиции Аденауэра применительно к МЭС со стороны западно-германских промышленников говорят и депеши французского посольства в Бонне. Критики подчеркивали необходимость восстановления традиционных связей с Восточной Европой на случай прекращения дотаций со стороны США и в связи с становлением ФРГ как суверенного государства — AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Conférence des économistes pour la paix. Télégramme à l'arrivée. Bonn, le 8 avril 1952. Fol. 23–24.

75 Ibid. Fol. 1–2.

76 Ibid. Fol. 5.

77 Ibid. Fol. 2.

Делегат Италии, напротив, отметил с сожалением, что попытки стран-участниц принизить значение МЭС не везде возымело успех. Очевидно, бросая камень в огород Великобритании, он отметил, что «делегации были больше и более представительными, чем ожидалось»⁷⁸.

Французский представитель выразил большой интерес к информации о предлагавшихся на МЭС торговых списках, в особенности покупки оборудования для нефтяных скважин в СССР и сырой нефти в Румынии. Он подтвердил готовность Франции придерживаться списка КОКОМ в торговле стратегическими товарами, однако подчеркнул, что политика французского правительства в области нестратегических товаров не входит в круг компетенции КОКОМ⁷⁹.

По итогам выступлений было решено провести повторное заседание 21 мая, собрав более полную информацию о МЭС.

Дискуссию на заседании Консультативной группы 21 мая открыл своим выступлением бельгийский представитель, который призвал создать специальную рабочую группу по изучению итогов Московского экономического совещания и, самое главное, обсудить общую торговую политику западных стран. Очевидно, на волне слухов и спекуляций об успехах различных делегаций на МЭС, он от имени правительства Бельгии потребовал некоего нового подтверждения со стороны всех стран-участниц КОКОМ приверженности общей политике контроля над экспортом стратегических товаров. Несомненно, намекая на последнее выступление французского представителя 30 апреля, бельгиец высказался за созыв отдельного заседания для более четкого определения области компетенции Координационного комитета КОКОМ⁸⁰.

78 Ibid. Fol. 4.

79 Ibid. Fol. 3.

80 AMAE. Service des Pactes. COCOM 7. Consultative Group 1952–1953. Record of discussion on Moscow Conference and meeting of Consultative Group. 21 May 1952. Fol. 1.

По результатам обсуждения большинство делегатов поддержали идею еще одного специального заседания по этой теме, причем в виду важности вопроса отвергли передачу его на рассмотрение рабочей группе. Французский представитель прямо заявил, что «принимая во внимание огромное значение Московской конференции и политические и иные последствия, которые она может иметь, его правительство считает целесообразным, чтобы Консультативная группа собралась и обсудила этот вопрос». Было решено подготовить специальный меморандум и провести еще одно обсуждение по вопросу о МЭС.

Третье заседание Консультативного комитета по проблеме Московской конференции состоялось 25 июня. На этот раз оно уже не было единственным вопросом в повестке дня и обсуждалось наряду с проблемой введения КОКОМ «черного» списка провинившихся западных компаний и бизнесменов, а также специального списка товаров, запрещенных к торговле с Китаем. Общая линия явно состояла в том, чтобы свернуть обсуждение МЭС, ограничиться обсуждением влияния Московского совещания на экспорт стратегических товаров, не вдаваясь в более высокие материи единой торговой политики Запада. На это указывают такие уловки, как перенос заседания по просьбе США, внесение США еще одного вопроса в повестку дня, заранее подготовленное выступление представителя Норвегии и т. д. Вероятно, это было следствием того, что предыдущие обсуждения показали слишком серьезное расхождение во взглядах представителей разных стран, и во избежание раскола США и блокировавшиеся с ними страны взяли линию на завершение прений⁸¹.

Западногерманский представитель, поддержанный Италией, предложил обнародовать списки запрещенных товаров, чтобы поставить в известность деловые круги Запада и вывести из

⁸¹ AMAE. Service des Pactes. COCOM 7. Consultative Group 1952–1953. Summary record of the meeting of the consultative group 24th and 25th June, 1952. Fol. 13–17.

тени деятельность КОКОМ, вступив в пропагандистскую борьбу за общественное мнение. Делегат Франции отверг эту идею.

Последующая дискуссия обострилась в связи с выступлением бельгийского представителя. Он поведал собравшимся о том, что его правительство предприняло все усилия для недопущения участия промышленников и представителей деловых кругов в МЭС. Одним из аргументов было то, что это является общим решением стран Запада. Однако затем выяснилось, что из-за этого воздержания Бельгия не получила никаких выгод от МЭС, в то время как другие страны по сообщениям добились впечатляющих контрактов. Внутри страны правительство обвинили в близорукости и упущенной выгоде. «Затруднительное положение бельгийского экспорта из-за ее положения массового кредитора в Европейском Платежном Союзе вынуждает ее искать формулу, обеспечивающую полное трудоустройство. Хотя промышленники, в силу указанных обстоятельств, получили рекомендации воздержаться от участия, тем не менее было необходимо объяснить им причины не только политического или стратегического характера, но также и общей торговой политики», — заключил представитель Бельгии⁸².

Тем самым он выразил стремление малых стран к учету их интересов через интеграцию с крупными державами. Он прямо высказался за поиск органа, в рамках которого обсуждалась бы в более широком формате концепция общей торговой политики стран Запада, а не просто происходил обмен информацией по отдельным торговым вопросам. Его предложение состояло в наделении такими полномочиями КОКОМ⁸³.

Призыв бельгийца был поддержан другой малой страной — Люксембургом, но встретил оппозицию в лице большого фронта датчан, норвежцев, итальянцев, англичан и французов, которые всячески подчеркивали необходимость сохранения суверенитета в общих вопросах торговой политики с Востоком. Более того, даже итальянское предложение впредь заранее проводить

82 Ibid. Fol. 14–15.

83 Ibid.

обсуждения подобных МЭС конференций в Консультативном комитете встретило категорические возражения датчан, которые подчеркивали, что компетенция КОКОМ ограничивается вопросами торговли стратегическими товарами⁸⁴.

По итогам обсуждения было принято решение, что политико-экономические аспекты МЭС находятся в сфере интересов каждого правительства в отдельности. Оно само решает, проводить дополнительные исследования по этому вопросу или нет, и какие ответы следует давать на вопросы, поднятые бельгийским представителем⁸⁵.

Каковы были практические итоги заключенных на МЭС многомиллионных контрактов, вызвавших ревность и конфликт национальных интересов в стане стран Североатлантического альянса? Ответить на этот вопрос можно на примере Великобритании и Франции.

Как показывают британские документы, именно текстиль стал слабым звеном в официальной политике Лондона в отношении МЭС. Заявления Москвы и Пекина о возможности увеличения товарооборота потребительскими товарами, к которым в первую очередь относились изделия из текстиля и шерсти, попали в точку. Британские бизнесмены были крайне заинтересованы в торговле этим нестратегическим товаром, их производства простаивали без заказов, и потенциальный спрос стран Восточной Европы и Китая будоражил воображение бизнесменов куда больше, чем соображения политеса и идеологической выдержки.

В этом плане показательны неофициальные беседы, проведенные дипломатами Форин Офис с вернувшимися на родину участниками британской делегации. Так приехавший из Москвы г-н Пери, представитель фирмы «Камбриан дресс фабрикс Лтд» объяснял свое решение поехать в Москву простым желанием раздобыть контракты для своей компании и новой фабрики в Южном Уэльсе. Он прекрасно понимал, что это мог-

84 Ibid. Fol. 16.

85 Ibid. Fol. 17.

ло оказаться пропагандой, и подчеркивал, что политика не его дело. Его дело — поиск новых рынков сбыта. В результате, как Пери поведал опрашивавшему его чиновнику Форин Офис, по возвращении он обнаружил себя в неожиданном положении эксперта-посредника по восточным рынкам, причем шквал обращений со стороны коллег-бизнесменов был столь велик, что ему пришлось отключить домашний телефон. Интересно, что о своей встрече с Виноградовым из советской торговой делегации в Москве он рассказал, что последний показывал ему пригласительные письма британским бизнесменам в текстильной отрасли. Оценивая тот тон, в котором они были составлены, Пери дал понять, что именно из-за неудачной тональности пригласительных текстов многие британские бизнесмены не поехали в Москву. В целом он оценил своих собеседников в Москве не как политиканов, а как серьезных партнеров и, хотя на момент беседы еще не было заключено ни одного соглашения по текстилю, надеялся на реальные сделки после своего возвращения в Великобританию⁸⁶.

Об этом же говорит пересказ телефонного разговора с Грэхмом Кармичелом, директором по развитию Национальной корпорации экспорта шерсти и текстиля из Бредфорда. Разговор строился вокруг деятельности секретаря британской делегации на МЭС Джека Пери, английского коммуниста, бывшего мотором британской делегации в Москве. Как заявил британскому дипломату Кармичел, он общался с Пери, и ему все равно, какую идеологию исповедует г-н Джек Пери и какие спекуляции относительно московских соглашений могут из этого проистекать. Ему гораздо проще было бы вести переговоры по обычным каналам через советское торгпредство в Лондоне. Но торговля переживает трудные времена, и его главной заботой является не потерять заказы, если канал г-на Пери является единственным

⁸⁶ TNA. FO 371/100853. From Mr. R. J. W. Stacey, Board of Trade. Moscow Economic Conference. Encloses Copy of Letter on conversation with Mr. Perry of "Cambrian and Fabrics Ltd" — possible sale of textiles and consumer goods to the Soviet and/or China. 18 April 1952.

средством получить их и если у правительства не существует официального запрета на это. При этом он сослался на проведенную консультацию с чиновником из Торговой палаты. Она показала желание чиновника не упустить ни одного заказа, хотя и с пожеланием вести переговоры через официальные торговые каналы⁸⁷.

Примечательна полудетективная история с участием одного консерватора-«раскольника», приехавшего в Москву. Получивший приглашение на МЭС депутат от консерваторов Барнаби Дрейсон заведомо был предупрежден со стороны руководства партии о нежелательности его поездки в рамках политики Лондона по недопущению участия официальных лиц в этом мероприятии. Он пообещал не участвовать, но сам предпринял хитрый кульбит. Он поехал в поездку под предлогом частного визита на Пасху вместе со своей женой. Причем мисс Дрейсон прилетела на неделю раньше вместе с британской делегацией и фактически замещала своего мужа, попав на страницы «Таймс». Для газет Дрейсон стал единственным консерватором, присоединившимся к британской делегации на МЭС, хотя он всячески старался соблюсти формальности, чтобы это случилось уже после окончания заседаний.

Руководство консерваторов в лице премьер-министра У. Черчилля негодовало и требовало отчитать нарушившего партийную дисциплину депутата. Министр иностранных дел Антонии Иден обвинял Дрейсона в письме Черчиллю в том, что провинившийся консерватор поставил свой коммерческий интерес в торговле текстилем выше интересов партии⁸⁸. Вместе с тем сам Дрейсон в объяснение своего поступка ссылаясь на якобы данное ему премьер-министром разрешение на частную поездку во время Пасхи (что совпадало со временем окончания засе-

87 TNA. 371/100853 Northern Department. Moscow Economic Conference – trade. Records a conversation with Mr. Graham Carmichael, who had been approached by Mr. J. Perry, who is acting as trade delegate for the Moscow economic conference. From H. T. Morgan. 16 April 1952.

88 TNA. PREM 11/233. P. M. /52/46. Anthony Eden to Winston Churchill. 25th April, 1952.

даний МЭС). Зная о любви Черчилля к зондажам, не исключено, что Дрейсон действительно получил некое личное задание премьер-министра прощупать атмосферу в Москве по итогам совещания. Хотя в переписке с Иденом Черчилль всячески доказывал, что Дрейсон злоупотребил его доверием⁸⁹.

Все главы дипломатических миссий стран НАТО в Москве, по данным французского посольства, прилагали усилия к тому, чтобы установить контакт со своими, хоть и неофициальными, делегатами, делая это различными приватными путями, стараясь при этом не ангажировать себя. Лишь итальянский посол не соблюдал этих предосторожностей и устроил прием в честь своих соотечественников, прибывших в Москву, с приглашением ряда советских официальных лиц⁹⁰. Вместе с тем, как отмечал британский посол в Москве, обсуждая в рамках этих контактов гипотетическую возможность быть приглашенным на официальный прием в честь открытия совещания с французским коллегой, последний выражал готовность принять участие, в то время как британский дипломат твердо стоял на том, что не примет участия ни под каким предлогом, так как официально Лондон не признает этого мероприятия⁹¹.

Не признавая мероприятия, тем не менее британское правительство направило секретное письмо советской стороне с предложением рассмотреть вопрос о подписании соглашения по торговле текстилем от имени министра торговли Торникрофта. В июне 1952 года проект советского ответа был подготовлен на имя Сталина. В нем министр внешней торгов-

⁸⁹ Opt. Cit. PM's Personal Minute. Parliament (members). Winston Spencer Churchill to Foreign Secretary. 28 April 1952.

⁹⁰ AMAE. Europe. URSS 1949–1955.173. Monsieur Yves Chataigneau, Ambassadeur de France en URSS à Son Excellence Monsieur Robert Schuman, Ministre des affaires étrangères (Direction Générale des Affaires Politiques, Paris). A. S. de la Conférence Économique Internationale de Moscou. Moscou, le 16 avril 1952.

⁹¹ TNA. FO 371/100853. Moscow Economic Conference. Difference of opinion among Western missions whether to accept invitation to the sessions. Asks for H.M.G.'s views. Mr. Grey from Moscow to Foreign Office. 3-d April 1952; From Foreign Office to Moscow. 5th April, 1952.

ли П. Кумыкин от имени МВТ СССР предлагал дать кондовый ответ, что «основой для расширения товарооборота должны служить в первую очередь обычные для англо-советской торговли товары». Это «означало бы по существу наш отказ от покупки в Англии текстильных изделий и лишало возможности утверждать, что мы отклонили предложение», — объяснял суть такой уклончивой формулировки министр⁹². Резолюции Сталина по архивным документам найти не удалось, но судя по реакции Председателя Совета Министров на остальные контракты с англичанами, по всему выходит, что СССР сам же дезавуировал столь выигрышный повод укрепить торговые отношения с «туманным альбионом».

Причина такого отношения становится понятна, если обратиться к истории советских предложений по развитию торговли с Великобританией сразу после завершения МЭС. Еще в середине апреля на имя Сталина был подготовлен секретный проект постановления Совета Министров СССР «О заключении коммерческих сделок и о проведении торговых переговоров с представителями деловых кругов из числа участников МЭС». Подписывать его должен был сам Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин.

В нем предлагался список фирм и контрактов с англичанами на общую сумму в 30,5 млн руб. по итогам проведенных переговоров с британской делегацией. Перечислялись конкретные фирмы и товары: штапельное волокно, ткани искусственного шелка, ткани шерстяные, кокосовое масло, овчина выделанная. В ответ предлагалось запродать спички, асбест, лестехсырье, икру и другие товары советского экспорта. И весь этот список почти на страницу был перечеркнут от руки, как следует из дальнейших документов, самим же Сталиным.

Тут же последовал новый документ — справка «Об изменениях, внесенных в Проект Постановления о заключении коммерческих сделок и о проведении торговых переговоров с представителями деловых кругов из числа

92 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 77. Л. 149.

участников Московского Экономического Совещания». В ней сперва заместитель министра внешней торговли, а следом за ним в аналогичном документе и сам А. И. Микоян рапортовали, что «исключены закупки всех английских товаров на сумму 30,5 млн руб. и продажи всех советских товаров, за исключением продажи фирме, поставляющей бункер советским судам за границей, 30 тыс. тонн мазута на 2.1 млн руб. и 20 тыс. тонн дизельного топлива на 2 млн руб.»⁹³. Разница между оставшимися 4,1 млн руб. и планировавшимися сделками объемом в 30,5 млн руб. говорит сама за себя.

Все те контракты, которые были подписаны с таким трудом приглашенной на конференцию делегацией из Великобритании, были аннулированы советской стороной. Все, что касалось товаров народного потребления и текстиля из программы торговли с Англией было вычеркнуто. Мощный инструмент торгово-экономического влияния на страну, неприсоединившуюся к ЕОУС в 1951 году и имевшую значительное количество противников политики КОКОМ в деловых кругах, был отброшен руками самого товарища Сталина. Соглашения с Британией подверглись самой большой корректировке по сравнению с другими странами.

Все наиболее крупные контракты, оставленные Сталиным, касались покупки оборудования и материалов для тяжелой промышленности. Среди них было предварительное соглашение с французской фирмой о поставке в 1952 году 7500 тонн стального проката, столь же предварительное соглашение со швейцарской фирмой на поставку в 1953–1954 годах 2700 тонн трубопровода для гидроэлектростанций, соглашение о поставках 6 грузопассажирских теплоходов у итальянской фирмы и т. д.

Советской организацией «Экспортхлеб» была заключена крупная сделка с группой западногерманских фирм о взаимных поставках товаров на сумму 250 млн руб. с каждой стороны. Однако отмечалось, что соглашение также предварительное и может вступить в силу только после одобрения правительствами

⁹³ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 60. Л. 118; 121.

обеих сторон⁹⁴. Точные количества товаров и условия поставок должны были стать предметом будущих переговоров. Большинство таких предварительных сделок как с СССР, так и с Китаем не были признаны правительствами западных стран и остались на бумаге либо по причине завышенных цен (например, французские официальные лица считали советские цены на зерно выше рыночных), либо, чаще, по причине невозможности официальных кругов западноевропейских стран отказаться в одностороннем порядке от политики ограничения торговли стратегическими товарами в условиях войны в Корее и тесных политико-экономических связей с США.

Давая объективную оценку МЭС нельзя останавливаться исключительно на европейском регионе. В оценках западных дипломатов и немногочисленной историографии отмечалось, что одной из самых важных тем на МЭС была посредническая роль Москвы в возобновлении торговых отношений между Китаем и Западом. Как было показано на материале дискуссий в Комитете планирования КОКОМ, экономическая холодная война усилилась после начала «горячей» войны в Корее, особенно по мере «китаизации» конфликта — вовлечению в военные действия на стороне Северной Кореи китайских волонтеров, а также негласной материально-технической помощи, оказываемой Советским Союзом через КНР.

Здесь следует сделать отступление и объяснить экономический эффект от начавшейся в 1950 году войны в Корее для интеграционных проектов в Евразии. Для Западной Европы это стало главным импульсом к появлению Европейского объединения угля и стали, ориентированного на рынок спроса на продукцию тяжелого машиностроения, связанного в первую очередь с военными заказами США. Для Японии это стало залогом будущего экономического чуда: когда Вашингтон сделал ставку на инвестирование и восстановление японской экономики, ориентированной опять же в первую очередь на выполнение военных заказов для Корейской войны.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 60. Л. 122.

Для мировой системы социализма Корейская война привела к появлению геополитического проекта по превращению аграрного Китая в индустриально развитое государство с мощным оборонным потенциалом. Это выразилось в огромных масштабах советской помощи Пекину, причем на гораздо более льготных условиях, чем в Восточной Европе (например, китайцам предоставлялись кредиты под 1% годовых, в то время как странам СЭВ — под 2%). В ответ новое коммунистическое правительство Китая всячески демонстрировало готовность интегрироваться в советскую систему технических стандартов и транспортных сетей. В переданной в августе 1952 года в Москве Чжоу Энь-Лаем записке на имя Сталина «Экономическое положение в Китае и задачи пятилетнего строительства» прямо говорилось: «В железнодорожном строительстве ставится главная задача — связать Китай с Советским Союзом, связать центр с приморскими районами, с Юго-Западным, Северо-Западным, Северным, Центральным и Южным Китаем, чтобы это соответствовало требованиям длительного экономического строительства и интересам государственной безопасности»⁹⁵.

Понимая важность Китая в глобальной теории «эффекта домино», Чжоу Энь-Лай открыто увязывал советскую помощь КНР с успехами на фронтах Корейской войны: «Если война в Корее будет продолжаться так же, как она идет сейчас, то нам не только можно, но и необходимо начать 5-летнее строительство. Опыт последних двух лет показал, что в обстановке войны сопротивления американской агрессии и оказания помощи Корее в условиях получения Китаем поддержки со стороны Советского Союза, мы в состоянии одновременно с ведением войны добиться стабилизации в экономике и осуществлять строительство»⁹⁶.

Чжоу Энь-Лай также вполне логично сам ставил вопрос «как сочетать строительство в Китае с планами строительства в СССР и в странах Новой демократии?». К сожалению, прямого ответа с цифрами, которые показывали бы соотношение между совет-

⁹⁵ РГАЭ. Ф. 4372сч. Оп. 11. Д. 995. Л. 107.

⁹⁶ Там же. Л. 108–109.

ской помощью Восточной Европе и советской помощью в Азии, на момент публикации этой книги, нам найти не удалось. Но то, что увязка понималась и советскими экспертами, следует из анализа китайского запроса специалистами Госплана СССР.

Записка Чжоу Энь-Лая «Экономическое положение в Китае и задачи пятилетнего строительства» и запрос китайского правительства о масштабной помощи в индустриализации КНР были рассмотрены специальной комиссией Л. М. Кагановича в феврале 1953 года. В информации на имя Сталина говорилось, что согласно оценкам Госплана СССР, общая стоимость оборудования и проектных работ по списку предприятий, заявленных КНР, составляла около 11 млрд руб., из них только стоимость оборудования — 9,5 млрд руб. Апеллируя к интересам собственной промышленности СССР и обязательствам перед европейскими соцстранами, специалисты Госплана рекомендовали существенно снизить эти цифры⁹⁷. Главными аргументами были нереальность тех темпов роста, что предлагали китайцы, дефицит кадров и разведанных природных ресурсов для строительства и ввода в эксплуатацию такого количества предприятий одновременно. Предлагалось удовлетворить просьбу китайской стороны по гражданским объектам на 41% и по военным на 65%⁹⁸. При этом отмечалась правильность курса на создание КНР собственной танковой и авиационной индустрии.

В проекте постановления Совета Министров СССР «О переговорах с представителями Китайского правительства об оказании Китаю помощи в строительстве промышленных предприятий, намечаемых пятилетним планом КНР» был пункт о секретности предоставляемой помощи и защите передаваемых советских «ноу-хау»: «Китайская сторона примет на себя обязательства не передавать в третьи страны, а также иностранным физическим и юридическим лицам ни для каких-либо целей как на территории КНР, так и за ее пределами, проектную и техническую документацию и какую бы то ни было информацию, относящуюся

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 4372сч. Оп. 11. Д. 995. Л. 320, 323.

⁹⁸ Там же. Л. 323.

к этой документации, а также к факту участия СССР в проектировании и строительстве военных заводов и гарантировать сохранность и тайну указанной документации»⁹⁹.

Как видно из исследования советско-китайских отношений в период позднего Сталина А. М. Ледовского, для Сталина в период корейской войны геополитика и военные аспекты помощи Китаю были важнее любой экономической выгоды от равноправного сотрудничества с Китаем¹⁰⁰. Но даже при таком раскладе невероятно глупо, непрактично выглядит политика Сталина в отношении Мао Цзэдуна: по сути полная односторонняя сдача позиций СССР по всем пунктам советского присутствия в Китае. Все то, что десятилетиями выстраивалось и становилось базой для совместной работы на Дальнем Востоке, что было закреплено советской дипломатией по Договору о дружбе и союзе 1945 года, было одним росчерком пера отдано по Договору о дружбе, союзе и взаимопомощи 1950 года.

Участник тех событий и специалист по советско-китайским отношениям А. М. Ледовский с горечью в сердце проводит сопоставительный анализ двух соглашений, из которых следует, что СССР помимо, по сути, бесплатной помощи, отказывался от прав на КЧЖД, обязался вывести войска из военной базы в Порт-Артуре, оставляя инфраструктуру и имущество китайской стороне. «Советское правительство, Сталин добровольно и даже по своей инициативе отдавали все, что СССР получил по договору и соглашениям, подписанным с правительством Китайской Республики 14 августа 1945 г., имея в виду огромные имущественные права России, которые были отняты Японией и за возвращение которых СССР вступил в войну против Японии в августе 1945 г.»¹⁰¹, — пишет Ледовский. Усмотреть здесь хоть какие-то следы хваленой сталинской «реалполитик» не получается даже специалистам. Интересно, что как отмечает Ледовский, невыгодность и не-

⁹⁹ Там же. Л. 331.

¹⁰⁰ Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М., 1999. С. 174–175.

¹⁰¹ Там же. С. 138–139.

равноценность экономических отношений двух стран вызвала глухое недовольство советских функционеров уже в начале 1950-х годов, поскольку естественным образом отрывала массу ресурсов от советских проектов на Европейской части континента¹⁰². В дальнейшем она стала миной замедленного действия для двусторонних отношений двух восточных держав.

Видя рост военной мощи Китая, США и их союзникам удалось провести через Совет Безопасности ООН резолюцию, рекомендовавшую прекратить экспорт любых товаров, могущих быть использованными для наращивания военного потенциала Китая. Это было усилено принятием американского «закона Бэттла» в 1951 году.

Из стран Запада наиболее активной в торговых отношениях с коммунистическим Китаем была Великобритания, торговавшая через свою колонию в Гонконге. Лондон одним из первых признал КНР в январе 1950 года. Но в связи с событиями Корейской войны был вынужден пойти в фарватере американской политики и резко сократить объем торговых операций.

В этой связи информационной «бомбой» для стран НАТО стали контракты, заключенные англичанами и французами с китайской делегацией на МЭС. Наиболее сенсационным представлялся масштаб британского контракта — бартерная сделка по обмену товарами на 10 млн фунтов стерлингов с обеих сторон!¹⁰³ С британской стороны речь шла о продаже текстиля, химикатов и металлов. Со стороны КНР — традиционные для сельскохозяйственной на тот момент экономики этой страны товары: уголь, щетина, ветчина, замороженные яйца и т. д. Одним из наиболее сложных к исполнению контрактов было предварительное соглашение на поставку британских локомотивов фирмой «Норф бритиш локомотив компании» в КНР. Все это, несмотря на практическую невыполнимость существенной

¹⁰² Там же. С. 174.

¹⁰³ TNA. FO 371/100853. Brussels Treaty Permanent Commission. Moscow Economic Conference. Annex C. Agreements reported to have been concluded by the United Kingdom Delegation with Soviet bloc and Chinese representatives at the Moscow economic conference. Foreign Office. April 25, 1952.

Илл.7. МЭС 3–12 апреля 1952 г. «Англо-китайская ось»: подписание сенсационного торгового контракта между делегацией Великобритании (слева – глава лорд Бойд-Орр, с трубкой) и делегацией КНР (справа) на 10 млн ф. ст. Из фондов РГАКФД.

части этих сделок, было с завистью расценено французскими дипломатами как «англо-китайская ось», обозначившаяся в Москве¹⁰⁴. Контракты, хоть и неофициальной, французской делегации с КНР на 4 млн ф. ст. выглядели несколько скромнее, но также привлекли большое внимание на Кэ д’Орсэ.

По итогам Московского Совещания в Китае, Франции и Великобритании были образованы национальные комитеты развития международной торговли — отделения несостоявшегося в итоге, но провозглашенного на МЭС Международного Комитета содействия развитию международной торговли. Также британскими участниками была образована Лондонская экспортная корпорация для ведения дел с аналогичной китайской

104 AMAE. Europe. URSS 1949–1955. 173. Télégramme à l’arrivée N828/831. Chataigneau. Moscou, le 5 Avril 1952.

организацией, а во Франции было основано Общество франко-китайской дружбы.

Подкрепленные лишь обменными письмами неофициальные торговые соглашения отдельных фирм должны были быть оформлены в виде официальных соглашений в отделении Китайской национальной экспортно-импортной корпорации в Восточном Берлине. Как пишет Тьерри Робэн, он располагался в шикарном офисе в берлинском грандотеле Йоханнесбург и насчитывал порядка 300 сотрудников¹⁰⁵. В июне 1952 года там был подписан контракт с британцами на 3 млн ф. ст. В июле 1953 года британская делегация посетила Пекин и подписала контракт на 60 млн ф. ст. В июне 1953 года французская миссия во главе с Де Пла подписала компенсационное соглашение с Китайской национальной экспортно-импортной корпорацией на 10 млрд франков.

Однако, несмотря на эти многообещающие контракты, принявшие было реальные очертания летом 1952 года, долгожданного оздоровления торговых отношений Франции и Великобритании с Китайской Народной Республикой так и не произошло. Жесткая оппозиция США всем сделкам, заключенным на Московском экономическом совещании, вылилась в ответную реакцию Вашингтона на успехи МЭС в виде создания в сентябре 1952 года специальной новой структуры в НАТО по ограничению торговли с КНР ЧИНКОМа (Комитета по Китаю). Давление на правительство Франции, как пишет Тьерри Робэн, заставило Париж отказаться от выполнения контракта, заключенного де Пла накануне образования ЧИНКОМа, структуры, просуществовавшей в рамках НАТО до 1957 года¹⁰⁶.

Если «открытие» Китая на МЭС получило освещение в немногочисленной западной историографии, то предпринятая по итогам конференции попытка деловых кругов Западной Германии нормализовать и восстановить довоенные экономические связи с СССР представляет собою совершенно новый сюжет

¹⁰⁵ *Thierry Robin*. Op. Cit. P. 53–54.

¹⁰⁶ *Ibid*. P. 55.

как для отечественных, так и зарубежных исследований. Самым главным достижением МЭС на европейском направлении можно смело считать секретные переговоры с представителями ключевых для развития западноевропейской интеграции бизнес-ассоциаций Западной Германии летом 1952 года.

Как указывалось в справке на имя И. В. Сталина, после Московского совещания советское торгпредство в ГДР стало объектом пристального внимания крупных западногерманских фирм. Они демонстрировали желание установить торговые отношения с СССР и выдвигали различного рода коммерческие предложения¹⁰⁷. Контакты велись через советские дипломатические представительства в ГДР, так как ФРГ тогда еще оставалось официально непризнанным со стороны СССР государством.

В июле 1952 года Советская Контрольная Комиссия в Германии получила через сотрудника ЦК СЕПГ сообщение о желании представителей группы крупных металлургических, машиностроительных и электротехнических фирм, а также импортеров зерна Западной Германии провести предварительные конфиденциальные переговоры в Копенгагене с представителями советских хозяйственных организаций о заключении торговых сделок. Как сообщал об этом в записке на имя Сталина министр внешней торговли СССР П. Кумыкин, среди заинтересованных западногерманских фирм были такие крупные, как Гуттехоф-нунгс Хютте, Маннесман, Отто Вольф, МАН и Сименс, с которыми до войны у советских внешнеторговых организаций были крупные торговые контракты. Более того, по информации Советской Контрольной Комиссии, представитель этих фирм утверждал, что переговоры получили одобрение министра экономики правительства Западной Германии Людвига Эрхарда¹⁰⁸.

Министерство внешней торговли СССР подготовило в ЦК записку, в которой предлагало согласиться на переговоры, «исходя из того, что если переговоры дадут положительные результаты, т. е. если немцы согласятся на поставку нужных нам товаров,

107 РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 77. Л. 163.

108 Там же. Л. 168.

то это будет выгодно для нас как в экономическом, так и политическом отношении. Если же под давлением американцев западногерманские фирмы не смогут предложить интересующих нас товаров, и сделки не состоится, то это будет способствовать усилению противоречий между немецкими промышленниками и американцами»¹⁰⁹.

МВТ предлагало послать на переговоры двух заместителей министра внешней торговли, С. Борисова и А. Павлова, а в качестве их помощников — торгпредов Д. Мартынова (в ГДР) и Степанова (в Дании). Это позволяло вести переговоры на английском и немецком, отказавшись от услуг переводчиков (видимо, ввиду секретности и неофициальности готовившегося контакта). К письму прилагался проект Постановления Совета министров СССР и Директивы делегации на переговоры. Поверх этих документов почерком Молотова была написана резолюция на имя министра внешней торговли: «Товарищу Кумыкину. Тов. Сталиным одобрено это предложение, за исключением пункта о директивах, который исключен; Вы должны эту директиву — выслушать и доложить. В. Молотов. 26/VII»¹¹⁰. Таким образом, идея переговоров и состав советской делегации был одобрен, но необычным образом ввиду секретности задания директивы для переговоров давал лично и только устно сам Сталин. Ему же поручалось доложить лично об исполнении.

Хотя подготовленные МВТ СССР Директивы переговорщикам были заменены на некие устные указания Сталина, судя по проекту, основной торговый интерес для СССР представляли не товары массового потребления, а оборудование, станки, турбины, трубы и т. д. Запланированные статьи советского экспорта включали зерновые, нефтепродукты, пиломатериалы, марганец, хром и т. д. В проекте переговоры предполагалось вести от имени внешнеторговых организаций, а не правительства СССР¹¹¹.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 77. Л. 169.

¹¹¹ Там же. Л. 170–171.

4 августа 1952 года в салоне гостиницы «Ричмонд» в Копенгагене состоялась секретная встреча советской делегации в составе двух заместителей министра и торгпредов с представителями группы крупных металлургических и машиностроительных западногерманских фирм. Западногерманских промышленников возглавлял Герхард Брунс¹¹². Он сразу заявил, что его группа представляет частные фирмы, и их главной задачей на этой встрече является выяснение возможностей установления торговых отношений между СССР и Западной Германией¹¹³.

«Как сообщил Брунс, — писали в отчете советские представители на встрече, — компетентными органами Федерального Правительства было сообщено им, что из заявлений Председателя Торговой Палаты т. Нестерова на Экономическом Совещании в Москве Федеральное Правительство с интересом узнало, что Советский Союз готов возобновить непосредственные экономические связи с Федеральной Республикой. Со своей стороны, Федеральное Правительство на базе взаимности также готово в рамках принятых им международных обязательств выдавать соответствующие разрешения, как это делается по отношению к Венгрии, Чехословакии, Польше и другим государствам Восто-

¹¹² Герхард Брунс — глава “Gruppe Walzstahl” из торговой ассоциации немецких сталелитейных предприятий. Встреча в Копенгагене и ее политическая подоплека анализируется на материале западногерманских архивов в статье *Schlarp, K.-H.* Das Dilemma des westdeutschen Osthandels und die Entstehung des Ost-Ausschusses der deutschen Wirtschaft // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Jg. 41 (1993), Heft 2. P. 223–276, в особенности P. 259–261. Текст публикации доступен онлайн URL: http://www.ifz-muenchen.de/heftarchiv/1993_2_4_schlarp.pdf [последний просмотр 15.02.2015]. Согласно немецким документам, приводимым в статье, правительство Западной Германии фактически приняло решение против проведения такой встречи, но поскольку советская делегация была уже по пути в Копенгаген, западногерманская делегация несмотря на то что была направлена им на встречу. Канцлер К. Аденауэр, министр экономики Л. Эрхард и три Верховных комиссара в Западной Германии подчеркивали необходимость строжайшей приватности этого контакта. После встречи в Копенгагене западногерманская делегация информировала заместителя Эрхарда о том, что настало время для подписания торгового соглашения с СССР.

¹¹³ Там же. Л. 179.

ка, с которыми оно уже в течение долгого времени имеет официальные торговые и платежные соглашения»¹¹⁴.

Представители фирм ФРГ дали понять, что они уполномочены федеральным правительством сделать предложение о заключении торгового соглашения как наиболее желательной формы развития торговли. В то же время они допускали возможность отдельных компенсационных сделок с каждой фирмой или генерального соглашения. Конкретного списка товаров для торговли с СССР западногерманскими представителями выдвинуто не было.

Советские переговорщики на встрече, после бесед с руководителями советских военных и дипломатических структур в Восточной Германии — И. Ф. Семичастновым, В. С. Семеновым и И. И. Ильичевым, пришли к выводам о явной заинтересованности западногерманцев в торговле с СССР. Вероятно под впечатлением от проведенных переговоров и полученной поддержке советских представителей в Восточной Германии, участвовавшие в переговорах советские высокопоставленные чиновники рекомендовали пойти на переговоры с представителями ФРГ: «По нашему мнению, — писали они в отчете, — следует дать согласие немцам на ведение переговоров о заключении Торгового Соглашения, имея в виду, что если соглашение будет заключено, то Советский Союз помимо экономических, также будет иметь и политические выгоды, а если под давлением американцев Боннское правительство не пойдет на заключение соглашения, то этим будут усилены противоречия между западногерманскими промышленными кругами и оккупационными властями»¹¹⁵.

Тем не менее интерпретация результатов встречи министром внешней торговли П. Кумыкиным в Москве отличалась от оптимистических выводов непосредственных участников переговоров — Борисова, Павлова и Мартынова. В аналитической записке Сталину от 8 августа 1952 года министр отметил, что,

¹¹⁴ Там же. Л. 189.

¹¹⁵ Там же. Л. 194.

по мнению МВТ СССР, первоначальные торговые планы вышедших на контакт с советской стороной западногерманских фирм были гораздо более определенными. На них явно был оказан нажим со стороны американских оккупационных властей, в результате чего они ограничились заявлениями о желательности заключения межправительственного торгового соглашения или отдельных компенсационных сделок, не выдвигая конкретной программы торговли. МВТ СССР «считает нецелесообразным вступать в переговоры с немцами о заключении предложенного ими межправительственного торгового соглашения»¹¹⁶. «Министерство внешней торговли считает, что путем заключения с западногерманскими фирмами отдельных компенсационных сделок или генерального соглашения о взаимных поставках товаров с группой фирм можно было бы получить из Западной Германии интересующие нас товары. Ввиду этого, целесообразно дать согласие представителям западногерманских фирм на заключение отдельных компенсационных сделок между советскими внешнеторговыми организациями и западногерманскими фирмами, а также генерального соглашения о взаимных поставках товаров с группой фирм»¹¹⁷.

Отказ СССР от межгосударственного торгового соглашения объяснялся тем, что, предлагая его, западные немцы делали ссылку на существующие международные обязательства Бонна (запретные списки КОКОМ). На деле это могло означать, что, учитывая обязательства ФРГ не продавать соцстранам стратегических товаров, обмен был бы неравномерным: западные немцы торговали второстепенными товарами, а СССР — стратегическими (зерно, руды, нефть). К тому же это соглашение, вне сомнений, означало бы в той или иной форме признание боннского правительства. В отличие от предлагавшегося нового соглашения такого рода, существовавшие у ФРГ торговые соглашения с Польшей и Чехословакией были заключены еще до провозглашения западногерманского государства. Они были

¹¹⁶ Там же. Л. 180.

¹¹⁷ Там же. Л. 181.

продолжением договорных отношений, появившихся в период 1948–1949 годов между правительствами этих восточноевропейских стран и военными администрациями западных зон оккупации Германии. Торговля между ними велась на клиринговой основе по согласованным спискам товаров¹¹⁸.

Вместе с запиской МВТ СССР был также подготовлен проект краткого устного ответа торгпреда СССР в ГДР группе западногерманских фирм. В первой редакции он представлял собой весьма задиристый документ с рядом выпадов в адрес ФРГ. После редакционной правки А. И. Микояна текст приобрел более лаконичный и выдержанный тон. В нем предлагалось рассмотреть конкретные торговые предложения и начать торговлю по линии компенсационных сделок, имея в виду в более отдаленной перспективе возможность торгового соглашения на основе полученного опыта конкретных дел. Согласно проекту, торгпреду после дачи устного ответа надлежало вручить его текст в форме памятной записки без подписи¹¹⁹.

Судя по всему, переговоры не получили продолжения. Следы какой-либо активности в этом направлении теряются в архивах, а учитывая сложные перипетии внутрисоветской жизни СССР в последние полгода жизни Сталина, это время не располагало к многоходовым свежим инициативам. Известно лишь, что после МЭС в Западной Германии была образована лоббистская «Ост контор», впрочем, по оценкам советских дипломатов, не добившаяся особых успехов. Тем не менее она стала прологом к созданию полуофициального «Восточного комитета германской экономики», созданного для развития торгово-экономических отношений с СССР и соцстранами в декабре 1952 года¹²⁰.

К тому же совершенно очевидно, что еще на этапе переговоров в Копенгагене западногерманские объединения, пришедшие на встречу, находились под все усиливавшимся давлением

118 Там же. 180.

119 Там же. Л. 182, 184.

120 АВП РФ. Ф. 757. Оп. 36. П. 132. Д. 8. Л. 3.

со стороны сил, выступавших за интеграцию ФРГ в систему западных союзов. Как указывали в приложении к Отчету советские представители, по информации из Отдела по общегерманским вопросам СКК, МИД ФРГ оказывал давление на участвовавших в копенгагенской встрече промышленников: «...якобы Брунсу было заявлено в Министерстве иностранных дел, что, поскольку Аденауэр не информирован о предстоящей встрече, поездка ни при каких обстоятельствах не должна состояться. Брунс якобы заявил, что на организацию встречи он имел согласие министра Эрхарда и других инстанций и что он не подумал бы о том, чтобы сообщить партнерам по переговорам в качестве причины отказа какую-либо иную, чем действительную причину. Объединение промышленников по железу и стали отказывается давать ложные объяснения. Им удалось договориться о ведении переговоров в нейтральном месте. Если переговоры должны состояться только в сентябре, то после такой бесцеремонности вопрос о том, согласятся ли вообще представители Советского Союза на переговоры, стал бы спорным. Они ни в коем случае не согласились бы тогда на переговоры в нейтральном месте. Это означало бы, что западногерманские представители должны были бы ехать непосредственно в Москву. Однако он (Брунс) лично также отказывается еще раз начинать переговоры при таких обстоятельствах»¹²¹. Как следовало из той же информации, из-за оказываемого давления на встречу не пришли представители Союза немецких машиностроительных предприятий, первоначально также планировавших свое участие¹²².

При анализе этого эпизода напрашиваются параллели с зондажами, периодически проходившими между советскими и западногерманскими представителями. Так различные интерпретации в литературе получила секретная встреча председателя Христианско-демократической партии Западного Берлина Э. Леммера и министра иностранных дел ГДР Г. Дертингера 21 октября 1951 года. Причем, согласно запад-

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 77. Л. 194–195.

¹²² Там же. Л. 195.

ной версии встречи, миссия Дертингера получила санкцию Семенова¹²³. Согласно одной из интерпретаций встречи, Дертингер говорил о серьезных противоречиях в окружении Конрада Аденауэра и о несогласии с его жестким курсом даже в рядах возглавляемого Аденауэром Христианско-демократического союза. Проблема интеграции ФРГ в западную систему военно-экономических объединений (предстоявшая ратификация бундестагом подписанных договоров о ЕОУС и Западноевропейском союзе) увязывалась напрямую с оптимистическим или пессимистическим сценарием решения вопроса о переговорах между ГДР и ФРГ по вопросу общих выборов и объединения Германии¹²⁴.

Однако в отличие от тайной встречи двух высокопоставленных чиновников в 1951 году, секретные переговоры в Копенгагене 1952 года затрагивали гораздо более широкие политико-экономические круги. Самое главное, несмотря на давление, в них участвовали основообразующие компании ФРГ, Объединение промышленников по железу и стали — сердце подписанного в 1951 и ратифицированного в 1952 году Соглашения о Европейском объединении угля и стали, первого наднационального интеграционного объединения стран Западной Европы. Причем это было прямое продолжение целей Московского экономического совещания, пусть и в более узком их варианте. Как показали первые же слова Брунса, выступление Нестерова на МЭС достигло своего адресата — его услышали сторонники сотрудничества в кабинете Аденауэра и, несмотря на борьбу разных сил и групп влияния, эти слова привели к конкретным действиям — секретным переговорам представителей двух стран, уполномоченных правительствами обеих сторон.

¹²³ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009. С. 158.

¹²⁴ Там же. С. 156–159. Судя по мемуарам П. Судоплатова, внешнеполитические «зондажи» и «игры» с ФРГ параллельно проводились и по линии МГБ. Он приводит пример такого задания Берии в 1953 г. — Судоплатов П. Указ. Соч. С. 561.

Анализируя итоги многообещающей кампании за развитие международной торговли, начатой СССР на Московском экономическом совещании, следует найти ответ на вопрос об истинных причинах внезапного финала этой советской инициативы. Однозначный ответ пока дать затруднительно, однако можно высказать несколько версий на этот счет.

В качестве первого объяснения радикальной перемены советского отношения к кампании за развитие международной торговли следует взглянуть на изменения в настроении Сталина. Период 1952–1953 годов был крайне нервным для советского руководства по причине прогрессирующей болезни Сталина и связанной с этим его растущей подозрительности в отношении ближайших соратников. Это в полной мере проявилось на XIX съезде ВКП(б) в октябре 1952 года. На нем Сталин напрямую обвинил Молотова и Микояна в серьезных ошибках и заявил о существовании некоего раскола в Политбюро¹²⁵. Оба обвиняемых входили в состав Внешнеполитического комитета ЦК, который готовил и отвечал за МЭС. Можно предположить, что в условиях кампании против космополитов и скрытых врагов внутри страны продолжение поисков путей сотрудничества с Западом становилось слишком опасным предприятием, особенно если Сталин изменил свое отношение к этой идее.

В ходе обсуждения текста доклада, легшего в основу этого раздела, с д. и. н. Ю. И. Рубинским на международной конференции «Россия и ЕС: прошлое и настоящее» в ИВИ РАН в ноябре 2009 года родилась еще одна, историко-психологическая трактовка феномена МЭС. Согласно идее Ю. И. Рубинского, если посмотреть на физическое и умственное состояние главы страны в начале 1950-х годов, то можно заметить глубокую антиномию во взглядах самого Сталина,

¹²⁵ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны, 1945–1985 гг. М., 2007. С. 212–216; Фурсенко А. А. Россия в международных кризисах. Середина XX века. М., 2006. С. 28–32.

отражением чего и могла явиться кратковременная «аномалия» в виде МЭС¹²⁶.

Другим возможным объяснением является то, что конференция и отклики на ее решения не оправдали ожиданий ее организаторов. В письме на имя Р. Шамбейрона (датированном августом 1952 года) М. Нестеров указывал на «официальную» причину своего отсутствия на заседании Бюро комитета содействия торговли: «Я по-прежнему считаю, что развитие движения за расширение торговых связей между странами и за ликвидацию дискриминаций в международной торговле, установленных правительствами США, Англии и других стран, будет результативным только тогда, когда оно будет основано на участии и глубокой заинтересованности широких влиятельных деловых кругов в капиталистических странах. Без этого условия действия комитета "сверху" будут бесплодными»¹²⁷.

Если принять это объяснение, то получается, что главной целью МЭС было создание механизма для ведения диалога с деловыми кругами капиталистических стран. Пожалуй, это была самая крупномасштабная попытка инициировать диалог с широкими кругами западного общества и странами третьего мира с целью выработать «модус вивенди» и заставить соответствующие правительства пересмотреть свою дискриминационную торговую политику. Первоочередной целью МЭС был прорыв торговой блокады, соображения идеологического порядка не были доминирующими в советских планах.

Следует признать, что многообещающий великий замысел перестройки европейских и мировых торговых отношений не был реализован в полной мере по ряду причин. В первую очередь из-за явного противоречия между проводимой Сталиным антизападной кампанией внутри страны и попытками создать благоприятный образ СССР в мире.

¹²⁶ О том, что Сталин страдал провалами в памяти и резкими перепадами настроения, свидетельствуют мемуары Н. С. Хрущева: *Хрущев Н. С. Воспоминания. Время, люди, власть.* М., 1999. Т. 2. С. 75; 98.

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 792. Л. 238.

Вопрос о том, насколько правомерно называть «сталинским» политический курс СССР в 1951–1953 годах остается открытым в отечественной историографии. Он был поставлен еще в работе специалиста по внутренней политике СССР Ю. Н. Жукова. В ней утверждается, что, по сути, в последние два года своей жизни Сталин в значительной степени отошел от реальных дел, доверив управление страной триумвирату Булганин–Берия–Маленков¹²⁸. В интерпретации Ю. Жукова МЭС было звеном в череде внешнеполитических мероприятий по смягчению международного климата, отхода от политики силы и стремления к развитию легкой промышленности, широкой торговли товарами массового потребления, которую олицетворяла партийная группа «голубей» во главе с Г. М. Маленковым (к которой, несомненно, относился и А. И. Микоян). Ей противостояли «ястребы», олицетворявшие ВПК, в лице Н. А. Булганина¹²⁹. Соотношение сил между двумя лагерями менялось постоянно. Следуя этой логике, непоследовательность советской политики в отношении итогов МЭС была отражением подковерной борьбы на политическом олимпе СССР в рамках руководящего триумvirата.

В тактическом плане главным достижением МЭС был пропагандистский эффект конференции, приведший, несмотря на все бойкоты и противодействия, к всплеску конфиденциальной переписки (вплоть до тайных переговоров летом 1952 года в Копенгагене с делегацией западногерманских фирм!) с прямым или косвенным участием представителей правительств западноевропейских стран. Однако, видимо, когда сторонники конфронтации с Западом опять стали брать верх в советском руководстве, Кремль сам дезавуировал часть своей инициативы, отвергнув во второй половине 1952 года поступившие на волне МЭС предложения развивать торговлю товарами массового потребления. Развивать же торговлю товарами, необходимыми для развития тяжелой промышленности западноевропейским странам не позволило давление со стороны США. Политические

¹²⁸ Жуков Ю. Н. Указ. Соч. С. 548.

¹²⁹ Там же. С. 551, 559.

факторы с той и другой стороны в обстановке начала 1950-х оказались сильнее экономического интереса.

В 1953 году, в качестве продолжения московского совещания планировалась вторая международная экономическая конференция в Китае, которая вызвала уже более серьезный интерес со стороны официальных кругов западных стран. И это позволяет говорить о том, что из-за переменной позиции Москвы по поводу будущего Бюро по развитию международной торговли, больше всех от МЭС в международном плане выиграл Китай, а не СССР.

Укрепление экономического потенциала СССР и растущее осознание важности экономического фактора в глобальном и региональном противостоянии Запада и Востока привело к появлению асимметричного ответа Москвы на интеграционные мероприятия в Западной Европе и серьезные разногласия по этому поводу в стане союзников по НАТО. Таким шагом стало незаслуженно забытое отечественной и зарубежной историографией Московское экономическое совещание в апреле 1952 года.

Для СССР это была первая масштабная послевоенная попытка приоткрыть «железный занавес» и предотвратить углубление, прежде всего, военно-политической интеграции стран Западной Европы, провозгласив торговлю средством мирного сосуществования. Она оказалась тактической, хотя имела потенциал новой стратегической линии СССР. Даже не реализованные в 1952 году идеи создания новой международной торговой организации и новой международной торговой конференции стали неотъемлемой частью советского внешнеполитического арсенала во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, приведя в итоге к созданию ЮНКТАД в 1964 году.

ГЛАВА 3

СССР И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ В ЭПОХУ «МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ»: СЕРЕДИНА 1950-х — СЕРЕДИНА 1960-х ГОДОВ

Для понимания эволюции советской политики в отношении европейской интеграции в течение двенадцатилетнего периода между Сталиным и Брежневым, необходимо дать комплексный анализ трех составляющих интеграционных процессов в Европе в указанный период:

А) новых и старых западноевропейских моделей интеграции;

Б) социалистического содружества — СЭВ (восточноевропейской модели, получившей впоследствии название «социалистическая интеграция»)

В) планов общеевропейского интеграционного пространства (советские панъевропейские инициативы середины 1950-х — середины 1960-х годов).

3.1. Общеевропейский проект коллективной безопасности в Европе и роль экономического сотрудничества в новой политике «мирного сосуществования» 1954–1956 годов

Интерлюдия, возникшая в политических отношениях между ключевыми державами Запада и СССР сразу после смерти Сталина, получила освещение в работах современных исследователей¹. Разные историки давали ему говоря-

¹ Егорова Н. И. Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003.

щие названия. Так В. О. Печатнов в обзорной статье по после- сталинскому периоду называет его «разрядкой замирения» (сменившейся на период «запугивания» в конце 1950-х), а по изящному выражению одного французского историка, это было время советской «политики улыбок»². Несмотря на интерес к этому периоду, его экономическая составляющая, существенно дополняющая известные инициативы Москвы в области безопасности, долгое время оставалась вне поля зрения историков.

Новая атмосфера интереса к СССР после смерти Сталина и контактам Восток-Запад проявилась в полной мере на IX сессии ЕЭК ООН, проходившей в Женеве с 9 по 25 марта 1954 года. «На IX сессии ЕЭК, в отличие от ее предыдущих сессий, со стороны всех западноевропейских стран, представители которых участвовали в работе этой сессии, высказывались пожелания об укреплении и развитии экономического сотрудничества между всеми европейскими странами и выражалась готовность к расширению торговли с СССР и странами народной демократии»³, — отмечалось в отчете советской делегации.

Эта нехарактерная для периода холодной войны сессия как будто возвращала СССР ко временам Бреттон-Вудса и давала повод для оптимизма как Западу, так и Востоку с расчетом на долгожданный возврат к конкретным шагам и доверительному диалогу.

Глава британской делегации, заместитель министра иностранных дел лорд Рединг⁴, заявил о стремлении своего правительства к расширению торговли с Восточной Европой. Глава

С. 455–485; *Быстрова Н. И.* Глава «Оттепель», но не «разрядка» (1953 — первая половина 1954 г.) в книге: *Быстрова Н. И.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). С. 399–481.

² *Pechatnov V.* Reflections on Soviet Foreign Policy, 1953–1964 // *Peaceful coexistence? Soviet Union and Sweden in the Khrushchev Era.* Moscow, 2010. P. 24; *Наринский М. М.* Визит французской правительственной делегации в СССР в 1956 году // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). С. 198.

³ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 20.

⁴ Джералд Руфус Айзекс, второй маркиз Рединг.

французской делегации, министр финансов и экономики Э. Фор, заявил, что его правительство приложит все усилия к устранению торговых барьеров и что Франция заинтересована в заключении долгосрочных торговых соглашений и введении системы многосторонних расчетов при заключении сделок. Представитель Бельгии призывал СССР и восточноевропейские страны вернуть себе право называться житницей Европы. А итальянский представитель Нотаранджели и вовсе признался, что «его правительство, проводя в жизнь экономические соглашения, заключенные со странами Восточной Европы, никогда не следовало "букве закона" и было всегда готово к расширению торговли, в том числе товарами, не предусмотренными действующими соглашениями»⁵.

Впервые за долгие годы советская делегация без страха репрессий получила разрешение вступить в двусторонние консультации с британской делегацией, и это принесло свои плоды! В соответствии с директивами советский представитель внес предложение о возобновлении работы Комитета по развитию торговли ЕЭК ООН, в последний раз собиравшегося без особого результата в 1949 году. Британская делегация выступила со своим проектом по этому вопросу, однако потом сама предложила советским представителям выработать совместный проект резолюции. В итоге двусторонних переговоров на сессии был представлен совместный проект делегаций СССР и Великобритании, принятый единогласно. Круг задач Комитета включал заключение долгосрочных и многосторонних соглашений и созыв совещаний экспертов по вопросам торговли.

Самое главное, советской делегации удалось заставить англичан согласиться на формулировку о том, что Комитет будет заниматься вопросами «устранения препятствий экономического, торгово-политического и административного характера в области внешней торговли». Британская делегация была вынуждена сделать отдельное заявление, что вопросы экспортного контроля (безусловная цель СССР в воссоздании Комитета),

⁵ АВР РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Л. 21.

по ее мнению, должны решаться на переговорах между правительствами, а не в специальном Комитете ЕЭК⁶.

В другом важном вопросе, о созыве Комитета по сельскому хозяйству, ЕЭК была создана рабочая группа в лице представителей социалистических и капиталистических стран Европы: Дании, Франции, Великобритании, Чехословакии, Румынии и СССР. В итоге выработанный советскими дипломатами проект резолюции был предложен от имени Дании и СССР и принят единогласно. В круг ведения Комитета входил мониторинг ситуации с сельскохозяйственной продукцией в Европе, проблем импорта и экспорта, включая перспективы расширения товарооборота и обмен технической информацией между членами ЕЭК ООН.

На сессии проявились противоречия между Данией и Францией, с одной стороны, выражавшими тревогу по поводу монополизации европейского рынка дешевым продовольствием из США, поставляемого по демпинговым ценам, и Великобританией и США, с другой стороны, делавшими предостерегающие заявления о том, что Комитет не должен дублировать работу Продовольственной организации ООН (ФАО, в которой СССР не участвовал). Создание Комитета было, несомненно, грамотным ходом, выставившим СССР поборником интересов европейцев, поскольку, как отмечалось в отчете, резолюция имела скрытый антиамериканский характер и предусматривала «принятие мер, способствующих покрытию потребностей европейских стран в сельскохозяйственных товарах за счет внутриевропейских ресурсов»⁷.

Оптимизм IX сессии ЕЭК и предвкушение встречи экспертов по европейской торговле вызвал интерес к этой теме среди западных европейцев. В мае 1954 года вопрос о коммерческих контактах Востока и Запада был поднят в Совете Европы. Комиссия по экономическим вопросам Консультативной Ассамблеи Совета Европы подготовила специальный доклад,

6 Там же. Л. 25.

7 Там же. Л. 26–27.

подвергнутый обсуждению. В нем отмечалось, что в отличие от ЕЭК ООН, Совет Европы не является панъевропейской организацией. Тем не менее, как сообщал французский «Ежедневный бюллетень экономической и социальной информации», исходя из принципа, что общее торговое эмбарго в будущем и невозможно и непригодно, Советом Европы был поставлен вопрос о том, что торговля с Востоком хоть и призвана укрепить западноевропейские страны, но требует создания единого коммерческого фронта западноевропейцев с целью «взять на абордаж» восточные монополии государственной торговли во внешнеэкономической сфере⁸.

Своеобразное «возвращение СССР в Европу», произошедшее на IX сессии ЕЭК ООН было обусловлено целым рядом причин. Во-первых, это произошло на волне интереса к новому курсу коллективного советского руководства. Во-вторых, это происходило в момент временного ослабления делегации США — из-за внутрипартийной борьбы назначенный руководитель делегации от республиканцев не получил одобрения в Конгрессе и выступал в роли консультанта. По сути, и. о. руководителя американской делегации был всего лишь советник по экономическим вопросам американского посольства в Лондоне, что не соответствовало уровню глав других делегаций. Поэтому американская команда занимала пассивную позицию и чаще следовала за англичанами, чем вела кого-то за собой⁹.

В-третьих, не менее важным было то, что советская делегация приехала не с пустыми руками. Специально к этой сессии ЕЭК Постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1954 года учреждалось Постоянное Представительство СССР при Европейском Отделении ООН, что было демонстрацией серьезности намерений Советского Союза вернуться к реаль-

⁸ АМАЕ. P09069. Direction économique. Papiers des directeurs, 1944–1974. Oliver Wormser. Europe orientale. URSS. Correspondance économique. Les échanges Est-Ouest. Bulletin quotidien d'informations économiques et sociales. Paris, le 26 mars 1956.

⁹ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 20.

ному сотрудничеству и было с одобрением встречено на сессии ЕЭК.

Положение о Постоянном Представительстве, конкретизирующее его задачи, было принято уже во время заседаний сессии, 17 мая 1954 года за подписями министра внешней торговли СССР И. Кабанова и заместителя министра иностранных дел СССР В. Зорина. В нем говорилось о том, что Постоянное Представительство должно исходить из основных задач Советского Союза в ЕЭК ООН, среди которых на первом месте назывались: «более широкое использование ЕЭК как общеевропейской экономической организации, в которой участвуют СССР, народно-демократические и капиталистические страны Европы, для развития экономического сотрудничества между европейскими странами, для борьбы против дискриминационной политики США в области международной торговли и для ослабления влияния в Западной Европе проамериканской Организации Европейского Экономического Сотрудничества, созданной по плану Маршалла»¹⁰.

Как видно из такой постановки задач СССР в ЕЭК и в Постоянном Представительстве при европейском отделении ООН, в мае 1954 года советские акценты в области западноевропейских экономических группировок существенно изменились. В качестве «врага номер один» в экономической области объявлялась межгосударственная Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), до 1952 года координировавшая осуществление «плана Маршалла» в Европе и сохранившаяся после окончания предоставления «помощи» в качестве площадки для взаимодействия всех западноевропейских стран. Возникает вопрос, куда же пропали бывшие до того на острие критики советской пропаганды «план Шумана» (ЕОУС) и, самое главное, «план Плевена» — Европейское оборонительное сообщество, договор о котором был подписан и подлежал ратификации в 1954 году?

Очевидно, ответ на него можно получить в принципиально новой постановке вопроса об общеевропейской безопасности,

¹⁰ Там же. Л. 36.

озвученной на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Франции и Великобритании в 1954 году. На нем центральными проблемами были судьбы Германии и Австрии, но с ними неразрывной третьей темой шел вопрос о Европейском оборонительном сообществе, договор о котором подписала ФРГ. Как заявил 10 февраля 1954 года на 15-м заседании совещания В. М. Молотов, «нас спрашивают, какова же альтернатива "европейскому оборонительному сообществу"? Чем можно заменить "европейское оборонительное сообщество", если отказаться от планов его создания? Особенно этим вопросом интересуются во Франции, что мы считаем вполне естественным.

Мы отвечаем на этот вопрос: вместо планов создания "европейского оборонительного сообщества" необходимо практически осуществить идею коллективной безопасности для всех народов Европы. Безопасность должна быть обеспечена для всех стран, независимо от различий в их общественном устройстве»¹¹.

Первоначально представленный в Берлине проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе предусматривал только военные аспекты сотрудничества. Прописывались периодические совещания членов правительств, создание постоянно действующего консультативного политического органа с правом рекомендаций и специального военного консультативного органа. В первой версии не было ни слова про экономику.

Однако уже сразу после окончания сессии ЕЭК ООН, 31 марта 1954 года СССР выступил с сенсационной инициативой, заявив о своей заинтересованности вступления в НАТО. Как показывает в своем анализе Н. Е. Быстрова, сделано это было после разбора ошибок и учета первой реакции западных стран на советские предложения заключить Договор о коллективной безопасности в Европе (выдвинутый в феврале 1954 го-

¹¹ Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав – СССР, Великобритании, США и Франции (25 января – 18 февраля 1954 г.) Документы и протоколы. М., 1954. С. 167.

да)¹². Главным препятствием на пути советского проекта признавалась боязнь западноевропейцев испортить отношения с США и потерять заокеанские гарантии безопасности через Североатлантический альянс. Учитывая это обстоятельство, СССР модифицировал свою позицию и пошел на беспрецедентный шаг — предложил в ноте правительствам Великобритании, Франции и США включить в число участников Общеввропейского договора о коллективной безопасности Америку и выразил готовность рассмотреть вопрос об участии СССР в НАТО. По сути, предлагалось вернуться к общеевропейскому сотрудничеству всех союзных держав-победительниц во Второй мировой войне на базе коллективной безопасности. Тем самым возрождались идеи советско-британского «Соглашения о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией» 1941–1942 годов.

По сути, инициатива СССР была попыткой вступить и изнутри поменять характер Североатлантического договора, снять остроту вопроса и сделать ненужным вовсе создание Европейского оборонительного сообщества, выдвинув в качестве альтернативы Договор о коллективной безопасности. Как отмечали в своем исследовании американской политики в отношении военно-политической интеграции Западной Европы томские историки М. Н. Волков и О. Г. Лекаренко, смягчение международной напряженности после смерти Сталина и советские контрпредложения существенно повлияли на затягивание постановки вопроса о ратификации договора о ЕОС во французском парламенте. 30 августа 1954 года Национальное собрание Франции 319 голосами против 264 отклонило договор о ЕОС, чем похоронило осуществление наднациональной интеграции в военно-политической сфере в форме еще одного европейского сообщества¹³.

¹² Быстрова Н. Е. Указ. Соч. С. 460–463.

¹³ Волков М. Н., Лекаренко О. Г. Американская крепость Европа: политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947–1955 гг.). С. 216, 239.

Успех IX сессии ЕЭК и проявленный на ней интерес к восточным рынкам заставил СССР подготовить дополнительный пункт в проект Договора о коллективной безопасности. Развивая это направление, 16 августа 1954 года заведующий ОМЭО МИД СССР положил на стол заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко записку в ЦК КПСС с развернутым предложением о созыве Совещания министров европейских стран по развитию внутриевропейской торговли. Записка появилась в связи с обсуждением вопроса о включении в проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе специального пункта об экономическом сотрудничестве¹⁴.

Срочность и время выдвижения предложения ОМЭО объяснялись приближением даты дебатов во Французском Собрании по Парижскому и Боннскому договорам, в связи с чем эксперты ОМЭО предлагали выдвинуть альтернативную программу, которая могла бы усилить позиции противников этих договоров в ключевых западноевропейских странах: Франции, Британии, Западной Германии и Италии.

Как критически отмечалось в записке, дополнение об экономическом сотрудничестве, внесенное в советский проект Общеввропейского Договора, не вызвало ожидавшегося отклика со стороны «общественных кругов» западноевропейских стран. Это признавалось и объяснялось тем, что сформулировано оно было в самых общих чертах¹⁵.

Как указывалось в документе с обоснованием предложения о созыве общеввропейского совещания по внутриевропейской торговле, на министерском уровне между Западом и Востоком такой встречи ни разу не проводилось. «Учитывая, что западноевропейские страны экономически заинтересованы, особенно в настоящее время, в развитии своей торговли с восточноевропейскими странами, МИД СССР считает, что такое предложение могло бы найти благоприятную почву в правительственных, деловых и общественных кругах этих стран.

14 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 65.

15 Там же. Л. 66.

С нашей стороны мы должны увязать работу этого совещания с созданием экономических предпосылок для установления коллективной безопасности в Европе в соответствии с нашим предложением по этому вопросу»¹⁶.

Предлагалось вынести три ключевых вопроса на повестку дня такой европейской встречи:

1. Проблема развития торговли со странами Западной Европы на многосторонней и долгосрочной основе. Причем помимо самой постановки вопроса о желательности такой торговли, делался акцент на необходимость отхода от двусторонних клирингов и переход именно к многосторонним расчетным операциям. Таким образом, предложения явно готовились с оглядкой на позитивные результаты IX сессии ЕЭК ООН и с учетом высказанных на ней пожеланий ключевых стран Западной Европы.

2. Конкретная программа развития внутриевропейской торговли на 5–10 лет между всеми странами, «независимо от их социально-экономической структуры». Перед СССР ставилась задача выступить с привлекательной программой товарообмена со всеми западноевропейскими странами, чтобы заинтересовать эти государства в укреплении связей с СССР при одновременном ослаблении их связей с США «с таким расчетом, чтобы заинтересовать их также и политически в установлении коллективной безопасности в Европе». Предлагалось выступить с такими же программами европейским странам народной демократии.

3. Проблема кредитования на общеевропейском уровне как необходимая практическая мера для стимулирования развития торговли. Впервые выдвигалось предложение о создании Общеευропейского Банка для облегчения расчетов торговым сделкам и кредитования внешнеторгового оборота между странами. Авторы отмечали отсутствие подобного рода кредитного института, из-за чего возникали ограничения на пути развития торговли между Востоком и Западом¹⁷.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 67–68.

Записка предлагала достичь предварительной договоренности с правительствами Англии и Франции. К ней прилагалась Нота этим правительствам, в чей адрес надлежало обратиться в первую очередь. В преамбуле отмечалось, что уровень торговли между Западной и Восточной Европой почти вдвое ниже уровня, отмеченного в 1938 году, что не соответствует «жизненным интересам европейских народов, создает дополнительные трудности в экономическом развитии и является тем более ненормальным, что во многих европейских странах после войны проделана значительная работа по подъему производительных сил...»¹⁸.

В Записке и в Ноте предлагалось выдвинуть Москву в качестве места проведения такой конференции, хотя допускалась возможность любой другой европейской столицы по согласованию с Лондоном и Парижем¹⁹.

Практическую организацию Совещания вполне разумно планировалось поручить Исполнительному Секретарю ЕЭК ООН Гуннару Мюрдалю, тем самым используя нейтральную площадку этой организации и поднимая на новый уровень уже планировавшееся на осень совещание торговых экспертов европейских стран в рамках заседания Комитета ЕЭК по развитию внешней торговли.

Предлагалось договориться с Мюрдалем о переносе срока этого мероприятия с октября на ноябрь 1954 года. Как отмечалось в Записке, участие министра торговли США считалось нецелесообразным (что соответствовало общей цели — переориентации западноевропейских стран на восток). Если бы Англия или Франция стали настаивать на американском участии, допускалось сделать исключение, но только в случае увязки американского присутствия с участием министра торговли КНР²⁰.

¹⁸ Там же. Л. 71.

¹⁹ Хотя и в Записке, и в Ноте говорилось об альтернативном выборе места проведения — Москве или одной из европейских столиц, в прилагавшемся лаконичном проекте Постановления ЦК КПСС говорилось однозначно только о Москве — АВР РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 70.

²⁰ АВР РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 68–69.

Судьба этого конструктивного предложения СССР до сих пор не ясна в деталях. Известно, что парламент Франции проголосовал в августе против ЕОС, хотя какой-либо общеевропейской конференции в 1954 году так и не состоялось. Зато состоялась планировавшаяся Г. Мюрдалем III Сессия комитета ЕЭК по торговле в октябре, а не ноябре 1954 года.

Оценить значимость этой сессии можно из текста перехваченного письма самого Исполнительного секретаря ЕЭК ООН Г. Мюрдаля, адресованного Генеральному Секретарю ООН Дагу Хаммершильду и датированного 22 октября 1954 года. Оценивая в целом атмосферу мероприятия как деловую, Мюрдаль отмечал некоторую напряженность в связи с обсуждением вопроса о препятствиях в торговле. Однако главной заслугой, по его мнению, была не официальная часть, а как раз неофициальная. «Вне "рамок" заседаний Комитета, — писал Мюрдаль, — имела место значительная активность представителей в форме многочисленных двусторонних контактов и бесед: среди них наиболее значительной была, по-видимому, весьма приятная встреча советских и западногерманских делегаций, к которой позднее были привлечены в качестве "экспертов" ряд крупных промышленников и деловых людей, членов "Восточного комитета"»²¹.

Исполнительный секретарь подробно рассказывает о том, как накануне заседания к нему подошел глава западногерманской делегации и просил помочь найти общий язык с советской стороной после неловкого положения, которое сложилось в связи с отменой визита в СССР членов «Восточного комитета германской экономики» — объединения представителей деловых кругов ФРГ с целью расширения торговых связей Западной Германии с СССР и странами восточного блока)²². Мюрдаль с удовлетворением отмечал, что ему удалось выполнить эту просьбу на базе площадки ЕЭК, так как «оче-

21 АВП РФ. Ф. 757. Оп. 36. П. 132. Д. 8. Л. 32.

22 Ost-Ausschus der Deutschen Wirtschaft — «Восточный комитет германской экономики».

видно, что обе стороны взаимно желают развивать деловые связи»²³.

Несмотря на некоторую оппозицию Великобритании, в связке с которой выступили Турция и Греция, было решено продолжить консультации экспертов по торговле между Западом и Востоком. По оценке Мюрдаля, возобновившиеся в 1954 году, «консультации представляют собой эффективное средство, дающее особенно более малым и слабым торговым партнерам полезную возможность совершать более или менее регулярную и одновременную проверку двусторонних торговых отношений при условии сохранения строжайшей тайны, о которой обычно заботятся во время проведения успешных торговых переговоров...»²⁴.

Возвращаясь к результатам IX сессии ЕЭК ООН, следует отметить еще один важный вопрос, входивший в советские директивы и включенный отдельным пунктом в повестку дня. Речь идет о проблеме развития межрегионального экономического сотрудничества. Как писали в отчете советские делегаты, в результате обсуждения была принята резолюция на основе советского проекта, внесенного через чехословацкую делегацию. В ней признавалась необходимость созыва совещания экспертов по торговле от европейских стран и стран Азии и Дальнего востока, а также от стран Латинской Америки²⁵.

Британская и американская делегации отдельно оговорили, что принятие этой резолюции не предопределяет позицию их представителей на сессии ЭКОСОС ООН. Таким образом, пояснялось в отчете, опасаясь говорить о своих интересах во всеуслышание, они пытались закамouflировано оставить себе свободу рук, так как на самом деле были не заинтересованы в облегчении доступа европейских стран в эти регионы. Следует добавить, что советские идеи межрегионального сотрудничества по сути представляли собою советскую версию глобального

²³ АВП РФ. Ф. 757. Оп. 36. П. 132. Д. 8. Л. 33.

²⁴ Там же. Л. 34.

²⁵ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 22а. П. 212а. Д. 3. Л. 32.

экономического сотрудничества, и здесь явно усматривается линия на развитие идей Московского экономического совещания 1952 года — на создание альтернативного ГАТТ универсального, глобального международного органа по вопросам торговли при ООН, что стало лейтмотивом советской политики в ЕЭК ООН в 1960-е годы.

Тема созыва всемирной торговой конференции с участием стран Запада и Востока была поднята на новый уровень в связи с подготовкой Женевской конференции глав правительств СССР, Великобритании, США и Франции в 1955 году. Это была первая конференция такого уровня для нового советского руководства, с которой связывали большие надежды как на Западе, так и на Востоке. Согласно Плану подготовки основных справок к совещанию глав правительств МИДа СССР, в конце июня — начале июля 1955 года готовились две записки, непосредственно касавшиеся этой темы: «По вопросу о созыве Международной экономической конференции и рассмотрении в органах ООН вопроса об экономическом сотрудничестве» и «Всемирная экономическая конференция в 1933 г.»²⁶.

18 июля 1955 года со ссылкой на агентство «Ассошиэйтед пресс» американская газета «Вашингтон стар» опубликовала заметку под названием «Русские планируют созвать всемирную конференцию по экономике». Эта информация тут же была телеграфирована с пометкой «срочно» из Вашингтона в Форин Офис²⁷. «Россия сигнализировала Западу, что она планирует созвать всемирную экономическую конференцию для составления многомиллиардной программы по торговле и развитию. Этот советский план, который, как ожидается, будет выдвинут премьером Булганиным во время его переговоров с американским, британским и французским главами

²⁶ АВП РФ. Ф. 0448. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 5.

²⁷ TNA. T229/871. Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Inward saving telegram from Washington to Foreign Office. Sir R. Makins. July 18, 1955.

правительств здесь на этой неделе, по сообщениям, вызвал живой интерес на Западе»²⁸.

Судя по тексту заметки, вполне вероятно, что она была инспирирована советской стороной: в американской газете давалась информация со ссылками на некие британские источники. Неназываемые источники других стран — типичный прием для прикрытия вброса нужной СССР информации советскими спецслужбами по линии Комитета информации или КГБ, хотя прямыми доказательствами тому в данном случае мы не располагаем. Причем британские источники якобы с пониманием высказывались о советских намерениях, и, хотя детали, как сообщалось, были пока неизвестны, по «британским» же источникам выходило, что эта инициатива была связана с советским десятилетним планом увеличения и расширения свободного товарооборота, стремлением СССР объединить усилия вместе с Западом и Китаем в экономическом развитии отсталых регионов мира.

Были ли шансы на успех у этой советской инициативы? В Национальных архивах Великобритании отложились документы дискуссии, развернувшейся в Министерстве финансов по поводу перспектив возможной конференции по созданию новой всемирной организации по торговле — инициативы СССР.

В преддверии Женевской конференции 1 июля 1955 года чиновник британского казначейства Г. ван Лоу подготовил по заданию руководства краткий набросок меморандума «Женевская Конференция: быть ли всемирной торговой конференцией?» для внутриминистерского обсуждения²⁹.

Проект исходил из того, что предполагалось, что советская сторона сделает такое предложение на конференции глав государств в Женеве. В случае неудачи политических переговоров по разрядке напряженности в Европе и проблеме разоружения,

²⁸ Ibid.

²⁹ TNA. T229/871. Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Draft Brief Geneva Conference: should there be a World Economic Conference? G. van Loo, 1st July 1955.

отмечалось в преамбуле, такое экономическое предложение автоматически теряло бы свой смысл. Но если представить, что удалось бы продвинуться в политической и военной сферах, тема экономики становилась вполне логическим продолжением дискуссий о последствиях разоружения: снижении расходов на военные нужды и перераспределении ресурсов, уходивших на гонку вооружений, на социально-экономические программы по поднятию жизненного уровня населения. «На первый взгляд, казалось бы, желательным выразить, на широком форуме, стремление правительств обеспечить полное использование этих ресурсов подобным образом»³⁰, — писал британский чиновник.

Проект предлагал Правительству Ее Величества занять в целом доброжелательную позицию. В качестве основных пунктов для переговоров выдвигались три:

- 1) развитие слаборазвитых регионов мира;
- 2) торговля Восток-Запад;
- 3) излишки сельскохозяйственной продукции.

Как отмечалось в проекте ван Лоу, рабочие материалы для речи премьер-министра на открытии Женевской конференции касались первой из этих тем. Высвобождающиеся от сокращения оборонных программ ресурсы позволили бы ослабить налоговую нагрузку и привели бы к увеличению внутренних и международных инвестиций. В частности, предвиделся приток американских частных и правительственных инвесторов, которые принесли бы с собой свободную долларовую массу, что существенно облегчило бы проблему торгового баланса для британской зоны стерлинга³¹.

В отношении перспектив торговли Запад-Восток высказывались соображения о новых возможностях для британского экспорта, особенно для промышленности, производящей средства производства. Ван Лоу предвидел, что, хотя контроль над стратегическими товарами, вероятно, не исчез бы совсем, но

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

ушли бы в прошлое запреты на торговлю теми статьями, которые имеют маргинальное отношение к стратегическим, то есть он допускал существенный пересмотр запретительных списков КОКОМ. «Можно ожидать, что американцы, конечно, продолжают быть осторожными в этом вопросе и нам придется дать заверения, что мы не будем публично им перечить, но нет причин предполагать, что они займут жесткую позицию», — так в осторожной форме британский чиновник касался проблемы скрытых разногласий между Лондоном и Вашингтоном по проблеме ограничений в торговле с Востоком³².

Третий пункт касался исключительно англо-американских противоречий. Суть его заключалась в том, что в интересах Британии было добиться от американцев избавления от имеющихся у них излишков сельскохозяйственных продуктов для общего снижения закупочных цен на импортируемые Великобританией в огромном количестве хлопок и зерно.

В целом, заключал документ, в случае прогресса в вопросах разрядки и разоружения, следует приветствовать созыв подобной всемирной конференции³³.

Однако первая оптимистическая версия меморандума была подвергнута многочисленной правке. Уже 5 июня из-под пера другого чиновника, У. Стрефа, появился третий по счету вариант документа, полный оговорок, предостережений и недоверия к идее конференции³⁴. Дальнейшие правки только усилили сумму аргументов против созыва такой конференции. Среди них отмечалась нецелесообразность учреждения нового органа взамен уже существующих. «Нет причины почему — если предположить, что русские могут взять на себя необходимые обязательства членства (что будет вовсе не так просто для них и станет решающей проверкой на их искренность) — они бы не вступили

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ TNA. T229/871. Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Draft Brief Geneva Conference — possible World economic conference, W. Strath. 5th July 1955.

в ГАТТ, МБРР, МВФ, ФАО и другие международные агентства того же плана. В этом случае они сами воспользовались бы льготами от всей работы, которая уже была проделана, и их вступление одновременно придало бы свежий импульс дальнейшей работе, которую предстоит осуществить этим агентствам»³⁵.

Британские чиновники отмечали, что даже в случае создания такой организации, возможности Соединенного Королевства играть в ней главные роли будут ограничены из-за проблем торгового баланса и обязательств перед Содружеством и стерлинговой зоной. В силу этих обстоятельств от романтики первого варианта почти не осталось и следа. Трезвый расчет говорил, что любые вновь высвобождаемые ресурсы от разоружения будут направлены скорее на решение собственных экономических проблем, нежели на развитие торговли с Востоком. «...Было бы глупостью допустить полное прекращение этих обязательств и отказаться от развития стерлинговой зоны в целом ради гипотетического экономического сотрудничества со странами железного занавеса, от которого мы сами можем ожидать сравнительно небольшую отдачу»³⁶, — так расставляли приоритеты британской экономики в тот момент чиновники министерства финансов Великобритании. Забегая вперед, следует отметить, что в начале 1960-х именно идея новой глобальной торговой организации мобилизовала силы антирыночников в Англии и стала точкой совпадения интересов противников европейской интеграции и советских дипломатов.

Возвращаясь к итогам дискуссии и финальному тексту меморандума, следует сказать, что он обставлял возможность британского участия в предполагаемой торговой конференции таким числом предварительных условий, что делал это практически нереальным. Хотя в нем указывалось на невозможность выступить открыто против этой инициативы в случае серьезно-

³⁵ Ibid.

³⁶ TNA. T229/871. Treasury. Central economic planning staff. Proposed World Economic Conference arising out of the Geneva discussions (1955). Brief Four Power Talks – possible World Economic Conference. Original held by AOC section – cabinet.

сти советских намерений в Женеве, предлагалось обставить ее таким количеством консультаций и согласований, что фактически это означало стремление максимально затруднить подготовку такого мероприятия³⁷.

Британская позиция характерна для общей позиции стран Запада в отношении торговли с Востоком на Женевской конференции. Об этом позволяет судить ключевой документ о тактике и стратегии западных стран на Женевском совещании, полученный через свою агентуру Комитетом государственной безопасности при Совете министров СССР и представленный Н. С. Хрущеву 1 ноября 1955 года. Это доклад рабочей группы экспертов США, Англии и Франции, заседавшей в Париже с 10 по 20 октября 1955 года в рамках подготовки к совещанию министров иностранных дел четырех держав в Женеве³⁸. Он был подготовлен для министров иностранных дел указанных стран Запада, которые, как указывалось в сопроводительном письме, в целом одобрили его на совещании в Париже 24–25 октября 1955 года.

Доклад на ста страницах в деталях расписывал тактику западных стран по каждому блоку вопросов и их видение вероятной тактики СССР с пошаговыми инструкциями, где и как следует придерживаться единого фронта США, Франции и Великобритании. Примечательно, что в нем прямым текстом три страны называют себя «Запад» (т. е. конкретно «мы — Запад», а не «свободный мир» и другие паллиативы, которыми обычно называли себя в официальных документах члены НАТО и ЗЕС), противопоставляя себя «Востоку» в лице СССР.

Естественным образом, на первом месте в повестке дня готовившегося Женевского Совещания были ключевые вопросы безопасности в Европе: германский вопрос и проблема разоружения. Тем не менее пункт третий повестки дня — «контакты между Востоком и Западом» также детально разбирается в этом руководстве по переговорам с СССР.

³⁷ Ibid.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 115. Л. 1–116.

Он разбивался на три подтемы:

- А) о свободе распространения информации и идей;
- Б) о свободе передвижения людей;
- В) о развитии торговли между Востоком и Западом³⁹.

Как отмечалось в документе, «Запад может больше всего выиграть при обсуждении вопроса "а" и в меньшей степени вопроса "б", в то время как русские, по всей вероятности, проявят наибольшую настойчивость в вопросе "в"»⁴⁰. Подтема «а» позволяла экспертам трех стран надеяться на возможность прямого идеологического воздействия, способного вызвать необратимые для Кремля «тенденции». Подтема «б» позволяла, с одной стороны, лучше узнать СССР, но, с другой, открывала дорогу для шпионажа и обратному коммунистическому влиянию в странах Запада. Подтема «в», как и в британских документах, была главной головной болью для пытавшихся выступить единым фронтом трех стран: отвергать ее означало вешать на себя клеймо противника разрядки, а соглашаться — требовало какой-то конкретной позитивной повестки с риском раскола в западных рядах.

Вместе с тем, оценивая перспективы совещания, документ предвидел, что по ключевым темам европейской безопасности сторонам вряд ли удастся достичь быстрого успеха, а вот пункт 3 про контакты способен дать какой-то конкретный позитивный результат, и потому, несмотря на приоритетность, значимость его возрастала — никому не хотелось покинуть совещание с пустыми руками⁴¹. Предлагалось взять инициативу в этой сфере в свои руки, для чего детально разбиралась процедура и тактика увязки вопросов третьего пункта и двух предыдущих.

Документ предлагал потребовать от СССР ряд односторонних шагов по чувствительным для западных стран сюжетам (например, снижение завышенного по оценкам западных стран в 4 раза обменного курса рубля) как проявления добрых наме-

³⁹ Там же. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 12.

⁴¹ Там же.

рений Москвы. Вместе с тем по вопросам торговли изначально заявлялось, что не может быть каких-то конкретных позитивных предложений от трех стран в Женеве. Речь шла про выражение общих пожеланий на будущее⁴². Очевидно, это было связано с союзническими обязательствами по НАТО и действовавшими ограничениями в рамках КОКОМ, за соблюдением которых зорко следили США.

«Основной советской целью будет добиться отмены контроля над торговлей стратегическими товарами, — говорилось в документе. — По этому вопросу западные державы должны были бы продолжать утверждать, что контроль осуществляется исключительно в интересах их собственной безопасности и не может, как таковой, являться объектом переговоров с СССР, но что реальные уступки со стороны русских в области безопасности или разоружения могли бы оправдать последующее ослабление контроля, на которое западные державы охотно пошли бы после консультации между собой»⁴³.

Насколько важное место в системе советских приоритетов имел третий пункт повестки дня в Женеве сказать затруднительно, хотя по названиям справок видно, что МИД СССР готовил этот вопрос для руководства⁴⁴. На самом Женевском совещании глав правительств четырех держав советская делегация в лице Булганина официально так и не провозгласила плана некоей новой международной экономической организации. В озвученном советском проекте Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе оставался

42 Там же. Л. 13.

43 Там же. Л. 14–15.

44 Нам не удалось обнаружить в архиве полный текст справок, однако согласно оглавлению Перечня материалов, подготавливаемых к Совещанию глав правительств четырех держав, различные отделы МИД СССР в конце июня — начале июля 1955 года готовили справки "По вопросу о созыве Международной экономической конференции и рассмотрению в органах ООН вопроса об экономическом сотрудничестве" и «Позиции западных держав по вопросу о торговле между капиталистическими странами и государствами демократического лагеря» — АВП РФ. Ф. 0448. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 5, 7.

скромный 8-й пункт, согласно которому участники договора обязывались содействовать экономическому и культурному сотрудничеству, в том числе развитию торговли и других экономических связей⁴⁵.

В тех же общих фразах без какой-либо конкретики были выдержаны части выступлений Булганина, в которых он касался этой проблемы, в том числе заявление Булганина «О развитии связей между Востоком и Западом в экономической и культурной областях», сделанное им 23 июля 1955 года⁴⁶.

А. Иден не проявлял какой-либо инициативы в этом вопросе, в силу вышеописанной дискуссии среди чиновников казначейства. Д. Эйзенхауэр был поглощен проблемами взаимной инспекции и политической организации судьбы Германии. Парадоксальным образом главным защитником идеи новой экономической организации на совещании стал премьер-министр Франции Эдгар Фор.

Он единственный развернуто и настойчиво выступил с идеей создания экономической организации, которая получила бы в свое распоряжение средства, высвобождающиеся от сокращения программ развития вооружений участвующих стран и перераспределила бы их на программы развития стран третьего мира⁴⁷.

В представленном 21 июля 1955 года французской делегацией развернутом Меморандуме по вопросу разоружения конкретизировались предложения создания международного фонда, прописывалась процедура отчисления средств, их распределения и порядок управления⁴⁸. Они предусматривали возможность использования ресурсов фонда на внутренние нужды стран-участниц и в интересах «государств или территорий, связанных с ними конституционно» (явный намек на колониаль-

⁴⁵ Женевское совещание глав правительств четырех держав – СССР, Великобритании, США и Франции (18–23 июля 1955 г.). Документы и протоколы. М., 1955. С. 42.

⁴⁶ Там же. С. 67–68.

⁴⁷ Там же. С. 30–33.

⁴⁸ Там же. С. 52–54.

ные и зависимые заморские владения Франции). Также часть сумм могла быть использована на мероприятия по конверсии экономики разоружающихся стран и, наконец, на международную помощь слаборазвитым странам.

Предлагалось поручить управление фонда руководящему органу, создаваемому при комиссии ООН по разоружению. При этом французский меморандум проговаривал возможность как-то совместить работу этого фонда с деятельностью уже существующих структур — Международного банка реконструкции и развития и других органов ООН, чтобы избежать дублирования усилий⁴⁹.

Однако очевидное стремление Франции создать некий международный фонд на волне разрядки для оказания помощи своим заморским территориям не встретило поддержки Британии и США, которые считали, что французы торопят события. В решениях Женевской конференции остался лишь самый общий пункт об экономическом сотрудничестве, без каких-либо поручений комиссии ООН по разоружению учредить предлагавшийся французами новый орган. Дальнейшее развитие событий показало, что «дух Женевы» хотя и стал важной вехой в развитии «ранней разрядки» и способствовал налаживанию личных контактов глав государств, так и остался символом больших надежд. Даже обладание секретными документами западных переговорщиков не позволило СССР обеспечить прорыв по ключевым вопросам на переговорах.

Женевское совещание стало вторым шансом после Парижского совещания министров иностранных дел 1947 года найти совместный путь развития Европы. Так символично, что в преамбуле предложений французской делегации «Развитие контактов между Востоком и Западом», озвученных 22 июля 1955 года, впервые после выступлений Бидо в июле 1947 года вновь говорилось о единой Европе, включая СССР: «...если мы и вынуждены признать наличие в настоящее время двух зон безопасности в Европе, то это отнюдь не означает признания нами

⁴⁹ Там же. С. 53–54.

раскола континента окончательным; что, наоборот, по мнению французского правительства, пока Европа не обретет вновь своего единства, мир во всем мире не может быть прочно обеспечен; что постепенное восстановление европейского единства предполагает установление более тесных отношений между народами, более свободного контакта между отдельными лицами и более обширного экономического обмена с той и другой стороны той линии, которая в настоящее время слишком жестко разделяет два мира»⁵⁰.

Вернувшись с совещания Булганин сделал доклад, в котором впервые за многие годы прозвучали оптимистичные и уважительные оценки западных стран. Выступление отличалось общим оптимистическим тоном в оценках перспектив отношений с ведущими странами Запада. Но будущее оказалось не столь радужным, как рисовалось коллективному руководству в СССР: советскому стремлению к диалогу с капиталистическими странами Европы предстояло пройти через череду кризисов 1956 года и столкнуться с появлением «Общего рынка» и Евратома в 1957 году.

3.2. 1957 год: Римские соглашения и внешнеполитические дискуссии в СССР

Советская реакция на образование ставших впоследствии центральными для развития западноевропейской интеграции структур — Европейского экономического сообщества и Евратома — 17 марта 1957 года получила освещение в ряде статей отечественных историков⁵¹. Однако, как отмечала автор наиболее детального анализа профессор МГИМО Е. О. Обичкина, ис-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Черкасова Е. Римский договор и европейская интеграция: советские интерпретации // История европейской интеграции 1945–1994. С. 160–169; Обичкина Е. О. СССР и становление «малой Европы»: реакция на римские договоры 1957 года // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). С. 217–231.

следователям до недавнего времени не удавалось пробиться за внешнеполитический фасад советских публичных заявлений. Внутренняя «кухня» принятия решений ввиду нехватки архивных материалов оставалась за кадром современной историографии⁵². В данной работе мы попытаемся сделать шаг вперед и разобрать эволюцию самого знаменитого советского заявления и последующей важной дискуссии в МИДе СССР.

Большинство исследований по истории советской реакции на Римские соглашения цитируют неуклюжее выступление на сессии Верховного Совета СССР министра иностранных дел Д. Т. Шепилова 12 февраля 1957 года, в котором он допустил две грубейшие ошибки. Во-первых, он назвал главными инициаторами создания «Общего рынка» Великобританию и Францию (хотя в тот период Лондон старался всеми силами затормозить образование наднационального Европейского экономического сообщества), и, во-вторых, в качестве цели этого сообщества он назвал стремление к созданию барьера на пути американской экспансии в Европу (в то время как ЕЭС создавался при активной поддержке США, а министр иностранных дел Морис Шуман был главным американофилом во французском правительстве и всем европейском движении). Шепилов в духе характерной для того времени советской пропаганды предрекал захват руководящих позиций в «Общем рынке» стремящейся к реваншу Западной Германией. Ей же, согласно этой логике, доставались главные преимущества от создания Евратома, дававшего ФРГ, по оценке советского министра, допуск к ядерному оружию⁵³.

Одно возможное объяснение такой неправильной оценки истинной ситуации в стане западноевропейских стран может быть связано с влиянием на умы спичрайтеров советского министра событий Суэцкого кризиса 1956 года (что отмечала Е. О. Обичкина)⁵⁴. Именно неудача англо-франко-израильской военной операции по возвращению контроля над национали-

52 Обичкина Е. О. Указ. Соч. С. 230.

53 Там же. С. 218–219.

54 Там же. С. 219.

зированным Египтом Суэцким каналом стала катализатором к сближению Парижа и Бонна. Это внешнеполитическое фиаско стимулировало скорейшее завершение переговоров по статьям Римских соглашений. Как отмечал Ю. И. Кузьмин, влияние кризиса на стремление к объединению западноевропейских стран было так велико, что именно фигуру египетского лидера Гамала Абделя Насера в западной историографии неофициально называют главным «объединителем» Западной Европы⁵⁵. По сути, негласное объединение произошло на антибританской основе, т. к. французская сторона была глубоко уязвлена поведением своих британских союзников в ходе кризиса, капитулировавших при первых же признаках отсутствия поддержки со стороны Вашингтона.

Впрочем, в ситуации конца 1956 года все было далеко не так однозначно. То ли в целях пустить пыль в глаза англичанам и ослабить их противодействие созданию ЕЭС и Евратома, то ли как проявление еще существовавших англофильских настроений в французском истеблишменте, но именно в поисках путей усиления влияния Франции на международной арене Ги Молле инициировал секретные переговоры с Антони Иденом о возможном вхождении Франции в Британское Содружество Наций в конце 1956 года. Причем рассматривалась возможность введения единого гражданства⁵⁶. Хотя мы не располагаем архивными доказательствами поступления такой информации в Москву, не исключено, что по тем или иным каналам она могла дезориентировать Кремль и внести сумятицу в умы советских чиновников.

Так или иначе, но эпизод с выступлением Шепилова остается единичным фактом неверных оценок руководящих сил и целей Римских соглашений. Новые документы, позволяющие провести анализ подготовки текста Заявления Советского правительства не производят ощущения отсутствия понимания истинной

⁵⁵ Кузьмин Ю. С. Доклад «СССР и начальный этап европейской интеграции» на международной научной конференции «Россия и ЕС: прошлое и настоящее. К 20-летию подписания Соглашения 1989 г. между СССР и Европейским Сообществом». М., 9–10 ноября 2009 г.

⁵⁶ Липкин М. А. Указ. Соч. С. 26.

картины происходящего в Западной Европе и наоборот, показывают более емкую картину борьбы догматических и реалистических подходов в недрах советской дипломатии.

20 февраля 1957 года Комитет Информации и Первый Европейский отдел МИДа СССР представили заместителю министра иностранных дел А. А. Громыко совместно подготовленный проект предложений советской реакции на готовившееся в марте подписание Римских договоров об образовании Евратома и «Общего рынка» (Европейского экономического сообщества — ЕЭС).

Дата появления документа была связана с тем, что именно 20 февраля завершились переговоры между правительствами Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга об образовании этих наднациональных интеграционных объединений. Авторство объясняется тем, что именно в круг ведения первого Европейского отдела попадали Франция и ФРГ. Что же до Комитета Информации, то это подразделение заслуживает особенного внимания.

Комитет информации (КИ) при МИДе СССР был остатком мощной разведывательной структуры, созданной в 1947 году как советский ответ на образование ЦРУ в США. Его возглавляли сперва Молотов, затем Вышинский, затем кадровые сотрудники спецслужб. В феврале 1949 года он был переведен из подчинения Совету Министров СССР в МИД СССР «для более полного использования информационных возможностей Комитета информации в области политической разведки, а также подчинения политической разведки задачам внешней политики СССР и текущей работе Министерства иностранных дел»⁵⁷. В 1951 году оперативная разведка была вновь возвращена в ведение разведывательного управления Министерства обороны и созданного первого (главного) управления Министерства госбезопасности. За Комитетом информации оста-

⁵⁷ Карих М. Комитет информации — наш ответ ЦРУ. Руководители советской внешней разведки в послевоенный период. Военно-промышленный курьер. №14 (280) от 15 апреля 2009 г.

лась роль аналитического центра по обработке материалов военной и политической разведки⁵⁸.

Считается, что в целом опыт создания политической разведки был неудачным⁵⁹. Однако, как показывают конкретные эпизоды в политике СССР в отношении западноевропейских экономических организаций, именно «малый» Комитет Информации стал катализатором свежих инициатив и первой большой дискуссии о необходимости перехода от догматического к реалистическому курсу в отношении структур, порожденных «планом Маршалла».

Предложения Комитета информации и Первого европейского отдела представляли собой самую первую версию Постановления ЦК КПСС и текста Заявления Советского правительства относительно планов создания Евратома и «Общего рынка». Она содержала минимум идеологических постулатов, хотя и осуждала создание замкнутых экономических объединений в Европе. В отличие от итогового Заявления главный акцент в первичной версии был сделан не на осуждении, а на конструктивных предложениях по развитию региональной торговли и сотрудничества. Именно в этом черновом варианте получили максимальное развитие советские предложения о европейском экономическом и атомном сотрудничестве, ужатые и существенно выхолощенные в окончательном официальном варианте.

По сути, документ предлагал советский вариант объединения Европы в форме, близкой к зоне свободной торговли, однако с главным акцентом на ядерное сотрудничество европейских стран. Еще в 1955 году СССР принял активное участие в Международной научно-технической конференции в Женеве по мирному использованию атомной энергии. Она дала импульс к заключению соглашения о Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ), одним из инициаторов создания которого стал Советский Союз. К 1957 году его устав подписали 78 стран мира и как раз накануне завершения переговоров о Евратоме и

⁵⁸ Судоплатов П. Указ. Соч. С. 388.

⁵⁹ Там же. С. 386–387.

ЕЭС — 9 февраля 1957 года — Верховный Совет СССР ратифицировал подписание устава МАГАТЭ.

Обладая крупнейшим, наряду с США, опытом ядерных разработок и мирного использования ядерной энергии, СССР готовил почву для выхода на общеевропейский рынок в этой области. В 1956 году был создан Объединенный институт ядерных исследований в Дубне, в который вошли 12 стран Европы и Азии и который оставался открытым для членства других государств. В апреле 1956 года на XI сессии Европейской экономической комиссии ООН СССР выступил с предложением о создании общеевропейского органа по проблемам использования атомной энергии в мирных целях при ЕЭК ООН. В июле того же года в заявлении «Об общеевропейском сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии» СССР предложил создать учредительную конференцию европейских стран по созданию общеевропейской региональной организации в области атомной энергии.

В первом варианте Заявления предлагалось выдвинуть дополнительные предложения в русле этой линии СССР. «Советское правительство предлагает обсудить с правительствами заинтересованных европейских стран вопрос о выделении расщепляющихся материалов в распоряжение Общеевропейской организации по мирному использованию атомной энергии, о создании Общеевропейского научно-исследовательского центра по атомной энергии, о совместном строительстве предприятий по производству материалов и оборудования для мирного использования атомной энергии, равно как и о совместном строительстве энергетических атомных сооружений»⁶⁰.

С целью обсуждения этих вопросов выдвигалось предложение создать «в ближайшее время» в Париже, Праге, Стокгольме или иной европейской столице совещание экспертов всех европейских стран. При этом в документе прямым текстом говорилось о том, что «было бы весьма желательно, чтобы в работе такого совещания приняли участие эксперты Соединенных

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 30–31.

Штатов Америки, поскольку сотрудничество США с общеевропейскими экономической и атомной организациями могло бы быть весьма успешным и плодотворным»⁶¹.

Такая линия прямо контрастирует с выступлением Шепилова и установкой на игру на межимпериалистических противоречиях. Казалось бы, зачем самим приглашать в чисто европейскую организацию Соединенные Штаты Америки? Несомненно, это было проявлением новых веяний и не просто отвечало установке на «мирное сосуществование» и активное развитие отношений с западными странами, но учитывало «работу над ошибками» — боязнь западноевропейцев потерять поддержку Вашингтона. В черновом варианте практически отсутствуют выпады в адрес США и намеки на попытку сыграть на противоречиях между Европой и Америкой. В тексте несколько раз упоминается желательность участия экспертов из США и Канады, а в конце и вовсе акцентируется как «весьма желательное» сотрудничество с США в Европе⁶².

Однако, как явствует из записки А. А. Громыко, в ЦК от 7 марта 1957 года, предложения МИДа встретили возражения со стороны первого заместителя министра среднего машиностроения СССР Б. Л. Ванникова и самого министра среднего машиностроения Е. П. Славского (именно это министерство отвечало за производство атомного оружия в СССР). Как отмечал в своей записке по итогам дискуссии А. А. Громыко, они не дали согласия на помещение в текст Заявления предложения о создании общеевропейского научно-исследовательского института по атомной энергии и о сотрудничестве в создании предприятий по производству атомной энергии, включая мероприятия по обеспечению этих предприятий сырьем. По мнению руководства министерства среднего машиностроения, это было связано с «нежелательными обязательствами» для Советского Союза. Несмотря на их возражения, Громыко от имени МИДа настаивал в Записке на том, что эти идеи, выдвинутые в общей форме, не

61 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 30.

62 Там же. Л. 31.

несут нежелательных обязательств и должны остаться, так как «с точки зрения воздействия на общественные круги западно-европейских стран данные предложения могли бы иметь положительное значение»⁶³.

Таким образом, можно говорить о том, что начиная с 1956 года (первых предложений СССР об атомном сотрудничестве) именно МИД СССР продвигал идею объединения европейских стран под эгидой атомного сотрудничества. Первоочередной задачей ставилось пропагандистское воздействие на общественные круги Западной Европы — метод, сработавший в 1954 году, когда парламентская ассамблея Франции провалила ратификацию Европейского оборонительного сообщества. В то же время представляется, что советская дипломатия шла дальше простых лозунгов. Просматривается четкая линия на включенность в международные структуры (активная и конструктивная роль СССР в создании МАГАТЭ) и постепенная конкретизация советских предложений. Безусловно, менталитет атомщиков и менталитет дипломатов отличался существенно. Если министерство средней промышленности еще оставалось в плену логики железного занавеса, то МИД в лице будущего министра иностранных дел А. А. Громыко (сменившего Шепилова в середине 1957 года) пробивал путь для идей межгосударственного сотрудничества в Европе и делал это достаточно последовательно в 1956–1957 годах.

При анализе текста Заявления и предшествовавших ему в 1956 году предложений СССР бросается в глаза, что вопросы общеевропейской торговли занимали как бы второстепенное место по сравнению с предложениями атомного сотрудничества, хотя и шли рука об руку. Очевидно, в вопросах международной торговли СССР хотя и желал удвоить-утроить товарооборот с западными странами (щедрые предложения 1956 года по увеличению в разы товарооборота с Великобританией, США и Францией), однако лишь с Францией дело дошло до реального соглашения.

⁶³ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 36.

Как далеко шли предложения о европейской торговле СССР в рамках обсуждавшегося Заявления? «По мнению Советского правительства, при рассмотрении вопроса об организации общеевропейского экономического сотрудничества могли бы быть изучены возможности заключения между существующими организациями западноевропейских и восточноевропейских стран соглашений о регулировании платежей по взаимным поставкам, оказания взаимной экономической и финансовой помощи в целях содействия экономическому развитию, совместного строительства крупных гидроэнергетических сооружений, имеющих общеевропейское значение, с согласия и при участии соответствующих стран», — говорилось в тексте этого документа [выделено мною. — М. Л.]⁶⁴.

Основным новшеством в этом пассаже следует считать предложение установления договорных отношений между «существующими организациями» восточноевропейских и западноевропейских стран. Хотя это нигде больше не расшифровывается, очевидно, что речь идет о Совете экономической взаимопомощи со стороны Восточной Европы, а с Западной — об экономических организациях, либо порожденных планом Маршалла (Организация европейского экономического сотрудничества, Европейский платежный союз), либо созданных на наднациональной основе — Европейское объединение угля и стали. Также очевидно, что Предложения, как и Заявление, делаются с целью предотвратить создание новых наднациональных замкнутых группировок в лице ЕЭС и Евратома и предложить путь развития европейской экономической интеграции не «вглубь», а «вширь» — в рамках всего региона. Эту логику подтверждает принципиально новый следующий пассаж: «наряду с этим, Советское правительство готово обсудить вопрос о заключении между всеми заинтересованными европейскими странами соглашения о мерах по облегчению торговли между ними и по устранению таможенных, количественных и иных ограничений в этой торговле»⁶⁵.

64 Там же. Л. 31.

65 Там же.

По сути, речь идет о советских предложениях организации некоей формы зоны общеевропейской свободной торговли, основанной даже не просто на межгосударственном сотрудничестве, а на сотрудничестве между экономическими объединениями разных государств. Безусловно, даже в форме декларации это было новым шагом в развитии советской экономической политики в Европе. Как будет видно из дальнейшего развития дискуссии о советской линии в Европе, эти идеи получают развитие в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Не случайно Е. О. Обичкина сравнивала их с идеями Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. По сути, именно таким совещанием призван был стать Парижский саммит великих держав 1960 года, фиаско от которого отсрочило созыв такой конференции до начала 1970-х годов.

В связи с отсутствием доступа ко всем материалам ЦК КПСС в РГАНИ полную картину дискуссий в руководящих партийных органах по этому вопросу восстановить на данный момент невозможно. Но насколько можно судить по документам Архива внешней политики РФ, 11 марта 1957 года вопрос о тактике СССР и тексте Заявления МИДа о планах создания Евратома и «Общего рынка» был рассмотрен на заседании Президиума ЦК КПСС. На нем было поручено доработать документ с учетом высказанных замечаний. Обнаруженная в архиве МИДа сопроводительная пояснительная записка А. А. Громыко к обсуждению в ЦК, датированная 7 марта 1957 года, позволяет понять, в чем заключалась логика советских дипломатов, какие варианты действий СССР рассматривались и как, и почему эволюционировал текст проекта Заявления от первого чернового варианта ко второму, подвергнутому критике и редактуре на заседании Президиума.

В записке Громыко дается трезвая оценка ситуации в Западной Европе. В ней отмечается, что расстановка политических сил «благоприятствует заключению соглашений о Евратоме и "Общем рынке"». Из нее явствует, что тактическая цель СССР — создать затруднения для заключения и, самое главное, ратификации соглашений. Очевидно, перед глазами советских дипломатов стоял удачный опыт с провалом ратификации плана ЕОС

в Национальной ассамблее Франции в 1954 году. На эту мысль наводит и акцентирование внимания на особое положение во Франции, где согласно документу существовала наиболее сильная оппозиция этим организациям⁶⁶.

Как отмечал А. А. Громыко, до момента рассмотрения Заявления и прилагавшегося к нему Постановления ЦК КПСС, со стороны СССР не предпринимались какие-либо официальные шаги, направленные на противодействие созданию «Общего рынка». Удивительным образом заместитель министра пишет о том, что «Советские предложения по вопросам общеевропейского экономического сотрудничества, выдвигавшиеся в рамках Европейской экономической комиссии ООН, не увязывались пока с вопросом об "Общем рынке"»⁶⁷, хотя именно так они воспринимались на Западе.

Подтверждая высказанное выше замечание о большем внимании советского правительства к ядерному аспекту интеграции, в документе отмечалось, что в отличие от экономической составляющей, «в отношении плана создания Евратома определенные шаги с нашей стороны предпринимались в рамках Европейской экономической комиссии ООН и в форме Заявления Советского правительства от 12 июля 1956 г.»⁶⁸.

В Записке Громыко спорит с оппонентами свежих предложений общеевропейского ядерного сотрудничества со стороны СССР — представителями Министерства среднего машиностроения. Он предлагает перейти от существовавшего исключительно негативного подхода в советской внешней политике к более конструктивному: «по мнению МИД СССР, совершенно недостаточно выступать только с критикой планов создания Евратома и "Общего рынка", не выдвигая ничего положительного. Исходя из этого, в проект Заявления и включен ряд предложений, противопоставляемых нами планам западных держав»⁶⁹.

66 Там же. Л. 34.

67 Там же. Л. 35.

68 Там же.

69 Там же. Л. 36.

Таким образом, МИД настойчиво предлагал пакет конкретных предложений, с особым акцентом на ядерное сотрудничество. Предложения включали сотрудничество в формировании топливно-энергетической базы Европы, вплоть до обеспечения совместных ядерных предприятий сырьем, то есть сохранялись в полном объеме, как это было в первом черновом варианте.

В качестве площадки для выступления с этими контринициативами предлагалась апрельская XII сессия ЕЭК ООН, до которой МИД надеялся созвать общеевропейское совещание экспертов в Париже, Праге или Стокгольме⁷⁰. Учитывая, что Записка была датирована 7 марта, следует заметить, что здесь советские дипломаты явно теряли связь с реальностью: успеть до апреля организовать такую международную конференцию даже при крайне благоприятном отношении со стороны стран Западной Европы было объективно невыполнимой задачей. Очевидно, это было чисто пропагандистским ходом, рассчитанным на общественный резонанс в западном мире.

Об этом говорит пассаж в документе с оценкой ожидаемых результатов от советского Заявления. Из него следует, что авторы идеи изначально делали ставку не на диалог с правительствами западных стран, а на эффект в общественных кругах ключевых стран-учредительниц Евратома и «Общего рынка»: «Независимо от того, как будут реагировать на наши новые предложения официальные круги соответствующих западных стран, выступление Советского Союза со своей положительной платформой по указанным важным вопросам усилит позиции тех кругов и стран, которые либо находятся в оппозиции к планам создания Евратома и "Общего рынка", либо проявляют колебания и все же их не поддерживают, и даст оппозиционным силам дополнительные аргументы. Это обстоятельство уже само по себе оправдывает наше выступление со специальным заявлением»⁷¹.

Применительно к правительствам Франции, ФРГ и других стран-учредительниц Евратома и ЕЭС, Записка предлагала

70 Там же. Л. 36.

71 Там же.

воздействовать на них по неофициальным каналам. Не случайно в прилагавшемся лаконичном проекте Постановления ЦК КПСС имелся второй пункт в следующей формулировке: «поручить МИД СССР (через Комитет Информации) и КГБ при Совете Министров СССР разработать и осуществить по неофициальным каналам мероприятия, направленные на противодействие реализации планов создания Евратома и "Общего рынка"»⁷².

В самой Записке даже делалось смелое предложение об одном из таких возможных шагов в духе метода «кнута и пряника»: «Можно было бы, в частности, довести по неофициальным каналам до сведения французского правительства, что в случае оснащения западногерманской армии атомным оружием в осуществление соответствующих решений НАТО, равно как в случае развертывания Западной Германией собственного производства атомного оружия на базе Евратома, Советское правительство окажется перед необходимостью пойти навстречу правительству ГДР в деле оснащения национальной армии ГДР ядерным оружием, которое может быть применено для пресечения агрессивных акций со стороны рваншистских и милитаристских кругов ФРГ»⁷³.

Итоговый текст Заявления Советского правительства, разосланный Правительствам «шестерки» и опубликованный в «Правде» 17 марта 1957 года оказался выдержанным в более задиристом и агитационном тоне, нежели первый черновой вариант.

Реакция западных стран-членов ЕЭС и Евратома на Заявление СССР была предсказуемо отрицательной. Вместе с тем, как показывают документы архива ЕС, Дипломатические архивы Франции и Национальные архивы Великобритании, результат советского демарша привел к первой совместной внешнеполитической акции «шестерки». В качестве оправдания можно сказать лишь то, что советские дипломаты были не одиноки в не-

72 Там же. Л. 50.

73 Там же. Л. 37.

дооценке степени сплоченности стран-подписантов Римских соглашений — в возможность выработки единой линии странами «шестерки» не верили даже британские дипломаты. Тем не менее факт, если отбросить особенности языкового перевода нот, становится очевидным, что был выработан практически единый текст заявления всех шести стран, хотя на это ушло почти полтора месяца — ответные ноты были вручены лишь в конце апреля 1957 года. Вместо того чтобы посеять раскол, советское заявление сыграло прямо противоположную роль — послужило катализатором для сплочения и первого опыта выработки общей внешней политики ЕЭС.

Вручая 29 апреля вербальную ноту заведующему Первым европейским отделом МИДа СССР А. А. Арутюняну, французский посол Морис Дежан отметил, что ее содержание в основном совпадает с заявлением бельгийской ноты⁷⁴. Добавим от себя, что оно практически идентично тексту западногерманской ноты, врученной поверенным в делах ФРГ Х. Норте И. И. Ильичеву также 29 апреля 1957 года⁷⁵.

Квинтэссенцией западных нот были два абзаца, в которых содержались ответные выпады в адрес деконструктивной политики СССР и подчеркивалось отсутствие альтернативы заложенной в Римских соглашениях интеграции — невозможность какого-либо аналога с участием стран другой социально-экономической системы: «Правительство [в каждой ноте свое: ФРГ, Франции, Бельгии. — *М. Л.*]... хотело бы подчеркнуть, что, по его мнению, эти договоры представляют собой только первый и именно важнейший этап на пути к европейской интеграции. Оно не даст отвлечь себя от этой цели выраженными в общей форме предложениями, в отношении которых нет никакой гарантии их скорого проведения в жизнь. Оно констатирует, что, очевидно, как показал опыт, такая интеграция с успехом может быть предпринята только

74 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 121. Текст французской ноты — см. АВП РФ. Ф. 46. Оп. 196. П. 140а. Д. 1. Л. 47–48.

75 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 19. П. 133. Д. 68. Л. 14–16.

теми странами, экономическое и общественное устройство которых являются в сущности одинаковыми.

Оно должно отметить, что если Правительство Союза Советских Социалистических Республик в тот момент, когда шесть европейских государств намерены установить тесную связь с единственной целью мирного развития их различного благосостояния, в своем Заявлении подвергает нападкам принципы сотрудничества, ценность которых оно, впрочем, признает, то это можно объяснить только его враждебностью к любому европейскому сотрудничеству.

Правительство ... считает, что для плодотворного международного сотрудничества необходим, прежде всего, тот минимум обоюдного международного доверия, достижение которого Правительство СССР срывало до сих пор во всем мире и, в частности, в Европе»⁷⁶.

Хотя тексты «кусачей» ответной ноты стран-членов ЕЭС и Евратома были почти идентичны, следует отметить различие в комментариях при вручении этих нот. Западногерманский представитель вручил текст без какой-либо беседы с Ильичевым. В противоположность этому французский посол Дежан долго и подробно беседовал с Арутюняном. В результате появилась длинная запись беседы, разосланная, в силу своей важности, всем членам Президиума и руководителям ключевых отделов МИДа (всего — 37 адресатов!)⁷⁷.

Начиная беседу, Дежан подчеркнул последний абзац ноты с упоминанием необходимости «минимума взаимного доверия» и раскрыл западное понимание этой фразы. «Если развитие международных отношений продолжалось бы в том же направлении, как это имело место в прошлом году до известных событий конца года, то военные блоки вроде НАТО и Багдадского пакта ... сошли бы на нет», — сказал, намекая на Суэцкий кризис 1956 года, французский посол⁷⁸.

76 Там же. Л. 15–16

77 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 121–125.

78 Там же. Л. 122.

Он выразил точку зрения французского правительства о том, что СССР, с одной стороны, проводит политику ослабления напряженности, с другой — участвует в обострении конфликта на Ближнем и Среднем Востоке. В итоге, по его мнению, сам же СССР и разрушает те достижения, которые получает Москва в результате политики разрядки в Европе.

«Дежан сказал, что алжирский вопрос, как и венгерский вопрос, — записал Арутюнян, — в отношениях между Советским Союзом и Францией сыграл роль лишь небольшой тучки, которая вскоре рассеялась. Главное, что ухудшило франко-советские отношения за последнее время, это односторонняя позиция, которую занял Советский Союз в отношении поддержки абсолютно всех требований Египта в вопросе о Суэцком канале, полностью игнорируя французские интересы в этом районе...»⁷⁹. В результате, как следует со слов Дежана, Франция и Великобритания были вытеснены из Ближнего и Среднего Востока и их место, по сути, с подачи Москвы, заняли США. Естественно, Арутюнян сделал все, чтобы всячески отвести такие обвинения и свалить всю вину на Вашингтон. Тем не менее показательно, что в качестве последствий Суэцкого кризиса Дежан выделил две: отсутствие альтернативы участия Франции в создании «мощной объединенной экономики западноевропейских стран» и неизбежность нового витка гонки вооружений: кризис показал, что без ядерного оружия со странами старой Европы никто считаться не станет. Он откровенно заявил, что Макмиллан взял курс на создание своих ядерных сил, и Париж также склоняется к собственному атомному проекту.

Если в части оценок по поводу «что было бы, если бы» не произошло унижительного поражения Франции и Великобритании в Суэцком кризисе, в словах французского посла можно усомниться (якобы в 1956 году дело шло к исчезновению НАТО), то в отношении связи между успехом СССР в ближневосточном конфликте и неудачей политики разрядки в Европе, слова посла весьма похожи на правду. С одной стороны, как отмечала

⁷⁹ Там же. Л. 124.

Мари-Пьер Рей, Суэцкий кризис серьезно дискредитировал западноевропейцев на Ближнем Востоке и продемонстрировал успехи советской дипломатии в арабском мире⁸⁰. С другой, как показывает проведенный нами анализ истории британской политики в Европе, для Макмиллана и де Голля Суэц стал вехой на пути к созданию собственного ядерного арсенала, что никак не способствовало советской политике разрядки напряженности в Европе⁸¹. Однако если Францию это подтолкнуло к стратегии создания «малой Европы» с перспективой превращения ее в «третью силу» между сверхдержавами, то Великобритания предприняла попытку поднять свой авторитет, сыграв роль посредника между сверхдержавами, сделав ставку на развитие «особых отношений» с СССР.

Картина советской реакции на подписание Римских соглашений была бы неполной без анализа научно-политической реакции на этот важный этап становления западноевропейской интеграции. Речь идет о тезисах ИМЭМО АН СССР, опубликованных в первом номере журнала «Мировая экономика и международные отношения» за 1957 год. Если заявление МИДа, предназначенное прежде всего для прочтения Западом и западными общественными кругами, было выдержано в деловом тоне, то рассчитанная на русскоязычную аудиторию журнальная публикация показала всю мощь советской пропаганды.

Сразу бросается в глаза, что, в отличие от Заявления, тезисы ИМЭМО, хотя и назывались «О создании "Общего рынка" и Евратома», выделяли не два объединения, а фактически три: «Общий рынок» (ЕЭС), Еврафрика (растиражированное журналистами меткое название той части Римского Договора об учреждении ЕЭС, которая содержала раздел «Привлечение заморских стран и территорий») и Евратом.

Указанный раздел Римского договора касался включения колониальных владений стран-участниц в «Общий рынок»

⁸⁰ Rey M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. P. 282.

⁸¹ Липкин М. А. Указ. Соч. С. 28, 69–71.

и создания специального фонда «Развития заморских территорий», предусматривавшего помощь в строительстве объектов инфраструктуры (железных дорог, нефтепроводов, линий связи и т. д.)⁸². Советской пропагандой это было расценено как разновидность нового колониализма и попытка выработки механизмов влияния в «третьем мире». В дальнейшем этот аспект восприятия ЕЭС станет едва ли не главенствующим в советско-западноевропейских отношениях.

Если в Заявлении МИДа СССР основной критический запал приходился на Евратом, и через него шло доказательство агрессивной сущности Римских соглашений, то в Тезисах критике подвергались все составляющие западноевропейской интеграции, с дополнительным акцентом на Еврафрике.

«Соглашения об "Общем рынке", Евратоме и Еврафрике имеют свою предысторию. Они задуманы как определенное продолжение целой серии актов по так называемой "интеграции Европы". "Интеграция" проводилась западными державами на протяжении всего послевоенного периода в различных направлениях: экономическом, политико-идеологическом и особенно военно-политическом. В области экономики к этим целям были направлены такие акты, как образование Бенилюкса, создание Организации европейского экономического сотрудничества, Европейского платежного союза, Европейского объединения угля и стали. В интересах политико-идеологической "интеграции" созывались европейские конференции, учреждались различные организации по "объединению Европы", образован Европейский совет с Консультативной ассамблеей и Советом министров. С целью военно-политической "интеграции" был принят Брюссельский пакт, создавший Западный Союз, преобразованный впоследствии в Западноевропейский союз с участием Федеративной Республики Германии; группа западноевропейских государств подписала Североатлантический пакт и вошла в НАТО»⁸³.

82 О создании «Общего рынка» и Евратома // Мировая экономика и международные отношения. №1. 1957. С. 92.

83 Указ. Соч. С. 83.

В тезисах всячески обосновывалась антисоциалистическая и колонизаторская в целом, а конкретно направленная против Советского Союза, природа «Общего рынка». Интересно, что в абзаце с доказательствами замкнутого характера ЕЭС коллектив авторов, сотрудников ИМЭМО, по сути, в завуалированной форме ставил вопрос о возможности участия в этом объединении и сам же отвечал на него однозначно отрицательно. «Что же касается "свободы присоединения" к "европейскому объединению", то на примере Североатлантического блока хорошо известно, как выглядит на деле подобная "свобода"; соответствующие государства отказались даже обсуждать вопрос о принятии СССР в НАТО. Организаторы "экономической интеграции Европы" не скрывают, что рассматривают римские соглашения как средство защиты "западных идеалов", как орудие борьбы против коммунизма в международном масштабе и внутри каждой из стран "Малой Европы"; они открыто признают главной целью "европейского объединения" "создание сильной Европы в качестве противовеса Советской России", а также "уничтожение внутренней угрозы коммунизма"»⁸⁴.

В выводах к анализу статей Римских соглашений советские авторы констатировали их реакционную и агрессивную сущность, не соответствующую заявленным целям и противопоставляли им советские предложения по развитию общеевропейского экономического и атомного сотрудничества, а также сотрудничество со слаборазвитыми странами — то, что станет центральной темой советской экономической дипломатии и позже превратится в ЮНКТАД.

Приходится констатировать, что в 1957 году научный анализ ИМЭМО был едва ли не более догматичным и «кусачим», чем Заявление МИДа СССР. Единственное исключение — маленький штрих, на который обращает внимание Ю. И. Борко — утверждение, что «капитализм в своем развитии приводит к международному разделению труда и экономическому

⁸⁴ Там же.

сближению народов и стран. Хотя этот процесс и прогрессивен в своей основе, в условиях капитализма он осуществляется в таких формах и такими методами, которые прямо противоположны внутреннему содержанию этого процесса и приводят к использованию его в интересах капитала»⁸⁵. Как отмечает Ю. И. Борко, в этом единственном пассаже из всего текста тезисов можно, если сильно постараться, разглядеть зашифрованное послание — первую робкую попытку научного признания того, что в основе «Общего рынка» лежит объективный экономический процесс интернационализации производства, а не только злой антисоветский умысел⁸⁶.

Попытка более объективной оценки экономической природы «Общего рынка», ЕОУС и Евратома параллельно с тезисами ИМЭМО была предпринята на протяжении 1957 года на страницах журнала «Новое время» в рамках характерной для духа XX съезда дискуссии об отношении к интеграционным процессам в Западной Европе.

Начало обсуждению было положено публикацией в майском номере задиристой и выдержанной в традиционно пропагандистском духе статьи «О шумихе вокруг "Общего рынка"». Под публикацией стояла подпись с говорящим именем Н. Молчанов⁸⁷.

Название статьи соответствовало лексикону («бесплодная шумиха по вопросу о превращении Западной Европы в "зону свободной торговли"»), которым характеризовались в русле существовавших идеологических рамок планы создания западноевропейского «Общего рынка» экспертами МВТ СССР еще

⁸⁵ Указ. Соч. С. 86–87.

⁸⁶ Борко Ю. А. Отношение Советского Союза к западноевропейской интеграции: политический и научный подходы (1951–1972 гг.) — текст доклада на международной научной конференции «Россия и ЕС: прошлое и настоящее (К 20-летию подписания Соглашения 1989 г. между СССР и Европейским сообществом)». М., ИВИ РАН, 9–10 ноября 2009 г.

⁸⁷ Молчанов Н. О шумихе вокруг «Общего рынка» // Новое время. 1957. №5. С. 6–9.

в 1950 году⁸⁸. Суть статьи сводилась к доказательству несерьезности и неосуществимости Римского договора о создании ЕЭС. «Самое большое, на что могут пойти предполагаемые участники "договора" — это некоторое ослабление торговых ограничений, некоторая "либерализация" торговли. Что же касается плана создания подлинного "Общего рынка", то в нынешних условиях он представляет собой утопию, а связанные с ним золотые горы — просто-напросто мираж»⁸⁹, — заключал автор статьи.

После первой публикации редакция журнала пошла на беспрецедентный шаг: открыла дискуссию на эту тему в специальной рубрике «наша трибуна». И в августе, в качестве первой реакции на статью Молчанова, появились еще две публикации.

Первая из них, оформленная в виде «письма в редакцию», была подписана Б. Юриным и В. Алексеевым⁹⁰. Как полагает Ю. А. Борко, анализовавший эти тексты, скорее всего, мы имеем дело с псевдонимами, нежели реальными фамилиями людей, осмелившихся оспорить догматический взгляд на западные реалии⁹¹. В «письме» сразу отмечалась спорность суждений Молчанова, в том числе принципиального характера.

«...Планы создания "Общего рынка" — это не "фантазия", не "экономическая несуразность", как говорит автор, а выражение объективной тенденции, результат развития экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. То, что этот рынок не является выгодным для всех его участников, ни в какой степени не говорит о том, что он нереален»⁹², — прямо заявлялось то, о чем лишь намеками говорилось в тезисах ИМЭМО в начале года.

Более того, если до 1957 года в критике планов западноевропейской интеграции центральным идеологическим постулатом был тезис Ленина о неосуществимости «Соединенных

88 РГАЭ РФ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 6383. Л. 296.

89 Молчанов Н. Указ. Соч. С. 7.

90 Б. Юрин, В. Алексеев. Письмо в редакцию // Новое время. 1957. №8. С. 13–14.

91 Борко Ю. А. Указ. Соч.

92 Б. Юрин, В. Алексеев. Указ. соч. С. 13–14.

Штатов Европы», в заметке Юрина и Алексеева со ссылками на классика доказывалось прямо противоположное. Апеллируя к спору Ленина и К. Каутского про природу монополистического капитализма, они подчеркивали, что Ленин признавал наличие тенденции к единому мировому тресту. «...Ленин признавал существование такой тенденции, но в отличие от Каутского утверждал, что эта тенденция пробивает себе дорогу через противоречия, которые не сглаживаются, а обостряются. Сейчас в условиях господства крупных международных монополий в Западной Европе действие этой тенденции с очевидностью проявляется в планах создания "Общего рынка". Более того, существование Бенелюкса и Европейского объединения угля и стали свидетельствует о том, что эта тенденция находит свое выражение»⁹³, — отмечали авторы-«ревизионисты».

Тот же критический запал был продолжен во второй статье — «К вопросу об "Общем рынке" в Западной Европе» Н. Менжинского⁹⁴.

Во-первых, в поисках идеологического оправдания реальности происходящих в Западной Европе интеграционных процессов, ее автор также нашел нужные цитаты классика: «Нам представляется, что, исходя из положений ленинской теории империализма, следует признать осуществление проекта этого рынка вообще возможным. На последней стадии существования капитализма, при господстве монополий, достижения ими высочайшей ступени концентрации, при погоне за дальнейшим повышением прибылей, неизбежно "стремление финансового капитала, — как учил Ленин, — к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще". Что же, как не расширение хозяйственной территории, как не разновидность дележа рынков, представляет собою образование общего рынка, подготовляемое союзами западноевропейских

⁹³ Там же.

⁹⁴ Менжинский Е. К вопросу об «Общем рынке» в Западной Европе // Новое время. 1957. № 8. С. 14–16.

капиталистов через посредство своих правительств?» — полемически вопрошал автор⁹⁵.

Во-вторых, удивительным образом, в отличие от названия, в тексте самой статьи понятие «Общий рынок» употребляется без кавычек! А ведь во всех советских документах и статьях кавычки были призваны подчеркивать «так называемость», то есть нереальность этого объединения.

Конечно, следует отметить, что обе статьи оставались в рамках общего акцентирования антисоветской направленности «Общего рынка», его реакционной сущности и были далеки от восторженных оценок. Они всячески подчеркивали, что рассуждают лишь чисто в рамках политэкономической теории, не претендуя на политические оценки. Но попытка признания объективности и реальности интеграционных процессов в Западной Европе уже была сама по себе невероятным прорывом по сравнению со сталинскими временами.

Последним этапом дискуссии стала публикация двух статей в рубрике «Наша трибуна» на эту тему в октябрьском номере «Нового мира». Первая из них, академика Евгения Варги «Проблема "Общего рынка"», всячески доказывала огромную зависимость ЕЭС от импорта сырья и продовольственных товаров из США, в связи с чем утверждала, что даже если допустить возможность создания этого объединения, оно будет находиться в экономической зависимости от Вашингтона. Как альтернатива такой зависимости предлагалась политика мирного сосуществования и восстановление существовавших до Второй мировой войны торговых связей в рамках общеевропейской системы отношений. Пафос статьи сводился к рекламированию выгод от советских общеевропейских контрпредложений, выдвинутых в мартовском Заявлении СССР⁹⁶.

Вторая статья, «О перспективах проектов создания Общего рынка» за подписью некоего П. Сулина, была консервативным ответом на вольности, допущенные в статье Менжинско-

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Варга Е. Проблема «Общего рынка» // Новое время, 1957. №10. С. 11–12.

го⁹⁷. Примечательно, что ее текст можно найти в документах ОМЭО МИДа СССР под заголовком «Материалы, относящиеся к Европейскому экономическому сообществу ("Общий рынок")». К журналу "Новое время" №10». Хотя никаких иных комментариев к этому тексту нет, заголовок «к журналу "Новое время"» с большой долей вероятности позволяет говорить о том, что эта статья была подготовлена при участии ОМЭО Министерства иностранных дел СССР — других текстов статей, включая текст шедшей с ней в паре статьи академика Варги, в этом деле не содержится⁹⁸.

Статья в русле догматического подхода относила истоки кампании за создание «Общего рынка» ко временам Второй мировой войны, как часть коварных планов западной буржуазии против Советского Союза. В ней выпячивались неудачи этой кампании. Так упоминалось сопротивление попыткам превращения Верховного органа ЕОУС в общеевропейское наднациональное правительство, что повлекло демонстративную отставку его председателя Жана Монне; провал ратификации договора о ЕОС и, наконец, неудача попыток на конференции министров иностранных дел «шестерки» в Мессине в 1955 году провести проект «глобальной интеграции» (создание таможенного союза, единой валюты, единого рынка). Был оставлен только план создания единого рынка на межнациональной основе, предложения о котором было поручено готовить комитету Спаака⁹⁹.

Автор опровергал примирительные утверждения Менжинского о том, что не так уж и страшен немецкий фактор: мол, гегемонии Западной Германии в «Общем рынке» может и не случиться. Он возвращал читателя к черной картине возрождения германской угрозы и радикальной перекройки «по-германски» соотношения сил в черной металлургии Западной Европы¹⁰⁰.

⁹⁷ Суслин П. О перспективах проектов создания «Общего рынка» // Новое время, 1957. № 10. С. 13–15.

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 46. Оп. 19. П. 133. Д. 68.

⁹⁹ Суслин П. Указ. Соч. С. 14.

¹⁰⁰ Там же. С. 15.

Очевидно, что эта дискуссия был попыткой прозондировать почву для объективного, научного, а не заидеологизированного объяснения природы ЕЭС, что, безусловно, было позитивным явлением, хотя радикальных перемен в 1957 году так и не произошло.

Установка, принятая в Записке и Заявлении МИДа в начале 1957 года, пропагандистские публикации в печати, рассчитанные на достижение главного эффекта от советских предложений в общественных кругах западноевропейских стран были, конечно, изначально ошибочны — никакое общеевропейское сотрудничество не было бы возможным организовать через голову официальных кругов, принимающих решения по этим вопросам. И эта ошибка была подвергнута серьезной критике и учтена в ходе дискуссии о стратегии СССР, инициированной в среде МИДа СССР осенью 1957 года.

12 сентября 1957 года за подписью и. о. заместителя председателя Комитета Информации при МИДе СССР Т. Куприкова руководителям внешнеполитических отделов МИДа, секретарю СЭВ, руководству МВТ и других ведомств (всего — 26 адресатов по списку) был разослан аналитический документ «К вопросу о позиции стран социалистического лагеря в отношении экономических организаций западноевропейских стран»¹⁰¹.

В обнаруженных нами «соображениях» Комитета информации содержался систематизированный разбор функционирующих (ОЕЭС), Европейский платежный союз (ЕПС), Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) и создаваемых (как в результате подписанных в марте Римских соглашений — Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского агентства по атомной энергии (Евратом), так и находившейся в стадии планирования «Европейской зоны свободной торговли» (позже — ЕАСТ) и Европейского энергетического агентства).

В документе впервые содержалась трезвая и критическая оценка советской линии в отношении этих организаций, вводи-

101 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 128–139.

лась важная дифференциация между этими организациями на более и менее приемлемые для СССР, а самое главное, высказывались конструктивные и во многом революционные предложения об установлении более или менее тесных контактов с этими интеграционными образованиями.

Во-первых, сразу бросается в глаза, что в большой вводной части содержалась принципиально новая оценка сути и перспектив этих структур. «Уже созданные организации экономического сотрудничества (ОЕЭС, ЕПС, ЕОУС) заняли к настоящему времени прочное место в экономической и политической жизни стран Западной Европы, поскольку опыт послевоенного экономического восстановления и практика последующих лет показали, что в современных условиях западноевропейские страны не в состоянии успешно решать свои экономические проблемы в одиночку, без более или менее тесной координации их экономической политики. [...]

Экономическая целесообразность была, несомненно, одним из движущих мотивов, приведших к тому, что за последние два года западноевропейскими странами разработаны или разрабатываются планы создания новых организаций такого же рода (Евратом, "Общий рынок", Европейское агентство по атомной энергии, "Европейская зона свободной торговли")»¹⁰².

Как видно из приведенного отрывка, это была принципиально иная, нежели свойственная периоду позднего Сталина, оценка международных экономических процессов в Западной Европе. Ее отличало более спокойное и вдумчивое отношение к предмету. Признавая по-прежнему, что деятельность этих организаций способствует укреплению экономической базы НАТО, в анализе отмечается, что при этом «формально ни одна из этих организаций и не связана с НАТО». Впрочем, уже на полях напротив этого утверждения в экземпляре Отдела международных организаций МИДа СССР можно найти карандашное замечание одного из экспертов, смотревшего этот документ —

¹⁰² Там же. Л. 129–130.

«неправильно, связующим звеном является Западноевропейский союз (Парижское соглашение 1954 г.)»¹⁰³.

На самом деле, как мы знаем, ЗЕС существовал отдельно от ЕОУС и ЕЭС, являя собою конкурирующий образец британской модели межгосударственного сотрудничества (в противовес наднациональным экономическим структурам, сыгравшим в итоге роль главного мотора западноевропейской интеграции). Однако отделить одно от другого в тот период для остававшихся в рамках логики холодной войны экспертов было крайне сложно, оттого, очевидно, эта мысль и встретила такой комментарий со стороны сотрудников ОМЭО.

Во-вторых, в «соображениях» КИ предлагалась ревизия устаревшего негативного подхода к этим объединениям и союзам. «Позиция стран социалистического лагеря по отношению к западноевропейским экономическим организациям всегда была и остается принципиально отрицательной. [...] Такая линия в политике стран социалистического лагеря по отношению к западноевропейским экономическим организациям помогла в первые послевоенные годы, в период установления народно-демократических режимов в странах Восточной Европы предотвратить нежелательные контакты этих стран с Западом и укрепить их связи с Советским Союзом.... Следует, однако, констатировать, что указанная линия социалистических стран не смогла помешать созданию и деятельности западноевропейских экономических организаций, и нет сколько-нибудь серьезных оснований ожидать, что эта линия сможет в будущем оказаться в этом смысле более эффективной»¹⁰⁴.

В суммированном виде свои соображения и предложения по практической деятельности Комитет информации МИДа СССР изложил в виде шести тезисов. В них впервые давались новые оценки западноевропейской интеграции и выдвигалась программа гибкой и трезвой линии СССР и социалистического лагеря в отношении экономических объединений.

¹⁰³ Там же. Л. 130.

¹⁰⁴ Там же. Л. 131.

1. «Эти организации занимают прочное место в экономической и политической жизни Западной Европы, и трудно ожидать, чтобы они в ближайшие годы распались или ослабили свою деятельность». Отмечалось, что их функционирование в целом соответствует интересам политики США в Европе и НАТО, но в то же время «деятельность этих организаций не имеет непосредственно военного характера, а некоторые формы сотрудничества, практикуемые в их рамках, являются общепринятыми для всех государств, независимо от их общественного строя (система многосторонних расчетов по торговым платежам в рамках Европейского платежного союза, система взаимного обмена информацией об импортных потребностях и экспортных возможностях в рамках ОЕЭС и т. д.). Деятельность этих организаций характеризуется проявлением противоречий как внутри организаций, так и между участниками и США»¹⁰⁵.

2. Позиция СССР и стран социалистического лагеря в отношении этих организаций должна быть «максимально гибкой». «Она должна учитывать нереальность их ликвидации в сложившихся условиях и преследовать практически достижимую цель возможно более значительной нейтрализации отрицательных с точки зрения интересов социалистического лагеря сторон деятельности этих организаций и использования, в интересах социалистического лагеря, противоречий между самими участниками данных организаций. Эта гибкая позиция должна содействовать созданию системы общеевропейского сотрудничества, тем более, что только создание и упрочение такой системы и может, в конечном счете, привести к отмиранию западноевропейских экономических организаций»¹⁰⁶.

3. «Гибкая позиция» подразумевала, что в центр критики стоит поставить не объективный факт существования западноевропейских экономических группировок, а конкретные нега-

¹⁰⁵ Там же. Л. 134.

¹⁰⁶ Там же.

тивные стороны их практической деятельности — те, которые укрепляют НАТО, препятствуют общеевропейскому сотрудничеству, усиливают торговую дискриминацию и т. д. Такая адресная критика будет максимально эффективной и может быть позитивно воспринята в общественном мнении этих стран.

4. Советские предложения об общеевропейском сотрудничестве следует существенно скорректировать. Они не должны преподноситься и восприниматься как альтернатива западноевропейским экономическим организациям, но должны включать в круг своей деятельности эти организации, не игнорировать факт их существования.

Вот как разъяснялся этот важный момент в критическом анализе советской политики: «решительное и принципиальное противопоставление предложений об общеевропейском экономическом сотрудничестве деятельности и даже существованию экономических организаций стран Западной Европы серьезно затрудняет борьбу за осуществление указанных предложений, реализация которых имела бы большое положительное значение для стран социалистического лагеря как в политическом, так и в экономическом отношениях. При нынешнем положении правительства западноевропейских стран, отвергая наши предложения об общеевропейском экономическом сотрудничестве, как раз и обосновывают эту свою позицию прежде всего тем, что указанные предложения не учитывают существования экономических организаций стран Западной Европы и выдвигаются в качестве альтернативы таким организациям»¹⁰⁷.

Документ идет дальше констатации этой мысли и разбирает практический пример с неудачным демаршем СССР на XII Сессии ЕЭК ООН в мае 1957 года знаменитыми контринициативами Советского Союза. Тогда советский представитель озвучил Заявление МИДа СССР от 16 марта 1957 года («О планах создания Евратома и "Общего рынка"»), содержащее предложения об общеевропейском экономическом и атомном сотрудничестве. Они были отвергнуты как прямая альтернатива Евратому

¹⁰⁷ Там же. Л. 131–132.

и ЕЭС. Причем в отличие от ожидавшейся поддержки этих идей такими странами, как Австрия и Швеция, эти государства также выступили за снятие с рассмотрения советских предложений, оценивая их как неконструктивные. Как объяснялось в анализе КИ, эти симпатизировавшие СССР страны оказались в ситуации, когда в случае поддержки советских предложений они были бы вынуждены голосовать за ликвидацию западноевропейских экономических организаций, чего они вовсе не хотели¹⁰⁸.

5. Предлагается рассмотреть возможность установления контактов с теми или иными из указанных экономических организаций. При этом проводится их ранжирование по принципу их работы: наиболее близкими представляются те, что основываются на механизме межгосударственного сотрудничества, наиболее настороженное отношение к наднациональным построениям. Особое внимание уделялось в документе КИ одной из этих структур.

«Учитывая то обстоятельство, что Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), в которой принимают участие 17 из 19 европейских капиталистических стран Западной Европы, в том числе такие страны, как Швеция, Австрия, Швейцария, и созданные или планируемые в ее рамках органы отраслевого сотрудничества носят межгосударственный, а не наднациональный характер, представляется целесообразным рассмотреть в первую очередь вопрос об установлении контактов с этой организацией»¹⁰⁹.

Конкретные шаги подразумевали изучение вопроса о направлении советских наблюдателей в ОЕЭС, причем в качестве позитивного примера шла ссылка на опыт Югославии, пославшей официальный запрос и получившей право иметь своих наблюдателей по решению Совета ОЕЭС в 1955 году¹¹⁰.

Более того, именно в рамках ОЕЭС обсуждались планы создания на межгосударственной основе Европейского агент-

¹⁰⁸ Там же. Л. 132.

¹⁰⁹ Там же. Л. 136.

¹¹⁰ Там же.

ства по атомной энергии для развития сотрудничества в области мирного атома. КИ предлагал сделать основную ставку в советской политике в Европе на этой структуре, противопоставив ее наднациональному Евратому, отношение к которому у Москвы было крайне настороженное. В документе говорилось, что после установления отношений с ОЕЭС «можно было бы рассмотреть вопрос о сотрудничестве стран социалистического лагеря с планируемым в рамках ОЕЭС Европейским агентством по атомной энергии, если это агентство будет создано. [...] Не исключено, что в дальнейшем на основе сотрудничества социалистических стран с Европейским агентством по атомной энергии это агентство могло бы быть превращено в тот общеевропейский региональный орган по сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии, создания которого СССР добивается с 1956 года. При определенных обстоятельствах и ОЕЭС в конечном счете могла бы постепенно, шаг за шагом, эволюционировать по пути превращения в орган общеевропейского экономического сотрудничества, функционирующий под эгидой Европейской комиссии ООН»¹¹¹.

6. Вопрос об установлении контактов с наднациональными организациями шести западноевропейских стран (ЕОУС, ЕЭС, Евратом) хоть и последним пунктом, но ставился на повестку дня. Он признавался «более сложным», причем причина неоднозначности этого вопроса заключалась не только в том, что они имели наднациональную природу, но в том, что в отличие от смешанного состава стран в ОЕЭС, члены указанных трех европейских сообществ все являлись одновременно странами-членами НАТО и, самое главное, в том, что признавалось, что «само создание и деятельность ЕОУС, Евратома и "Общего рынка" более прямо и откровенно направлены на углубление экономического, а, следовательно, и политического раскола Европы»¹¹². Отмечалось, что в стра-

¹¹¹ Там же. Л. 136–137.

¹¹² Там же. Л. 137.

нах-членах эти структуры рассматриваются как важнейший этап на пути к политической интеграции, подразумевающей создание западноевропейской федерации с возможным военным компонентом — объединением вооруженных сил (пример с Европейским оборонительным сообществом был еще у всех на виду).

Документ призывал к двойной осторожности в отношении этих организаций также по причине неоднократных высказываний представителей политических кругов США и Западной Европы о желательности вовлечения Польши и Чехословакии на двусторонней основе в деятельность ЕОУС, ЕЭС и Евратома, чтобы ослабить их связи с СЭВ и СССР. Вместе с тем, в записке отмечалось, что анализ бесед представителей стран-участниц ЕОУС с советскими дипломатами в Брюсселе и Люксембурге показывает заинтересованность в установлении контактов с СССР и рядом стран СЭВ. В качестве своих целей представители ЕОУС называли диверсификацию поставок металлического лома и угля за счет торговых соглашений с восточноевропейскими странами, ослабление зависимости стран «шестерки» от США. Ключевыми странами социалистического лагеря, которым делались такие авансы, были СССР и Польша¹¹³.

Авторы записки отмечали, что в июне 1957 года на сессии Ассамблеи ЕОУС было принято общее решение о целесообразности установления «информационных контактов» с СССР и странами социалистического лагеря. Они также указывали на заявление, сделанное представителем ФРГ в ЕОУС В. Шеелем сотруднику советского посольства в Бонне 5 июля 1957 года о том, что президент Верховного органа ЕОУС Рене Мейер хотел бы совершить поездку в СССР и Польшу для установления контактов¹¹⁴.

В этой связи делалось заключение, что «учитывая эти обстоятельства, для стран социалистического лагеря, видимо, нет оснований безоговорочно отклонять инициативу со стороны

¹¹³ Там же. Л. 138.

¹¹⁴ Там же.

ЕОУС в вопросе об установлении контактов, если такая инициатива будет проявлена. Более целесообразно использовать эту инициативу для того, чтобы выяснить точнее, каких именно целей добиваются в данном случае руководящие круги ЕОУС, и уже в зависимости от этого решать вопрос об установлении контактов»¹¹⁵.

Если опустить частности, то «соображения» Комитета Информации МИДа СССР сентября 1957 года впервые в советской истории ставили вопрос о конструктивном подходе к западноевропейской экономической интеграции, причем ЕОУС и ЕЭС рассматривались как часть более общей палитры, из которой в тот момент еще нельзя было выделить какую-то одну структуру. Это существенно дополняет сведения Е. О. Обичкиной о неких внутренних дискуссиях по вопросу установления отношений в Международном отделе ЦК КПСС в 1960 году, считавшиеся до сих пор самой первой «ласточкой» в этом вопросе¹¹⁶.

Следует отметить, что в постсоветской историографии практически отсутствует серьезный анализ истории Организации европейского экономического сотрудничества. Между тем, погружаясь в атмосферу справок и прогнозов 1956–1957 годов, картина перспектив западноевропейской интеграции была совсем иной, чем представляется сейчас, в начале XXI века. Поступало много сигналов об оппозиции проектам наднациональных структур, обсуждавшихся в Мессине и в то же время параллельно шла активная работа по выдвиганию контрпроектов не только в виде советских инициатив, но и британских, предусматривавших развитие межгосударственной кооперации в рамках ОЕЭС.

В частности, в прилагавшимся к «соображениям» Комитета Информации аналитическим справкам в разделе про ОЕЭС отмечалось, что согласно решению Совета ОЕЭС 1955 года о сотрудничестве в области использования мирной атомной

115 Там же. Л. 139.

116 Е. О. Обичкина ссылается на личное интервью с В. В. Загладиным: *Обичкина Е. О. Указ. Соч. С. 224.*

энергии, был создан Руководящий комитет (или директория) по ядерной энергии из стран-членов ОЕЭС. Его задачей была подготовка всей нормативной базы для создания Европейского агентства по атомной энергии (ЕААЭ)¹¹⁷. Планировался практически тот же комплекс мероприятий, что присутствовал в контрпредложениях СССР на Римские соглашения (создание Евратома) в 1957 году. Самое главное — все решения Руководящего комитета, как и вообще органов ОЕЭС не имели обязательной силы, а носили рекомендательный характер. По прогнозам КИ, создание ЕААЭ следовало ожидать в 1958 или 1959 годах¹¹⁸.

Таким образом, в ситуации 1956–1957 годов в Западной Европе шла острая конкурентная борьба между двумя параллельными проектами межгосударственного и наднационального плана как в экономической области (ОЕЭС и ЕЭС), так и в ядерной (Евратом и ЕААЭ). Такая вариативность развития позволяет понять и логику КИ, и восприятие западноевропейских экономических группировок советскими дипломатами на местах.

Какова была реакция на революционные предложения Комитета информации? Из архива МИДа СССР известно, что документ был разослан начальниками отделов и в советские посольства в западноевропейских странах. Нам удалось ознакомиться с ответами послов в Финляндии, Дании, Норвегии, Австрии и ФРГ. Они позволяют судить о том спектре мнений, который существовал в тот момент среди советских дипломатов.

В ходе анализа возникает впечатление, что откровенность и критичность «соображений» Комитета информации, содержащийся в нем новый дух подхода к старой проблеме, позволил послам и советникам в Западной Европе заговорить о том, о чем приходилось молчать столь долгое время. Так, посол в Финляндии В. Лебедев подчеркивал своевременность и правильность постановки вопроса об изменении отношения к экономическим объединениям западноевропейских стран¹¹⁹. Приветствуя

¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 56. Л. 144–146.

¹¹⁸ Там же. Л. 147.

¹¹⁹ Там же. Л. 182.

основные положения документа КИ, он высказывался за то, чтобы параллельно с общей линией на ослабление замкнутых экономических группировок искать пути к установлению деловых контактов с наиболее приемлемыми из них¹²⁰.

Высказывались крамольные мысли о том, что «в настоящее же время выступления нашей печати носят односторонний характер. Они характеризуют эти объединения лишь как подсобные органы НАТО, без показа рациональной основы таких объединений, не рассматриваются с практической точки зрения положительные и отрицательные стороны деятельности региональных экономических организаций, не подсказываются пути для правильной их перестройки»¹²¹. Естественно, посол отмечал опасность (в случае такого «открытия» и движения навстречу некоторым из этих организаций) использования этого самими западными организациями в своих интересах, например, переманивая по отдельности европейские соцстраны и тем самым ослабляя социалистическое содружество. В этой связи он предлагал предусмотреть выработку общей политики в отношении западноевропейских экономических организаций со стороны стран народной демократии¹²².

Аналогичного мнения, хотя и без столь откровенных высказываний, придерживался посол СССР в Дании Н. Славин. Как и Лебедев, он отмечал возможность позитивных шагов навстречу ОЕЭС, но нежелательность установления контактов с ЕОУС и ЕЭС, поскольку это могло быть расценено как признание и «могло бы быть использовано сторонниками присоединения западноевропейских стран к "Общему рынку" для ослабления позиций своих противников»¹²³. В том же духе писали советник посольства СССР в Австрии А. Тушунов и посол СССР в Норвегии М. Грибанов¹²⁴. Последний подчеркивал возможность использо-

120 Там же. Л. 183.

121 Там же. Л. 184.

122 Там же. Л. 185.

123 Там же. Л. 180.

124 Там же. Л. 170–172, 161–162.

вания СЭВ как механизма для многостороннего сотрудничества с ОЕЭС или ЕПС¹²⁵.

Наиболее радикальной и концептуально продуманной была реакция советского посольства в ФРГ, оформленная в виде записки на имя заместителя министра иностранных дел СССР «Об отношении социалистических стран к западно-европейским экономическим организациям» за подписью советника посольства в ФРГ М. Сенина. Следует отметить, что по важности делаемых предложений возникает подозрение, что инициатива исходила не от советника, а скорее от посла, который в силу неоднозначности реакции на эти комментарии решил остаться в тени советника. На это же указывает ссылка в документе о том, что идеи о возможности нового подхода к «плану Шумана» высказывались посольством еще летом 1957 года (подобная настойчивость со стороны простого советника кажется просто невероятной)¹²⁶.

С одной стороны, в письме посольства в ФРГ отмечается, что рассматриваемые западные организации носят анти-социалистическую направленность, в том числе благодаря своей поддержке политики эмбарго. С другой, поддерживалась и развивалась идея смены методов и форм осуществления советской линии на ослабление этих экономических союзов. «Исходя из установки на мирное сосуществование, Советский Союз и все социалистические страны добиваются улучшения отношений со странами Западной Европы методом переговоров и расширения контактов. Почему бы этот метод не применить и в отношении некоторых организаций, которые являются органами тех же стран? Не исключено, что такой метод может оказаться полезным для социалистического лагеря»¹²⁷, — подчеркивалась связь политики «мирного сосуществования» и общеевропейских инициатив СССР.

¹²⁵ Там же. Л. 162.

¹²⁶ Там же. Л. 186.

¹²⁷ Там же. Л. 188.

Анализируя предложения Комитета информации, советское посольство в Западной Германии отвергло идею обмена наблюдателями между ОЕЭС и СЭВ, высказавшись за установление прямых контактов на совещании между СЭВ и ОЕЭС, то есть за использование многостороннего механизма соцстран в установлении отношений с многосторонними организациями капиталистических стран Европы.

Но самое главное — посольство предлагало пойти дальше всех. Оно активно выступало за установление отношений с ЕОУС! При этом в письме разводится идеологический и политический компоненты. С точки зрения идеологии предлагалось продолжать рассматривать «план Шумана» как «продукт углубления общего кризиса капитализма и орудие империалистических сил в попытках выхода из кризиса». С точки же зрения «реалполитик», в развитие установок на мирное сосуществование предлагалось вступить в контакт опять-таки через механизм СЭВ, а не в одностороннем порядке.

«В качестве первого шага в установлении контакта с ЕОУС, на наш взгляд, следует предложить заключить соглашение между СЭВ и ЕОУС по общим принципам внешней экономической политики, которыми должны руководствоваться обе стороны. В наш проект соглашения можно было бы включить взаимные обязательства сторон о разрядке международной напряженности экономическими средствами, о содействии развитию мирной торговли между странами-участницами той и другой организации и третьими странами, о признании принципа наибольшего благоприятствования в международной торговле, взаимное обязательство не прибегать при оказании экономической помощи странам Азии и Африки к выдвигению политических и других дискриминирующих условий (в духе Каирской декларации), содействие мирному использованию энергетических ресурсов и металлургической продукции в Европе, совместное изучение мероприятий по расширению энергетических ресурсов в Европе для мирных целей, обмен возможной экономической информацией в мирных целях и так далее»¹²⁸.

¹²⁸ Там же. Л. 190.

Таким образом, посольство предлагало уже в 1957 году вступить в договорные отношения через СЭВ с ЕОУС и давало конкретные предложения по содержательному наполнению такого соглашения. Причем область взаимных интересов выходила за чисто европейский регион и включала вопросы экономической помощи третьим странам (Азия и Африка) — тем регионам, в которых соперничество между СЭВ и ЕЭС развернется в начале 1960-х годов наиболее остро.

Насколько реалистично было установить такие отношения между СЭВ и ЕЭС в 1957 году? Сам подписавший письмо советник Сенин в нем же и указывал, что в настоящее время вряд ли стоит ожидать подписания соглашения со стороны ЕОУС по указанному кругу проблем. Но для СССР была выгода в самом движении такого предложения для того, чтобы спровоцировать какую-то реакцию ЕОУС и скорректировать, отталкиваясь от этого, подобные предложения в дальнейшем, а также завоевать симпатии нейтральных и слаборазвитых стран, питавших недоверие к «плану Шумана». В случае полного отказа от такого сотрудничества это дало бы дополнительный аргумент для советской пропаганды против западноевропейской интеграции¹²⁹.

Крайне важно то, что согласно видению советского посольства в ФРГ, подобная инициатива СССР имела бы все-таки определенные шансы на успех в свете разногласий между монополиями США и Великобритании, с одной стороны, и стран «малой Европы», с другой. Считалось, что США политически поддерживают ЕОУС, но экономически начинают видеть в нем соперника. Исходя из этой логики делалось предположение, что ЕОУС на самом деле заинтересован в некоторой форме признания и связях с соцстранами, чтобы сбалансировать и укрепить свои позиции. Отмечалось, что, так как СССР в своей практике прибегает к участию в международных картелях и пулах, то возможно заключение подобного соглашения с ЕОУС. Получается, что, по сути, посольство предлагало то, что так клеймила советская же пропаганда: вступить СССР в картельный сговор с ЕОУС против США и Англии!

¹²⁹ Там же.

Тем самым предлагалось сделать ставку на поддержке континентальной «малой Европы», так как «это содействовало бы ослаблению влияния США в Западной Европе, еще больше усилило бы отрицательную позицию Англии в отношении ЕОУС и подкрепило бы общую тенденцию в Западной Европе к общеевропейскому экономическому сотрудничеству»¹³⁰, — отмечалось в письме. Таким путем можно было бы снять все те сложности, которые отмечались в «соображениях» Комитета информации относительно природы и целей ЕОУС — предотвратить создание политической федерации в Западной Европе, не допустить отрыв отдельных европейских стран народной демократии от социалистического лагеря (связав их и заинтересовав в развитии контактов через механизм СЭВ), ослабить «атлантическую» компоненту и т. д.¹³¹ Главными врагами для борьбы на дипломатическом и пропагандистском фронтах в письме объявлялись «Общий рынок» и «европейская зона свободной торговли»¹³².

Как оценивать дискуссии, развернувшиеся в СССР в конце 1957 года? Применительно к публикациям в журнале «Новое время» Ю. А. Борко ввел разделение на выразителей двух точек зрения: марксизма «догматического» и «творческого» при выработке научного подхода к «Общему рынку». Он же явно прослеживается в дискуссии «практиков» внутри МИДа СССР, инициированной Комитетом информации. Оставляя дежурные фразы об империалистической сущности западноевропейских экономических объединений, эта дискуссия ушла далеко вперед своего времени и даже обогнала научное обсуждение советской линии в отношении ОЕЭС, ЕОУС, ЕЭС и Евратома.

Следуя логике западного восприятия советских инициатив, предлагалось не «изобретать велосипед», а показать свою добрую волю, используя уже существующий инструмент многосторонней дипломатии — ОЕЭС. Безусловно, импульсом к такой дискуссии послужил XX съезд партии и последовавший за ним

¹³⁰ Там же. Л. 191.

¹³¹ Там же. Л. 191–192.

¹³² Там же. Л. 192.

критический анализ причин малоэффективности советской пропаганды, ставшие императивом к самокритике и пересмотру догматического подхода.

Считается, что первенство в изменении позиции СССР к европейским интеграционным объединениям принадлежало ИМЭМО АН СССР. Не оспаривая заслуг этого «мозгового треста», сыгравшего огромную роль в выработке советской линии в 1960–1970-е годы, следует признать, что существовавшая до сих пор картина конкуренции догматического МИДа и прогрессивного Отдела, затем Международного отдела ЦК (опиравшегося на созданный в 1956 году ИМЭМО) заслуживает существенной корректировки применительно к 1957 году¹³³. Ситуация в самом МИДе СССР была намного более пестрой и порою там рассматривались прямо-таки революционные предложения, которые, правда, находили свое воплощение с большой задержкой. В случае с идеями Комитета информации, ближайший внешнеполитический демарш в этом направлении произошел только в апреле 1960 года, когда СССР заявил о желании вступить в реформируемую ОЕЭС.

Опираясь на анализ спектра мнений, представленного в реакции советских посольств в Северной и Центральной Европе, можно говорить о существовании в МИДе СССР двух более или менее выраженных условных лагерей — «англофобского» и «англофильского». К первому, безусловно, относится видение советской политики в отношении «малой Европы», представленное советским посольством в ФРГ. Огромное внимание к ЕОУС предполагало осознанную ставку на игру против Англии. Ко второму, хоть и не в столь ярко выраженной форме, относятся отзывы посольств в Дании, Финляндии, Норвегии и Австрии — однозначно портив поддержки ЕОУС и ЕЭС, за новый

¹³³ П. П. Черкасов отмечал, что первые догматические «тезисы» ИМЭМО, по-видимому, не устраивали самого директора этого института А. А. Арзуманяна. С 1959 года институт начинает свою нелегкую борьбу за научное признание объективности происходящих в Западной Европе экономических процессов на страницах советской печати, что привело к гораздо более прогрессивным «тезисам» 1962 года: *Черкасов П. П.* Указ. Соч. С. 159–162.

подход к межправительственной и несущей гораздо меньше обязательств Организации европейского экономического сотрудничества (что в целом соответствовало британскому подходу к европейской интеграции в тот период).

3.3. Период «оттепели» в советско-английских отношениях: разрядка как британская альтернатива «Общему рынку»?

Советско-английские отношения во второй половине 1950-х годов отличались очевидным противоречием между ростом взаимного прагматического интереса и жестким идеологическим противостоянием в рамках борьбы двух систем. Еще в 1956 году Уинстон Черчилль, автор знаменитой антисоветской речи в Фултоне 1946 года, выступил в западногерманском городе Аахене с речью, прямо противоположного содержания — о поддержке отклоненной было в 1954 году заявки СССР на членство в Североатлантическом альянсе. Возможно отчасти именно поэтому в 1956 году СССР выбрал Великобританию в качестве капиталистической страны для достижения феноменального прорыва в торговле с Западом (в рамках советской тактики на развитие торговли между Западом и Востоком без ограничительных барьеров в условиях мирного сосуществования). Представительная делегация СССР во главе с Н. Булганиным и Н. Хрущевым посетила Британские острова и провела переговоры с премьер-министром А. Иденом¹³⁴. Советская сторона предложила детальный план развития торговли. Он предусматривал увеличение ежегодного взаимного товарооборота до фантастической цифры в 200 миллионов фунтов стерлингов¹³⁵.

¹³⁴ Капитонова Н. К. Визит Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию в 1956 году (по архивам Президента РФ и МИД РФ) // Новая и новейшая история, 2010. №6. С. 112–136.

¹³⁵ Следует отметить, что схожее щедрое предложение об интенсификации двусторонней торговли было сделано Франции, а позже, в 1958 году, и США. Однако в результате не получило ожидаемого отклика по тем же идеологическим соображениям.

Илл. 8. «Политика улыбок»: встреча Н. С. Хрущева (справа) и Н. А. Булганина (в центре) с Антони Иденом (слева) в ходе визита советского «коллективного руководства» в Великобританию 18–27 апреля 1956 г. Из фондов РГАКФД.

На фоне инфляции, растущей конкуренции со стороны ФРГ и Японии, в условиях проблем с платежным балансом, это предложение было хорошим пиар-ходом и имело большой эффект на британские промышленные круги. Однако по политическим соображениям (поддержка списка запрещенных к торговле с соцстранами стратегических товаров, известного как список КОКОМ), британское правительство отказало в импорте существенной части своих товаров (примерно 40% от намечавшегося товарооборота по стоимости).

К сожалению, уже осенью 1956 года попытка прорыва в англо-советских отношениях была полностью сведена к нулю. Причиной этому стали два последовавших один за другим международных кризиса: Венгерский и Суэцкий. Вину за униженную национальную гордость англичан в результате краха суэцкой военной операции британские политики постарались возло-

жить на недружественный СССР, ведь именно Москва в критический момент заявила о решающей поддержке Египту. И, хотя потери от Суэцкого кризиса для английской экономики заставили правительственные круги вернуться к вопросу о развитии торговли с Восточной Европой, лишь в 1958 году эхо Суэца стало смолкать, и Лондон начал зондировать вопрос о возможностях улучшения отношений с СССР.

Показательно, что новый кабинет Гарольда Макмиллана старался не ангажировать себя такими инициативами, предпочитая действовать через различные полуправительственные организации — настолько распространились антисоветские настроения в британском обществе. Уже в январе 1958 года Русско-британская торговая палата вручила советской стороне конфиденциальное письмо, в котором содержались восторженные оценки развития СССР и говорилось о том, что запретительные списки КОКОМ давно устарели и попросту закрывают для британских бизнесменов рынок таких товаров, которые «могли бы представлять значительную ценность для экономики страны». Поэтому они просили помощи советской стороны в выявлении наиболее одиозных примеров такой дискриминации для составления соответствующей петиции в адрес правительства Ее Величества¹³⁶.

Собственно, разногласия между Соединенным Королевством и США по вопросу пересмотра списка запрещенных товаров не являются чем-то новым для историографии. В начале 2000-х годов появился ряд монографий на тему «экономической холодной войны», подробно освещающих этот вопрос¹³⁷. Новым является то, что, как следует из материалов Российского государственного архива экономики, масштабы и размах инициатив британских деловых кругов выходили далеко за рамки зондажей. Порой они прямо-таки походили на действия капиталистической «шестой колонны» на Британских островах.

136 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8259. Л. 62.

137 См. к примеру: *Jackson, I. The Economic Cold War: America, Britain and East-West Trade, 1948–1963. N. Y., 2001.*

В феврале 1958 года, перехватывая инициативу у Британской торговой палаты, с начальником Управления Торговли с Западными странами МВТ СССР встретился генеральный секретарь другой лоббистской организации — Британского Совета содействия развитию международной торговли — Р. Берджер. Он объяснил, что главной целью его однодневного визита в Москву является желание дать ход Меморандуму о советско-английских торговых отношениях. Он просил ознакомиться с его содержанием и организовать обсуждение документа после его возвращения из Китая. Помимо прочего, Берджер заметил, что он не поддерживает никаких связей с Русско-британской торговой палатой, т. к. ее секретарь Старди якобы является ставленником британского МИДа и в своей деятельности старается проводить проправительственную политику. Инициатива же Палаты по отмене ограничений в торговле с соцстранами, по его мнению, инспирирована кабинетом с целью облегчить переговоры по пересмотру списка КОКОМ с другими западными странами¹³⁸.

Британский Совет содействия развитию международной торговли был «дочкой» международного Московского экономического совещания апреля 1952 года. Тогда было решено образовать Комитет по развитию международной торговли, который должен был опираться на национальные комитеты в каждой из стран. В итоге, когда в самом СССР охладели к идее развития Комитета, на Британских островах появился и стал функционировать Совет содействия международной торговли.

Британское правительство относилось к нему недоброжелательно, принимая его за проводника влияния Кремля¹³⁹. Сами советские дипломаты также относились к Совету настороженно. Между тем история Совета показывает, что в его политике было больше соображений коммерческой выгоды, чем идеологического подтекста.

¹³⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8259. Л. 66.

¹³⁹ TNA. FO 371/172439

В результате визита Берджера советской стороне был передан текст Меморандума под названием «Замечания по вопросу торговли между Великобританией и Советским Союзом»¹⁴⁰. Документ поражает своим анализом и откровенностью, а также смелостью предложений. Первая часть, «Причины прошлых неудач», содержит столь нехарактерный для советских документов критический разбор стиля работы советских торговых чиновников и накопленного опыта «узких», спорадических инициатив в области двусторонней торговли, когда диалог велся исключительно на правительственном уровне. Меморандум же предлагал начать систематическую работу во всех частях британского общества, чтобы «создать вокруг вопроса об англо-советской торговле своего рода "кулуары", в которых бы велась работа в пользу данного вопроса, как части движения за мирное сосуществование и улучшение взаимоотношений между Советским Союзом и Великобританией»¹⁴¹.

Для этого предлагался конкретный алгоритм действий, в основе которого был заложен принцип систематической согласованной работы во всех инстанциях — в деловых кругах, парламенте, печати, профсоюзах, и т. д. Содержались предложения по созданию «неофициальной группы ведущих бизнесменов», которая бы занималась созданием «соответствующего мнения по данному вопросу среди крупнейших и средних промышленных фирм»; организацией технических и торговых миссий на торговых выставках; приданием большего публичности визитам любых советских торговых и технических представителей; поощрением и защитой фирм, находящихся в ареале Британского Совета содействия развитию международной торговли; систематической подготовкой парламентских запросов по проблемам англо-советской торговли; работой с конкретными симпатизирующими СССР депутатами (от лейбористов: Г. Вильсоном, Д. Джем, Г. Уокером; от консерваторов — Р. Бутби, Д. Л. Холтом, М. Хайдом); поддержанием

140 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8259. Л. 85–94.

141 Там же. Л. 86.

постоянных контактов с тред-юнионами и т. д. Также предполагалось провести работу с британскими экономистами (профессора Оксфорда, Кембриджа, Глазго), с влиятельными обозревателями крупнейших британских газет¹⁴².

В ходе этой встречи общество Британско-советской Дружбы, со своей стороны, передало советским представителям листовки, призывавшие любую британскую фирму, подвергшуюся дискриминации в торговле с СССР из-за правительственного эмбарго, принять участие в кампании «постоянно возрастающего давления» на правительство со стороны фирм и профсоюзов. Главным призывом было: покончить с политикой холодной войны в торговле. В качестве конечной цели значился рост британского экспорта до 200 млн ф. ст. в год¹⁴³.

Подобный резкий всплеск интереса к развитию экономических отношений с СССР, доходивший до конкуренции у разных групп влияния за право «особых» отношений с Москвой, как со стороны проправительственных, так и со стороны фрондирующих деловых кругов, не мог не приниматься во внимание британским кабинетом министров. Конечно, в британской повестке дня в отношении с Москвой на первом месте стояли политические вопросы урегулирования германского вопроса, проблемы разоружения и запрета испытаний ядерного оружия в трех средах. Однако угроза британской экономике со стороны возникшего в 1957 году Европейского экономического сообщества («Общего рынка») и падение влияния страны в международных делах вдохновляли на поиск новых инициатив.

Как писал биограф Гарольда Макмиллана, премьер-министр рассматривал разрядку международных отношений как вступление в новую эру торговых, культурных и технических связей, с вовлечением России в Европу, где Британия выступала бы в позиции исключительного и неоспоримого дирижера этого процесса¹⁴⁴.

142 Там же. Л. 87–92.

143 Там же. Л. 93.

144 Sampson, A. Macmillan. A study in ambiguity. N. Y., 1967. P. 140–141.

В феврале 1959 года состоялся известный визит Макмиллана в СССР. В ходе этой поездки не было достигнуто какого-то сенсационного прорыва в отношениях Запада и Востока по таким глобальным проблемам, как Берлинский вопрос, разоружение и т. д. Отчасти это было следствие отсутствия у англичан мандата со стороны западных союзников на ведение переговоров (их визит носил подготовительный, исследовательский характер), отчасти непонимание этого и резкие перемены в настроении со стороны Н. С. Хрущева. Тем не менее для двусторонних отношений визит, несомненно, принес положительный результат.

Помимо соглашения о развитии культурных отношений, было подписано Пятилетнее соглашение о торговле, заложившее фундамент двусторонних экономических связей на все 1960-е годы. Развивая этот успех, в мае 1960 года британская сторона даже предложила смелый проект договора о «Торговле, поселении и мореплавании», который предусматривал создание совместных предприятий и свободное передвижение граждан двух стран¹⁴⁵. Но, очевидно, что, как часто бывает с документами подобного рода, пока они готовились, изменился весь внешнеполитический климат и проект лег под сукно.

Визит премьер-министра Великобритании в СССР в феврале-марте 1959 года был первым государственным визитом британского премьера со времен войны и сам по себе был знаковым для национальной гордости англичан. Макмиллан заявил о том, что рассматривает свой визит в качестве подготовки и пролога к последующим широкомасштабным международным переговорам¹⁴⁶. Он рассчитывал добиться разрядки международной напряженности через проведение серии саммитов великих держав «в верхах». На выборах в английский парламент в октябре 1959 года Макмиллан выступал в роли миротворца и сделал разрядку, в отличие от европейской ин-

145 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8260. Л. 14–55.

146 Там же. Л. 49; TNA 11/2690.

теграции, одним из центральных пунктов программы консервативной партии.

Можно сказать, что это было попыткой дополнить знаменитые «три окружности» Черчилля еще одной, по значимости стоявшей где-то на втором месте после «особых отношений» с США — ролью лидера в процессе разрядки и посредника в отношениях Запад-Восток. Причем, судя по некоторым высказываниям Макмиллана и его ближайших коллег, улучшение отношений с Москвой могло быть использовано как важный фактор для поднятия ослабшего влияния Британии в Европе и для оказания косвенного давления на неугодную «шестерку» стран-членов ЕЭС, а также укрепления британских позиций в Содружестве.

Так, в первой половине 1960 года Форин Офис в порядке подготовки к Совещанию в верхах разрабатывал проект так называемого «Кодекса международного поведения», включавшего в себя определение «методов ведения идеологической, политической и экономической борьбы двух систем». «В этом "кодексе" англичане предполагали дать свое широкое толкование мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами с тем, чтобы противопоставить его нашим принципам мирного сосуществования»¹⁴⁷, — отмечалось в справке МИДа СССР.

При этом имелось в виду распространить идею мирного сосуществования на область идеологической борьбы. Предусматривалось зафиксировать в «кодексе» обязательства обеих сторон об отказе от пропаганды, направленной на вдохновение классово-колониальной борьбы. Также определенное место отводилось экономическим проблемам и вопросам культурного и научно-технического сотрудничества. В ряде высказываний Макмиллана и британских дипломатов проскальзывала мысль о возможности и желательности экономической конвергенции и интеграции восточноевропейских стран в западный мир¹⁴⁸.

147 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 48. П. 207. Д. 33. Л. 142.

148 *Macmillan H. Pointing the way.* P. 62; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 54. П. 208. Д. 20. Л. 68; Ф. 69. Оп. 54. П. 206. Д. 10. Л. 93–95.

На ежегодном обеде в Королевском институте землемеров министр иностранных дел С. Ллойд заявил: «Одной из ближайших задач Англии является создание условий, при которых не было бы угрозы войны — прекращение «холодной войны» и выработка с участием Советского Союза кодекса международного поведения, который сделал бы возможным сосуществование и подлинный мир»¹⁴⁹. Однако столь далеко идущим планам не суждено было сбыться.

Встреча была сорвана из-за инцидента со сбитым над территорией СССР американским самолетом-шпионом. Несмотря на все попытки Макмиллана заставить Эйзенхауэра пообещать прекратить подобные полеты, чего в ультимативной форме потребовал Хрущев, американцы отказались принести какие-либо извинения. Саммит закончился международным скандалом и взаимными обвинениями¹⁵⁰.

3.4. 1960 год как веха в европейских инициативах Москвы

1960 год представляет собою год надежд и разочарований для советских инициатив в Европе. Можно сказать, что это был второй шанс для Москвы после «открытия Европы» в 1954 году закрепить конкретные результаты мирного сосуществования в экономической сфере и выйти на качественно новый уровень отношений с Западной Европой.

¹⁴⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 48. П. 207. Д. 33. Л. 142.

¹⁵⁰ Макмиллан до последнего старался лично убедить Хрущева и Эйзенхауэра найти общий язык и не раздувать этот инцидент. Позже в беседе с Фанфани он даже высказал свое убеждение, что Хрущева заставили придать такой вес инциденту с У-2 противники политики сближения с Западом в СССР. Это породило разногласия с оценками Форин Офис. В конце концов, Макмиллан призвал не раздувать спекуляции на этот счет и закрыть вопрос: TNA. FO 371/151932. Differences between the views of the FO and the Prime Minister on Khrushchev's reasons for breaking the Summit. FO Minute, Evelyn Shuckburgh. November 29, 1960.

Год начинался под знаком завершения подготовки к саммиту великих держав в Париже, где в мае планировалось достичь соглашения по ключевым вопросам международных отношений: разоружению, судьбе разделенной Германии, запрещению испытаний атомного и водородного оружия.

В начале февраля 1960 года на заседании Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора была принята декларация, в которой подчеркивалась исключительно благоприятная атмосфера международных отношений по сравнению с предыдущими годами и выражалась надежда на успех переговоров на высшем уровне в Париже¹⁵¹.

Безусловно, главное внимание в подготовке Парижского саммита занимали вопросы безопасности и разоружения, политического урегулирования напряженности в Европе. И тем не менее прогнозировавшийся вслед за ожидавшейся в Париже политической разрядкой всплеск международных экономических отношений между Западом и Востоком также брался в расчет обеими сторонами, причем ожидавшееся окончательное открытие занавеса таило в себе опасности для единства обеих блоков.

На Западе возможные экономические связи после саммита рассматривались на специальных заседаниях союзников по НАТО в рамках «Комитета по улучшению международного сотрудничества» с момента появления первых предложений созвать такую встречу в верхах¹⁵². Основные вопросы будущей встречи великих держав готовились в специальных межсоюзнических рабочих группах НАТО: по разоружению (Франция, США, Великобритания, Канада), по европейской безопасности (Франция, США, Великобритания, Западная Германия, Италия, Греция, Нидерланды) и четырехсторонней группе по германскому вопросу (Франция, США, Великобритания и Западная Германия)¹⁵³.

¹⁵¹ Хормач И. А. СССР–Италия и блоковое противостояние в Европе. С. 681.

¹⁵² AMAE. Europe. URSS. 243. Note sur les travaux du Comité sur l'amélioration de la coopération internationale. Ministère des Affaires Étrangères. Paris, le 2 Mai 1958.

¹⁵³ AMAE. Cabinet du Ministre. Maurice Couve de Murville. 10. Direction Générale des Affaires Politiques, Europe. Service d'Europe centrale. Note pour

Помимо этого, как следует из документов французского кабинета министров, необходимость подготовки к саммиту привела к появлению в мае 1958 года тройственной англо-франко-американской рабочей группы в Вашингтоне. Она была призвана согласовывать действия своих послов в Москве, координируя их предварительные переговоры о повестке дня будущего саммита с советским министром иностранных дел в Москве¹⁵⁴.

К событию готовились и на наднациональном уровне. Как показывают архивы ЕС во Флоренции, в августе 1959 года «отец-основатель» ЕЭС Жан Монне написал напрямую личное конфиденциальное письмо президенту США Джону Кеннеди о своем видении перспектив саммита с точки зрения «единства Европы»¹⁵⁵. Как явствует из письма, под этим термином Монне имел в виду интегрированную Европу, которая в идеале должна была бы предстать в виде некоей ассоциации всех стран Запада. Он призывал президента Кеннеди не заключать сепаратных соглашений с СССР без учета мнения западноевропейцев, что привело бы к росту национального эгоизма и поставило крест на наднациональном проекте. Кеннеди, по мысли Монне, должен был убедить Хрущева признать законность союзнических отношений США с «единой Европой» как важного условия сохранения мира. Долгосрочное понимание с Советским Союзом, который явно исключался из картины «единой Европы», виделось Монне исключительно на основе силы и единства Запада и осознания этого факта со стороны Москвы по итогам саммита¹⁵⁶.

Нам не удалось найти продолжения этой переписки, но письмо вполне характерно для проамериканских настроений, скрывавшихся за пышными фразами о «единстве Европы»,

le Président du Conseil. État actuel de la préparation de la Conférence au sommet. 26 Juin 1958.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Historical Archives of the European Union (HAEU). JMAS/81. Jean Monnet to President J. F. Kennedy. Personal. August 17, 1959.

¹⁵⁶ Ibid.

в особенности применительно к личности самого Жана Монне. Естественно, он всячески искал повод добиться дополнительной поддержки со стороны США в конфликте между «Общим рынком» и зоной свободной торговли (ЕАСТ), что читается между строк этого послания. В то же время следует отметить, что для создателя ЕОУС и ЕЭС на первом месте стояли проблемы экономического развития. В первую очередь, задача сохранения темпов экономического роста стран «свободного мира» и разрешения проблемы баланса платежей, которая ограничивала этот рост. Во вторую очередь, растущая необходимость решать проблемы развивающегося мира, т. е. выработки общей линии в отношении бывших колоний и новых независимых стран Азии, Африки и Латинской Америки¹⁵⁷.

Такая повестка дня была близка и советскому планированию перспектив, открывавшихся для международного сотрудничества в преддверие саммита, с тем лишь отличием, что речь в них шла об общеевропейских проектах в подлинном понимании этого слова, а не в субрегиональном контексте, как у Монне.

В СССР большое внимание придавали экономическому аспекту разоружения: возможностям инвестирования высвобождающихся средств от сокращения военных программ ведущих стран в развитие торговли и совместного производства, а также использование их для помощи развивающимся странам. А параллельно шла доработка новых инициатив СССР в масштабах всей Европы и в масштабах Восточной Европы — в рамках европейских стран-членов СЭВ.

Большое внимание советских планировщиков было приковано к апрельской XV сессии ЕЭК ООН, которую планировалось использовать как площадку для новых региональных инициатив в преддверии саммита. «Улучшение международной обстановки в последнее время, явившееся результатом главным образом визитов т. Н. С. Хрущева в США, Индию, Индонезию и подготовки предстоящего визита во Францию, создает благоприятные условия для постановки на очередной

¹⁵⁷ Ibid.

сессии ЕЭК конкретных вопросов, направленных на дальнейшее развитие экономического сотрудничества в Европе»¹⁵⁸, — так обосновывалась инициатива выступления СССР с новым меморандумом по развитию внутриевропейских экономических связей в ЕЭК Отделом международных экономических организаций в начале 1960 года.

Еще в начале января 1960 года ОМЭО МИДа СССР разослал в советские компетентные министерства проект Меморандума Советского Правительства «О мероприятиях по дальнейшему расширению регионального рынка Европы, развитию экономики всех европейских стран и усилению сотрудничества между европейскими и другими странами мира» [выделено мною. — М. Л.]. К сожалению, нам не удалось ознакомиться с полным первоначальным текстом этого многообещающего проекта. Однако общее представление о нем можно составить по откликам ведущих профильных министерств СССР.

Судя по реакции МВТ СССР, в проекте было много конкретных советских предложений по развитию европейского рынка. Так следует отметить свежую идею организации европейского расчетного центра и валютного фонда при нем для перехода от устаревших двусторонних к современным многосторонним расчетам между социалистическими и капиталистическими странами¹⁵⁹. Выдвигая его, ОМЭО явно опирался на существовавший интерес к упрощению валютных отношений с Восточной Европой со стороны Запада.

Так, в докладной записке о беседе научных сотрудников ИМЭМО АН СССР В. Любимовой и Ю. Рубинского во французском посольстве 11 февраля 1960 года отмечалось, что как в феврале, так и в январе 1960 года французская сторона выдвигала в неофициальном порядке предложение о создании системы многосторонних расчетов между странами «Общего рынка» и СЭВ. Сделать это предлагалось путем создания специальной единицы — обратимого рубля, независимого от

¹⁵⁸ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 25.

¹⁵⁹ Там же. Л. 2.

внутреннего советского рубля. Рациональная мысль заключалась в том, что поскольку СССР все равно продает золото для получения инвалюты для закупок импортных продуктов, западным странам было бы выгоднее не торговать с Москвой за валюту, а СССР не производить лишнюю транзакцию и вывозить золото: золотой эквивалент новой расчетной единицы можно было бы депонировать в любом банке в Австрии, Швейцарии, Польше или Москве. Он служил бы гарантией многосторонних расчетов, которые потом можно было бы распространить на все соцстраны¹⁶⁰. Как подчеркнул один из участников февральской встречи, экономист Франсуа Перру, «создание подобного рода системы расширило бы свободу действий Франции, ослабив ее финансовую зависимость от США. В то же время советская торговля могла бы значительно увеличить свою гибкость и маневренные возможности»¹⁶¹.

Однако это предложение ОМЭО было отвергнуто МВТ из опасений, что оно могло бы привести к взятию на себя СССР обременительных финансовых обязательств по расчетам с другими социалистическими странами с западноевропейцами¹⁶². Так же негативно воспринималось предложение о многостороннем долгосрочном кредитовании — МВТ предпочитал решать эти вопросы на двусторонней основе.

Самое революционное и отвернутое в ходе согласования текста меморандума предложение заключалось в установлении «контактов и других форм сотрудничества между всеми субрегиональными экономическими организациями». Реакция МВТ была в духе сталинского подхода: «такое предложение может быть воспринято как наше признание существующих западноевропейских экономических объединений и желание смягчить существующие между ними противоречия, а также приравнивание СЭВ к западноевропейским эко-

160 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 64. Л. 47.

161 Там же. Л. 48.

162 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 2.

номическим группировкам»¹⁶³. Здесь и в дальнейшем следует отметить, что как видно из многочисленных замечаний этого ведомства на проекты ОМЭО, и его собственные оценки, руководство МВТ занимало достаточно консервативную позицию в отношении европейских экономических группировок в тот период, что отмечала в своем исследовании также И. А. Хормач¹⁶⁴.

Ответ советского Представительства в СЭВ, данный от имени Представителя СССР неким замещавшим его Н. Птичкиным, и вовсе поражает своей некомпетентностью и зашоренностью взглядов. При том, что на волне рассмотрения и принятия Устава СЭВ ряд передовых соцстран предлагали углубление интеграции в рамках СЭВ и были крайне заинтересованы в развитии его контактов с «Общим рынком» и ЕАСТ, в том числе через механизм ГАТТ¹⁶⁵. Несмотря на то что к 1960 году доля западноевропейских стран в торговом обороте Польши и Чехословакии возросла по сравнению с долей стран СЭВ, при всем этом в ответе утверждалось, что «практического интереса страны-участницы СЭВ в непосредственных контактах с другими европейскими организациями не имеют...»¹⁶⁶.

Единственным прогрессивным учреждением, подтвердившим своевременность инициатив ОМЭО, был ИМЭМО АН СССР, поддержавший его по существу по всем пунктам, в том числе в отношении внешних контактов СЭВ.

Госплан СССР скорректировал, но поддержал важную идею совместного строительства и финансирования промышленных объектов европейского значения (внутриконтинентальные нефтепроводы)¹⁶⁷.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Хормач И. А. Указ. Соч. С. 611.

¹⁶⁵ См., например: *Coppolaro L. Trade, security and the two Europes. The Accession of the socialist countries to GATT (1959–1973) // Les deux Europes. Actes du IIIe colloque international RICHIE. Bruxelles, 2009. P. 47–58.*

¹⁶⁶ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 3.

¹⁶⁷ Там же. Л. 12–13.

Министерства Морского флота и Речного флота СССР согласились с постановкой вопроса о разработке общеевропейского соглашения о прямом смешанном железнодорожно-водном пассажирском сообщении в Европе. При этом Министерство речного флота шло еще дальше и просило расширить этот раздел, закрепив в нем вопрос о возможности использования для туризма иностранцев внутренних водных путей Советского Союза — неслыханная открытость по сравнению со сталинскими временами¹⁶⁸.

В сокращенном виде, с учетом мнений запрошенных ведомств, ОМЭО в начале марта подготовил вторую версию Меморандума, исключив из его названия «европейский рынок» и оставив «Мероприятия по дальнейшему развитию экономики всех европейских стран и усилению сотрудничества между европейскими и другими странами мира»¹⁶⁹. В нем были три основных пункта: сотрудничество между европейскими странами в эксплуатации топливных ресурсов и создании единой сети европейских водных путей; изучение в рамках ЕЭК экономических аспектов разоружения; расширение сотрудничества по обмену научным и техническим опытом¹⁷⁰. Вместе с проектом Постановления ЦК КПСС и сопроводительным письмом в ЦК эта версия была отправлена на утверждение в Инстанцию.

Нам неизвестно, какова была судьба этого документа в ЦК в силу недоступности соответствующих фондов РГАНИ за изучаемый период. Однако по имеющейся в деле выписке из протокола Заседания Комиссии Президиума Совета Министров СССР по внешнеэкономическим вопросам следует, что этот вопрос был передан на рассмотрение этой профильной комиссии. Детали дискуссии также неизвестны, но по итогам рассмотрения было поручено переработать текст Меморандума, исключив из него предложение об обсуждении проблемы европейского нефтепровода «с тем, чтобы в Меморандуме в более широком

¹⁶⁸ Там же. Л. 8–9.

¹⁶⁹ Там же. Л. 28–31.

¹⁷⁰ Там же. Л. 28–30.

плане поставить вопрос о сотрудничестве между европейскими странами в решении некоторых общеевропейских экономических проблем»¹⁷¹. Как следует из той же выписки, надлежало отказаться от предложения о создании специального органа по содействию обмену информацией в области научно-исследовательских работ (Европейского информационного центра), заменив это некими предложениями о дополнительных мерах по дальнейшему расширению деятельности ЕЭК в области научно-технического сотрудничества. Вдобавок к этой правке в состав советской делегации вводился тот самый заместитель начальника Управления торговли с западными странами МВТ СССР Мордвинцев, который весьма скептически отнесся к конкретным предложениям меморандума ОМЭО МИДа СССР¹⁷².

Тем самым из содержания документа, и так существенно выхолощенного за время прохождения согласований, еще больше убирались конкретные предложения, что превращало его содержание во все большую абстракцию.

В итоговом тексте Меморандума, представленного советской стороной на XV сессии ЕЭК в Женеве, остался-таки раздел «об изучении возможности совместного проектирования и строительства европейскими странами промышленных объектов», сокращенный втрое. В нем просто назывались крупные гидроэнергетические сооружения и некое общее сотрудничество в области топливно-энергетической базы в Европе, без раскрытия содержания.

Практически в неизменном виде остался раздел про изучение экономических аспектов вооружения (влияние разоружения на развитие внутриевропейской и мировой торговли; оказание помощи слаборазвитым странам; влияние на повышение уровня жизни народов Европы).

Пункт про расширение сотрудничества в рамках ЕЭК по обмену научным и техническим опытом остался, но без общеевропейского центра, зато с предложением создать специальную

¹⁷¹ Там же. Л. 52.

¹⁷² Там же.

группу при Секретариате ЕЭК, которая должна была бы координировать работу в этой области между комитетами ЕЭК. Раздел также предусматривал развитие отраслевых семинаров, практики ознакомительных поездок, организации международных выставок и т. д.

Полностью пропали предложения о едином водном транспортном пространстве. Вместо них появился новый пункт — «о созыве совещания министров внешней торговли европейских стран» — цель, к которой стремился СССР уже два года, и которая казалась более осуществимой, чем когда бы то ни было в связи со встречными предложениями Исполнительного секретаря ЕЭК ООН.

В разосланном всем странам-участникам письме Исполнительного секретаря ЕЭК Сакари Туомия от 10 марта 1960 года предлагалось ввести практику созыва периодических межправительственных совещаний¹⁷³. Это существенно повышало шансы советских планировщиков добиться закрепления реальных результатов на XV сессии ЕЭК. Письмо Туомия представляло собой попытку вдохнуть новую жизнь в ЕЭК и в отношения Восток–Запад путем введения новых форм диалога (регулярные межправительственные совещания) и путем выработки принципов торговли между государствами с различными социально-экономическими системами.

Как явствует из утвержденного текста Указаний делегации СССР на XV сессию ЕЭК ООН, советским представителям надлежало предложить использовать при выработке представленных Туомия принципов торговли ряд положений советского проекта «Общеввропейского соглашения об экономическом сотрудничестве», выдвинутого в ЕЭК еще в 1956 году. Следовало поддержать организацию рабочей группы по выработке таких принципов в случае ее создания. При этом поручалось возражать против попыток провести предложение о выработке универсального «кодекса» для торговли между Западом и Востоком. Речь могла идти только о круге стран-участниц ЕЭК ООН (что

¹⁷³ Там же. Л. 58.

автоматически исключало США и другие неевропейские капитальные страны)¹⁷⁴.

Картина подготовки к XV сессии ЕЭК и та роль, которая придавалась этому событию, была бы неполной без двух существенных дополнений.

Впервые с момента выдвижения революционных и потому попавших под сукно предложений Комитета Информации 1957 года, советская сторона решила поставить вопрос об участии в межгосударственной Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС).

Она была создана в 1948 году для реализации «Плана Маршалла» в Западной Европе и включала 16 стран. Одной из основных целей ОЕЭС было не просто распределение американской помощи, а подготовка Западной Европы к экономической интеграции. В рамках ОЕЭС была проведена принудительная либерализация торговли, в 1950 году был создан Европейский платежный союз, служивший общим кредитным механизмом для торговых операций стран ОЕЭС. Были созданы Европейское производственное агентство, Европейский фонд, многосторонняя система расчетов между странами и т. д. В связи с завершением «плана Маршалла» (еще в 1952 году) и созданием «Общего рынка» в 1957 году встал вопрос о роспуске ОЕЭС.

Великобритания выступила с инициативой создания на базе ОЕЭС некоей альтернативной ЕЭС экономической организации. Этот план проходил в британских кабинетах под кодовым названием «План G». В общих чертах это было предложение по созданию зоны полной свободы от протекционистских тарифов среди всех некоммунистических европейских стран со схемой его поэтапной реализации. Он исключал продукты питания и представлял собой зону свободной промышленной торговли. Однако сперва Франция, а затем и ФРГ дали понять, что они не пойдут на отказ от своих интеграционных планов ради такого аморфного образования. В конечном итоге этот план реализовался вне ОЕЭС в виде создания Европейской ассоциации сво-

¹⁷⁴ Там же. Л. 77.

бодной торговли (ЕАСТ) в 1960 году — «семерки» стран, оставшихся вне ЕЭС.

СССР стал интересоваться ОЕЭС еще в конце 1950-х годов. В письме исполнительного секретаря ЕЭК Сакари Туомия на имя Г. Ф. Саксина говорилось о том, что в феврале 1959 года секретарь СЭВ Н. В. Фаддеев в ходе встречи с ним интересовался установлением официальных консультативных отношений с ЕЭК, имея в виду возможность установления подобных отношений с другими организациями, такими как ОЕЭС¹⁷⁵.

XV сессия ЕЭК как раз приходилась на период перестройки ОЕЭС. Время было самое благоприятное для активных шагов со стороны Москвы. Поэтому 16 марта 1960 года заведующий ОМЭО П. Чернышев поднял в записке на имя заместителя министра иностранных дел Н. П. Фирюбина этот давно вызревавший в недрах МИДа вопрос. «В связи с начавшимися на Западе переговорами по созданию новой экономической организации, — писал Чернышев, — Отдел считает целесообразным включить в проект постановления об участии советской делегации в работе XV сессии ЕЭК ООН дополнительный пункт»¹⁷⁶.

Примечательно, что в утвержденных Громыко Указаниях делегации СССР такого пункта нет. Однако, как явствует из Отчета советской делегации и других документов, в принятом в итоге Постановлении ЦК КПСС этот пункт был включен.

Во-вторых, для усиления советских предложений, содержащихся в меморандуме и в заявлении о желании принять участие в выработке основ новой европейской экономической структуры, МИД СССР внес предложение о специальном приветственном послании от имени главы советского государства. «Послание содействовало бы привлечению внимания широких общественных кругов европейских стран к советским предложениям и способствовало бы созданию лучшей атмосферы в отношениях между европейскими государствами, что имеет определенное значение в связи с предстоящим совещанием

¹⁷⁵ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 39. Л. 23.

¹⁷⁶ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 37.

в верхах»¹⁷⁷, — писал в обоснование этого шага в специальной записке в ЦК А. Громыко.

На открывшейся в Женеве 20 апреля 1960 года XV сессии Европейской экономической комиссии ООН впервые в истории этой организации было зачитано приветственное послание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. В нем отмечалось, что «роль и значение ЕЭК еще более возрастают в наши дни, когда идея мирного сосуществования приобретает все новых и новых сторонников во всем мире»¹⁷⁸.

В результате такого конструктивного подхода, как отмечала в своем отчете советская делегация на сессии ЕЭК, вся она проходила под знаком советского заявления о готовности вступить в Организацию экономического сотрудничества и развития, создаваемую взамен ОЕЭС¹⁷⁹.

Возглавлявший советскую делегацию заместитель министра иностранных дел Н. Фирюбин прямо заявил: «Руководствуясь целями развития широкого экономического сотрудничества между странами, независимо от их социально-экономических систем, делегация СССР заявляет о готовности Советского Союза принять участие в разработке принципов новой экономической организации, о создании которой в настоящее время ведутся переговоры с участием представителей западноевропейских стран, Соединенных Штатов Америки и Канады. По мнению советской делегации, это способствовало бы созданию такой организации, которая могла бы эффективно содействовать развитию международного экономического сотрудничества»¹⁸⁰.

Согласно советскому отчету и документам зарубежных архивов, этот демарш СССР привел в замешательство представителей западных стран и стал своего рода информационной «бомбой». Западные делегаты оказались настолько не готовы

177 Там же. Л. 105.

178 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8772. Л. 11.

179 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 116–117.

180 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8772. Л. 21.

к такому повороту событий, что дискуссия по работе Комиссии по торговле была отложена на целую неделю, а глава британской делегации был вынужден выехать в Лондон для получения дополнительных инструкций¹⁸¹.

Казалось бы, усиление авторитета такой организации, как ОЕЭС/ОЭСР, было на руку англичанам: теоретически, она могла бы стать форумом, на котором решались политико-экономические вопросы, игнорируя большую тему деления Западной Европы на членов и не-членов «Общего рынка», в который Британия в тот момент не входила.

Вопрос об участии СССР вызвал большое волнение среди западноевропейских стран. Поль Анри Спаак, генеральный секретарь НАТО, отнесся очень серьезно к этому предложению и даже поставил его на обсуждение Совета НАТО. Он пытался включить его и в повестку дня Стамбульского саммита¹⁸². Документы Форин Офис показывают, что отдельные видные британские дипломаты во внутренней переписке даже высказывали осторожный оптимизм и желание поддержать это стремление СССР.

Так, член британской делегации в Женеве сэр Поль Гор-Бут, делясь своими размышлениями над советским предложением, высказал предположение, что «если русские на самом деле имеют в виду то, что они говорят, то это означает предложение революционных изменений в советской и всей коммунистической экономической политике»¹⁸³. Ключевым оставался вопрос: верить или нет? Другой высокопоставленный британский представитель в Женеве, Л. Холлидэй, считая, что верить советской стороне на слово нельзя, все же предлагал выяснить, насколько она готова взять на себя обязательства,

181 АВР РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 118.

182 TNA. FO 371/150092. European Economic Organizations Department. The question of the Soviet initiative in ECE regarding participation in the reorganization of OEEC was raised in the NATO Council by M. Spaak. Confidential. From Sir F. Roberts, UK Delegation to NATO, Paris, April 27, 1960.

183 TNA. FO 371/150091 European Economic Organizations Department. Comments on the text of Firubin's remarks about about the Soviet Union and the reorganized OEEC. Confidential. Sir P. Gore-Booth. 27th April, 1960.

предлагаемые в подготовленном западными странами проекте устава новой организации¹⁸⁴.

Но большинство британских дипломатов отнеслось к советской инициативе скептически, опасаясь, что на практике подключение СССР к работе «Комитета двадцати», обсуждавшего устав ОЭСР, лишь заблокирует практическую работу по созданию этой организации и что советское предложение не более, чем хитрый блеф советских дипломатов¹⁸⁵. В итоге, как показывают документы, решающими для англичан оказались соображения идеологического порядка: они боялись быть неправильно понятыми в Вашингтоне и внести сумятицу в «особые отношения» с США. Американская позиция заключалась в том, что советские предложения преждевременны: организация создается на базе старой, заявки о членстве новых стран будут рассматриваться после принятия нового устава, где-то не раньше 1961 года¹⁸⁶. К тому же британцы явно боялись перемен в уставе и характере ОЭСР, неизбежных в случае включения СССР.

О том, что они бы произошли, говорят советские документы: «понимая хорошо, что участие СССР в разработке принципов новой организации позволило бы коренным образом изменить характер этой организации, западники ответили отказом, раскрыв тем самым цели и задачи вновь создаваемой организации, как замкнутой организации, в задачу которой по-прежнему будет входить продолжение политики дискриминации и разобщения Востока и Запада», — написала в отчете советская делегация, оценивая отказ включить СССР в члены ОЭСР¹⁸⁷.

На Совете НАТО западные страны отклонили советские предложения, мотивируя это различием социально-экономических систем (хотя социалистическая Югославия имела официальный статус наблюдателя в ОЕЭС) и, исходя из формальных соображений о том, что новая организация создается на базе после-

184 Ibid.

185 Ibid.

186 Ibid.

187 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 119.

военной ОЕЭС, в которой СССР не участвовал¹⁸⁸. Отказав СССР в допуске к выработке основ ОЭСР, формально было заявлено о том, что рассмотрение заявок о членстве новых стран возможно после принятия устава новой организации.

Интересны восприятие и логика размышлений Генеральной дирекции по внешним сношениям ЕЭС в связи с этой инициативой СССР. О ней можно судить по хранящемуся в архивах ЕС во Флоренции проекту заметки, подготовленной по просьбе министра Ж. Рея 11 мая 1960 года¹⁸⁹.

«Возможно, что выгоды принятия с нашей стороны, даже обусловленные какими-то условиями, могли бы превзойти недостатки. Какими условиями мы могли бы обставить наше согласие?»

1) Создание контактной комиссии ОЕЭС — СЭВ, в рамках которой можно было бы обсуждать проблемы реорганизации ОЕЭС и, в частности, после этой реорганизации, проблему обменов между Востоком и Западом.

2) Участие западных представителей в качестве наблюдателей на будущих заседаниях СЭВ и, в качестве ответной меры, допущение со стороны Запада представителей советского блока к работе ОЕЭС»¹⁹⁰.

Однако сам же автор заключает, что эти предложения были невыполнимы для советской стороны, что поставило бы СССР в безвыходное положение перед лицом мирового общественно-го мнения. Причем одним из основных аргументов для такого вывода являлось поведение СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов в отношении «плана Маршалла» и ОЕЭС — яростная критика и политика по противодействию их деятельности¹⁹¹.

Документ призывал к более углубленному изучению этого вопроса. В нем отмечалось, что на протяжении уже двух лет

¹⁸⁸ США и Канада имели ассоциативный статус в ОЕЭС, это позволило им стать полноправными членами в ОЕЭСР.

¹⁸⁹ НАЕУ. ВАС 056/1980–235, Fol. 0142-0146.

¹⁹⁰ Ibid. Fol. 0144–0145.

¹⁹¹ Ibid. Fol. 0145.

СССР стремится созвать совещание министров внешней торговли и создать общеевропейскую организацию по торговле, а западные страны отказываются от этого предложения. Автор признает, что восточные страны в самом деле желают обсуждать торговые связи, но по правилам, отличным от принятых в ГАТТ. Причем выдвигая эти инициативы СССР увеличивает свое давление на Запад, который выступает в невыгодном свете, лишь отвергая протянутую руку и попадая в плен советских инициатив, не выдвигая взамен никаких альтернативных предложений накануне саммита в Париже.

В документе отмечалось, что в случае отказа западноевропейцев от принятия СССР в ОЕЭС/ОЭСР, это дало бы карты в руки Москве для того, чтобы усилить призывы к созыву конференции министров внешней торговли европейских стран. Двойной же отказ (и от этой инициативы) сыграл бы на руку Кремлю в желании институционализировать контакты Восток–Запад через существующий механизм Европейской экономической комиссии ООН, что понизило бы значимость ГАТТ, в которой СССР и ряд социалистических стран не участвовали¹⁹².

Как видно из вышеприведенных размышлений в британских и брюссельских кругах, советская заявка хоть и была принята с некоторым интересом, но при отсутствии минимального уровня доверия, для того чтобы воспринять ее всерьез (за исключением П. Спаака). Несомненно, что окончательный крест на ней поставил международный скандал, повлекший за собой провал Парижского саммита великих держав, подготовка к которому заняла всю вторую половину 1950-х годов.

Трагическая история этого неудачного саммита есть история обратной стороны излишней персонификации внешней политики в формате «встреч в верхах». Пожалуй, наиболее всесторонний анализ личного фактора Н. С. Хрущева в этом эпизоде предпринят его общепризнанным биографом Уильямом Таубманом¹⁹³. За две недели до заранее запланированного и

192 Ibid. Fol. 0146.

193 Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 493–508.

готовившегося центрального саммита глав правительств СССР, Франции, США и Великобритании — 1 мая 1960 года — над территорией СССР был сбит американский самолет-разведчик. Пилотировавший его летчик Фрэнсис Пауэрс был арестован. Причем в тот момент американская сторона не знала, что пилот жив и может предстать перед судом.

Как пишет Тэлбот, «Вашингтон в этой ситуации держался не лучшим образом. Ему следовало бы молчать — или тщательно составить свою версию и полностью придерживаться ее; вместо этого администрация Эйзенхауэра выдала неуклюжую ложь, от которой сама же потом отказалась»¹⁹⁴. Заявив, что это был метеорологический зонд, после известия о том, что Пауэрс жив и дает показания в СССР, Эйзенхауэр не нашел ничего лучшего, чем объявить 8 мая, что вылеты осуществлялись с его ведома в связи с необходимостью предотвращения внезапного ракетного удара со стороны СССР¹⁹⁵.

Такая отравленная стрела накануне ожидавшейся решающей встречи для всего комплекса мероприятий в военной, экономической и политической сферах, готовившихся экспертами и дипломатами четырех ведущих стран мира, ставила под угрозу срыва весь процесс разрядки международных отношений. Все зависело от личных качеств лидеров, и в этой ситуации Никита Сергеевич дал волю эмоциям вместо того, чтобы проявить выдержку и стратегическую мудрость. Тэлбот приводит различные мнения его советников относительно того, летел ли он в Париж уже с твердым намерением устроить obstruction американскому президенту и громко хлопнуть дверью, или все же оставались шансы на примирение в случае возможных извинений со стороны Эйзенхауэра¹⁹⁶.

Так или иначе, но сразу после приземления в парижском аэропорту Орли Хрущев разразился речью на 45 минут, представлявшей собой «смесь официальных заявлений, саркастических

¹⁹⁴ Там же. С. 494.

¹⁹⁵ Там же. С. 496.

¹⁹⁶ Там же. С. 493.

замечаний и откровенных оскорблений»¹⁹⁷. Более того, в условиях отсутствия каких-либо намеков на осуждение шпионских полетов со стороны Вашингтона, он сразу предложил перенести саммит на 6–8 месяцев (т. е. до новых выборов президента США, дав тем самым понять, что объявляет Эйзенхауэра «персоной нон грата»). В нарушение всяческих приличий и дипломатических протоколов, Хрущев вообще не явился к ожидавшим его западным партнерам на второе заседание «четверки», заявив, что отказывается от дальнейших встреч. В ходе устроенного им шоу на приеме в советском посольстве, советский лидер и во все шокировал даже восточноевропейских дипломатов своими оценками случившегося, недопустимыми для человека на таком посту: «Вот так с Эйзенхауэром случилось. Хотел пёрнуть, а сам обосрался. Так, дорогие товарищи и доложите вашим правительствам»¹⁹⁸.

В итоге этой истерики на высшем уровне вместо столь долго готовившегося шага вперед СССР сам отсрочил наступление разрядки и отбросил себя назад, по оценкам А. Микояна, лет на пятнадцать¹⁹⁹. Советской делегации на проходившей в это время сессии ЕЭК ООН не оставалось ничего иного, кроме как сделать хорошую мину при плохой игре. Полученный отказ на участие в реформе ОЭСР был оценен как «политический успех», давший возможность использовать эту реакцию западных стран в пропагандистских целях²⁰⁰.

Кто знает, может быть в случае успеха саммита могло бы случиться такое основополагающее политическое событие, как создание на базе ОЭСР общеевропейской организации, объединившей бы страны с разным социально-политическим строем. А вступи в нее СССР в 1960 году, мы бы приобщились к процессу западноевропейской интеграции и стали членом возникшей во многом на основе ОЭСР «Большой семерки» на три-четыре де-

¹⁹⁷ Там же. С. 501.

¹⁹⁸ Цит. по книге: Таубман У. Указ. Соч. С. 506.

¹⁹⁹ Микоян А. И. Указ. Соч. С. 605.

²⁰⁰ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 279. Д. 23. Л. 118.

сятилетия раньше. Но рассмотрение заявки СССР в Совете НАТО (как и окончание сессии ЕЭК) происходило уже на фоне скандального провала Парижского саммита и в условиях очередного похолодания между Западом и Востоком.

СССР было заявлено, что рассмотрение заявок о вступлении новых членов возможно лишь после принятия устава новой организации. Однако и после принятия устава ОЭСР, попытка Москвы в 1961 году вновь поднять вопрос об участии в этой организации была оставлена без должного внимания. Советскому Союзу как стране с плановой экономикой было отказано в членстве.

Роль советского меморандума, несмотря на его существенно выхолащенное содержание, привела к некоторым конкретным достижениям на XV сессии ЕЭК.

Во-первых, удалось усилить разногласия между западными делегатами, существовавшие и без того из-за раскола Западной Европы на ЕЭС и ЕАСТ. В отчете даже отмечалось, что за слишком частые переговоры с советской делегацией от имени Запада французскому представителю было выражено недоверие со стороны делегаций США и Великобритании. Они заставили француза вести все переговоры лишь в присутствии представителя другой западной делегации²⁰¹.

Во-вторых, в результате работы с западными делегациями была принята компромиссная резолюция, поручавшая Комитету по развитию внешней торговли изучить вопросы многосторонних и иных методов торговли между странами-членами ЕЭК, «которые содействовали бы развитию взаимовыгодной торговли, не нарушая сложившихся форм экономического сотрудничества». В этой формулировке подразумевались долгосрочные двусторонние соглашения, которые делегация США пыталась заменить на многосторонние формы торговли²⁰².

В-третьих, из советского меморандума был взят один из многих конкретных пунктов — об оказании содействия в деле

²⁰¹ Там же. Л. 117.

²⁰² Там же. Л. 120.

совместного проектирования и строительства европейскими странами промышленных объектов. Он был принят большинством на сессии ЕЭК в виде согласованной резолюции, внесенной совместно СССР, Польшей, Австрией и Швецией²⁰³.

Итоги советского участия в XV сессии ЕЭК были рассмотрены и одобрены на заседаниях Коллегии МИДа СССР 16 и 20 июня 1960 года. Был отмечен позитивный эффект от советских конструктивных инициатив и усиление разногласий в стане западных стран вследствие этого²⁰⁴. Развивая этот успех, Москва пригласила нового Исполнительного секретаря ЕЭК Владимира Велебита в СССР в январе 1961 года. И попыталась поставить вопрос о существенных изменениях в круге ведения этой организации.

Еще 24 ноября 1960 года на совещании директоров отделов Секретариата ЕЭК ООН заместителем Исполнительного секретаря ЕЭК Г. Саксиним (гражданином СССР) был поднят вопрос о пересмотре устаревшего «Положения о круге ведения Европейской экономической комиссии ООН»²⁰⁵. По сути, это означало попытку реформы внутреннего наполнения этого органа. В докладной записке на имя главы советского представительства при европейском отделении ООН А. С. Чистякова, Саксин делился своим видением такой реформы. Он предлагал убрать устаревшие пункты про восстановление Европы, потерявшие свою актуальность и внести ряд новых как европейских по сути (статью о развитии общеевропейской торговли), так и глобальных (максимальное содействие развитыми странами Европы индустриализации отсталых и развивающихся стран).

Саксин доказывал, что такие изменения давно назрели и наступает удобный момент взять инициативу в свои руки. Он выделял задачу принудить главных оппонентов СССР в ЕЭК перейти к глухой обороне, среди которых называл США, Нидерланды, Бельгию, Испанию и ФРГ. Таким образом, к примеру, Велико-

²⁰³ Там же. Л. 121.

²⁰⁴ Там же. Л. 131.

²⁰⁵ АВП РФ. Ф. 46. Оп. 22. П. 175. Д. 21. Л. 62–65.

британия среди постоянных противников инициатив Москвы в ЕЭК ООН не числилась²⁰⁶.

Однако радикальных изменений в характере ЕЭК ООН в плане превращения этого органа в мотор общеевропейских объединительных процессов в начале 1960-х не произошло, а визит Велебита в Москву не привел к триумфу советской концепции общеевропейского пространства без торговых барьеров и дискриминации по идеологическому признаку.

3.5. Проект Советско-финляндского союза свободной торговли: утопия периода «мирного сосуществования» или упущенный шанс для экономики СССР?

Картина перспектив развития западных и восточных европейских экономических группировок в 1960 году была бы неполной без еще одного малоизвестного даже среди узких специалистов эпизода. Среди европейских капиталистических стран были две, имевшие «особые отношения» в послевоенный период с СССР — Финляндия и Австрия. Обе, несмотря на то что были сателлитами Германии во Второй мировой войне и в ходе войны были оккупированы советскими войсками, получили независимость и договоры о мире с Советским Союзом. В качестве гарантии своих интересов СССР добился закрепления за ними нейтрального статуса (они не были членами НАТО), соответственно на них не имели прямого действия запретительные списки КОКОМ. В торговых отношениях с ними был закреплен принцип наибольшего благоприятствования.

В результате Финляндия в большей степени, Австрия — в меньшей, служили своеобразным «окном в Европу» во время холодной войны, объем торговли с которыми превосходил многие крупные страны Запада. Как пишет ведущий специалист по

²⁰⁶ Там же. Л. 65.

советско-финским экономическим отношениям Т. В. Андросова, Финляндия стала «витриной, в которой были представлены возможности великой восточной державы как политического и экономического партнера, открытого для широких контактов и на восток, и на запад»²⁰⁷.

В ситуации образования в Европе двух замкнутых группировок, «шестерки» (ЕЭС) и «семерки» (ЕАСТ), возникла реальная угроза попадания этих стран в орбиту одного из этих капиталистических центров силы, что крайне беспокоило Москву. Австрия сразу заявила о вхождении в ЕАСТ, Финляндия колебалась перед выбором, склоняясь к некоему ассоциативному статусу с «семеркой», многие члены которой являлись ее соседями, с рынками которых была тесно связана экономика Хельсинки.

Оценивая перспективы ЕАСТ Научно-исследовательский конъюнктурный институт при МВТ СССР в справке об этом интеграционном проекте накануне его создания (еще в 1959 году) отмечал как главную угрозу от «малой зоны свободной торговли» потерю финского рынка для СССР²⁰⁸.

Учитывая особенности отношений с Хельсинки, советские лидеры, равно как и финские лидеры, вели секретные и доверительные консультации. Главной целью было найти форму гарантии для сохранения особых отношений и статуса наиболее благоприятствуемой нации для Москвы и, гарантировав нейтралитет Финляндии, выработать приемлемую для восточного соседа формулу взаимоотношений с европейской зоной свободной торговли (ЕАСТ).

Как можно заключить из документа, найденного в фонде ОМЭО, в ходе этих закулисных переговоров 1 июля 1960 года финская сторона передала строго секретно проект не много ни мало — Соглашения о союзе свободной торговли между Финляндской Республикой и СССР²⁰⁹.

207 Андросова Т. В. Советско-финляндские отношения на фоне холодной войны // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 6. М., 2007. С. 206.

208 РГАЭ РФ. Ф. 860. Оп. 2. Д. 298. Л. 12–13.

209 АВР РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 64. Л. 123–131.

«Настоящим соглашением учреждается союз свободной торговли между Финляндской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик. Территория союза охватывает те территории, которые подпадают под это соглашение»²¹⁰, — говорилось в первой статье этого проекта.

Провозглашались три основные цели союза:

А) содействие расширению «постоянной экономической деятельности на территории союза и в государствах-членах, полной занятости, увеличению производства и рациональному использованию ресурсов, финансово-экономической стабильности, а также постоянному улучшению жизненного уровня»;

Б) обеспечение для торговли государств-членов «предпосылок мирной конкуренции»;

В) действия «на благо гармоничного развития и расширения мировой торговли, а также постепенного устранения препятствий для нее»²¹¹.

Союз предусматривал постепенное снижение импортных пошлин между СССР и Финляндией до полной их отмены к 1 января 1970 года. Запрещалось вводить экспортные пошлины начиная с 1 января 1962 года. Предусматривались территориальные таможенные привилегии для товаров, отправляемых с территории одного государства-члена на территорию другого²¹².

Соглашение содержало пункт о возможных исключениях — «особых случаях», при которых разрешались протекционистские меры (защита общественной морали, общественные волнения, охрана авторских прав и т. д.). Отдельной статьей оговаривались вопросы безопасности, которые оставались суверенным правом каждой из участвующих сторон²¹³.

Основным руководящим органом Союза провозглашался Совет. Он возглавлялся председателем, который выбирал-

²¹⁰ Там же. Л. 123–124.

²¹¹ Там же. Л. 124.

²¹² Там же. Л. 124–125.

²¹³ Там же. Л. 128–129.

ся ежегодно из членов Совета (по 2 представителя от каждой страны и по одному заместителю). Этот орган выполнял задачи контроля за исполнением соглашения и принимал решения о внешних сношениях с другими государствами, союзами государств и международными организациями. Его решения и рекомендации должны были приниматься единогласно²¹⁴. В первой статье соглашения предусматривалось, что в будущем по решению Совета у Союза могли появиться дополнительные органы управления²¹⁵.

Союз провозглашался открытым для вступления любого государства по решению и на условиях, определяемых Советом учреждаемого советско-финляндского союза²¹⁶.

Таким образом, проект договора о Союзе представлял собой уникальное сочетание социалистических (полная занятость, общественная мораль и т. д.) и капиталистических (мирная конкуренция, авторские права и т. д.) ценностей.

Поражает то, что речь шла не просто о преференциальном соглашении с Москвой, а именно об образовании еще одного союза свободной торговли, только с участием капиталистической и социалистической стран. Хотя аналогии тут невозможны, но наиболее близко стоящий пример реального союза трех капстран — Бенилюкс. Причем «союз трех» не помешал ему стать «союзом внутри сообщества», частью ЕЭС. Впрочем, если посмотреть на то, что в итоге получилось у Финляндии с ЕАСТ в 1961 году, становится понятным, что нечто схожее Хельсинки предлагали Москве в 1960 году.

Переговоры о судьбе советско-финских торговых отношений велись весь 1960 год. СССР в нехарактерных для него мягких тонах настойчиво пытался: во-первых, не допустить попадания Финляндии в сети ЕАСТ, а во-вторых, максимально затянуть этот процесс, заставив Хельсинки найти наиболее приемлемую формулу «не-членства».

²¹⁴ Там же. Л. 130–131.

²¹⁵ Там же. Л. 124.

²¹⁶ Там же. Л. 131.

В памятной записке, переданной Н. С. Хрущевым президенту Финляндии У. К. Кекконену 3 сентября 1960 года, в частности, говорилось: «В Советском Союзе считали и продолжают считать, что Финляндия имеет все возможности с успехом отстаивать свою особую позицию и добиваться благоприятных для себя условий, тем более, что связи Финляндии с организацией ЕАСТ особенно нужны англичанам и «семерке в целом не только с точки зрения чисто экономических для них выгод, но и потому, что это придаст моральный авторитет организации».

Внимательно изучив соображения Президента Финляндской Республики о том, что вопрос о рынке «семерки» в настоящее время является для Финляндии центральным вопросом, советская сторона с пониманием отнеслась бы к тому, чтобы в этом вопросе было найдено правильное решение»²¹⁷.

Такое мягкое и доверительное «убеждение» с советской стороны принесло свои плоды. 8 октября 1960 года министр торговли и промышленности Финляндии Ахти Карьялайнен вручил ответную памятную записку послу СССР, в которой содержалось обещание сохранить финляндско-советское положение о принципе наибольшего благоприятствования, апеллируя к «положению соседней страны». Ожидалось благосклонное отношение к поданному таким образом соглашению со стороны ЕАСТ и ГАТТ, членом которой являлась Финляндия и одобрение которой также требовалось на заключение новых преференциальных соглашений²¹⁸.

В конце марта 1961 года Финляндия подписала соглашение об ассоциации с ЕАСТ. Согласно оценкам ОМЭО, оно привело к образованию новой зоны свободной торговли Финляндия–ЕАСТ, параллельно с существованием самой ЕАСТ. В этой дополнительно зоне Хельсинки получали те же права и обязанности, которые члены ЕАСТ имели по отношению друг к другу, формально не являясь членом «семерки». Прописывался график постепенного снижения пошлин во взаимной торговле примерно

²¹⁷ АВП РФ. Ф. 46. Оп. 22. П. 183. Д. 73. Л. 175.

²¹⁸ АВП РФ. Ф. 46. Оп. 24. П. 225. Д. 80. Л. 192–193.

аналогичный тому, что был установлен в конвенции об учреждении ЕАСТ, но с рядом исключений. После первого снижения пошлин 1 июля 1961 года на 30%, этот процесс синхронизировался с темпами снятия внутренних таможенных барьеров членами ЕАСТ²¹⁹.

Если сравнить эту зону свободной торговли с той зоной, что предполагало более далекое идущее соглашение о торговом союзе с СССР, то вполне вероятно, что Хельсинки хотели уравновесить неизбежную формализацию отношений с ЕАСТ аналогичным шагом в отношении Советского Союза.

Единственная работа в историографии, посвященная этому эпизоду — малоизвестная диссертация на финском языке Юкки Сеппинена «Решение Финляндии о вступлении в ЕАСТ в период между "ночными заморозками" и "ночным кризисом"»²²⁰. В ней на основе материалов референтуры по Финляндии АВП МИДа РФ и финских архивов воссоздается картина сложных переговоров периода 1959–1961 годов. Как подтверждает Сеппинен, целью финского предложения было закрепить принцип наибольшего благоприятствования в торговле с СССР на фоне переговоров Хельсинки с ЕАСТ, придав соглашению с Москвой форму торгового союза. В таком виде это обеспечивало беспрепятственное прохождение такого договора через ГАТТ, членом которого являлась Финляндия. Правила ГАТТ диктовали необходимость одобрения таких шагов со стороны руководящих структур этой многосторонней организации, что плохо понимала советская сторона.

Переговоры по этому предложению велись сперва в Хельсинки 15–21 сентября 1960 года, затем продолжились через месяц в Москве. Советская сторона добивалась тех же привилегий, что получали страны ЕАСТ в шедших параллельно переговорах с Финляндией. Затяжные переговоры завершились лишь в ходе

219 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 23. П. 204. Д. 86. Л. 136.

220 *Seppinen J.* Suomen Efta-ratkaisu yöpakkasten ja noottikriisin välissä. Väitöskirja, Helsingin yliopisto, Bibliotheca historica 21. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1997.

визита финского президента Кекконена в Москву. 24 ноября 1960 года было подписано Соглашение по таможенным вопросам между Финляндской Республикой и СССР.

Советская историография весьма лаконично комментировала итоги переговорного процесса, оставляя за скобками многочисленные секретные нюансы этого процесса. «В целях соблюдения принципа наибольшего благоприятствования в советско-финляндской торговле между СССР и Финляндией 24 ноября 1960 года было подписано соглашение по таможенным вопросам, распространившее на советско-финляндскую торговлю таможенный режим, действующий в торговле между Финляндией и ЕАСТ»²²¹, — писали в книге «Север и интеграция» Ю. В. Пискулов и Л. Д. Градобитова.

Однако, как утверждает Сеппинен, подписанное соглашение не было ни тем, что предлагали финны, ни тем, чего так добивалась советская сторона. Побоявшись проблем в ГАТТ, финны отказались включить в него любые указания на ЕАСТ. Самое главное, соглашение по таможенным вопросам не давало напрямую статус наиболее благоприятствуемой нации Советскому Союзу. Этот статус был закреплен в обмене секретными посланиями, державшимися в тайне как от финской общественности, так и от партнеров в ЕАСТ и ГАТТ²²².

К сожалению, нам неизвестны архивные документы с описанием детальной дискуссии и оценок советской стороны по финскому проекту Союза с СССР. Очевидно, что шанс создать уникальный торговый союз с перспективой сделать его центром притяжения для экономик Северной Европы и «мостом» в выстраивании отношений с ЕЭС и ЕАСТ, был безвозвратно упущен Москвой.

Спустя десять лет, в 1973 году, после перехода трех ведущих стран ЕАСТ во главе с Англией в «Общий рынок», Финляндия заключила аналогичное соглашение с ЕЭС, уравновесив его соглашением с СЭВ. Однако предложений о союзе больше не по-

²²¹ Пискулов Ю. В., Градобитова Л. Д. Север и интеграция. М., 1972. С. 182.

²²² *Seppinen J.* Op. Cit. P. 343–344.

следовало. Подобно нереализованным проектам торговых соглашений с США в 1947 году и с Великобританией в 1959 году, проект Соглашения о Союзе свободной торговли 1960 года был предан забвению и отправлен на секретное хранение.

3.6. СССР в поисках стратегического партнера на Дальнем Востоке.
Как СЭВ перестал быть европейской организацией

1960 год стал вехой не только для западного вектора интеграционных устремлений Москвы, но и для восточного вектора. В 1959 году происходит личная размолвка двух лидеров — Хрущева и Мао Цзэдуна, — но именно на 1960 год приходится публичная ссора между Москвой и Пекином, которая усиливается в течение 1960-х и достигает своего апогея в 1969 году в виде открытых боевых столкновений на острове Даманский.

В июне 1960 года, возмущенный неблагодарным и некорректным, на его взгляд, поведением китайских представителей на Генеральном совете Всемирной федерации профсоюзов в Пекине, которые публично поставили под сомнение правильность курса КПСС на «мирное сосуществование», Н. С. Хрущев под грифом «совершенно доверительно» готовит «Информационную записку»²²³. Она рассылается членам Президиума ЦК КПСС и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС для ознакомления и одобрения перед рассылкой всем Центральным Комитетам союзных коммунистических и рабочих партий.

Помимо прочего, в ней суммировались факты советской помощи КНР за десятилетний период с подписания Договора о дружбе в 1950 году и до 1960 года. Отмечалось, что с помощью СССР были построены заводы, производившие 35–50% всей продукции важнейших отраслей тяжелой промышленности КНР. В целом стоимость советских поставок за период 1950–

²²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 741. Л. 112–177.

1960-х годов «Информационная записка» оценивала в 15 млрд руб., а кредитов (под 1% годовых!) на сумму 6,6 млрд рублей²²⁴. По официальному обменному курсу 1950 года в 14 рублей за 1 доллар США это было равнозначно сумме в 1 млрд 71 млн долларов по поставкам и 471 млн долларов в виде льготного кредита. И эта цифра не включает помощь в период до 1950 и после 1960 годов, когда с меньшей интенсивностью и в меньших объемах, но помощь и льготы продолжали сохраняться. Для сравнения: по «плану Маршалла» официально странам Западной Европы с 1948 по 1952 год было выделено 12,5 млрд долларов (в историографии фигурируют и цифры в 13 или 14 млрд). Однако они предоставлялись большой группе стран: Австрии, Бельгии, Дании, Франции, Греции, Исландии, Ирландии, Италии, Люксембургу, Нидерландам, Норвегии, Португалии, Швеции, Швейцарии, Турции, Великобритании и Западной Германии. Из них Великобритания (3,4 млрд) и Франция (2,7 млрд) были наибольшими выгодоприобретателями от этой помощи. Но советская помощь КНР была вполне сопоставима с суммами, предоставленными по линии американской программы восстановления большинству средних стран Европы (например, Западная Германия получила 1,4 млрд долларов, Италия — 1,5 млрд, Греция — 796 млн). При этом, сравнивая американскую и советскую помощь, надо понимать, что в тот период для СССР, чья экономика самостоятельно восстанавливалась после Второй мировой войны, стоимость каждого рубля, выделяемого Китаю, была гораздо выше, чем стоимость каждого доллара американской помощи странам Западной Европы.

В результате советской помощи Китай за десятилетие превратился в индустриально развитое государство с мощной армией и флотом, что было невозможно достичь в столь короткие сроки без советской помощи и технологий. Не случайно, что при обсуждении к первоначальному варианту Записки было добавлено важное дополнение А. И. Микояна про неучтенные аспекты советской помощи: «Советский Союз передал Китаю самые

²²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 741. Л. 174–175.

последние достижения науки и техники и оказал большую помощь в развитии науки и в подготовке научно-технических кадров Китайской Народной Республики»²²⁵. Добавим, что в числе прочего Китаю бесплатно были переданы технологии создания ядерного оружия, к счастью, без средств доставки на тот момент.

Казалось бы, если США удалось в результате своего «плана Маршалла» создать интеграционные структуры в Западной Европе, почему СССР не довел до конца свой «план Маршалла» с Китаем и не получил выгод от огромных инвестиций на Дальнем Востоке?

Как показывают новые документы, такие попытки предпринимались. Учитывая оказываемую на протяжении 1950-х годов Китаю помощь и казавшиеся в тот момент тесные союзнические отношения с Пекином, еще в декабре 1957 года МИД СССР вышел в Президиум ЦК КПСС с идеей некоего общего дальневосточного экономического плана развития для треугольника стран СССР–КНР–Япония на волне успеха подписания торгового соглашения с Токио и, возможно, в качестве поиска противовеса закрывавшемуся западноевропейскому рынку (после подписания Римских соглашений). Последнее пока является лишь гипотезой, но смотрится вполне логично на фоне успехов советской дипломатии в нормализации отношений с Токио и резким ростом взаимной торговли с капиталистической Японией²²⁶.

Инициатива шифровалась под видом стандартного вопроса «О разработке совместно с китайскими друзьями программы мероприятий по усилению влияния стран социалистического лагеря на Японию»²²⁷. В сопроводительной записке от А. Громыко объяснялось, что в сентябре 1957 года аналогичный вопрос уже рассматривался ЦК, и тогда было решено начать мероприятия по культурной линии, а экономические аспекты рассмо-

225 Там же. Л. 180.

226 Липкин М. А. Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х – первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. М., 2015, №4 (46). С. 80–83.

227 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 308. Л. 47.

треть после окончания торговых переговоров с Японией²²⁸. Теперь же торговое соглашение с Токио было успешно подписано, и настало время экономических действий. Предлагалось для ослабления американского влияния на Японию предложить китайской стороне разработать некий совместный «советско-китайский перспективный план экономических мероприятий» в отношении Токио²²⁹. В записке утверждалось, что «есть основания полагать, что китайские друзья положительно отнесутся к предложению о совместных экономических мерах»²³⁰.

Деталей предложений в записке не раскрывалось, но чуть больше можно почерпнуть из текста проекта инструкций советскому послу в Пекине: «Вам поручается встретиться с Чжоу Энь-Лаем и от имени советского правительства высказать ему мнение о том, что нормализация советско-японских отношений, учреждение советского посольства в Токио, подписание в последнее время торгового договора открывают дополнительные возможности для усиления влияния социалистического лагеря на Японию... В частности, Вам следует в предположительном порядке высказать мнение, что в совместном советско-китайском плане можно было бы предусмотреть прежде всего мероприятия по расширению экономических связей с Японией на долгосрочной основе (включая вопросы торговли, рыболовства и другие), в чем особенно заинтересованы японские деловые круги»²³¹.

Однако на заседании Президиума инициатива Громыко не была поддержана. С формулировкой «Предложения МИД СССР по данному вопросу, как плохо подготовленные, рассмотрением отложить» решение принято не было и проект директив лег под сукно²³².

Довольно распространенной является точка зрения, что всему виной был субъективный фактор — импульсивная и непо-

228 Там же. Л. 48.

229 Там же.

230 Там же.

231 Там же. Л. 51–52.

232 Там же. Л. 47.

следовательная внешняя политика Хрущева — и личное неприятие его лидерских качеств со стороны Мао Цзэдуна. Последнее в значительной степени является правдой, а вот первое оспаривается в современных исследованиях на эту тему. Ю. М. Галенович из Института Дальнего Востока РАН в монографии «Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун» выносит эту проблему в центр своего исследования. В итоге он приходит к выводу, что «устойчивые представления о прошлом» советско-китайских отношений у значительного большинства населения двух стран сыграли едва ли не решающую роль в расколе между крупнейшими державами Евразии²³³. Кроме того, как покажет рассмотрение этой темы в последней главе, после смены руководства — прихода команды Брежнева — отношения с Китаем вовсе не улучшились, что является аргументом в пользу объективных, а не субъективных причин ссоры двух держав.

Н. С. Хрущев наивно полагал, что, сделав ряд уступок Мао, он разом разрешит все разногласия и восстановит тесные союзнические отношения с Пекином. Желая исправить ряд, как он полагал, субъективных ошибок Сталина, он пошел еще дальше него в отказе от советских прав на что бы то ни было в Китае. Демонстрируя подчеркнутое равноправие, он вывел советские войска из Порт-Артура, полностью снял вопрос о КВЖД, отказавшись от намеков на хозяйственные права СССР. Он передал китайской стороне все смешанные компании в Синьцзяне. Итогом стало вытеснение и притеснение значительной части русскоязычного населения этого района, исторически связанного с деятельностью КВЖД со стороны китайских властей. Весной 1962 года границу с СССР массово перешли 70 тыс. человек, в конце 1962–1963 годов еще 45 тыс. человек — советских и несоветских граждан — выходцев из России/СССР²³⁴.

Чтобы исправить впечатление от сталинских притеснений и переселений китайцев на Дальнем Востоке, Хрущев сам пред-

²³³ Галенович Ю. М. Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун. М., ИДВ РАН, 2012. С. 22.

²³⁴ Указ. Соч. С. 22–23.

ложил направить в СССР большое количество китайских контрактников для работы в Сибири. И 200 тысяч китайских рабочих прибыли в СССР. Когда стало очевидным, что это транслируется для китайской публики не как жест доброй воли, а слабости советской стороны, и вместо благодарности за их трудоустройство Пекин пытается «оккупировать Сибирь без войны», как писал позже в мемуарах Хрущев, СССР перешел от политики умиротворения к более жесткой линии как в международном коммунистическом движении, так и в двусторонних отношениях²³⁵.

Когда китайская сторона поставила в очередной раз вопрос о передаче ей Монголии и стала заявлять свои требования на огромные части территории СССР, Хрущев насторожился. Стала очевидна неадекватность китайских требований и нарастание целого комплекса геополитических и идеологических разногласий между СССР и КНР.

Усиление разногласий с Пекином совпало с другой ссорой: между Албанией и СССР. Причиной, по-видимому, послужили подозрения албанского лидера Энвера Ходжа в попытках Кремля сместить его со своего поста и заменить на более мягкую фигуру²³⁶. В результате СССР и ОВД потеряли военно-морскую базу во Влёры — единственную в Средиземноморье, с учетом неучастия в структурах восточного блока Югославии после ссоры Тито со Сталиным. В 1961 году Албания прекратила свое участие в заседаниях ОВД и СЭВ. СССР разорвал соглашение о предоставлении Тиране кредитов. Но что было самое неприятное для СССР: КНР стала разыгрывать албанскую карту и выступать в качестве ее адвоката в социалистическом лагере.

Хотя к моменту подписания книги в печать в архивах так и не удалось найти ключевых документов геополитического плана, обосновывающих прием Монголии в СЭВ, известный факт — в июне 1962 года СЭВ принимает изменения в свой

²³⁵ Указ. Соч. С. 29.

²³⁶ Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х — 1980 г.). М., 2013. С. 76–80.

Устав и из чисто европейской организации превращается в субрегиональную евразийскую, приобретя нового члена — Монголию.

Приобретение было чисто геополитическим: Москва поняла острую необходимость укрепить и показать свою решимость в отстаивании независимости Монголии перед лицом китайских притязаний. Никаких экономических плюсов Монголия СЭВ не приносила. Более того, если посмотреть на структуру «помощи» Москвы странам СЭВ — размеры льготных кредитов и поставок — то на протяжении 1960-х годов главной страной, получающей львиную долю советской помощи среди всех стран СЭВ, становится азиатская Монголия.

28 июня 1962 года Президиум ЦК рассмотрел вопрос о просьбе МНР оказать помощь в планировании развития народного хозяйства на период до 1980 года. Было решено при подготовке этих предложений «исходить из возможности тесной увязки развития народного хозяйства МНР с перспективными планами развития экономики СССР и других социалистических стран»²³⁷.

Вместе с тем, нельзя говорить о том, что сотрудничество СССР и Китая было сразу свернуто после разногласий 1960 года. По сути, шли два противоречивых процесса. С одной стороны, СССР продолжал выполнять свои обязательства и всячески избегал повода для упреков в неисполнении соглашений. К примеру, в июле 1962 год Президиум ЦК КПСС принимает решение в двухнедельный срок рассмотреть заявку КНР на поставки спецтехники и специмущества на 1962–1963 годы. Причем поручение компетентным органам давалось с формулировкой «имея в виду максимальное ее удовлетворение» и оформление поставок договорами с расчетом по действующему советско-китайскому Торговому соглашению²³⁸. С другой стороны, как показывают документы невоенного характера, нарастал комплекс противоречий в политико-идеологической областях, проявивший себя в полной мере во второй половине 1960-х годов.

237 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 69. Л. 4.

238 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 123. Л. 61.

3.7. СЭВ как «восточная модель»

европейской интеграции:

1959–1963 годы

в эпоху «мирного сосуществования»: середина 1950-х — середина 1960-х годов

До смерти Сталина СЭВ представлял собою некий скорее политический, нежели экономический проект, основанный на довольно аморфной системе двусторонних соглашений без единого устава, без необходимой международно-правовой базы развития и без долгосрочного планирования и координации экономической деятельности его участников.

Реорганизация СЭВ в сторону большей экономической заинтересованности стран-участниц началась только с 1954 года, приведя к существенному оживлению его деятельности. Начались работы по координации пятилетних планов стран-членов, под руководством Госплана СССР стали проводиться встречи руководящих работников планирующих органов участников СЭВ и т. д.²³⁹ Составление сводных балансов, определяющих возможности импорта и экспорта стран-участниц хотя и заканчивалось составлением рекомендаций, а не подлежавших обязательному исполнению указаний, безусловно, стали шагом вперед на пути к построению единого экономического пространства.

Развитие интеграционных процессов в Западной Европе и рост двусторонних экономических контактов с западноевропейцами стран-членов СЭВ стимулировали дискуссию в самом СЭВ о необходимости его дальнейшего реформирования как международной организации.

Так, в апреле 1957 года Правительство Польской Народной Республики передало для обсуждения в Совете «Записку по вопросам деятельности Совета Экономической Взаимопомощи и необходимого изменения методов и форм его работы», содержащую критику серьезных недостатков, существовавших в практике работы этой организации²⁴⁰. Среди таковых назывались распыление внимания Совета при координации наци-

239 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 57. Л. 67.

240 Там же. Л. 67–74.

ональных экономических планов на огромный круг второстепенных вопросов, недостаточное внимание к традиционным направлениям экспорта и импорта стран, слабая координация внешней торговли с капстранами, разноречивость в решении балансовых вопросов по разным видам продукции и т. д., вплоть до случаев несоблюдения формальных правил Положения о Совете, неработоспособности Совещаний заместителей представителей стран СЭВ и общей слабости единого аппарата СЭВ²⁴¹.

Для исправления этих тормозящих работу СЭВ недочетов польская сторона предлагала уточнить основные направления и принципы функционирования Совета. В частности, выражалось желание разграничить сферу компетенции СЭВ и круг задач, лежащих в исключительном ведении национальных органов каждой страны (размер импорта или экспорта, что определяется собственными потребностями государства). На первый взгляд, это выглядело как национальный эгоизм и желание снизить роль СЭВ. Однако детальное изучение говорит о том, что это скорее было предложение рационализировать его работу путем разграничения функций, которое освободило бы СЭВ от перегруженности второстепенными вопросами²⁴².

Об этом говорит вторая часть предложений — задача обязательной реорганизации Секретариата (по примеру международного секретариата ЕЭК ООН) и усиление постоянно действующего органа Совета — Совещания заместителей представителей стран в СЭВ, включая придание им функций наблюдения за работой Комиссий и, самое главное, — за исполнением решений и рекомендаций СЭВ²⁴³.

В том же духе критического анализа работы СЭВ и предложений по его развитию была составлена совместная докладная записка посла СССР в Румынии А. Елисеева и советника Посольства СССР в Румынии по экономическому сотрудничеству

241 Там же. Л. 68–70.

242 Там же.

243 Там же. Л. 72–74.

Г. Кипсара (август 1957 года)²⁴⁴. В ней разбирались причины пробуксовывания работы СЭВ, в частности, невыполнения большого числа рекомендаций VII сессии СЭВ по координации пятилетних планов. «По нашему мнению, пока решения СЭВ носят чисто рекомендательный характер, заинтересованные страны будут лишены возможности использовать их в своих планах развития народного хозяйства»²⁴⁵, — писали советские дипломаты в Румынии. Для придания обязательности их исполнению авторы записки предлагали предусмотреть передачу их исполнения директивным органам соответствующих стран при одновременном ограничении числа проблем, попадающих в круг ведения СЭВ.

Совпадение независимых выводов и предложений польской и советской записок позволяет говорить об объективности проводимых оценок. На докладной записке была наложена резолюция с поручением заведующему ОМЭО П. Чернышеву: «Вопросами СЭВ следует заняться серьезно. Прошу дать предложения»²⁴⁶.

О всплеске активности говорит и экспоненциальный рост отчетов, справок и записок в конце 1950-х годов в фонде Советского представительства в СЭВ в РГАЭ РФ. Итогом этих дискуссий стало принятие в 1959 году базовых международно-правовых документов СЭВ: Устава и Конвенции о правоспособности, привилегиях и иммунитетах²⁴⁷.

В продолжение начавшейся в 1957 году дискуссии, следует отметить, что помимо прочего, в статье XI Устава было закреплено положение, что «СЭВ может устанавливать и поддерживать отношения с экономическими организациями ООН и другими международными организациями. Характер и форма этих отношений определяются Советом по договоренности

244 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 25. П. 237. Д. 57. Л. 89–100.

245 Там же. Л. 99–100.

246 Там же. Л. 89.

247 РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 42. Л. 10; Секретариат СЭВ. Бюллетень экономической информации. Приложение №1. Конвенция о правоспособности, привилегиях и иммунитетах СЭВ. М., 1960. Л. 21.

с соответствующими международными организациями»²⁴⁸. Хотя в Конвенции и говорилось о том, что СЭВ является юридическим лицом и правомочен заключать соглашения, острая дискуссия о том, имеет или нет СЭВ право выступать от имени всех стран-членов, продолжалась на протяжении всех 1960–1970-х годов.

В воспоминаниях советского посла в Вашингтоне Анатолия Добрынина содержится упоминание о выдвигавшихся во второй половине 1960-х годов министром иностранных дел А. Громыко предложениях о превращении СЭВ в конфедерацию социалистических стран Европы²⁴⁹. Архивные документы ОМЭО МИДа СССР за более ранний период (начало 1960-х годов) подтверждают, что планы усиления централизующих функций органов СЭВ рождались в недрах именно МИДа СССР.

Год после принятия Устава СЭВ начался с активного обмена мнениями между его участниками по вопросу координации их перспективных планов развития основных отраслей народного хозяйства (до 1975 года) и вопроса об углублении международного разделения труда среди участников СЭВ.

В этой связи ОМЭО МИДа СССР подготовил несколько версий записки в ЦК КПСС об углублении разделения труда между социалистическими странами. В первом, февральском проекте, предложения строились вокруг трех основных «столпов»:

- 1) разработка декларации о наиболее целесообразных направлениях развития основных отраслей экономики каждой из стран;
- 2) построение единого рынка стран-членов СЭВ с переходом на многостороннюю форму торговли;
- 3) создание Объединенного научно-исследовательского экономического института стран СЭВ²⁵⁰.

Хотя вплоть до конца 1960-х годов никто и не думал говорить о «социалистической интеграции», по сути, стремление к созда-

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Добрынин Ю. Сугубо достоверно. М., 1996. С. 173.

²⁵⁰ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 284. Д. 66.

нию единого рынка и ряд других инициатив в этом направлении было ничем иным, как попыткой развивать СЭВ вглубь, по пути экономической интеграции, а не вширь, по политико-идеологическим соображениям.

Примечательно, что отвечавший за связи с европейскими соцстранами Пятый Европейский отдел МИДа поддержал эти предложения²⁵¹. Однако реакция Минфина и Госплана сводилась к признанию нецелесообразности создания Объединенного научно-исследовательского института. По другим пунктам суть ответов сводилась к словам «рассматривается», «изучается», «требуется длительного времени» и т. д., т. е. к стандартному чиновничьему «забалтыванию» и отсутствию желания принимать какие-либо конкретные действия²⁵².

На развитие предложений ОМЭО по этому вопросу повлияло обсуждение еще одной составляющей — вопроса о координации единой внешнеторговой линии стран СЭВ на рынках капстран, в том числе «Общего рынка».

В конце марта 1960 года МВТ СССР подготовило докладную записку для Комиссии Президиума Совета Министров СССР по внешнеэкономическим вопросам о практике координации советских внешнеторговых организаций с аналогичными организациями других социалистических стран при закупках и продажах на рынках капиталистических стран²⁵³. Записка была послана в ОМЭО для ознакомления.

Этот документ позволяет составить представление о степени эффективности координации совместных действий восточноевропейских стран в рамках Комиссии по внешней торговле СЭВ (созданной в 1956 году взамен Комиссии по координации торговли стран-участников СЭВ с капиталистическими странами при Бюро СЭВ). По оценкам МВТ, стоимость товаров, по которым осуществлялась координация внешней торговли организаций стран-членов СЭВ на рынках капстран составляла

²⁵¹ Там же. Л. 34.

²⁵² Там же. Л. 90, 91.

²⁵³ Там же. Л. 43–52.

около 50% всего их товарооборота с этими странами. В случае отдельных советских внешнеторговых объединений, эта цифра могла быть даже больше (В/О «Союзхимэкспорт» — стоимость координируемых товаров около 75% всего товарооборота с капитальными и т. д.). Однако из этой же цифры следует, что половина всего продаваемого соцстранами на Запад ни с кем не согласовывалась.

Точную оценку эффективности таких согласованных выступлений в отношении капиталистических стран МВТ давать затруднялось. Тем не менее о пользе таких действий говорит пример совместных выступлений на мировом рынке фрахтовых услуг. В 1957 году, как отмечалось в записке, по причине кризисного состояния мирового судоходства упали ставки за фрахт судов при перевозке грузов. С целью не допустить демпинга, судовладельцы ФРГ и Голландии в конце 1958 года ввели в действие так называемую «Европейскую фрахтовую шкалу», устанавливавшую низший предел ставок фрахта на перевоз лесного тоннажа, ниже которого ни один судовладелец не имел права заключать сделки на перевоз лесоматериалов. Учитывая, что лесоматериалы были одной из крупнейших статей экспорта соцстран, это существенно затрагивало их интересы. В/О «Совфрахт» с аналогичными организациями стран СЭВ выступили единым фронтом против этой шкалы, что привело к отмене ее действия в апреле 1959 года²⁵⁴.

Несмотря на отдельные примеры успешных совместных действий, само МВТ признавало большое число фактов нарушения принятых решений и установленных лимитов, что приводило к ситуациям внутренней конкуренции между разными странами СЭВ. Так, в 1958–1959 годах не поделили рынок и помешали друг другу установить выгодные цены В/О «Союзнефтеэкспорт» и румынская «Петрольэкспорт» при продаже нефтепродуктов в Грецию, Египет, Великобританию, Италию, Швейцарию. А восточногерманская компания «Нарунг» в начале 1959 года организовала реэкспорт полученной из СССР пшеницы по бросовым

²⁵⁴ Там же. Л. 51.

ценам — на 2–3 американских доллара за тонну ниже, чем В/О «Экспортхлеб»²⁵⁵.

Признавая эти факты, МВТ не предлагало ничего радикального для исправления сложившейся ситуации — общее пожелание усилить контроль за исполнением решений СЭВ и повысить внимание торгпредствам в каждой из стран СЭВ.

Как реакция на присланный МВТ документ, ОМЭО подготовил собственную записку с замечаниями²⁵⁶. От имени заместителя министра иностранных дел Н. Фирюбина она была отправлена 14 апреля 1960 года в Комиссию Совета министров СССР²⁵⁷.

В ней указывалось на взаимосвязь отсутствия глубокой специализации и кооперирования промышленного производства с неудовлетворительной координацией внешнеторговых операций. Кроме того, отмечалось, что «не имея единого расчетного центра (Банка социалистических стран), а также собственной базы цен, социалистические страны часто не могут договориться между собой о ценах на экспортируемые и импортируемые товары из капиталистических стран». По примеру капстран предлагалось создать собственный валютно-финансовый орган, который мог бы «согласовывать действия банков социалистических стран по отношению к банкам и банковским монополиям капиталистического мира». Это признавалось необходимым условием эффективных согласованных действий стран СЭВ на капиталистических рынках²⁵⁸.

Забегая вперед, можно привести анекдотичный пример из секретной и потому крайне откровенной беседы «без галстуков» представителя ГДР, выступающего в тексте как «У» (очевидно, В. Ульбрихт) и некоего представителя СССР, выступающего как «Л» (с большой долей вероятности М. Лесечко) в апреле 1963 года. Беседа касалась целого комплекса проблем, в том числе большого вопроса ценообразования в соцлагере.

²⁵⁵ Там же. Л. 52.

²⁵⁶ Там же. Л. 57–58.

²⁵⁷ Там же. Л. 69–70.

²⁵⁸ Там же.

«У» затронул вопрос о цене на изготовленное по советскому заказу Восточной Германией судно типа «Тропик». Согласно его рассказу, на переговорах советские специалисты заявили, что хотят установить цену на судно по цене аналогичного корабля, построенного для СССР в ФРГ. Но уклонились от того, чтобы назвать точную сумму. В результате восточногерманской разведке пришлось узнавать цену, выставленную ФРГ для СССР²⁵⁹. «У» ставил вопрос ребром: все-таки, взаимные расчеты будут определяться на основе западных цен или по размерам фактической себестоимости судна?²⁶⁰ «Л» тогда уклонился от точного ответа.

Предложения ОМЭО МИДа СССР 1960 года получили развитие в наиболее подробном и доработанном проекте письма в ЦК КПСС «Об улучшении разделения труда между социалистическими странами с целью усиления темпов экономического развития и взаимозависимости»²⁶¹.

Во-первых, уже из самого названия видно, что советские дипломаты начали использовать термин «взаимозависимость» применительно к СЭВ, который до того успешно использовался капиталистическими странами как синоним «интеграции» применительно к единству Запада.

Во-вторых, это первое документальное подтверждение попытки выдвинуть программу реформ СЭВ с целью развития восточной модели интеграции, причем с прямыми аналогиями и заимствованиями из практики ЕОУС!

В выдвинутом ОМЭО проекте предлагалось созвать в Москве совещание Председателей Советов министров стран-членов СЭВ с целью принять программу из 10 пунктов.

1. Принять в члены СЭВ все социалистические страны. Очевидно, в первую очередь имелась в виду Югославия, хотя, судя по развитию СЭВ в 1960-е годы, он стал принимать действительно все соцстраны, независимо от их географического расположения.

259 РГАЭ РФ. Ф. 4372сч. Оп. 81с. Д. 380. Л. 131–132.

260 Там же.

261 Там же. Л. 97–104.

2. Принять декларацию с определением профиля развития каждой из стран (внутренняя международная специализация труда).

3. Создать единую по отношению к внешнему капиталистическому миру систему монополии внешней торговли всех стран социалистического лагеря. В качестве первого шага — создание специальной координационной группы по вопросам внешней торговли с капстранами (явная попытка ввести социалистический аналог единой внешней торговой политики и единого внешнего тарифа ЕЭС).

4. Введение в странах соцлагеря единой валюты (условная расчетная единица); организация банка международных расчетов соцстран с правом контроля и экономических санкций за недобросовестное выполнение взаимных поставок; введение системы многостороннего клиринга для взаиморасчетов соцстран.

5. Превращение СЭВ из совещательного органа «в рабочий орган оперативного руководства и организации экономического сотрудничества социалистических стран». Постоянно действующий орган — Совещание заместителей принимает решения, вырабатывает рекомендации или дает заключения. Причем впервые отмечалось, что следует установить, что решения Совещания заместителей являются обязательными для исполнения участниками СЭВ. Для этого следовало сделать то, что называлось в Западной Европе «гармонизацией законодательства» — заставить страны-члены принять национальные законы «об обязательности исполнения решений Совещания заместителей СЭВ» [выделено мною. — М. Л.].

6. Учреждение координирующего органа — Совета Министров СЭВ «(подобно функционирующему с 1952 года в странах "Малой Европы") с целью согласования работы СЭВ и экономической политики правительств каждой из социалистических стран» [выделено мною. — М. Л.]. По сути, это означало частичное копирование модели «плана Шумана» — наднациональный Верховный орган (Совещание заместителей) и межгосударственный Совет министров, как в ЕОУС.

7. Организация группы перспективного планирования экономики соцстран.

8. Создание Объединенного научно-исследовательского экономического института стран социалгера для разработки теории социалистического разделения труда и т. д.

9. Установление прямых контактов между научно-исследовательскими институтами СЭВ с целью избежать параллелизма в области НИОКР.

10. Издание открытого журнала — печатного органа СЭВ (что явно было предпосылкой создания надгосударственной идентичности СЭВ)²⁶².

Для детальной проработки этих вопросов ОМЭО предлагал ЦК КПСС создать межведомственную комиссию из представителей Госплана, МИДа, МВТ, Академии наук, Минфина и других ведомств для доработки этих предложений и представления доклада в ЦК.

В деталях судьба этого проекта неизвестна. О реакции на него можно судить только по ответу Государственного комитета Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям, датированному 6 июля 1960 года. Суть его сводилась к «забалтыванию» и признанию «преждевременности» предложений, например, об организации международного банка СЭВ. Идея объединенного института отвергалась. Самое главное — созыв Межведомственной Комиссии для развития этих предложений — был признан нецелесообразным²⁶³.

Тем не менее, хотя проект реформирования СЭВ был временно отвергнут, 25 ноября 1960 года состоялось заседание Комиссии Президиума Совета Министров СССР по внешнеэкономическим вопросам, рассмотревшим связанный с реформаторскими предложениями ОМЭО вопрос «об изучении торговой политики ЕЭС и ЕАСТ». Согласно выписке из протокола заседания, было принято решение поручить МВТ, МИДу, ГКЭС, Минфину, Советскому представительству в СЭВ, ИМЭМО АН СССР «подго-

²⁶² Там же. Л. 103–104.

²⁶³ Там же. Л. 129–131.

товить и в месячный срок доложить соображения по вопросам торговой политики ЕЭС и ЕАСТ и их тенденции к объединению, а также о роли ГАТТ, последствиях и влияниях позиции указанных организаций на экспорт и импорт социалистических стран и о необходимых координированных мерах социалистических стран в этих вопросах»²⁶⁴.

Как следует из служебной записки от 21 декабря 1960 года, глава ОМЭО МИДа СССР направил Н. Фирюбину в ответ на запрос Совета Министров документ «О нашей позиции и необходимости координации действий социалистических стран в отношении "Общего рынка" и ЕАСТ», а также проект Постановления ЦК КПСС «О возможном присоединении СССР к Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ)»²⁶⁵.

К сожалению, в деле отсутствует текст собственно Постановления ЦК КПСС, хотя исходя из его названия, можно утверждать, что в декабре 1960 года ОМЭО Министерства иностранных дел СССР впервые поставил вопрос о возможности членства СССР в ГАТТ! В случае одобрения этого проекта у Советского Союза был бы шанс начать переговоры о вступлении в ГАТТ (с 1995 года — ВТО) на 35 лет раньше, чем это начала Российская Федерация.

Имеющийся текст записки «О нашей позиции в отношении общего рынка малой зоны свободной торговли и необходимости координации действий социалистических стран в этом вопросе» говорит о том, что многие предложения ОМЭО по реформированию СЭВ перекочевали в этот документ и появились вновь уже по частному вопросу координации внешнеторговой линии СЭВ.

В записке отмечалось возрастающее влияние двух западноевропейских экономических группировок на экономику Западной Европы и необходимость ответных мер. В качестве таковых назывались укрепление мировой экономической системы социализма, разделение труда в СЭВ, усиление коор-

264 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 65. Л. 33.

265 Там же. Л. 52.

динации действий на капиталистических рынках. Для этого повторялась мысль о целесообразности превращения СЭВ из совещательного органа в орган «оперативного руководства», т. е. повышение обязательности его решений и перестройка его рабочих органов²⁶⁶.

Помимо реформирования СЭВ изнутри, предлагалось укрепить международный статус СЭВ. Впервые делалось предложение об усилении его международных контактов. «Учитывая, что представители стран-участниц ЕЭС и ЕАСТ неоднократно и на различных уровнях заявляли о том, что создание этих группировок не преследует цель и не ведет к сокращению торговли между этими группировками и третьими странами, и в частности, торговли с Советским Союзом, было бы политически правильным предложить начать переговоры между Советским Союзом и представителями этих группировок в целом на предмет заключения соглашения, которое предусматривало бы развитие экономического, торгового сотрудничества между Советским Союзом и этими группировками, в частности, по увеличению товарооборота на ближайшие годы на недискриминационной основе»²⁶⁷. В случае согласия на переговорах, предлагалось прозондировать почву на предмет назначения представителей СССР в Брюсселе (ЕЭС) и Берне (ЕАСТ). При этом отмечалась необходимость разъяснительной работы в печати, чтобы показать, что, несмотря на такие шаги, СССР продолжает отстаивать идею экономического сотрудничества на общеевропейской основе.

Таким образом, хотя судьба радикальной реформы СЭВ в форме проекта ОМЭО была отвергнута, отдельные ее части просачивались наверх в виде записок по другим вопросам. Представляется возможным связать проект записки в ЦК «Об улучшении разделения труда между социалистическими странами с целью усиления темпов экономического развития и взаимозависимости» с дальнейшими попытками реформирования

²⁶⁶ Там же. Л. 59.

²⁶⁷ Там же.

СЭВ, предпринятыми в 1962–1963 годах, и с упоминаниями, содержащимися в воспоминаниях сына Н. С. Хрущева — С. Н. Хрущева в его книге «Никита Хрущев. Реформатор»²⁶⁸.

В ней без указания точной даты этого события, в разделе про СЭВ, описывается примечательный эпизод: встреча Хрущева на даче в Крыму с руководителями восточноевропейских соцстран. Если верить автору, там Хрущев предложил подумать о реформировании СЭВ по примеру ЕОУС. Учитывая, что подобные аналогии использовались в проекте письма в ЦК ОМЭО МИДа СССР, представляется, что они имели своих приверженцев не только в среде МИДа, но и на самом вершху политического олимпа.

Об этом же говорится в исследовании О. Н. Широкова, специалиста по экономической истории СЭВ из Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова²⁶⁹. Он связывает эти настроения советского руководства с некоторым «головокружением от успехов» в развитии СЭВ, особенно после завершения строительства Центрального управления объединенной энергетической системы в 1962 году (Центрального диспетчерского пункта единой энергосистемы стран содружества в Праге)²⁷⁰.

История попыток Москвы скопировать западноевропейскую модель и перенести на СЭВ известна лишь в общих чертах²⁷¹. В июне 1962 года должно было состояться Московское совещание первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов СЭВ, формально созданное по инициативе ЦК Польской объединенной рабочей партии. Как

²⁶⁸ Хрущев С. Никита Хрущев. Реформатор. М., 2010. С. 668–669.

²⁶⁹ Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современные оценка и проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М., 2005. С. 49–51.

²⁷⁰ Там же. С. 50.

²⁷¹ Там же. С. 51–54. Более подробно с акцентом на румынское восприятие этого шага см.: Гладышева А. С. Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х — середина 1960-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Выпуск 11 (44) [Электронный ресурс URL: <http://history.jes.su/s207987840001341-4-1> Дата обращения: 22.12.2015]

показывают новые архивные документы, в рамках подготовки к нему в первых числах июня 1962 года Президиум ЦК КПСС рассмотрел совершенно секретный документ — текст «Решения Совещания представителей коммунистических и рабочих партий и правительств стран-членов СЭВ по вопросу дальнейшего расширения координации народнохозяйственных планов, капитального строительства, новой техники и экономического сотрудничества между странами-членами СЭВ», который должен был быть внесен от имени делегации ПНР.

Во-первых, как показывает анализ документа и накал последовавших страстей вокруг его обсуждения и интерпретации членами СЭВ, это был советский вариант интеграции, только без употребления этого слова. Во-вторых, удивительна была форма его принятия. Как следовало из постановления ЦК, по согласованию с польской стороной и от имени польской делегации планировалось после Совещания представителей коммунистических и рабочих партий и правительств стран-членов СЭВ делегациями стран-членов СЭВ принять постановление XVI внеочередной сессии СЭВ по реализации решения Совещания (предложение по этому вопросу и проект постановления сессии, разработанный и прилагавшийся к решению Президиума ЦК КПСС должны были быть внесены польской делегацией)²⁷².

Не случайно удивляет дипломатичная правка изначальной версии документа А. И. Микояна, который вычеркнул пару «оговорок по Фрейду»: «считать настоящее Совещание XVI сессией СЭВ» (вычеркнуто из текста); заменил фразу «организовать в порядке эксперимента» на «организовать в порядке опыта» заключение ряда отраслевых соглашений по сотрудничеству между предприятиями заинтересованных стран-членов СЭВ²⁷³. Это означает, что по форме СССР не созывал изначальную специальную сессию СЭВ с целью рассмотрения программы серьезного углубления «сотрудничества», а по сути — интеграции, а планировал вместе с ПНР принять

272 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 101. Л. 119.

273 Там же. Л. 173, 174.

в рамках партийно-правительственного мероприятия ключевой документ, прописывавший в числе прочих «экспериментов» изменение устава СЭВ, придав совещанию статус чрезвычайной сессии.

Даже без разбора сути весьма рациональных и важных предложений, форма «навязывания» интеграции «сверху» не могла не вызвать протеста ряда членов СЭВ. Странно, что на это не обращают внимания исследователи и странно, что это не просчитало советское руководство, увлекшись деталями документа и перспективами его реализации, упустив из виду всю дипломатическую часть подготовки такого важного шага. Резкое противодействие, в первую очередь Румынии, было буквально запрограммировано такими действиями Кремля.

Что на деле предлагал документ?

В нем декларировался «новый этап развития мировой социалистической системы», которую олицетворяло СЭВ²⁷⁴. Он характеризовался, с одной стороны, необходимостью развития НТР посредством международного разделения труда и специализации стран-участниц, с другой — новым планированием на долгосрочную перспективу до 1980 года. При этом отмечалось, что одним из императивов программы преобразований стал вызов со стороны ЕЭС: «Империалистические государства и капиталистические монополии ищут все новые формы и методы, чтобы затруднить развитие социалистических стран. Это проявляется, в частности, в политике дискриминации, проводимой Европейским Экономическим Сообществом по отношению к социалистическим странам. Это обстоятельство требует также расширения и углубления экономического сотрудничества социалистических стран и проведения более скоординированной экономической политики по отношению к капиталистическому миру»²⁷⁵. Координированных действий ждали от СЭВ и новые независимые страны третьего мира — прописывалась задача расширять и координи-

274 Там же. Л. 121.

275 Там же. Л. 123.

нирывать экономические связи с бывшими колониями капиталистических стран, ищущих поддержки у мировой системы социализма²⁷⁶.

Наиболее геэкономически выверенным и цельным выглядит абсолютно интеграционный пассаж про общность целей дальнейшего объединения европейских социалистических стран: «Признать необходимым обратить особое внимание на укрепление взаимных экономических связей между европейскими странами народной демократии. Европейские страны народной демократии и, прежде всего, непосредственно граничащие друг с другом, тесно связанные коммуникационными линиями, энергетической сетью, близостью источников сырья, центрами их переработки и сбыта, обладают особо благоприятными условиями, чтобы совместно решать ряд экономических проблем. Эти страны могут путем тесного объединения своих экономических усилий создать более благоприятные условия для эффективного развития их экономики»²⁷⁷.

План действий предусматривал учреждение центрального органа — Исполнительного комитета СЭВ, наделенного правом «руководства всей совокупностью работ», в том числе координации планов, разработкой направлений, контролем за выполнением обязательств и общим руководством через секретариат СЭВ. Учреждались новые комиссии: Постоянная (в первоначальном варианте, поправленном Микояном — «Главная»²⁷⁸) комиссия по вопросам координации хозяйственных планов (Москва), Комиссия по вопросам статистики (Москва) и т. д. Из всех новых комиссий лишь одна — по стандартизации — определялась с местом пребывания в Праге²⁷⁹. Перекос в сторону столицы СССР был вполне очевиден.

6–7 июня 1962 года, как и планировалось, в Москве прошло совещание первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов СЭВ. Сразу же по-

276 Там же.

277 Там же. Л. 126.

278 Там же. Л. 174.

279 Там же. Л. 131–132.

сле него состоялась XVI внеочередная сессия СЭВ. О важности этой сессии говорит тот факт, что советскую делегацию возглавил лично Н. С. Хрущев, в состав делегации вошли все первые лица СССР: Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, В. Н. Новиков, А. Ф. Засядько, Ю. В. Андропов, К. Н. Руднев, М. А. Лесечко, А. А. Громыко, Н. С. Патоличев и др.²⁸⁰ На ней был рассмотрен основной вопрос «О дальнейшем развитии и совершенствовании организации экономического сотрудничества стран-членов Совета». В итоговом документе советской стороне удалось прописать, что «координация перспективных (на 5–20 лет) планов, а также рассмотрение основных вопросов, связанных с ходом выполнения этих планов должна быть основным методом деятельности СЭВ»²⁸¹. Но попытки выполнить поставленные на сессии сроки согласования планов всех стран на «генеральную перспективу» до 1980 года сперва к концу 1962 года, потом в течение 1963 года потерпели провал.

Во-первых, страны СЭВ тихо сопротивлялись попыткам введения тотального планирования их народных хозяйств. Как показывает в своем анализе позиции Бухареста А. С. Гладышева, румынская политическая элита не просто противилась реформаторским идеям Москвы, но и сознательно торпедировала любые попытки найти компромиссные варианты²⁸². В секретном внутреннем докладе Госплана СССР «Об итогах двусторонних консультаций с плановыми органами стран-участниц СЭВ, проведенных в 1960–1962 годах по вопросам основных направлений развития народного хозяйства этих стран и их экономических связей с Советским Союзом в период по 1980 год», отмечалось: «представленные большинством стран материалы не давали возможности должным образом проанализировать главные народнохозяйственные показатели и пропорции, закладываемые в проектах перспективных планов этих стран, которые, как отмечалось на Московском Совещании, должны

280 РГАЭ. Ф. 4372с. Оп. 81с. Д. 381. Л. 224.

281 Там же.

282 Гладышева А. С. Указ. Соч.

разрабатываться во взаимной увязке и с учетом общих интересов социалистического лагеря (темпы и структуры народного хозяйства в целом и промышленности в частности, показатели создания и распределения национального дохода и т. д.)»²⁸³.

Во-вторых, что удивительно, этому сопротивлялись и в самом СССР. Проявилась оппозиция со стороны Госэкономсовета, которому было поручено руководить всеми частями советских комиссий в СЭВ и исполнять решения московской сессии. Как можно понять из документов, его руководство, не идя на открытый конфликт, явно намекало на нереалистичность многостороннего планирования в указанные сроки, хотя бы до получения цифр внутреннего планирования развития страны на ту же перспективу²⁸⁴. Не исключено, что это послужило одной из причин его скорой ликвидации.

В июле 1963 года на Совещании представителей стран-членов СЭВ обсуждался доклад Исполкома СЭВ о работе по осуществлению решений июньского Совещания 1962 года. На нем Н. С. Хрущев выступил с чуть более смягченным, но по сути тем же предложением о «создании координационного органа при СЭВ, который "обеспечил бы возможность каждой стране составлять свои национальные планы с учетом широкого экономического сотрудничества" и который стал бы "подсобным", а не надправительственным, опирающимся на материалы национальных госплановых органов»²⁸⁵. Но инициатива не была поддержана и даже всерьез обсуждена участниками совещания. Последней точкой в попытках быстрой интеграции «сверху»

²⁸³ РГАЭ. Ф. 4372с. Оп. 81с. Д. 381. Л. 136.

²⁸⁴ Как отмечалось в «Справке о проведении работы по координации перспективных планов развития народного хозяйства стран СЭВ» Госплана СССР, «бывший Госэкономсовет считал, что обсуждение на высшем уровне вопросов, связанных с координацией развития экономики социалистических европейских стран с генеральной перспективой развития народного хозяйства СССР на 20-летний период целесообразно провести после рассмотрения ЦК КПСС итогов двусторонних консультаций бывшего Госэкономсовета СССР с плановыми органами европейских стран социализма»: Там же. Л. 222.

²⁸⁵ *Гладышева А. С.* Указ. Соч.

путем жесткой специализации стал скандал вокруг так называемого «плана Валева» — научной статьи преподавателя МГУ Э. Б. Валева «Проблемы экономического развития придунайских районов Румынии, Болгарии и СССР», опубликованной в 1964 году в «Вестнике Московского университета». Румыния приняла его за официальную точку зрения Кремля. Ее реакция была похожа на реакцию британских фермеров в отношении «общей сельскохозяйственной политики» ЕЭС: резко негативная. А. С. Гладышева оспаривает традиционное представление о том, что статья была зондажем со стороны советского партийного руководства, но как бы то ни было, румыны и болгары увидели в ней покушение на свой суверенитет и попытку закрепления неравноправного положения «аграрного придатка» СЭВ²⁸⁶.

Одним из главных достижений Московского совещания 1962 года стало принятие программно-документального «Основные принципы международного социалистического разделения труда». В коммюнике по итогам встречи его участники выразили стремление к дальнейшему развитию внешней торговли с капиталистическими странами. В рамках советской внешнеэкономической линии, они внесли предложение о созыве международной конференции по проблемам торговли, которая обсудила бы вопрос о создании международной торговой организации.

Московское совещание 1962 года дало импульс развитию более глубокой специализации (стандартизация изделий, типизация деталей и машинных узлов и т. д.) и разделению труда. Как известно, это необходимые предпосылки для образования единого рынка. Помимо этого, в публикации известных тезисов ИМЭМО АН СССР «Об империалистической "интеграции" в Западной Европе» (явно приуроченных по времени к визиту в Москву и. о. генерального секретаря ООН У Тана), в статье Н. С. Хрущева «Насущные вопросы развития мировой социалистической системы» и в последовавшей дискуссии, проведенной ИМЭМО АН СССР и журналом «Проблемы мира и социализма»,

²⁸⁶ Там же.

впервые прозвучал тезис о том, что «мы учитываем объективные тенденции к интернационализации производства, которые действуют в капиталистическом мире, и в соответствии с этим строим свою политику и свои мероприятия. В этой связи встает вопрос о возможности экономического сотрудничества и мирного экономического соревнования не только между отдельными государствами с различным общественным строем, но и между их экономическими объединениями. Мы видим опасность, таящуюся в стремлении империалистических кругов использовать выгоды западноевропейской интеграции в целях образования замкнутых межгосударственных экономических группировок, имеющих агрессивный характер. Такая политика Запада воздвигает барьеры на пути развития мировой торговли и экономического сотрудничества между экономическими союзами двух систем»²⁸⁷. Таким образом, внимательному читателю предлагалось впервые взглянуть на перспективу взаимовыгодного сотрудничества СЭВ с ЕЭС (а возможно, и альтернативно-го варианта в виде ЕАСТ) при условии явных уступок и, самое главное, отказа от введения единого внешнего тарифа «Общим рынком».

В 1963 году в ходе подготовки к визиту в СССР лидера оппозиционной лейбористской партии Великобритании Г. Вильсона, ему был подготовлен анализ европейской политики Советского Союза, в том числе раздел по международной экономической политике СССР. Его автор — коллега Вильсона по лейбористской партии и специалист по России Кони Зиллиакус уделял особое внимание ситуации в СЭВ после Московского совещания 1962 года.

²⁸⁷ Об империалистической «интеграции» в Западной Европе («Общий рынок») // Правда, 26 августа 1962; *Хрущев Н. С.* Насущные вопросы развития мировой социалистической системы // Проблемы мира и социализма. Прага, 1962. № 9, С. 6. Следует отметить, что этот издававшийся в Праге журнал, чье издание было организовано КПСС и рядом других восточноевропейских компартий, был оплотом коммунистического вольнодумства и часто становился рупором для наиболее свежих и прогрессивных идей в коммунистическом лагере.

С его слов, в момент появления статьи Хрущева в «Проблемах мира и социализма», сам Зиллиакус был в Болгарии и имел возможность опросить участников Московского совещания. Его болгарские собеседники подтвердили догадки, что причиной новых тенденций в развитии СЭВ были темпы роста ЕЭС и в особенности переговоры о расширении «Общего рынка» (грозившие вступлением Британии, Ирландии, Дании и Норвегии). Комментируя приведенные выше высказывания Хрущева, болгарские собеседники указали на то, что они знаменовали собою стремление СЭВ поощрять соглашения между группами стран для координации регионального международного планирования и объединения информационных систем с СЭВ или группой стран СЭВ, подобно тем идеям, которые предлагались лейбористами в рамках Британского Содружества²⁸⁸.

Завесу тайны приоткрывает запись беседы теневого министра иностранных дел лейбористов Патрика Гордон-Уокера с Председателем Совета министров Румынии Георге Маурером в 1964 году, хранящаяся в библиотеке Бодлеан в Оксфорде. Она показывает, что замыслы Хрущева активно обсуждались в рамках СЭВ и столкнулись с оппозицией ряда восточноевропейских стран.

Текст беседы подтверждает гипотезу о том, что в кругах интеллектуальной элиты ряда членов СЭВ (в первую очередь — СССР и Польши) стали развиваться идеи о необходимости надделения СЭВ наднациональными полномочиями. Появились высказывания о том, что СЭВ станет гораздо более эффективной структурой в случае перехода от сотрудничества к экономической интеграции, что следует учредить орган центрального планирования, который обладал бы правом принимать обязательные решения большинством голосов (в отличие от первоначального Устава СЭВ 1959 года, устанавливавшего принцип единогласия и право вето каждого участника)²⁸⁹.

Румыния заявила о неприемлемости для себя таких изменений. Аргументация была проста — это грозит потерей су-

288 Bodleyan library. MS. Wilson. C. 957.

289 Bodleyan library. Ms. Wilson. C. 943.

веренитета, превращением соцстран в провинции, где вся власть будет принадлежать технократам. С точки зрения Бухареста такое развитие угрожало основополагающему принципу межгосударственного сотрудничества стран-членов СЭВ. Как поведал Гордону-Уокеру Маурер, румынское руководство написало специальное послание Хрущеву и даже встретилось с ним лично, чтобы донести свою позицию. Хрущев, хотя и показал свою симпатию к идее координирующего органа, согласился с принципом единогласия в СЭВ. Он пообещал учесть мнение румынской стороны и попросил не придавать огласке факт разногласий. Однако затем вновь в научных и политических публикациях советских лидеров поднялась волна критики принципа национального суверенитета. В ответ на партийном пленуме в апреле 1964 года румынское руководство публично заявило о своих разногласиях с Москвой²⁹⁰.

Как объясняет О. Н. Широков, «основные принципы» вызвали переполох среди менее развитых стран СЭВ (Румынии, Болгарии). Их правительства испугались, что основные выгоды от международного социалистического разделения труда и межотраслевой кооперации извлекут более развитые в промышленном отношении страны (ГДР, Чехословакия, Польша). Экономическая взаимозависимость и создание на внеочередной XVI сессии СЭВ Исполнительного комитета означали движение в сторону наднациональных принципов работы СЭВ, что, по мнению О. Н. Широкова, наталкивалось на рост национального самосознания в странах СЭВ²⁹¹. В феврале 1963 года в Кремле состоялось совещание по вопросам работы советских представителей в СЭВ. На нем группой советских чиновников во главе с Постоянным представителем в СЭВ М. А. Лесечко было выдвинуто предложение о политической реформе СЭВ. В частности, было предложено приступить к координации планов развития советской экономики с аналогичными планами восточноевропейских партнеров через Госплан Совета Министров СССР

290 Ibid.

291 Широков О. Н. Указ. Соч. С. 52–53.

с учетом сложившейся структуры специализации между странами-участницами.

По сути, восточная версия интеграции, пытаясь заимствовать ряд наднациональных элементов западноевропейской интеграции, конечно отличалась от последней. Во-первых, если брать проекты ОМЭО МИДа СССР, то речь шла скорее об элементах ценового сговора в духе единого картеля по типу ОПЕК, который был призван выступать от имени мировой системы социализма в капиталистическом мире, нежели о единой конкурентной среде с общим внешним таможенным тарифом и возможностями использования рыночных преимуществ экономики масштаба, которую демонстрировали в разных вариантах ЕЭС и ЕАСТ. В конечном варианте попытка реформы СЭВ, как показывают новые материалы РГАНИ, предусматривала и вовсе трансформацию Совета в некий восточноевропейский надгосударственный супергосплан с жесткой регламентацией ролей каждой из стран-членов и явным политико-экономическим доминированием во вновь создаваемых структурах Москвы, что было неприемлемо и невыгодно для ряда участников СЭВ.

Эта линия в речах лидеров и действиях советских представителей в СЭВ выявила резко отрицательную позицию Венгрии и Румынии, вплоть до «Декларации Румынского Центрального Комитета», о чем говорит и приведенный выше отрывок из беседы Гордон-Уокера с Маурером.

Саботаж реформ со стороны ряда членов СЭВ и опасения раскола этой организации (особенно на фоне выхода Албании в 1961 году) заставили Хрущева отложить на время реализацию своих революционных инициатив в Совете. Было принято компромиссное решение в виде создания Бюро Комитета по сотрудничеству в области плановой деятельности, функции которого ограничивались консультативной ролью в координации планов развития стран-членов СЭВ. «Попытки внедрения системы наднационального управления СЭВ оказались провальными»²⁹², — констатирует в своем исследовании О. Н. Широков.

²⁹² Там же. С. 54.

Следует добавить, что в полной мере идеи равноправного диалога между экономическими союзами Востока и Запада вошли в арсенал советской дипломатии в эпоху Л. И. Брежнева наряду с принятием программы «социалистической экономической интеграции» стран СЭВ в 1971 году²⁹³.

3.8. Европейская ассоциация свободной торговли в политике Москвы

Уже в «соображениях» Комитета информации 1957 года высказывалась мысль о большей приемлемости тогда еще планировавшейся зоны свободной торговли по сравнению с «Общим рынком». В дальнейшем отношение к ЕАСТ стало предметом дискуссии между «прагматическими» и «догматическими» экспертными кругами в СССР.

В справке «К вопросу об экономических группировках в Западной Европе», подготовленной ОМЭО на имя Громыко и Кузнецова в январе 1960 года делались предложения: «считаем нецелесообразным в настоящих условиях предпринимать какие-либо акции в отношении стран-участниц Европейской ассоциации свободной торговли. Наше невмешательство в этом вопросе будет содействовать тому, что в Западной Европе сохранятся два враждующих блока, что не может не отразиться на политическом единстве стран НАТО. [...] Выступление со стороны Советского Союза против Ассоциации свободной торговли как по межгосударственной линии, так и в печати в современной обстановке объективно было бы выгодно Соединенным Штатам, которые смогут воспользоваться этим и оказать давление на "семерку" с целью уступок в пользу "Общего рынка" и Соединенных Штатов»²⁹⁴.

²⁹³ Липкин М. А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е – первая половина 1970-х годов). По новым материалам российских и зарубежных архивов // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 59–60.

²⁹⁴ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 64. Л. 30–31.

Оценки МИДа, учитывавшие важные нюансы, делавшие для СССР более приемлемым существование ЕАСТ (в отличие от ЕЭС) не совпадали с линией МВТ СССР. Аналитические материалы этого экономического ведомства в рассматриваемый период не отличались новизной своих оценок. Например, они рекомендовали ставить в один ряд ЕЭС и ЕАСТ при критике негативных последствий от замкнутых экономических группировок в Европе на сессии ЭКАДВ ООН, что было довольно близоруко, как будто ликвидация противоречий между ними была бы выгодна СССР²⁹⁵.

В специальной справке МВТ «Об отношении СССР к ЕАСТ» давался долгосрочный пессимистический прогноз развития торговых отношений со странами «семерки». В ней отмечалось, что в 1959 году товарооборот СССР с этими странами составлял 2,2 млрд руб. (21% всего товарооборота с капиталистическими странами или 36% товарооборота со странами Западной Европы). По оценкам МВТ Конвенция о создании ЕАСТ затрагивала 30% советского экспорта. «Предоставление странами ЕАСТ друг другу таможенных и прочих льгот, с перспективой постепенной полной отмены таможен пошлин и количественных ограничений импорта к 1 января 1970 года, ставит ввоз товаров из СССР в страны этого блока в дискриминационное положение», — акцентировал внимание документ МВТ²⁹⁶.

В отличие от этого в справке ОМЭО 1961 года «К вопросу о создании экономических группировок в Западной Европе» давалась гораздо более спокойная и дифференцированная оценка ЕАСТ. По мнению экспертов МИД, несмотря на «некоторый ущерб», «для большинства товаров нашего экспорта условия конкуренции внутри «малой зоны» не ухудшатся, поскольку уже сейчас большая часть товаров номенклатуры советского экспорта ввозится в эти страны из других стран беспошлинно»²⁹⁷. Немаловажным фактом было и то, что в отличие от ЕЭС страны

295 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8771. Л. 165.

296 Там же. Л. 175.

297 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 23. П. 204. Д. 86. Л. 144.

ЕАСТ сохраняли самостоятельность во внешней торговле и не вводили единого внешнеторгового тарифа, что положительно отличало Ассоциацию от «Общего рынка»²⁹⁸.

СССР попытался получить те же льготы, которые предоставляли друг другу страны-члены ЕАСТ. В январе и мае 1960 года советское правительство вручило всем членам «семерки» (кроме Португалии) памятные записки. В них содержалось требование в соответствии с имевшимися положениями торговых договоров о принципе наибольшего благоприятствования, распространить на Советский Союз все льготы и преимущества, которые эти страны собирались предоставить друг другу. Естественно, что СССР как не участвующей в Ассоциации стране, было отказано в подобной просьбе.

В ответ СССР проявил поразительную настойчивость и направил повторные ноты, в которых отмечалось, что участие Англии, Швеции, Дании, Норвегии, Австрии и Швейцарии в ЕАСТ не должно вести к нарушению действующих торговых договоров и соглашений и что, следовательно, льготы, предоставляемые этими странами в отношении импорта товаров из других стран независимо от того, состоят они членами ЕАСТ или нет, должны быть распространены на товары, которые являются или будут являться предметами торговли СССР с этими странами²⁹⁹.

Различия в догматическом подходе МВТ СССР и прагматическом МИДа СССР наиболее явно обозначились применительно к попытке МВТ инициировать третью ноту по этому поводу. Об этом говорит документ «Замечания ОМЭО в связи с запиской МВТ СССР о европейской ассоциации свободной торговли», составленный в сентябре 1960 года³⁰⁰.

В нем отмечалось, что Отдел международных экономических организаций МИДа СССР считает нецелесообразным направление по предложению МВТ уже в третий раз подряд памятных записок странам ЕАСТ с повторяющимся содержанием. Под-

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8771. Л. 177.

³⁰⁰ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 65. Л. 1–3.

черкивалось, что предыдущие записки готовились без участия ОМЭО и содержали нелогичные требования, равнозначные самоликвидации ЕАСТ. Дипломаты отмечали, что после второй записки представители «семерки» выражали недоумение в отношении позиции СССР, который странным образом не выступал с аналогичными требованиями в отношении ЕЭС, хотя именно «Общий рынок» угрожает советским внешнеторговым интересам больше, чем кто-либо другой.

«Необходимо учесть также, — отмечалось в «Замечаниях», — что ЕАСТ под руководством Англии создается в качестве противовеса "Общему рынку". Англия с помощью других стран стремится оказать давление на страны "Общего рынка", защитить свои интересы в Британском Содружестве и не уступать руководящей роли в Западной Европе ФРГ. Объективное существование двух враждующих блоков в Западной Европе выгодно Советскому Союзу, поскольку это не может не оказать влияния на подрыв так называемой "атлантической солидарности"»³⁰¹. По сути, ОМЭО предлагал негласно поддержать позицию Лондона, и если не отказаться вовсе, то отложить этот вопрос для совместного рассмотрения с МИДом СССР.

Такое внимание Москвы к ЕАСТ (при полном игнорировании на тот момент ЕЭС) вызвало некоторую ревность со стороны еврочиновников в Брюсселе. Как писал директор по вопросам внешних сношений Комиссии ЕЭС: «СССР принимает охранительную меру на будущее, подчеркивая свое положение третьего заинтересованного лица. Относительно ЕЭС СССР никогда не занимал такой позиции и ограничивался только тем, что сурово критиковал его создание. Возможно, СССР стремится занять более выгодное положение по отношению к ЕАСТ, чем к ЕЭС для того, чтобы возможно начать переговоры или, например, участвовать в какой-нибудь контактной группе, созданной ЕАСТ и направленной на урегулирование проблем с третьими заинтересованными сторонами»³⁰². Та-

³⁰¹ Там же. Л. 1.

³⁰² НАЕУ. ВАС 56/1980-205 Fol. 0106.

кое объяснение было бы вполне логично в случае поддержки Москвой зоны свободной торговли с Финляндией, однако, как было показано выше, этого не произошло.

Чиновники МИДа СССР полагали, что усиление конкуренции между ЕАСТ, ЕЭС и США будет стимулировать их интерес к выходу на рынки социалистических стран. Согласно их несколько наивному, но искреннему видению интегрированной Европы эпохи разрядки, «страны Западной и Восточной Европы никогда не являлись и не являются торговыми конкурентами, а наоборот, международное разделение труда в Европе диктует необходимость развития широкого экономического сотрудничества между восточноевропейскими и западноевропейскими странами с использованием всех его естественных выгод»³⁰³.

Таким образом, получается, что СССР и европейские страны виделись советскими дипломатами как часть общеевропейской картины международной специализации и разделения труда с активным вовлечением западноевропейских стран и в условиях сосуществования различных экономических группировок, с которыми СССР на словах боролся, но на деле наслаждался выгодами посеянной между ними конкуренции.

Очевидно, в рамках такого видения в декабре 1960 года ОМЭО МИДа СССР предлагал в развитие конструктивных шагов на встречу участию в разработке устава ОЭСР установить в рамках ЕЭК контакты между сложившимися экономическими интеграционными группировками — ЕЭС, ЕАСТ, ОЭСР и СЭВ. Такой шаг в восприятии советских планировщиков мог быть сделан параллельно с общей линией СССР на развитие общеевропейского экономического сотрудничества³⁰⁴. По сути, это означало бы курс на объединение Европы путем признания и сближения существующих многосторонних актеров, а не путем игнорирования неудобных субъектов экономических отношений в Европе.

Такой подход был созвучен видению желательного для СССР панъевропейского сотрудничества в рамках «большой Евро-

303 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 23. П. 204. Д. 86. Л. 144.

304 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 23. П. 204. Д. 86. Л. 60.

пы» — конструкции, предлагавшейся Н. С. Хрущевым в конфиденциальном послании президенту де Голлю в сентябре 1960 года. В переданном через советского посла письме советский лидер предлагал создать панъевропейскую организацию с участием восточноевропейских стран, СССР и западноевропейских стран. Это позволило бы преодолеть раскол Европы на два военных и экономических блока. В задачи такого органа входило бы решение общих для всех народов Европы проблем развития торговли, культурных отношений, научно-технического комплекса, борьба с эпидемиями и катастрофами. В дальнейшем советский лидер предвидел возможность превращения такой организации в крупный представительный и исполнительный орган с включением в его компетенцию и политических вопросов, касающихся безопасности континента³⁰⁵.

Как отмечает в своих мемуарах В. Ерофеев, Хрущев страным образом практически проигнорировал предлагавшуюся ему советским посольством выигрышную и обсуждавшуюся на уровне посла С. А. Виноградова с де Голлем тему «Европы от Атлантики до Урала». Во время своего государственного визита во Францию в марте 1960 года Н. С. Хрущев дискутировал преимущественно германский вопрос и проблему разоружения³⁰⁶. Общеευропейские предложения Хрущева в конце 1960 года происходили уже после фиаско Парижского саммита в мае 1960 года и на фоне нового Берлинского кризиса (советская операция по возведению стены между Западным и Восточным Берлином началась в августе 1960 года). Более того, по воспоминаниям Ю. Дубинина, когда де Голль употребил это крылатое выражение в ходе своего визита в ФРГ в сентябре 1962 года, оно было воспринято Хрущевым как прямая угроза целостности СССР (хотя французы вкладывали в него совсем иной смысл)³⁰⁷.

305 *Rey, M.-P.* Op. Cit. P. 287.

306 *Ерофеев В.* Указ. Соч. С. 428.

307 *Дубинин Ю. О «Европе от Атлантики до Урала» // Россия в глобальной политике, 2007. №5. С. 155–160.*

Благоприятная для СССР ситуация, когда Москва могла играть на противоречиях между конкурирующими интеграционными объединениями Западной Европы и выдвигать общеевропейские проекты для примирения участвующих сторон стала резко меняться уже в 1961 году.

3.9. Первая попытка расширения ЕЭС и «новая фаза в развитии "Общего рынка"»: 1961–1964 годы

В 1961 году перспектива сохранения раскола между двумя западноевропейскими экономическими группировками и игры на противоречиях между ними вдруг сменилась на угрозу реального поглощения «Общим рынком» зоны свободной торговли. Нарушителем спокойствия стал британский премьер-министр Г. Макмиллан, принявший решение начать переговоры о вступлении в ЕЭС. Примеру крупнейшей экономики ЕАСТ последовали Дания, Ирландия и Норвегия.

О степени обеспокоенности советского правительства говорит уже приводившееся решение Комиссии Президиума Совета Министров СССР по внешнеэкономическим вопросам, 25 ноября 1960 года рассмотревшей вопрос «об изучении торговой политики ЕЭС и ЕАСТ» и поручившей срочно представить компетентным ведомствам материалы о тенденции к их объединению и степени влияния на торговые интересы соцстран³⁰⁸.

Оценивая потери от введения единого внешнего тарифа ЕЭС, равно как интеграционных мероприятий в странах ЕАСТ (не вводивших единого внешнего тарифа), специалисты ОМЭО отмечали незначительный ущерб для советской торговли в 1962 году — примерно 0,5% от всего годового экспорта в эти страны. Это в значительной степени объяснялось тем, что в структуре советского экспорта львиную долю занимали сырьевые и продовольственные товары, в получении которых

308 АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 65. Л. 33.

были заинтересованы западноевропейцы и на которые импортные пошлины либо не вводились вообще, либо были минимальными³⁰⁹.

Тем не менее в качестве ответной меры по защите торгово-политических интересов, с 1 октября 1961 года в Советском Союзе был введен новый таможенный тариф. Он предусматривал минимальные ставки на ввозимые товары для социалистических стран и тех капстран, которые применяли к советским товарам режим наиболее благоприятствуемой нации. Под максимальные ставки попали однозначно все товары из США как страны, открыто дискриминировавшей советские товары, а также, неожиданным образом, Новой Зеландии, которая отказалась предоставить СССР режим наиболее благоприятствуемой нации³¹⁰.

В отношении товаров из стран-членов ЕЭС и ЕАСТ было принято мудрое решение временно применять минимальные ставки нового тарифа, используя это в качестве меры давления, нежели возмездия. В переговорах 1961 года с Норвегией, отказавшейся распространить на СССР льготы для членов ЕАСТ, был применен избирательный подход в отношении каждого вида товаров. Та же избирательная линия была принята в отношении Австрии. В 1962 году тот же избирательный метод к отдельным товарам при общем применении минимального тарифа с советской стороны был использован в переговорах со Швецией и Францией³¹¹.

Введя этот новый таможенный тариф, СССР явно рассчитывал отказаться от него в обмен на соответствующие уступки со стороны ЕЭС и ЕАСТ. Хотя требование распространить на него льготные условия, применявшиеся для членов этих группировок при том, что он не являлся и не собирался становиться их членом, выглядели утопически, предложение на XVII сессии ЕЭК в апреле–мае 1962 года подписать соглаше-

309 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 24. П. 225. Д. 80. Л. 87.

310 Там же. Л. 93.

311 Там же. Л. 93–94.

ние о взаимном снижении таможенных тарифов между всеми европейскими странами имело резон³¹². По сути, оно было аналогично взаимному снижению тарифов, произведенному в рамках «Кеннеди раунда» ГАТТ (идея которых была озвучена президентом США Дж. Кеннеди как раз в январе 1962 года). Однако западные делегации не поддержали очередную общеевропейскую инициативу СССР.

Отклонение советских общеевропейских инициатив, создание ОЭСР без участия Москвы, начало переговоров о вступлении Британии в ЕЭС — все это привело к обострению советского отношения к европейским интеграционным группировкам, в первую очередь ЕЭС.

Бросается в глаза резкий контраст между спокойными и уверенными оценками экономических группировок в Западной Европе в начале 1960 года и алармистскими записками конца 1961–1962 годов.

Так, в конце января 1960 года ОМЭО в справке, подготовленной отделом на имя Громыко и Кузнецова «К вопросу о создании экономических группировок в Западной Европе» предлагал продолжать тактическую линию СССР в ЕЭК, ЭКОСОС и ГА ООН, «состоящую в том, чтобы вопрос о создании замкнутых экономических группировок в Западной Европе не превращать в острый политический спор и исходить из того, что между этими группировками существуют серьезные противоречия, использование которых, в частности, путем проведения соответствующей внешнеторговой политики в отношении отдельных стран, входящих в эти группировки, является нашей главной задачей и отвечает внешнеполитическим интересам Советского Союза»³¹³.

Однако именно на острую политизацию этого вопроса коренным образом меняется подход СССР к ЕЭС и ЕАСТ в конце 1961–1962 годов. 21 декабря 1961 года советское представительство при европейском отделении ООН направило заме-

³¹² Там же. Л. 94–95.

³¹³ АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 64. Л. 30.

стителю министра Фирюбину и в МИД УССР и БССР краткую справку «Об объединении западноевропейских замкнутых экономических группировок». В ней аргументировалась неизбежность этого процесса, несмотря на все имеющиеся противоречия. Главным катализатором отмечалось решение правительства Великобритании в середине 1961 года преодолеть затруднения на пути в «Общий рынок», что полностью меняло расстановку сил в Западной Европе. Предлагалось выступить с заявлением СССР, осуждающим объединение ЕЭС и ЕАСТ как монополистический союз империалистических стран-членов НАТО и как контрмеру поднять на щит идею мировой торговой организации, свободной для вступления всех стран мира — советской альтернативы ГАТТ³¹⁴.

В представленной 25 июня 1962 года заместителю министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецову справке ОМЭО о торгово-политических мероприятиях, проведенных в рамках «Общего рынка», ЕАСТ и ОЭСР, прямо констатировалось: «в развитии ЕЭС наступает новый этап. В повестке дня стоит вопрос о значительном расширении числа участников ЕЭС как за счет стран НАТО, так и за счет нейтральных стран Западной Европы. Достигнуто соглашение о присоединении к "Общему рынку" Греции, ведут переговоры о присоединении к "Общему рынку" Турция, Ирландия и Испания»³¹⁵. К этой картине следует добавить упоминаемые в той же справке: изъявившую желание получить членство вслед за Великобританией Данию, размышлявшую об этом Норвегию и озвучившие стремление к ассоциации с ЕЭС Австрию, Швецию и Швейцарию³¹⁶.

Конечно, с ретроспективной точки зрения мы знаем о том, насколько малореальны были в тот момент шансы на вступление Греции, Испании и особенно Турции (которой не удастся вступить в ЕС и пятьдесят лет спустя). Даже Великобритании стать членом ЕЭС удалось вместе с Ирландией и Данией лишь

314 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 24. П. 225. Д. 80. Л. 1-10.

315 Там же. Л. 87.

316 Там же.

в 1973 году, с третьей попытки. Однако, судя по этой справке, в советском восприятии победное шествие «Общего рынка» по Европе в 1962 году было кошмарной реальностью, побудившей активизировать контрпропаганду на всех фронтах.

За месяц до составления справки ОМЭО — 23 мая 1962 года — вышел номер газеты «Правда» с большим разворотом на пятой странице под общим заголовком «Общий рынок — орудие монополий». Помимо исторической справки и цитат из программы КПСС он содержал подробный анализ современной ситуации в виде статьи члена-корреспондента РАН, директора ИМЭМО АН СССР А. Арзуманяна «Новая фаза европейской интеграции»³¹⁷.

Основные составляющие заявленного в статье нового этапа можно условно выделить в три группы:

1) развал «семерки» стран ЕАСТ вследствие попытки Великобритании, Ирландии, Дании и Норвегии перейти в лагерь ЕЭС;

2) попытки «интегрировать» бывшие африканские колонии стран ЕЭС, придав им ассоциативный статус;

3) попытки США выйти из тени и сгладить противоречия между «семеркой» и «шестеркой» благодаря выдвинутой Джоном Кеннеди идее образования некоего атлантического экономического сообщества, что в оценке Арзуманяна «придает империалистической "интеграции" новые масштабы и новые черты»³¹⁸.

Эти три принципиально новых момента, из которых последнему в статье придавалось едва ли не решающее значение (как факту, оправдывающему оценки ЕЭС, как троянского коня США в Европе), привели к возрождению резко негативных оценок западноевропейской интеграции.

«Империалистические маневры, связанные с проектами преобразования Европейского экономического сообщества в атлантическое, имеют своей главной целью попытку укрепить хозяйственный фундамент агрессивной военной машины им-

³¹⁷ Арзуманян А. Новая фаза европейской интеграции // Правда. 23 мая 1962 г. С. 5.

³¹⁸ Там же.

периализма, приковав к ней возможно большее число стран Европы, Африки и Азии. Стало быть, империалистическая "интеграция" выступает как орудие агрессивной политики "холодной войны", усиления международной напряженности, расхищения производительных сил на гонку вооружений»³¹⁹, — такая убийственная оценка в духе холодной войны давалась в центральной газете СССР.

Статья шла дальше констатации этих тревожных тенденций. Она подчеркивала существование оппозиционных сил, в авангарде которых стояли коммунистические и рабочие партии Европы, рядовые социалисты, левые католики, часть западногерманских социал-демократов, левые лейбористы и даже «некоторые консерваторы в Англии». В противовес реакционным процессам «интеграции» заявлялось о формировании международного антимонополистического фронта и, по сути, озвучивался призыв к трудящимся всего мира подняться на борьбу со «сговором империалистической реакции за спиной народов»³²⁰.

Следует отметить, что идея некоего атлантического экономического сообщества (прообраза трансатлантической зоны свободной торговли) выдвигалась различными кругами США и Великобритании по разным политическим и экономическим причинам. В Британии ее поддерживала часть консерваторов и лейбористов, видевших в ней возможность сохранить свободу рук, а главное — связи с Содружеством и избежать наднациональных последствий членства в ЕЭС. Однако эта перспектива скорее номинально числилась в списке британских альтернатив, нежели воспринималась как внешнеполитический приоритет кабинета Г. Вильсона³²¹.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

³²¹ Липкин М. А. Указ. Соч. С. 109–111. Об американском видении «Атлантического сообщества» см.: Войтоловский Ф. Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 187–191.

В 1956 году США пытались создать некую экономическую структуру при НАТО, что встретило сопротивление и Франции, и Британии, не желавших пускать Вашингтон на рынки своих заморских территорий³²². В декабре 1959 года на совещании в Париже Эйзенхауэра, де Голля, Макмиллана и Аденауэра под нажимом американцев и с целью сгладить противоречия между «шестеркой» и «семеркой» было сделано заявление о решении создать «атлантический экономический совет». Как отмечалось в справке ОМЭО, принципиальное одобрение тогда этого нового органа диктовалось чисто политическими соображениями и желанием замаскировать внутренние экономические противоречия³²³. По сути, парижская инициатива вылилась в создание ОЭСР, хотя идея атлантического единства возникала на протяжении 1960-х в моменты обострения отношений между ЕАСТ и ЕЭС.

Думается, акцент на атлантической стороне «новой фазы» развития ЕЭС был скорее выигрышным агитационным ходом со стороны СССР, нежели серьезным опасением трансформации западноевропейской интеграции в атлантическую. А вот активная роль ЕЭС в совершенно неевропейских районах Африки и Азии и впрямь вызвала ревнивую реакцию Москвы.

В мае 1962 года чиновники ЕЭС и западные дипломаты отметили для себя начало яростной кампании против «Общего рынка» в Советском Союзе, в первую очередь в виде серии воинственных публикаций и всплеска критики политики Брюсселя, чего не было, к примеру, в 1960–1961 годах³²⁴.

В секретном документе ЕЭС «Основная советская критика в отношении Общего рынка и возражения» поведение СССР объяснялось в первую очередь политическими, а не экономическими мотивами. Во-первых, резким контрастом между

³²² Архив ИМЭМО. Ф. 1978. Оп. 2. Т. 2. 1957 г. Справка «Экономическая сторона деятельности НАТО». Халоша Б. М. в ОМЭО МИД СССР. 30.03.1957. С. 101–102.

³²³ АВР РФ. Ф. 46. Оп. 23. П. 204. Д. 86. Л. 129.

³²⁴ АМАЕ. DE-CE-1961–1966. Coopération Économique. 1399. Ambassade de France. Le Conseiller Économique & Commercial. Note L'U.R.S.S. et le Marché Commun. Moscou, le 5 juin 1962.

экономическими и социальными успехами интегрировавшихся экономик стран ЕЭС и растущими внутриэкономическими проблемами СССР (прежде всего в сельском хозяйстве и производстве товаров народного потребления). Кроме того, брюссельские чиновники связывали это с соперничеством, развернувшимся между СССР и «Общим рынком» в вопросах «помощи» странам третьего мира — внезапным осознанием в Москве того факта, что ЕЭС представляет собой соперника в экономической битве за сердца стран Африки и Ближнего Востока³²⁵. Причем руководители ЕЭС считали СССР задирой, который не способен в силу своей внутренней слабости и огромных средств, которые он тратил на ВПК, составить серьезную конкуренцию «шестерке» в вопросах помощи развивающимся странам. Пребывая в эйфории от собственных успехов, Брюссель считал, что любые односторонние действия Москвы в отношении ЕЭС нанесут больше вреда самому СССР, чем «Общему рынку». Тем не менее Комиссия ЕЭС скрупулезно разрабатывала ответы по каждому пункту советской критики³²⁶.

Центральным звеном в советской кампании стала публикация полного текста речи Н. С. Хрущева на действии, получившем название «Митинг дружбы между народами Советского Союза и Республики Мали», который состоялся 30 мая 1962 года в Москве³²⁷. Он стал частью глобальной битвы за сердца молодых африканских стран между социалистическим и капиталистическим лагерями.

В пламенной речи руководителя СССР прозвучал весь набор негативных характеристик «Общего рынка». Особый упор был сделан на критике попыток Брюсселя под видом «помощи» и предпочтений замаскировать цементирование прежней, «урод-

³²⁵ АВП РФ. Ф. 46. Оп. 23. П. 204. Д. 86. Л. 140.

³²⁶ АМАЕ. DE-CE-1961-1966. Coopération Économique. 1399. Communauté Économique Européenne. Commission. Principales critiques Soviétiques à l'égard du Marché Commun et réponses. Document de travail. Secret. Bruxelles, le 3 août 1962. Fol. 25-27.

³²⁷ Пусть крепнет советско-малийская дружба. Речь тов. Н. С. Хрущева. Правда. 31 мая 1962 г. С. 1-2.

ливой», зависимой аграрной структуры экономики африканских стран, служащих колониальными придатками европейских экономик. «Одна из основных целей "Общего рынка" состоит в том, чтобы привязать ряд освободившихся стран к экономике империалистических государств, сохранить их в кабале. Эта цель, конечно, прикрывается пышными фразами о "помощи" народам отсталых стран, о выгодах беспошлинной продажи их продукции на "Общем рынке" и т. п.», — заявил Хрущев³²⁸.

В качестве «противоядия» он рекламировал введение рядом стран государственной монополии внешней торговли, развитие национальной промышленности и создание собственных региональных торгово-экономических объединений, противостоящих ЕЭС. Африканским странам обещались долгосрочные торговые соглашения с СССР. На таком социалистическом пути развития Хрущев обещал поддержку всех стран социалистического лагеря.

Квинтэссенцией речи Хрущева стала агитационная подготовка к созыву международной конференции ООН по проблемам торговли, которая призвана была принять решение о создании «международной торговой организации, охватывающей все районы и страны мира, без какой-либо дискриминации» — курс, означавший продолжение давнего стремления СССР создать собственную альтернативу ГАТТ, а не вступать и менять эту организацию изнутри (как в случае попытки вступить в ОЭСР).

Казалось бы, глобальная торговая организация — аналог ГАТТ (будущая ЮНКТАД) — по сути своей должна была быть универсальной организацией, охватывающей все регионы, а не только субрегион (Западную Европу) или Европу целиком.

Однако, как следует из многочисленных документов, посвященных советской политике в отношении ЕЭС, в советских планах именно ЮНКТАД должна была стать инструментом борьбы с замкнутыми экономическими группировками в Западной Европе. Это объяснялось и замаскированной глобальностью интересов самого ЕЭС, и комплексным видени-

³²⁸ Там же.

ем «Общего рынка» как части глобальной холодной войны со стороны СССР, и реальным столкновением Москвы и Брюсселя в третьем мире, обозначившимся с наибольшей очевидностью в 1962–1964 годах.

Впервые публично связь между продвигаемой СССР идеей всемирной торговой организации и проблемой западноевропейской интеграции была озвучена на ноябрьском съезде профсоюзов в Польше в ноябре 1962 года. Там устами итальянского делегата Витторио Фао была отвергнута как идея реформирования ЕЭС, так и возвращения к протекционизму. Был озвучен призыв к поиску новой платформы, на базе которой общности капиталистов противопоставлялась бы общность профсоюзов. Говоря прямо, он озвучил идею, негласно присутствовавшую в действиях Москвы: противопоставить эгоистической региональной политике ЕЭС глобальное экономическое сотрудничество³²⁹.

Это подтверждает всплеск числа аналитических справок о влиянии «Общего рынка» на Африку и ближневосточные страны, направлявшиеся в МИД и в ЦК КПСС различными институтами, главным образом ИМЭМО АН СССР, советскими посольствами и, собственно, экспертами ОМЭО МИДа СССР.

Время всплеска новой волны критики в отношении ЕЭС также вполне укладывается в хронологию событий, связанных с успешным завершением второго раунда переговоров между ЕЭС и африканскими странами, обретшими независимость в 1960 году (первый прошел в конце 1961 года в Париже, второй — в апреле 1962 года в Страсбурге). По итогам переговоров 20 июля 1963 года было подписано знаменитое Яундское соглашение об ассоциации с «Общим рынком» 18 стран Африки³³⁰. Суть его сводилась к тому, что новые страны Африки, бывшие европейские колонии, обязались в течение 4 лет отменить все

329 AMAE. Europe. URSS 1961–1965. 1917. Télégramme à l'arrivée N1370-71. Affaires Étrangères. Varsovie le 30 Novembre 1962. Charpentier.

330 Общераспространенное название соглашений связано с местом их подписания — столицей Камеруна г. Яунде.

ограничения на ввоз товаров из «Общего рынка». Взамен они, подпадая под действие общего внешнего тарифа ЕЭС (включая сельскохозяйственную продукцию), получали некоторые льготы в виде минимальной ставки на тропические продукты и т. п. Также им открывался доступ к финансированию различных целевых программ (инфраструктура и пр.) из специально созданного ЕЭС Фонда развития³³¹.

Как раз после завершения переговоров в Страсбурге и до подписания основного соглашения СССР начал массированную атаку на ЕЭС. Вплоть до того, что агитационные материалы против «Общего рынка» направлялись, к примеру, в Эфиопию императору Хайле Селассие I³³². И растиражированные на африканском континенте через эфиопскую печать заставляли Брюссель оправдываться в серии ответных публикаций.

Более того, проблема «Общего рынка» и совместных действий против него появляется в переписке Н. С. Хрущева с президентом Ганы Квамой Нкрумой. Судя по тексту послания, одобренного Президиумом 30 мая 1962 года, тема была поднята президентом молодой африканской страны в связи с опасениями потери экономических связей с бывшей метрополией после ожидавшегося вступления Великобритании в западноевропейский «Общий рынок»³³³. В послании давалась советская оценка западноевропейской интеграции как военно-экономической базы НАТО и проводника неоколониализма в Африке. СССР заявлял о готовности помочь в разработке антикризисных мероприятий в случае потери для Ганы английского рынка. Но что особенно интересно, СССР заявлял о поддержке региональной интеграции в Африке на базе объединения молодых стран против интеграционного блока «Старой Европы». Н. С. Хрущев писал: «В этой связи, по наше-

331 Никуличев С. Ю. Отношения Объединенной Европы со странами Африки: опыт коллективного сотрудничества. 1957–2001 гг. Диссертация на соискание учен. степ. к. и. н. М., 2009. С. 58–68.

332 АВР РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 64. Л. 51; Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 65. Л. 26.

333 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 61. Л. 51–53.

му мнению, заслуживает внимания Ваше предложение, чтобы африканские страны по-настоящему объединились и создали общеафриканский рынок с тем, чтобы совместными усилиями противостоять "Общему рынку" империалистов. В определенной мере такой общеафриканский рынок мог бы сыграть роль щита, ограждающего политические и экономические интересы народов Африки»³³⁴. Таким образом, соревнование с западноевропейским центром силы в начале 1960-х вышло за пределы собственно европейского континента.

Французские дипломаты объясняли всплеск советской кампании против «Общего рынка» неожиданными для Москвы успехами интеграционных мероприятий в рамках ЕЭС³³⁵. И частью этого успеха, помимо перспективы расширения «Общего рынка», была неожиданная договоренность начать переговоры ЕЭС и ГАТТ в рамках того, что впоследствии получило название «Кеннеди раунда» о взаимном снижении тарифов между участниками этих организаций. СССР не был членом ГАТТ и оказывался за бортом этого процесса. Это вызвало всплеск негодования и форсированный курс на создание новой всемирной торговой организации, озвученной Хрущевым на встрече с малийским лидером в конце мая 1962 года³³⁶.

Помимо пропагандистской дуэли, СССР атаковал страны «шестерки» на экономическом фронте. Застопорились переговоры о новых торговых соглашениях с западноевропейскими странами. Предпринятые попытки заставить страны-члены ЕЭС распространить на СССР льготы, предоставляемые участникам этих группировок согласно требованиям положения о наиболее благоприятствуемой нации, не увенчались успехом. В двусто-

³³⁴ Там же. Л. 52.

³³⁵ AMAE. DE-CE-1961-1966. Coopération Économique. 1399. Direction des Affaires Économiques et Financières. Service de coopération économique. Note Critiques soviétiques contre la C.E.E. 24 Septembre 1962.

³³⁶ AMAE. Europe. URSS 1961-1965. 1917. L'URSS et la Conférence de Genève sur le Commerce et le Développement. Ambassade de France. François de Laboulaye Chargé d'Affaires de France A.I. en U.R.S.S. à Son Excellence Monsieur Couve de Murville Ministre des Affaires Étrangères. Moscou, le 11 mars 1964.

ронних торговых переговорах ни итальянцы, ни бельгийцы, ни французы не пошли на уступки советской стороне. Впрочем, со своей стороны СССР также отбил попытки включить в новые соглашения любые указания на то, что в будущем торговые отношения членов ЕЭС будут подлежать регулированию органами «Общего рынка».

Принципиальная позиция СССР привела все же к неожиданному временному эффекту. Так, известно, что 26 сентября 1963 года Совет Министров и Комиссия ЕЭС приняли решение о направлении СССР меморандума «О торговых отношениях между "Общим рынком" и странами Восточного блока». Брюссель предлагал в качестве жеста доброй воли снизить пошлины единого внешнего таможенного тарифа на импорт советской водки с 1,6 долларов до 1,2 долларов за геклолитр с каждого процента содержания алкоголя, снизить ставку на ввозимую икру с 30 до 24% и на крабы с 20 до 15%³³⁷.

Решение было принято по инициативе Франции, которая столкнулась с трудностями на переговорах о новом торговом соглашении с Москвой, настаивавшей на снижении таможенных барьеров для советских товаров.

В ходе жаркой дискуссии французам удалось преодолеть сопротивление западных немцев. Принятое решение, по сообщениям западногерманской прессы, преследовало двоякую цель. Во-первых, оно было направлено против США, демонстрируя лучшее отношение к СССР и тем самым оказывая давление на Вашингтон в вопросе об экспорте битой птицы, из-за которой в тот момент возникла небольшая торговая война с Америкой. Во-вторых, это была приманка для достижения официального признания ЕЭС и его органов со стороны СССР, так как только они были уполномочены принимать решения в отношении внешнего тарифа. В случае принятия этого предложения Советский Союз вынужден был бы признать единый внешний тариф «Общего рынка»³³⁸.

337 АВП РФ. Ф. 46. Оп. 25. П. 250. Д. 93. Л. 44.

338 Там же. Л. 45.

Понимая это, СССР отклонил меморандум ЕЭС, заявив, что не имеет отношений с Брюсселем и ведет переговоры по вопросам таможенного обложения с отдельными странами, основываясь на заключенных с ними договорах и соглашениях³³⁹. В итоге первая попытка установления официальных отношений с Москвой закончилась неудачей.

Следуя сделанным в майской статье «Правды» заявлениям, советское руководство старалось на деле поддерживать антирыночные силы в Европе. Причем порой речь шла об объединении усилий даже с бывшими идейными противниками, например, сторонниками сохранения Британского Содружества, теми махровыми «империалистами», которые противились вступлению в ЕЭС из-за угрозы потери суверенитета и Содружества вместе с выстроенной веками системой имперских преференций.

Еще в апреле 1959 года со специальной миссией Москву посетил герой Второй мировой войны фельдмаршал Бернард Монтгомери, занимавший в 1951–1958 годах пост заместителя главнокомандующего сил НАТО в Европе. Его «личный и частный исследовательский визит» был совершен с прямого согласия Макмиллана и при непосредственном содействии Кремля³⁴⁰. В опубликованных в «Санди Таймс» статьях, которые были позже перепечатаны и изданы в виде отдельной книги, Монтгомери дает частичные описания своих переговоров с Хрущевым и высшим советским руководством. Дополняют и проясняют суть обсуждавшихся проблем архивные материалы Второго Европейского департамента МИДа СССР.

Как следует из этих документов, Монтгомери приехал не с пустыми руками — он привез с собой подробный план урегулирования Берлинского вопроса из 6 пунктов. Они были оз-

³³⁹ Выступление директора ИДД К. К. Провалова "Россия и ЕС. На пути к партнерству и сотрудничеству" 24 марта 2007 г. [Электронный ресурс URL:<http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/6eccbdaa260928b43256b1e0031f3f0/8c46a7bac3c82199c32572ad002865a4!OpenDocument> Дата обращения 01.10.2011]

³⁴⁰ *Montgomery V. An Approach to Sanity: a Study of East-West Relations. Lnd., 1959. P. 25–30.*

вучены им в Москве в ходе секретных переговоров с маршалом В. Д. Соколовским. Провозглашая первоочередность решения берлинского вопроса для разрядки напряженности в Европе, Монтгомери выдвинул предложение разместить в Берлине войска ООН из контингента таких нейтральных стран, как Швейцария или Швеция. После этого английская сторона предлагала постепенно осуществить вывод войск стран двух блоков (НАТО и ОВД). При этом (неслыханное дело!) Монтгомери согласился с тем, что Восточный Берлин является неотъемлемой частью ГДР и выразил твердое убеждение, что «после осуществления этого мероприятия можно было бы приступить и к обсуждению других вопросов, в частности, мирного договора с Германией»³⁴¹.

О важности и серьезности этого визита свидетельствует также письмо английского фельдмаршала в связи с его пожеланием посетить СССР. В нем он просил как можно эффективней организовать его встречи с высокопоставленными московскими чиновниками, так как о результатах ему надлежало сразу же доложить Макмиллану и министру иностранных дел Селвину Ллойдю. Кроме того, Монтгомери планировал успеть встретиться по результатам своего московского визита с генералом де Голлем до начала Совещания министров иностранных дел Британии, США, Франции и СССР в Женеве³⁴².

Фельдмаршал Монтгомери был влиятельной фигурой в британском истеблишменте. Он был причастен к внешней политике страны на протяжении всего послевоенного периода, занимая ответственные посты сперва в ЗЕС, а затем в НАТО. Казалось бы, такое европейское прошлое должно было превратить его в европеиста «до мозга костей». Однако, как показывает материал второй статьи из «Сандэй Таймс», основанный на его впечатлениях и размышлениях о его поездки в СССР, он представлял те круги, для которых даже в рамках НАТО ключевым словом было «сотрудничество», но не ужасное слово «интеграция»³⁴³.

341 АВП РФ. Ф. 69. Оп. 51. П. 187. Д. 33. Л. 73.

342 Там же. Л. 4.

343 *Montgomery*. Op. Cit. P. 15.

О своем видении текущей ситуации Монтгомери писал: «Хотя всеобщая ядерная война в Европе представляется отдаленной, существует серьезная опасность повсюду — в особенности в Африке и в Азии (включая Ближний Восток). Это те регионы, где развернется холодная война — битва экономических и политических вооружений, но не военного оружия. Потеря позиций в Африке и Азии будет означать ослабление наших позиций в Европе»³⁴⁴.

Такой глобальный взгляд на холодную войну и разрядку был характерен для «старых империалистов», выходцев из «группы Милнера»³⁴⁵. Это секретное общество внутри британского истеблишмента меняло со временем свое название — «Милнерс Киндергарден» (по имени его лидера в 1902–1925 годах), «Раунд тэйбл груп» (по имени одноименного первого общеимперского периодического журнала), «Родс крауд» (по имени Сесила Родса), «Таймс крауд» (по названию одноименной газеты, которую это общество контролировало в течение 50 лет) и «Олл Саулс груп» (по названию одноименного колледжа в Оксфорде)³⁴⁶.

Прямую параллель со взглядами Монтгомери на британскую внешнюю политику и на историческую роль своей страны можно усмотреть во взглядах «Милнер груп». Члены этой организации вели активную пропаганду через такой авторитетный научно-исследовательский орган, как Королевский институт международных отношений Чатам Хауз. Так, один из крупнейших отечественных англоведов В. Г. Трухановский приводил на страницах своей классической работы «Внешняя политика Англии после Второй мировой войны» яркие выдержки из доклада института Чатам Хауз о политических и стратегических инте-

344 Ibid. P. 38–39.

345 В своей книге Куигли Кэрролл останавливается именно на этом названии по имени Альфреда Милнера, руководившего этим обществом с 1902 по 1925 годы: *Quigley, Carroll. Anglo-American Establishment from Rhodes to Cliveden. N.Y., 1981, P. 3.*

346 Op. Cit., P. X–XI.

ресах Соединенного Королевства, датированного 1939 годом³⁴⁷. В нем, в частности, доказывалось, что на протяжении четырех веков Британия воевала в Европе больше по имперским соображениям, нежели по причинам своей принадлежности к континенту. Согласно такому видению истории, в Семилетнюю войну 1753–1763 годов Питт «завоевал Канаду на равнинах Германии»³⁴⁸. Субсидируя Фридриха Великого в борьбе с Францией в Европе и послав британскую армию в сражение при Миндене, он дал возможность Волфу и Клайву захватить у французов Канаду и Индию. Теми же соображениями в докладе объяснялась враждебная политика Лондона в отношении Российской империи в XIX веке — угроза таилась не в Европе, а в соперничестве на среднеазиатских подступах к «жемчужине британской империи» — Индии³⁴⁹.

В период активных поисков путей разрядки в Европе политика Лондона находилась во многом под влиянием именно этих кругов британского истеблишмента, желавших гарантировать себе безопасность заморских связей Соединенного Королевства путем проведения политики разрядки международной напряженности, даже ценой интересов ФРГ. Так, в уже упоминавшемся «Кодексе международного поведения», разработывавшимся Форин Офис в начале 1960 года существенное внимание уделялось отказу СССР от разжигания колониальной борьбы, т. е. разрядка увязывалась с достижением «джентльменского соглашения» в вопросе сохранения британской зоны влияния в странах Содружества³⁵⁰.

Провал Парижского саммита 1960 года и усиление приоритетности западноевропейского направления во внешней политике наряду с усилением антисоветской риторики, казалось, сблизили позицию Англии с Францией и, в особенности,

347 Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии после Второй мировой войны. М., 1957, С. 119.

348 Указ. Соч.

349 Указ. Соч.

350 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 48. П. 207. Д. 33. Л. 142

Западной Германией. Подводя итоги попыткам СССР заключить пакт о ненападении с Соединенным Королевством, газета «Обзервер» писала в 1963 году о том, что это предложение СССР блокировано Западом, так как Британия и США обещали Западной Германии, что они пойдут лишь на такое соглашение по этому вопросу, которое специально гарантировало бы статус-кво в Берлине³⁵¹. Однако, как показывают новые архивные данные, определенные круги в британском истеблишменте далеко не сразу полностью отказались от заманчивой перспективы «наведения мостов» между Западом и Востоком за счет интересов ФРГ.

Видимо, в целях оказания давления на уклончивого Аденауэра и в то же время, не желая окончательно прерывать доверительные отношения с Москвой, в конце февраля 1961 года британской стороной от имени лорда Бивербрука в посольство СССР в США был строго конфиденциально передан секретный план разоружения на 1961 год³⁵². Вот отрывок из текста этого документа: «Нижеследующие предложения направлены на то, чтобы устранить этот страх [перед всеобщей ядерной войной. — М. Л.] посредством контролируемого сокращения ядерных и обычных вооруженных сил сначала в Европе [читай ФРГ и Франции. — М. Л.], а затем в США, России, Великобритании и Китае. Новый 1961 год представляется более благоприятным для разоружения, чем какой-либо другой период с начала "холодной войны". В США имеется новое правительство во главе с новым президентом [Кеннеди. — М. Л.], взявшим на себя обязательство работать в целях разоружения. Коммунистические страны сделали трудный идеологический скачок, когда они заявили о том, что мирное сосуществование с капитализмом явля-

351 The Observer. Lnd., October 6, 1963.

352 АВР РФ. Ф. 069. Оп. 48. П. 205. Д. 9. Л. 1, 3–5. Британское посольство в Вашингтоне не случайно выступило в качестве посредника между Бивербруком и Москвой — по данным Куигли посол Соединенного Королевства Вильям Ормзби Гор был членом «Ассоциации спасителей», а само посольство вплоть до конца Второй мировой войны было одним из главных оплотов «Милнер групп»: Quigley, C. Op. Cit., p. 313.

ется возможным. Господин Хрущев предложил забыть свои разногласия с США. Все главные державы нуждаются в сокращении вооружений, которые подрывают их экономику»³⁵³.

Имея общие корни с меморандумом Монтгомери, этот план вместе с тем предлагал подписать договор между НАТО и ОВД в обход «дискредитированного в настоящее время ООН приемлемым для США путем»³⁵⁴. План предусматривал создание отдельного органа по разоружению в Берлине, а также объединенного командования Запада и Востока для проведения взаимных инспекций и обеспечения выполнения статей договора³⁵⁵. При этом «Германия и, возможно, другие части Восточной Европы могли бы стать демилитаризованной зоной [выделено мною. — М. Л.], за исключением Вооруженных сил безопасности, тем самым обеспечив значительную степень разъединения»³⁵⁶, — таким образом с точки зрения английского плана открывался путь к решению берлинской и германской проблем на вышеизложенных условиях. «Это создало бы конструктивную основу для сохранения нынешнего положения между Востоком и Западом в Берлине [выделено мною. — М. Л.] в условиях значительного ослабления напряженности», — вот какой ценой британская дипломатия под видом частной инициативы от лица лорда Бивербрука предлагала достичь взаимопонимания с Восточным блоком³⁵⁷. Не вызывает сомнений, что данный план представлял собой дипломатический зондаж позиции СССР после срыва Совещания в верхах в мае 1960 года, в лучших традициях секретной дипломатии. Вместе с тем личность самого лорда Бивербрука позволяет предположить, что в самой Британии продолжалась борьба различных течений в отношении СССР и «Общего рынка».

353 АВП РФ. Ф. 069. Оп. 48. П. 205. Д. 9. Л. 3.

354 Указ. Соч., Л. 4.

355 Указ. Соч., Л. 5.

356 Там же.

357 Там же.

Лорд Бивербрук был медиамагнатом, чья империя включала такие газеты, как «Ивнинг Стандард», «Ивнинг Ситизен», «Сан-дэй Экспресс» и, самая известная — «Дэйли Экспресс». Он был другом и соратником Черчилля. В 1941 году он снискал себе лавры человека, лично встречавшегося в Москве со Сталиным и заставившего его откинуть сомнения относительно способности Запада помочь СССР в войне с нацистской Германией³⁵⁸. Будучи давним защитником сперва империи, а затем Содружества, Бивербрук сыскал себе имидж непримиримого консерватора-реакционера. В этом качестве он оказал массивную информационную поддержку правительству Идена во время Суэцкого кризиса 1956 года. При Макмиллане он превратил страницы своих изданий в рупор антирыночных сил в Соединенном Королевстве. Ему удалось объединить на страницах контролируемых им изданий противников «Общего рынка» в лице групп давления и отдельных лиц со всего политического спектра.

Известный британский политолог Роберт Либер отмечал, что в ряде случаев Бивербрук спонсировал большие пропагандистские статьи и в других ведущих средствах массовой информации. В этой связи он приводит в качестве примера публикации таких ярких противников вступления страны в ЕЭС, как бывшего лейбористского премьер-министра Клемента Эттли, известного историка, автора монументального труда «Борьба за господство в Европе» А. Тэйлора и, уже упомянутого выше фельдмаршала Монтгомери³⁵⁹.

Последний даже опубликовал в 1962 году специальную книгу по результатам своего турне по странам «Greater Britain» в Азии, Африке и Америке³⁶⁰. В ней, как и в своих статьях, он доказывал, что Содружеству во главе с королевой предопределено быть оплотом свободного мира. Он предлагал сделать семь стран

358 Wood, A. The True History of Lord Beaverbrook. Lnd., 1965. P. 273–74.

359 Lieber, R. Op. Cit., p. 222.

360 Montgomery V. Three continents. An account of travels in Asia, America and Africa. A study of the situation and problems in Asia, Africa and Central America, and the relationship of those areas to defence policies in the 1960s and to the British Commonwealth. Lnd., 1962.

с преобладающим белым населением (Великобритания, Ирландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южноафриканский Союз) цементирующим ядром Содружества британских наций. Что же до Европы, то в качестве верного пути экономии денежных и людских ресурсов фельдмаршал предлагал полностью вывести британскую армию из Германии, но не отказываться от своих заморских обязательств. «Такая концепция намного лучше, чем вступление в "Общий рынок" и впутывание в политические системы Западной Европы», — утверждал Монтгомери в своей книге³⁶¹.

Как отмечалось в секретном сопроводительном письме посольства СССР в Лондоне к обзору отношений Англии со странами «Общего рынка» за 1960 год, «с точки зрения интересов Советского Союза более тесное сотрудничество Англии со странами "Общего рынка", а тем более вступление ее в этот рынок, является нежелательным. В случае сближения или объединения этих двух торговых блоков Советскому Союзу противостояла бы объединенная Европа, тесно связанная как политическими, так и экономическими узами. [...] Вступление Англии в «Общий рынок» по всей видимости, привело бы к утрате английским правительством некоторой самостоятельности и гибкости в области внешней политики и особенно в ее отношениях с социалистическими странами, так как Англия, в этом случае, окажется вынужденной в гораздо большей степени поддерживать политический курс ФРГ и Франции»³⁶².

Посольство рекомендовало предпринять шаги для того, чтобы препятствовать объединению «шестерки» и «семерки» и предлагало опубликовать в советской прессе аргументы «экономических и политических кругов» — противников присоединения Великобритании к ЕЭС с акцентом на отрицательные последствия для экономики и суверенитета страны. «Это оказало бы поддержку как прогрессивным силам в Англии и других странах, выступающих против объединения этих торговых

³⁶¹ Op. Cit., p. 255.

³⁶² АВП РФ. Ф. 046. Оп. 28. П. 283. Д. 65. Л. 11.

блоков, так и той части буржуазии в европейских странах, которая по различным причинам возражает против задуманного объединения Европы»³⁶³, — заключал свою мысль временный поверенный в делах СССР в Лондоне.

Следуя этой линии, в июне 1962 года в газете «Известия» появилась перепечатка статьи фельдмаршала Монтгомери из газеты империи лорда Бивербрука «Санди экспресс» с говорящим заголовком: «"Общий рынок"? — Я против!»³⁶⁴. Конечно, назвать фельдмаршала, равно как и круг людей-единомышленников лорда Бивербрука, «прогрессивными» в советском понимании этого слова, было бы большой натяжкой. Но слова Монтгомери как нельзя лучше ложились в лоно советской пропаганды против расширения ЕЭС.

«Что бы там ни говорили министры, но если мы присоединимся к Европейскому экономическому сообществу — это должно нанести вред Содружеству наций, и мы обманываем себя, если думаем иначе, — заявлял Монтгомери со страниц советской газеты. [...] Если мы станем участниками Европейского экономического сообщества, нам волей-неволей придется взять на себя обязательства проводить стратегию, общую для всей Европы. Наши вооруженные силы — флот, армия, военно-воздушные силы — в случае кризиса подчинялись бы приказам из Европы — приказам, которые, может быть, стал бы издавать немецкий генерал. ... Следует ли нам согласиться на все это? — Никогда!»³⁶⁵.

Если официальный Лондон уклонялся от серьезного изучения советских общеевропейских и глобальных экономических инициатив, то среди противников вступления Британии в «Общий рынок» лозунг создания новой международной экономической организации (вброшенный СССР в 1950-е годы и повторенный в начале 1960-х) встретил поддержку. В марте 1963 года под эгидой движения антирыночников «Британия вперед» во дворце Вестминстера в Лондоне готовилась представительная

³⁶³ Там же. Л. 12.

³⁶⁴ Известия. 4 июня 1962 г. С. 3.

³⁶⁵ Там же.

международная конференция «Навстречу мировой экономической организации». Она проводилась на фоне уже очевидного провала переговоров о вступлении Британии в ЕЭС и в условиях подготовки к созыву первой международной конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)³⁶⁶. В этой обстановке различные антирыночные силы в Британии стали рассматривать новую глобальную организацию как альтернативу провалившейся европейской политике Макмиллана.

Среди видных британских политиков и бизнесменов, приглашенных на конференцию, были бывший премьер-министр Клемент Эттли, а также первый руководитель Британского Совета содействия развитию международной торговли лорд Бойд-Орр, депутат от лейбористов Филипп Ноэль-Бейкер и др. В конференции приняли участие 52 делегата и 156 наблюдателей. Среди них — представители Восточной Европы: Польши, Венгрии, Югославии и СССР.

Британские антирыночники через лейбориста Кони Зиллиакаса передали в Советское посольство в Лондоне приглашение и информационные материалы в адрес одного из сотрудников ИМЭМО АН СССР. 23 февраля 1963 года заведующий Вторым Европейским отделом МИДа СССР переслал директору ИМЭМО академику А. А. Арзуманяну приглашение принять участие в марте 1963 года в международном совещании в поддержку всемирной экономической конференции, а также отчет о состоявшейся в июле 1962 года конференции представителей общественных и научных кругов Великобритании, Британского содружества и ЕАСТ³⁶⁷.

Следует отметить, что, поднимая на щит идею новой конференции по торговле, британские антирыночники отталкивались не от советских предложений. Они искали пути сохранения Британского Содружества и потому брали за основу идеи премьер-министра Канады Джона Дифенбейкера, который на

³⁶⁶ Согласно резолюции, принятой на 17 сессии ГА ООН 8 декабря 1962 г.

³⁶⁷ Архив ИМЭМО РАН. Ф. 1978. Оп. 2. Заведующий 2 ЕО В. Лавров директору ИМЭМО АН СССР 23.02.1963. Л. 45.

саммите премьер-министров стран Содружества в Лондоне в 1962 году предложил созвать международную экономическую конференцию. При этом Дифенбейкер исходил из того, что условия вступления Англии в ЕЭС «вряд ли окажутся приемлемыми для Англии и Содружества наций». То есть новая международная конференция и возможно новая экономическая структура выдвигались как альтернатива вступлению Британии в «Общий рынок».

Дифенбейкер предложил обсудить эту идею Кеннеди. Однако американский президент свел все к подготовке очередного раунда переговоров стран-членов ГАТТ. «Мы признаем тот факт, что президент США не полностью поддерживает идею созыва международной экономической конференции, — отмечал автор сопроводительного письма Ричард Бригиншоу от имени организаторов лондонской конференции, — но общая тенденция складывается в пользу созыва такой конференции и потребность в созыве все более настоятельно проявляется во всех странах, за исключением тех стран ЕЭС, основная политика которых по-прежнему направлена на создание замкнутого торгового сообщества»³⁶⁸.

Такая оценка, безусловно, соответствовала советской линии в отношении ЕЭС. Организаторы разъясняли, что согласно их планам, первоочередной задачей они видят возможность организационного слияния Секретариата ЕАСТ и Экономического комитета Содружества в некую единую постоянную организацию наподобие ОЭСР. При этом подчеркивался межгосударственный характер такой организации, а не наднациональный путь «шестерки» и необходимость сделать это до созыва конференции ООН по торговле и развитию в 1964 году.

Казалось бы, причем тут Восточная Европа и СССР? Как объясняли организаторы, они предполагали обсудить на конференции возможности развития Британией более широких связей с Восточной Европой, не ограничиваясь лишь странами Содружества. Далее следовала пространная фраза: «Мы полагаем, что

³⁶⁸ Там же. Л. 48–49.

экономические и торговые группировки и ассоциации государств, которые могут немедленно предпринять шаги в целях стимулирования торговли и развития в собственных рамках, должны это сделать, при условии, что они будут развивать торговые связи за пределами своих группировок и устранят барьеры, а также будут привлекать на свою сторону другие страны, разделяющие их точку зрения, чтобы изыскать наиболее короткий путь для достижения соглашения»³⁶⁹. Хотя в этом пассаже нет прямого упоминания СЭВ, очевидно, что экивоки в сторону Восточной Европы на межблоковой основе были связаны именно с перспективами сотрудничества между планировавшейся новой ОЭСР — неким глобальным гибридом ЕАСТ — Содружество и странами СЭВ.

Советский союз представлял известный экономист, легендарный директор ИМЭМО АН СССР А. Арзумянн. Развивая предложения, высказанные Фирюбиным в апреле 1960 года, он прямо сказал: «поскольку деятельность "Общего рынка" наносит ущерб мировой торговле и отдельным странам, мы понимаем обеспокоенность тех британских кругов, которые принимают близко к сердцу интересы развития национальной экономики Британии. Мы готовы принять участие в обсуждении различных предложений, направленных на нейтрализацию вредных последствий деятельности "Общего рынка" и изучить какие практические шаги, по нашему мнению, могут быть предприняты для развития мировой торговли и в особенности торговли между СССР и Британией»³⁷⁰.

Общность с позицией британских антирыночников проявилась вновь в беседе А. Н. Косыгина с Г. Вильсоном и П. Гордон-Уокером во время визита лидеров лейбористов в СССР в июне 1964 года. Ими прямо был поставлен вопрос о возможности сотрудничества между зоной СЭВ и стерлинговой зоной, т. е. меж-

³⁶⁹ Там же. Л. 53.

³⁷⁰ Bodleyan library. MS. Wilson C. 957. Annex V (G) Report of Conference held at Palace of Westminster and Caxton Hall, Westminster on March 11–15, 1963. Fol. 66–78.

ду Содружеством Британских наций и Советом экономической взаимопомощи!

Во-первых, вопрос о необходимости многосторонней системы платежей как внутри СЭВ, так и вне его ставился неоднократно, о чем уже говорилось в главах про СЭВ и развитие торговли с западноевропейцами. И британцев интересовало, будет ли единая система клиринговых расчетов в СЭВ и возможно ли разработать единую клиринговую систему между СЭВ и странами стерлинговой зоны³⁷¹.

Во-вторых, безусловно, такая постановка вопроса лейбористами была связана с попыткой найти для себя решение вопроса экономического развития в условиях провала попытки Лондона стать членом «Общего рынка». Единственная альтернатива оставалась в сохранении зоны стерлинга как опоры глобальных интересов британской экономики и связующего звена для Содружества.

Отвечая на этот вопрос, А. Н. Косыгин подчеркнул негативное отношение СССР к замкнутым экономическим группировкам, сделав отдельный выпад в адрес «Общего рынка». Он заявил, что СССР не намерен оторваться от остального мира, замкнувшись в автаркических рамках национальных границ или в пределах зоны СЭВ. Площадкой для решения любых вопросов в этой сфере он назвал предложение о создании международной торговой организации, внесенное СССР в Женеве³⁷².

Касаясь клиринговых взаимоотношений со странами стерлинговой зоны, Косыгин признал, что раньше такой вопрос никогда не ставился, но «над ним стоит подумать». Он подчеркнул интерес СССР к развитию финансовых отношений с Лондоном, в том числе по линии кредитования взаимной торговли, и вбросил идею повысить роль отделения Моснарбанка в Лондоне для расширения спектра взаиморасчетов с британской стороной³⁷³.

³⁷¹ Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 404. Л. 184–185.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же.

Инициатива лейбористов была связана с тем, что в 1963 году как часть грандиозных планов по реформе СЭВ было подписано соглашение между членами СЭВ о ведении операций на базе переводного безналичного рубля и создании Международного банка экономического сотрудничества. Наряду с изменением курса советского рубля эти мероприятия привлекли интерес западноевропейских партнеров, в частности, англичан.

Придя к власти в Великобритании во второй половине 1964 года, лейбористы хотя и продолжали активно развивать советско-британскую торговлю, очень скоро вновь вернулись к курсу Макмиллана. Кабинет Вильсона быстро пришел к пониманию, что мечты мечтами, а долгосрочной альтернативы членству Британии в «Общем рынке» в ситуации второй половины 1960-х годов у них уже не существовало³⁷⁴. Многие из озвученных в Москве идей так и остались в форме дружественных бесед бывших тогда еще в оппозиции лидеров лейбористской партии за исключением одного. Реальным выражением общности точек зрения на развитие «экономики разрядки» в Европе и надблоковым подходом к развитию экономических отношений между Москвой и Лондоном стал вопрос о долгосрочных кредитах.

3.10. Общеввропейское сотрудничество и проблема западных кредитов в первой половине 1960-х годов

Если в период послевоенной реконструкции, рассмотренный в первой главе, СССР нуждался в западных кредитах для восстановления своей экономики, то в период «ранней разрядки» курс на развитие торгово-экономических отношений с западноевропейскими капиталистическими странами требовал новых кредитных инструментов и усовершенствованных систем взаимных расчетов. В первые послевоенные годы главная став-

³⁷⁴ Липкин М. А. Британия в поисках Европы. С. 109–113.

ка делалась на крупные американские кредиты, в начале 1960-х годов Москва осознанно искала меньшие по сумме, но долгосрочные по выплатам финансовые схемы с ключевыми странами Западной Европы (играя на их национальном эгоизме и конфликте интересов с США).

Пионером в этом отношении стала Италия. 12 октября 1960 года крупнейшая государственная итальянская нефтегазовая компания ЭНИ³⁷⁵ подписала с СССР пятилетний контракт на покупку 12,5 млн тонн сырой нефти в обмен на поставку 240 000 тонн труб большого диаметра и другого оборудования для нефтепровода и химической продукции итальянского производства. Оскар Санчес-Сибони рассматривает эту сделку как часть кампании президента ЭНИ Энрико Маттеи по борьбе с господством крупнейших нефтяных монополий сперва на Ближнем Востоке (в Иране, но без особого успеха), а затем в Восточной Европе³⁷⁶. Маттеи искал дешевые и независимые гарантированные поставки сырья с целью снизить затраты на сырье и повысить конкурентоспособность итальянской химической продукции. Приводимые О. Санчес-Сибони документы Госдепартамента США показывают крайнюю степень озабоченности американских чиновников возможным повышением конкурентоспособности европейских товаров в случае перехода на дешевые советские поставки³⁷⁷. В то же время, очевидно, что итальянцы ловко обыгрывали политический момент, добиваясь существенных скидок на сырье от советской стороны, апеллируя к политическим рискам и издержкам, которые им приходилось нести при заключении такого рода соглашений³⁷⁸.

О степени информационного и политического давления говорят переводные статьи из правой итальянской и западно-германской печати, хранящиеся в фондах Министерства внеш-

³⁷⁵ ЭНИ — сокращенно от итальянского Ente Nazionale Indrocarburi («Национальное нефтепромышленное объединение»).

³⁷⁶ *Sanchez-Sibony, O. Opt. Cit. P. 185.*

³⁷⁷ *Opt. Cit. P. 186.*

³⁷⁸ *Opt. Cit. P. 187.*

ней торговли СССР в РГАЭ. Западногерманская «Ди Вельт» называла сделку «тройным конем Италии»³⁷⁹. В другой статье с характерным заголовком «Советское нефтяное наступление усиливается», транслируя заморские интерпретации советско-итальянского контракта, «Ди Вельт» писала, что «по мнению американских специалистов Советский Союз намерен путем крупных поставок русской нефти в Италию взять под свой контроль часть снабжения стран-членов "Общего рынка" энергетическим сырьем. Заключенный недавно между Италией и Советским Союзом договор на поставку 12 млн тонн нефти рассматривается в этой связи как «первая попытка». Русская нефть поставляется на 30% дешевле, чем арабская нефть. Дальнейшая поставка нефти в количестве 40 млн тонн, которая рассматривается как поставка "окольным путем", должна быть направлена через Италию в другие страны "Общего рынка"³⁸⁰. Тем самым, по американским подсчетам, СССР угрожал взять порядка 20% всех поставок Европы энергоресурсами под свой контроль»³⁸¹.

Документальные детали переговоров, приведших к подписанию нашумевшего соглашения с ЭНИ до сих пор остаются вне зоны досягаемости исследователей — ни в доступных российских архивах, ни в итальянских архивах, где работал, к примеру, итальянский историк Алессандро Салаконе (автор ряда публикаций и редактор документальных сборников по истории советско-итальянских отношений)³⁸², на момент выхода данной книги не удалось обнаружить ключевых решений Президиума и материалов к ним в виде «соображений» или записей бесед, ко-

379 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8744. Л. 20.

380 Там же. Л.19.

381 Там же. Л. 20.

382 См., например: Салаконе А. СССР и «нео-атлантическая» Италия в 1960-е гг. // Итальянская республика в меняющемся мире. М., 2014. С. 110–122; Салаконе А. Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Выпуск 2 (35) [Электронный ресурс URL:<http://history.jes.su/s207987840000986-3-1> Дата обращения: 22.10.2015]

торые могли бы говорить о позициях сторон и «вторичных» расчетах при заключении этой сделки. Можно предположить, что это были сверхконфиденциальные контакты и только благодаря этому соглашение и было подписано, и выполнялось, несмотря на колоссальный политический и информационный прессинг со стороны проамериканских кругов (как в Италии, так и в других странах Запада). Это был тот случай, когда личный фактор — стойкая и конструктивная позиция главы итальянской энергетической компании ЭНИ Энрико Маттеи стал одним из ключевых залогов успеха выхода СССР на западный рынок. Историк Оскар Санчес-Сибони называет свою главу, посвященную этому событию, «Европа интегрирует СССР», имея в виду все большее включение СССР в западноевропейский капиталистический рынок³⁸³. Поддерживая оценку значимости события для дальнейшей практики взаимоотношений СССР со странами Западной Европы, все-таки представляется, что терминологически говорить об «интеграции» СССР и рынка Западной Европы в 1960 году несколько преждевременно.

Момент подготовки сделки безусловно следует изучать во взаимосвязи с высокими ожиданиями от разрядки, к которой готовились все стороны в преддверии Парижского саммита великих держав в мае 1960 года. Именно в апреле 1960 г. В/О «Союзнефтеэкспорт» в Лондоне сделало «ЭНИ» предложение о продаже нефти изначально в объеме аж 38,5 млн тонн (в дальнейшем цифра была существенно уменьшена)³⁸⁴. И очевидно, что наиболее прозорливые деловые круги Запада были готовы пойти на политические риски ради преференциальных условий, на которые могли рассчитывать первопроходцы советского рынка. В этом плане можно сказать, что все-таки подготовка саммита и инициативы СССР в ЕЭК ООН не прошли впустую. Сигнал был услышан в нужном месте в нужное время.

Таким местом стала Италия. И здесь помимо ключевой фигуры Э. Маттеи не последнюю роль сыграл итальянский посол

383 Sanchez-Sibony, O. Opt. Cit. P. 184.

384 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 8744. Л. 56.

в Москве Лука Пьетромарки. Запись его беседы с министром внешней торговли Н. С. Патоличевым поражает своей открытостью и конструктивным подходом. Это удивительный случай, когда посол лично инструктирует советского министра, как и с кем стоит или не стоит обсуждать тот или иной вопрос (включая нефтяную сделку) с итальянским истеблишментом в ходе предстоящей поездки в Рим. «Пьетромарки заметил, что вопрос о поставках нефти является деликатным. По этому вопросу, конечно, можно говорить и с Гронки и Тамброни, но лучше всего было бы ограничиться обсуждением его с Матеем. Дело в том, что очень много говорят о советско-итальянских торговых отношениях, в частности, о поставках нефти... В Италии есть пословица: "когда говорят меньше — дело идет лучше"»³⁸⁵. В конце встречи посол прямо дал понять: на государственном уровне вопрос банковских кредитов лучше не поднимать, итальянскому бизнесу проще самостоятельно добиться разрешения у своего правительства, чем делать это, удовлетворяя просьбу Москвы.

27 октября 1962 года частный самолет Энрико Маттеи потерпел крушение при перелете с о. Сицилия в Милан. О. Санчес-Сибони намекает, что это было нечто большее, чем чистая случайность, но подлинных доказательств умышленности этой катастрофы не существует³⁸⁶. После гибели Маттеи ЭНИ продолжала выполнять свои обязательства, но сопоставимой фигуры Италия предложить уже не смогла. Последовав примеру Италии, инициативу стала перехватывать не кто-нибудь, а вторая держава в НАТО после США — Великобритания.

Как только Лондон понял, что ему не удастся преодолеть французское «вето» на переговорах по условиям вступления в «Общий рынок», Г. Макмиллан и его кабинет стали лихорадочно искать возможные альтернативы для развития британской экономики. Де Голль неоднократно озвучивал свою угрозу поставить крест на вступлении Британии в 1962 году и окон-

³⁸⁵ Там же. Л. 68.

³⁸⁶ *Sanchez-Sibony, O. Opt. Cit. P. 187.*

чательно произнес свое «нет» на пресс-конференции в январе 1963 года³⁸⁷.

Видимо, предвидя такой сценарий, а отчасти желая надавить на несговорчивых партнеров, уже в конце 1962 года кабинет Макмиллана начал поворот назад, к возможному сближению с Москвой и возрождению дружеских отношений, достигнутых в ходе визита 1959 года.

Как показывают письма, хранящиеся в личном архиве Г. Макмиллана, послание Хрущева (и, вероятно, трудности на переговорах со странами ЕЭС) очень быстро заставили британского премьера переоценить ситуацию. Уже в январе 1962 года он начинает готовить почву для возрождения Парижского саммита. Он предлагает американскому президенту Дж. Кеннеди вернуться к позиции 1960 года и организовать новую встречу глав великих держав с целью достичь скорейшего решения по проблеме Берлина. За этим, по мысли Макмиллана, должна была последовать встреча для обсуждения более широких вопросов Европы и европейской безопасности³⁸⁸. Примечательно, что столь многозначное слово «Европа» упоминается в черновом варианте письма, но затем было вычеркнуто — в окончательном тексте остались только «проблемы европейской безопасности»³⁸⁹. Возможно, это была простая описка, но скорее всего, «оговорка по Фрейду» о том, что британский премьер постоянно пытался увязать вопросы разрядки и разоружения с контролем над развитием ЕЭС говорит вся последующая переписка.

Кубинский ракетный кризис 1962 года на время обесценил инициативы Макмиллана, однако весной-летом 1963 года (уже после железного «вето» де Голля на вступление Британии в ЕЭС) переписка с Хрущевым и Кеннеди возобновляется с новой силой. В письмах к Кеннеди можно найти старый набор тактических ходов британского премьера: варианты умиро-

387 Липкин М. А. Указ. Соч. С. 98–99.

388 Bodleyan library. MS Macmillan dep. C. 357. Fol. 14.

389 Ibid. Fol. 75–76.

творения Парижа за счет сотрудничества в ядерной области, возможного триумvirата и т. д., которые, впрочем, находят понимание со стороны Кеннеди. Обсуждается, как утихомирить амбиции французского президента, заставить его отказаться от ядерных испытаний и присоединиться к Договору о запрете на проведение ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой и об ограничении мощности подземных ядерных взрывов (предложенным США в 1960 году). В качестве цели называется желание остановить де Голля, по крайней мере, от нанесения демонстративного и морального ущерба договору с Москвой. Макмиллан даже предлагает предупредить русских о недружественной и неподконтрольной позиции французского президента. Он открыто высказывается о возможности поделиться технологиями с Парижем в обмен на запрет испытаний и успешное подписание договора. При этом он прямым текстом предлагает американскому президенту подумать о том, что можно потребовать от французов взамен в интересах Великобритании и США: в НАТО, в евро-атлантических отношениях, в вопросе о политическом и экономическом единстве Европы³⁹⁰.

Сложное маневрирование, сочетание косвенных угроз с попытками организовать англо-западногерманское и англо-французское сближение, в котором Соединенное королевство играло бы ведущую роль, характеризовали британскую политику в отношении Бонна и Парижа на протяжении 1959–1963 годов. При этом советский фактор играл далеко не последнюю роль — он увязывался с британскими планами установления контроля над западноевропейской интеграцией. По иронии судьбы Макмиллан потерпел фиаско в попытках вступить в «Общий рынок». По большому счету единственным ярким достижением консервативного кабинета во внешнеполитической сфере стало подписание тройственного англо-американо-советского Договора о частичном запрете ядерных испытаний в трех средах в 1963 году.

³⁹⁰ Ibid. Fol. 124.

Как отмечалось в обзорной справке «Внешнеторговая и кредитная политика Англии по отношению к СССР и другим социалистическим странам», составленной в феврале 1965 года для МВТ СССР экономистами Торгпредства СССР в Лондоне, подписание политического трехстороннего договора улучшило международный климат и привело к повышению интереса Англии к торговле с Восточной Европой. Вместе с провалом брюссельских переговоров о вступлении в ЕЭС и объявленной СССР широкой программой ускоренного развития химической промышленности все это привело к резкому росту интереса британских деловых кругов к развитию торговли с Советским Союзом³⁹¹.

Важным достижением двусторонних советско-британских отношений в духе «экономики разрядки» стало заключение долгосрочного кредитного договора между Лондоном и Москвой в 1964 году. История этого первого долгосрочного кредита связана не только с общей борьбой за разрядку международной напряженности в Европе. Она являлась важной составной частью политики СССР и Великобритании в отношении интеграционных процессов на европейском континенте в первой половине 1960-х годов.

Еще в 1962 году советская делегация в лице председателя Внешторгбанка СССР М. Н. Свешникова и начальника Валютного управления МВТ СССР В. С. Алхимова посетила Лондон для зондирования возможности предоставления долгосрочных кредитов СССР под промышленные заказы.

По итогам этого визита постановлением от 3 июля 1963 года Совет Министров СССР поручил МВТ и Госбанку СССР провести с Министерством торговли Великобритании, Банком Англии и другими английскими банками переговоры о предоставлении СССР кредита на срок до 15 лет. Как отмечалось в информационной справке ЦК КПСС, вопрос о кредите обсуждался в сентябре 1963 года с бывшим министром торговли Англии Фредериком Эрролом во время его визита в Москву. Советская сторона

³⁹¹ РГАЭ РФ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 641. Л. 68.

также провела повторный зондаж через Торгпредство СССР и Моснарбанк в Лондоне³⁹². Реакция официальных кругов в Лондоне говорила о крайне благожелательном моменте для проведения детальных переговоров.

В конце 1963 года для переговоров о банковских кредитах в Лондон были делегированы вновь Свешников и Алхимов вместе с представителями всесоюзных объединений, которым предстояло размещать заказы на оборудование в Англии³⁹³.

Судя по письму Банка Англии в британское казначейство, СССР зондировал почву для размещения советских акций на лондонском рынке в качестве обеспечения долгосрочного кредита со стороны консорциума британских банков. Однако, оценивая перспективы советского IPO, британские банкиры вынуждены были констатировать что дефолт, объявленный советским правительством по царским займам сводил к нулю уровень доверия к советским ценным бумагам³⁹⁴. Поэтому в итоге для осуществления сделки им пришлось прибегнуть к услугам Департамента гарантий экспортных кредитов Великобритании, созданного для стимулирования развития британской торговли незадолго до этого.

В результате переговоров делегации советских финансовых экспертов в Лондоне в декабре 1963 — феврале 1964 года был заключен ряд предварительных финансовых соглашений от имени ВТБ СССР с консорциумом ведущих британских банков. Договоренности предусматривали предоставление долгосрочных кредитов для закупки комплектного оборудования на общую сумму около 100 тыс. ф. ст. (около 250 млн руб.). Немаловажно и то, что правительственный Департамент гарантий экспортных кредитов предоставил финансовые гарантии выполнения этих соглашений британской стороной. Советское В/О Тех-

³⁹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 356. Л. 115.

³⁹³ Там же. Л. 115, 117.

³⁹⁴ TNA. FO 371/172430. Economic Relations Department. Bank of England advise Russians to concentrate on financial guarantees rather than use new arrangements governing access to London capital market. R. J. Cunnell, Bank of England to H. M. Copeman, HM Treasury. December 18, 1963.

машинпорт заключило под эту сумму предварительные контракты с британскими компаниями.

Средний фактический срок займа составил не более 8,5 лет (срок поставки в среднем — 3 года, а погашение займа началось равными взносами после 3,5–4 лет с даты выдачи контракта). Международный арбитраж по этой сделке согласно соглашению осуществляла Швеция.

О безусловном внешнеэкономическом успехе СССР говорит оценка экономистов из Торгпредства СССР в Лондоне: «впервые за всю историю наших внешнеэкономических отношений с капстранами были получены долгосрочные банковские кредиты на значительные суммы. При этом данные кредиты были получены нами на более выгодных условиях, чем когда-либо за всю историю кредитных отношений между СССР и Англией»³⁹⁵.

Хотя СССР и не получил кредита на искомые 15 лет, был создан важный прецедент выдачи займа на период свыше 5 лет. Едва ли не самое главное — был вбит клин между союзниками по НАТО и нанесен ощутимый удар по участникам «Общего рынка», в чем были заинтересованы в тот момент и Москва, и Лондон.

Если у стран ЕЭС (Франция, Италия, ФРГ) свобода маневра в отношении Восточной Европы была связана единым внешним тарифом в торговле и необходимостью согласования общей торговой политики с третьими странами (включая кредиты), то Британия (как и другие члены ЕАСТ) была совершенно свободна в своих действиях в отношении третьих стран. Поэтому документы ЕЭС и французского МИДа полны зависти и негодования в отношении возмутительного и казалось бы поначалу немыслимого нарушения «единства Запада» двусторонними советско-английскими отношениями. В начале 1963 года специальная делегация ЕЭС во главе с г-ном Бумстра посетила Лондон с целью убедить Даунинг стрит отказаться от эпопеи с кредитом. Но британцы были непреклонны

³⁹⁵ РГАЭ РФ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 641. Л. 74–76.

в своем стремлении соблюдать одинаковые правила игры для всех стран, независимо от различий в идеологии³⁹⁶.

Советские дипломаты отмечали, что в переговорах с американским госсекретарем Дж. Боллом министр торговли Э. Хит проявил стойкость и не дал сорвать переговоры с советской стороной, несмотря на давление Вашингтона. О степени накала страстей между западноевропейцами и тем, что на самом деле творилось за кадром атлантических отношений в тот момент можно судить по британским источникам.

Как явствует из жалоб британского представителя в НАТО Эвелина Шукбурга своему начальству в Форин Офис, он хоть и выполнял указания из Лондона, однако пребывал в сильном раздражении и недоумении от очевидной угрозы изоляции, которая нависала над Британией из-за разногласий с большинством членов Совета экономических советников НАТО³⁹⁷. Успокаивая своего представителя, Патрик Рейли в ответном письме отмечал, что Форин Офис всячески старается быть предельно корректным и не спешить в этом вопросе, однако он не находит должной поддержки в кабинете министров³⁹⁸. То есть налицо явные разногласия между кабинетом и министерством относительно того, насколько быстро и максимально эффективно можно было добиться одобрения британской кредитной политики в отношении СССР со стороны партнеров по НАТО в 1963 году.

Возникает вопрос, как сами британские официальные лица объясняли такую заинтересованность Британии, что Соединенное Королевство готово было рисковать самым святым — «особыми отношениями» с США ради особых отношений с Москвой.

³⁹⁶ TNA. FO 371/172416. Credit guarantees for export to the Soviet Bloc – Belgian's concern. Confidential. Aid Memoire. April 19, 1973.

³⁹⁷ TNA. FO 371/172430. Sir E. Shuckburgh UK Delegation NATO, Paris to Sir P. Reilly. Complaint about Foreign Office Handling on the Subject of Credits for the Block. December 13, 1963.

³⁹⁸ Ibid. D.P. Reilly, Foreign Office to Sir E. Shuckburgh, Paris, December 19, 1963.

Часть ответа на этот вопрос можно найти в секретных инструкциях британскому представителю на декабрьское заседание министров стран НАТО, посвященное трем острым темам: британские долгосрочные кредиты соцстранам, продажа британских труб большого диаметра СССР и импорт хрома из Советского Союза — пункты, вызывавшие резкую критику со стороны ряда стран Запада.

В числе прочего британскому представителю предписывалось обосновать долгосрочные кредиты СССР одним простым аргументом. В течение многих лет Англия импортировала гораздо больше товаров из Советского Союза, чем продавала в СССР. Ее главной целью было стимулировать большие закупки со стороны Москвы, выровнять свой торговый баланс. Однако даже в ситуации активного сальдо фунты стерлингов, которые Москва получала за свой импорт, не возвращались автоматически в Соединенное Королевство. Они размывались среди стран стерлинговой зоны, с которыми торговал СССР (в частности, на регулярные закупки малазийского каучука). Для выравнивания платежного баланса с Великобританией и получения дополнительной валюты Москве приходилось периодически продавать золото на Лондонском рынке. В любом случае, если советский экспорт отдельными товарами (в основном сырьем) мог покрываться наличными или краткосрочными кредитами, ответный британский экспорт в виде капитального оборудования (комплектная поставка заводов) требовал другого подхода. По всему миру при продаже таких сложных технических комплексных систем, требовавших времени для наладки и запуска, применялись средне- и долгосрочные кредиты, что было особенно необходимо для СССР в силу вышеописанной ситуации с наличной валютой — фунтами стерлингов³⁹⁹.

Однако этого британскому представителю в НАТО показалось недостаточно. В конце декабря 1963 года он вновь сделал секретный запрос в Лондон, требуя объяснить какие такие

399 TNA. FO 371/172430. Brief No 8. NATO Ministerial Meeting. Paris, December 16–18, 1963. East/West Trade. Background note. Credits for the bloc.

преимущества Лондону дает выдача долгосрочных кредитов советскому блоку. В частности, он прямо писал: «кажется, что правительство Ее Величества делает ставку на общем нежелании «шестерки» выдавать кредиты на срок более пяти лет. Как бы то ни было, но это аргумент, который использовался в приложении к межведомственному докладу, представленному министрам 15 февраля. Но оправдано ли это? Наше стойкое убеждение здесь состоит в том, что к тому моменту, когда Соединенное Королевство реально выдаст долгосрочные кредитные гарантии, шестерка европейских стран — в первую очередь Германия, Франция и Италия — решительно включатся в состязание. Таким здесь представляется взгляд американцев, которые говорят нам, что они опасаются не столько британцев — на наши добрые намерения можно положиться; чего они, по их словам, боятся, так это того, что такие страны, как Германия и Япония, сбросят с себя все ограничения, как только пятилетний рубеж будет нарушен. У меня нет никаких оснований полагать, что они неправы»⁴⁰⁰.

В секретном ответе Шукбургу курировавший этот вопрос чиновник из экономического отдела Форин Офис отмечал, что, во-первых, целью является обеспечить британским экспортерам условия не хуже других стран. Так, например, в то время как Экспортно-импортный банк США не гнушается сам обеспечением долгосрочных кредитов, слепая приверженность пятилетнему сроку ставит британцев в невыгодное положение⁴⁰¹. Во-вторых, это было связано с особенностями

⁴⁰⁰ TNA. FO 371/172430. Economic Relations Department. Justification of UK Policy on Credits to the Block. Sir E. Shuckburgh, UK Delegation to NATO to Sir P. Reilly, Foreign Office. December 20, 1963.

⁴⁰¹ Здесь явно имеется в виду отсылка к шедшим в 1963 году переговорам об условиях закупки СССР крупной партии пшеницы в США (до 3 млн тонн). Некие посредники даже зондировали почву для получения долгосрочного кредита под эту сделку в Британии, но Банк Англии отнесся к этому скептически: TNA. FO 371/172430. Economic Relations Department. Suggestion for UK to organize a consortium to finance a deal between US and Russia over sales of wheat. Mr. J.O. Wright, 10 Downing Str. to Mr. Caulcott, Treasury. December 18, 1963. Американские документы говорят о том, что гарантии Экспортно-импортного бан-

долгосрочной окупаемости поставляемых продуктов (стоимостью свыше 2 миллионов долларов), для чего требовались долгосрочные кредиты.

Лондон отдавал себе отчет в возможном витке банковской конкуренции после такого шага со стороны других стран. В то же время, успокаивал Шукбурга чиновник Форин Офис, несогласие с пятилетним лимитом, которого требовала «шестерка» еще не означает выдачу неограниченных кредитов странам. Чиновник дипломатично заверял, что решение не проистекает из желания получить выгоды за чужой счет (имея в виду страны «шестерки»). Однако, несмотря на разногласия в НАТО, Лондон не видит причин следовать ошибочной линии большинства, если она наносит ущерб торговым интересам Британии⁴⁰².

Несмотря на примирительные заверения Экономического отдела Форин Офис, очевидно, что разворот кабинета Макмиллана в сторону Москвы как по вопросу о трубах большого диаметра (от продажи которых отказалась ранее ФРГ), так и в вопросе долгосрочных кредитов был связан с желанием уколоть «Общий рынок».

Об этом же свидетельствует самая масштабная британская сельскохозяйственная выставка за пределами Великобритании,

ка США рассматривались как часть сделки, однако речь шла о максимальной рассрочке платежа по 25% на максимальный срок в 18 месяцев и не более того. Один из плюсов сделки виделся США в том, что они получали поддержку золотом американских долларов в результате крупных обменных операций СССР на Лондонском рынке — покупки наличных долларов за слитки для обеспечения этой сделки: Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Soviet Union, 1963: September 30 — November 5. JFKPOF-126-017. Memorandum for Mr. Sorenson. Walter C. Saurer, First Vice President and Vice Chairman, Export-Import Bank of Washington. November 5, 1963; Advantages of Permitting the Commercial Sale of Wheat to the Soviet Union. [URL:<http://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKPOF-126-017.aspx> Дата обращения 01.10.2011]

⁴⁰² TNA. FO 371/172430. Justification of UK Policy on Credits to the Block. From Sir C. Johnston, FO to Sir Evelyn Shuckburgh, UK Delegation to NATO. January 1st, 1964.

прошедшая в Москве в 1964 году. Как отмечали сами британские представители, в ее организации ключевую роль сыграл Британский национальный союз фермеров. А он был одной из самых заметных антирыночных лоббистских организаций, сопротивление которой общей аграрной политике ЕЭС во многом способствовало неудаче переговоров о вступлении Британии в «Общий рынок» при Г. Макмиллане⁴⁰³.

Документы французского МИДа подтверждают, что не в силах остановить Лондон, крупнейшие страны «Общего рынка» пустились вдогонку, хотя до того придерживались охранительных позиций. Так, 2 марта 1964 года состоялась встреча американского посла в Париже с главой Экономической дирекции французского МИДа Оливером Вормсером. На ней американский дипломат пытался убедить французского коллегу поддержать новую поправку к резолюции НАТО о кредитах СССР и шести соцстранам (принятой 30 сентября 1963 года по инициативе ФРГ, Бельгии, Франции и Нидерландов). Как следует из текста этого секретного американского документа, зная о британской позиции, он прописывал, что исполнять его будут только те члены НАТО, которые принимают условия игры, то есть закреплял отсутствие единогласия в этом вопросе. Суть сводилась к сохранению правила выдачи кредитов на срок не более 5 лет. Но даже для стран, декларировавших готовность придерживаться прежнего пятилетнего максимума, теперь допускались исключения — в отдельных случаях им разрешалось выдавать более долгосрочные кредиты⁴⁰⁴.

Вормсер заявил американскому послу, что в создавшихся условиях предложенная американцами поправка лишь ставит в невыгодное условие французскую промышленность, предоставляя свободу инициативы Лондону. Он предложил американцам как единственно возможное решение заставить англичан придерживаться правил Бернского платежного союза (т. е.

403 РГАЭ РФ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 9741. Л. 29–30.

404 AMAE. Papiers des Directeurs, 1944–1974. 14. Olivier Wormser. Europe Orientale. URSS. Note pour le Service de Pactes. 2 Mars, 1964. Fol. 386–388.

5 лет). В противном случае французы отказывались ставить свою экономику в заведомо невыгодное положение⁴⁰⁵.

Уже в мае 1964 года во время визита министра финансов и экономики Жискара д'Эстена в Бонн ему пришлось успокаивать западных немцев относительно позиции Франции в этом вопросе, доказывая стойкость французов на переговорах в Москве, где они пытались противостоять искушению русских навязать им кредитные соглашения на 8, 10 или 15 лет. Тем не менее французский министр заявил прямо немецким партнерам, что в условиях, когда англичане пробивают брешь в вопросах общего кредитного фронта, а итальянцы демонстрируют свою ненадежность, французы также не желают остаться в стороне и потерять рынок для своей промышленности. Он предложил рассмотреть этот вопрос в рамках «шестерки» с учетом новых веяний⁴⁰⁶.

В ходе дальнейшей переписки с Аденауэром французская сторона направила федеральному канцлеру четырехстраничное послание с длинным объяснением причин, по которым Париж вынужден пересмотреть свою позицию в отношении кредитов. Апеллируя к возникающей вследствие действий англичан конкуренции, они фактически дезавуировали коллективную резолюцию стран ЕЭС 1963 года, одновременно сохраняя все ритуальные приседания перед Бонном и заверяя его в сохранении системы предварительных консультаций по этому вопросу⁴⁰⁷. В результате в одном только 1964 году Внешэкономбанк СССР подписал соглашения о долгосрочных кредитах с Британией, Италией и Францией на общую сумму в 480 млн руб.⁴⁰⁸

Советско-британский долгосрочный кредит стал вехой на пути от середины 1960-х к эпохе «высокой разрядки» в тор-

405 Ibid. Fol. 388.

406 AMAE. Papiers des Directeurs, 1944–1974. 14. Olivier Wormser. Europe Orientale. URSS. Note Commerce avec les pays de l'Est. 6 May 1964. Fol. 391.

407 Ibid. Fol. 396–399.

408 По курсу 1 руб. = 0,9 доллара США. См.: Внешэкономбанк. О банке. История. — [URL: <http://www.veb.ru/about/history/>]

говле Восток–Запад 1970-х годов. Он стал возможен не только благодаря выгодной для обеих стран расстановке сил и общности интересов в тот момент, но и благодаря появлению новых, необходимых для этого условий с советской стороны.

Во-первых, это был общий подъем внимания к экономической составляющей внешней политики государства. СССР впервые ставил перед собой целевую задачу выхода на западные рынки и привлечения западных кредитов и ноу-хау для выполнения амбициозных долгосрочных программ развития. В отличие от периода позднего Сталина, когда советские чиновники боялись показать свою большую заинтересованность в торговле, чем капиталистические страны, страх перед связями с Западом сменился на более открытый и деловой подход.

Достаточно сказать, что по запросу А. Н. Косыгина из Совета Министров СССР ИМЭМО АН СССР подготовил вариант статьи в проект новой Конституции СССР о роли «трех окружностей» в советской экономической дипломатии: социалистического содружества, капстран и развивающегося мира. Причем в статье о социалистическом ареале предлагалось записать, что «в содружестве с другими социалистическими государствами мировой социалистической системы, Советский Союз считает своими задачами в области экономики расширение товарооборота, развитие международного социалистического разделения труда, осуществляемое посредством координирования и специализации производства, все более глубокую координацию перспективных хозяйственных планов между социалистическими государствами, предусматривающую наибольшую экономию общественного труда, ускорение развития мирового социалистического хозяйства, укрепление научно-технического сотрудничества»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁹ Архив ИМЭМО. Ф. 1978. Оп. 2. 1962 г. Т. 7. Записка «Проблемы экономических отношений Советского Союза с другими странами в тексте новой конституции СССР». А. Арзуманян помощнику первого секретаря Председателя совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгина 08.09.1962 г. С. 66.

Эта статья — просто гимн социалистической межгосударственной интеграции. Учитывая, что после вступления Монголии в СЭВ в 1962 году эта организация перестала быть субрегиональной восточноевропейской, обретя глобальные черты, именно она мыслилась как центр мировой социалистической системы. Не случайно для разработки проблем СЭВ был учрежден новый «мозговой трест» — Институт мировой социалистической системы АН СССР в 1960 году (а для проблем западноевропейской интеграции — ИМЭМО в 1956 году).

Во властной структуре была образована специальная Комиссия Совета министров по внешнеэкономическим вопросам, через горнило которой проходили все проекты нововведений в экономической дипломатии СССР, включая политику в отношении западноевропейских интеграционных группировок и планы углубления интеграции в СЭВ.

В 1960 году получил новый статус Банк для внешней торговли СССР. По решению Совета Министров СССР Госбанк передал в это учреждение все полномочия по ведению расчетных и кредитных операций с иностранными банками. СССР стал крупнейшим центром кредитования социалистических и развитых стран, причем под крайне низкие проценты⁴¹⁰. В то же время, в целях экономии валюты, Москва искала западные кредиты для развития торговли и находила их, играя на противоречиях между ЕЭС и ЕАСТ.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, в отличие от выводов австрийского историка В. Мюллера, в подходе к европейской интеграции между Сталиным и его последователями все-таки была существенная разница⁴¹¹. То, что в эпоху Хрущева абстрактные призывы к европейскому единству через преодо-

⁴¹⁰ СССР выдавал займы под 2–2,5% годовых, что было в два-три раза меньше, чем капиталистические страны. К примеру, советский кредит Индии в 1957 году был предоставлен в рассрочку на 12 лет из расчета 2,5% годовых, в то время как МБРР выдавал ей кредиты под 5,6%: Архив ИМЭМО. Ф. 1978. Оп. 2. 1957. Т. 2. С. 160–161.

⁴¹¹ *Mueller W.* The Soviet Union and Early West European Integration // *Journal of European Integration History*. 2009. N2 (Vol. 15). P. 85.

ление искусственных барьеров приобрели конкретные очертания советских контрпроектов в экономической и ядерной областях, отмечает и Э. Робэн Ивер⁴¹². Как показано в данной работе, различие выражалось не только в смене тактики — перехвате инициативы и постепенной конкретизации общеевропейских предложений сотрудничества, но и в более конструктивном восприятии и взвешенных оценках самих интеграционных процессов, их объективной составляющей. К ним стали относиться как к объективной тенденции, жизнеспособной и требующей новых инструментов и новой политики, помимо избитых методов «битвы нот» и идеологической пропаганды.

Смена мышления привела к дискуссиям о степени участия или неучастия в тех или иных западноевропейских интеграционных объединениях, к заимствованию западного опыта применительно к СЭВ, к первым спорам товарников и антитоварников среди теоретиков и практиков советской экономики.

В третьей главе была показана эволюция оценок преимущественно на материале документов ОМЭО и Комитета информации МИДа СССР, МВТ СССР и ИМЭМО АН СССР. Между тем из воспоминаний и косвенных упоминаний в архивных источниках известно, что существовали и иные центры планирования советской внешней политики, в первую очередь в ЦК КПСС — созданный в 1957 году Международный отдел ЦК со своей группой консультантов и в определенных случаях конкурировавший с ним Общий отдел ЦК во главе с Ю. В. Андроповым. Последний объединял группу прогрессивно мыслящих спичрайтеров и консультантов, по немногословным свидетельствам Ф. Бурлацкого, также готовивших справки по вопросам западноевропейской интеграции и СЭВ для Н. С. Хрущева⁴¹³. Однако значительная часть секретных документов этих отделов до сих пор закрыта для исследователей.

412 *Hivert, É. R.* Le thème de l'Europe dans les rapports de la France avec les pays communistes (1943–1958). P. 564.

413 *Бурлацкий Ф. М.* Никита Хрущев и его советники — черные, красные, белые. М., 2008. С. 211–212.

В отличие от первых двух глав специфика источниковой базы периода 1953–1964 годов не позволяет воссоздать полную картину механизма принятия решений. Тем не менее они дают представление о степени свободы и дискуссионной среде, царившей на уровне «мандаринов»-чиновников в лице ведущих экспертов-экономистов и заведующих отделами.

Проведенный анализ позволяет существенно расширить наши знания о смелых проектах модернизации СЭВ, о первых предложениях признания и установления отношений с отдельными западноевропейскими группировками. Становится очевидным, что разрабатывавшееся советское видение «европейской конструкции» в общеевропейских масштабах не было чем-то статичным и догматичным, как в период ранней «холодной войны». Это было динамичное видение Европы в виде существующих экономических группировок с разделением труда и тесными торгово-экономическими, научно-техническими связями и общим органом — чаще в виде модифицированной ЕЭК ООН, а в 1960–1961 годах — в виде модифицированной ОЕЭС/ОЭСР как подлинно общеевропейской универсальной региональной организации. При этом речь шла о некоем подобии зоны свободной торговли, отчего ЕАСТ или ОЕЭС были при прагматическом подходе гораздо ближе сердцу советских дипломатов, чем, скажем, ЕЭС. Наднациональные общеевропейские структуры рассматривались как проводники заокеанского влияния. Хотя применительно к СЭВ попытка ввести наднациональное управление была инициирована самим Хрущевым в 1960–1963 годах, впрочем, как было показано, без должной подготовки и потому безуспешно.

При этом и сами советские дипломаты, и западные исследователи отмечали, что почти все новые общеевропейские инициативы СССР выдвигались как контринициативы на ту или иную фазу западноевропейской интеграции, что мешало их объективному восприятию странами Западной Европы. Подобно Совещанию по безопасности и сотрудничеству, идея общеевропейской зоны воспринималась на Западе как чистой воды пропаганда. Следует отметить, что первоначально именно так

оно и было. Однако постепенно различные экспертные группы влияния (ОМЭО, ИМЭМО АН СССР и др.) стали заниматься конкретным наполнением и пытаться действовать всерьез, чему не было проявлено должного доверия со стороны Запада.

Весьма показательна в этом плане запись беседы французского представителя при Европейских сообществах с Ю. Бузыкиным 23 сентября 1965 года. Бузыкин был сотрудником и экспертом по интеграции в ОМЭО МИДа СССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х, а в 1965 году получил назначение на пост первого секретаря советского посольства в Бельгии. На первой после своего назначения беседе-знакомстве с французским представителем в «Общем рынке», Бузыкин откровенно поведал о существовании двух «школ» в СССР применительно к западноевропейской интеграции. Первая была особенно чувствительна к политическим аспектам «Общего рынка» (ЕЭС — инструмент политики империализма). Вторая придавала особое значение позитивным достижениям «шестерки» в области экономического сотрудничества. Это, по словам Бузыкина, давало пищу для размышлений относительно применения западного опыта для региональных организаций в других частях мира с целью решения схожих проблем независимо от принадлежности к той или иной социально-экономической системе. Бузыкин гордо заявил, что он сам принадлежит ко второму из названных течений⁴¹⁴.

Откровения Бузыкина характеризуют позицию ОМЭО МИДа СССР, в котором он работал, и подтверждают выводы, сделанные в этой главе о различиях между позициями экспертов, к примеру, ОМЭО и МВТ СССР. Они же подтверждают приведенные суждения Ю. А. Борко о различиях в научной среде между марксистами «догматическими» и «творческими». Здесь же следует отметить, что попытка модернизации внешнеполитического инструментария СССР в виде коренно-

⁴¹⁴ АМАЕ. DE-CE-1961-1966. Coopération Économique. 1399. Représentation Permanente de la France auprès des Communautés Européennes. Visites de MM. Bouzykine et Jandik. Bruxelles, le 23 septembre 1965.

го реформирования СЭВ с заимствованием западного опыта отражала начало дискуссии в среде советских экономистов между «товарниками» и «антитоварниками» — по сути, «рыночниками» и «антирыночниками», продолжавшейся в стране вплоть до реформ М. С. Горбачева.

Несомненная заслуга периода Н. С. Хрущева заключается в том, что он породил дискуссионную среду, которая раскрепостила умы экспертов-экономистов и дипломатов, что позволило по-новому взглянуть на внешнеполитические реалии и перейти к объективной оценке европейских и глобальных реалий, критическому анализу собственных успехов и неудач.

Анализ справок и предложений говорит об эволюции в экспертных оценках — переходе от насмешливо-пренебрежительного и негативного подхода к западноевропейской интеграции к конструктивному и вдумчивому вплоть до заимствований западноевропейского опыта и попыток их частичного применения в Восточной Европе. Происходит рост числа контактов и консультаций, что приводит к появлению в дипломатическом и политическом слэнге термина «западники».

Конечно, он носил обобщающий пренебрежительный характер, подчеркивающий различие «мы–они», капиталистические «западники» и социалистические «восточники» (хотя так себя советские дипломаты конечно не называли). Тем не менее трудно представить в сталинские времена такого свободного и частого обращения к Западной Европе и США в дипломатических документах, чтобы потребовалось применительно к западным партнерам-соперникам для упрощения общения советских экспертов между собой вводить такой термин.

Ахиллесовой пятой этого периода была, с одной стороны, крайняя персонификация внешней политики страны (примером чему служил провал Парижского саммита 1960 года и всей связанной с ним «ранней разрядкой»), а с другой — разросшаяся бюрократическая машина, которая в процессе согласований между многочисленными ведомствами топилась большинство разумных нововведений. В результате из предлагавшегося комплекса общеевропейских мероприятий до уровня предложения

западным партнерам доходили единичные составляющие, а после согласования в многосторонних организациях вроде ЕЭК ООН или СЭВ оставалась и вовсе «тень на стене» от первоначального замысла.

Несмотря на эти недостатки, у новой советской внешней политики этого периода были существенные достижения в региональном и глобальном масштабах. К числу первых следует отнести получение долгосрочного английского кредита в середине 1960-х годов, что обострило конкуренцию между ЕАСТ и ЕЭС и положило конец кредитной дискриминации стран Восточной Европы. К числу вторых относится появление нового инструмента влияния СССР на развитие глобальной торговли в лице созданного в 1964 году ЮНКТАД — реализации провозглашенной на Московском экономическом совещании 1952 года долгосрочной цели советской внешней политики. Несмотря на глобальный характер этой организации, в советских планах именно эта организация должна была стать инструментом борьбы с замкнутыми экономическими группировками в Западной Европе. Это объяснялось и замаскированной глобальностью интересов самого ЕЭС, и комплексным видением «Общего рынка» как части глобальной холодной войны со стороны СССР, и столкновением интересов Москвы и Брюсселя в третьем мире, обозначившимся с наибольшей очевидностью в 1962–1964 годах.

ГЛАВА 4

«ВРЕМЯ КОНЦЕНТРАЦИИ»: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГОДОВ

Период после отставки Н. С. Хрущева в октябре 1964 года и до конца 1960-х годов можно условно назвать временем учета и «концентрации» во внешней политике СССР, в частности — концентрации усилий на европейском интеграционном поле. Примечательно, что это корреспондирует с аналогичными внешнеполитическими концепциями в западноевропейских странах того же периода (например, доклад внешнеполитической комиссии Данкена о «зонах сосредоточения» в британской внешней политике готовился как раз в 1968–1969 годах)¹.

4.1. Внешнеполитические приоритеты нового советского руководства

Пожалуй, ключевым для понимания сути этого периода и взглядов нового советского руководства можно назвать аналитическую записку, найденную в закрытом письменном рабочем столе Л. И. Брежнева при осмотре его кабинета после смерти генсека 12 ноября 1982 года². Как следует из сопроводительного письма к документу, этот текст 6 июля 1968 года был передан Брежневу согласно предварительной договоренности «лично» от начальника Общего отдела ЦК Ю. В. Андропова (с 1967 года одновременно председателя КГБ СССР). Он представлял собой развернутые «соображения по некоторым особо актуальным

¹ Липкин М. А. Британия в поисках... С. 152–153.

² РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 314. Л. 10–40.

аспектам внутривластной и внешнеполитической деятельности КПСС», по сути — программное видение стратегических задач советского правительства, подготовленных в виде обращения в Политбюро ЦК КПСС.

С одной стороны, записка показывает видение наиболее прогрессивно мыслящей части советского истеблишмента основных задач СССР в период между событиями «Пражской весны» в мае 1968 года и до ввода войск ОВД в Чехословакию осенью того же года. Можно даже предположить, что новизна формулировок и задач диктовалась именно шоком для социалистического содружества от событий в Чехословакии и необходимостью срочно взять инициативу в свои руки. С другой стороны, нам не удалось найти каких-либо признаков постановки данного документа на обсуждение на заседаниях Политбюро в июле 1968 года, хотя очевидно, что готовился он именно для ключевой дискуссии по вопросу судьбы Чехословакии и всего Восточного блока, развернувшейся в Политбюро ЦК КПСС в июле 1968 года. Возможно, что-то удастся проследить исследователям, когда откроются «особые папки» за этот период, возможно документ обсуждался в самом узком кругу Брежнева в устной форме. Скорее всего, генсек использовал какую-то его часть при подготовке собственных выступлений.

Наиболее загадочным выглядит то, почему документ 1968 года оказался в личном столе генсека в 1982 году. Это создает определенные трудности для археографической обработки данного источника: возможно, Брежнев хотел что-то почерпнуть из него ближе к 1982 году и в силу болезни и рассеянности оставил в столе. Возможно даже, документ был поднят в связи с начавшимся вводом войск в Афганистан, чтобы вспомнить что обсуждалось в ситуации накануне ввода войск в Чехословакию. Однако зная физическое состояние генсека к концу 1970-х, в это трудно поверить. Крайне маловероятно, чтобы такая бумага могла пролежать там с 1968 по 1982 год. Можно даже выдвинуть фантастическую конспирологическую гипотезу, что он был сознательно подброшен туда его авто-

ром, Андроповым, с целью придать огласке факт его нахождения и поднять собственный авторитет в узких кругах ЦК и продемонстрировать преемственность при назначении на освободившуюся должность главы СССР. Но подтвердить ее абсолютно нечем.

Лейтмотивом внешнеполитической части документа становится мысль о необходимости концентрации усилий в ключевых регионах и странах, ухода от распыления средств на поддержку всех симпатизировавших СССР режимов в духе импульсивной внешней политики Н. С. Хрущева. Подводя итог первым годам после смены власти в СССР, в документе говорится: «Можно сказать, что вся наша политика в целом выгодно отличалась от шараханий и метаний, характерных для времен, предшествующих октябрьскому Пленуму»³. При этом прямо заявляется о необходимости смены тактики: «Являясь великой державой, мы, естественно, имеем интересы во всех районах мира. Но эти интересы далеко не равноценны... Может быть нам следует наметить зоны наших первоочередных интересов и сконцентрировать усилия на обеспечении этих интересов. Если вести речь о развивающихся странах, то такой подход позволил бы нам прочно закрепиться в "узловых" пунктах "третьего мира", сделать эти страны притягательным примером для других развивающихся государств»⁴.

То же касалось смены фокуса в политике в рамках СЭВ. Предлагалось отрешиться от текущих проблем и сконцентрироваться на перспективном развитии, в первую очередь — экономическом сотрудничестве. В записке впервые из всех известных на данный момент документов употребляется термин «экономическая интеграция» применительно к социалистическому содружеству⁵. Он конечно еще подается с массой оговорок про братское сотрудничество, но уже виден прагматический подход к постановке вопроса.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 30–31.

⁵ Там же. Л. 32.

Тезисно необходимость интеграции обосновывалась тем, что:

- а) застой в экономике породит внутренние неурядицы;
- б) ни одна из социалистических стран Европы не самодостаточна в своем развитии (сырье, узкий внутренний рынок, т. д.);
- в) слабая экономическая связь соцстран между собой приведет к их вовлечению в экономическую и политическую орбиту Запада;

г) «мы не можем брать соцстраны на свое иждивение; единственно возможный тип сотрудничества — взаимовыгодное»⁶.

В системе приоритетов как во внутренней, так и во внешней политике документ выдвигает на первый план экономику. Явно отвечая на вызовы, связанные с «Пражской весной», дается рецепт выхода из сложившегося положения: именно экономическое сотрудничество «открывало бы перед каждой страной реальные перспективы согласования политических интересов, строительства отношений на таких прочных и долговременных основах, которые не могут поколебать субъективистские настроения какого-либо из лидеров или перипетии борьбы в руководстве той или иной партии»⁷.

Многие идеи из записки Андропова, которые высказывались в общих чертах, как отмечалось, «в постановочном характере», для конфиденциального обмена мнениями между членами Политбюро, как будет видно из этой главы, получили свое дальнейшее развитие в ключевых документах по экономической и политической интеграции СЭВ и ОВД в конце 1960-х годов. Поэтому представляется крайне важным ввести в научный оборот записку Андропова для понимания эволюции внешнеполитической линии СССР, особенно применительно к разработке темы интеграции в восточном блоке.

Помимо массы прочих совпадений и схожих моментов с ключевыми документами Политбюро периода 1968–1969 годов, хочется провести прямую связь с идеями концентрации в совместной записке Отдела ЦК (Андропов) и МИДа СССР

⁶ Там же. Л. 31.

⁷ Там же. Л. 13.

(Громыко), датированной 3 августа 1970 года. Принятая на Политбюро ЦК КПСС 13 августа 1970 года записка под названием «Об усилении координации внешнеполитической деятельности Советского Союза и других социалистических стран» вводила понятие «основного ядра социалистического содружества»⁸. Документ прямым текстом говорил о «роли стран Варшавского договора как ядра социалистического содружества»⁹. Под ним понимались ключевые страны-члены ОВД: Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика и Чехословацкая Социалистическая Республика. Хотя в качестве термина понятие «периферия» не употреблялось, понятно, что все, кто не были «ядром», оказывались во втором круге. К таким странам относились Социалистическая Федеративная Республика Югославия, Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам, Республика Куба и Народная Республика Албания, с которыми предстояло активно работать в политической сфере главным союзникам СССР.

По сути, документ 1970 года ставил точку в выборе вектора политической интеграции в восточном блоке — из него становится очевидно, что ставка делается на ОВД, его старые и планируемые новые структуры. СЭВ в документе не упоминается почти нигде и таким образом комплексная программа социалистической экономической интеграции, подготовка к которой начинается в 1969 году и заканчивается принятием ее в 1971, оставляет в своей компетенции исключительно экономику. Политическая интеграция в Восточной Европе, в отличие от Западной, в 1970-х развивается преимущественно в рамках ОВД. Сильных наднациональных структур вроде Комиссии Европейских сообществ, претендующих на выражение политической воли экономических субъектов в рамках СЭВ, на рубеже 1960–1970-х годов не возникает.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 364. Л. 20.

⁹ Там же.

Почему, несмотря на рост взаимозависимости, повышение значимости экономического фактора в речах и документах тех, кто принимал политические решения в СССР, частичной интеграции в мировую капиталистическую систему (классический пример — сделка «газ-трубы» 1970 года) в отличие от западной модели интеграции, на востоке геополитика стала побеждать экономику — пожалуй, главный вопрос, который стоит перед исследователями второй половины 1960-х годов.

4.2. Борьба новых и старых тенденций в СЭВ во второй половине 1960-х годов

Середина 1960-х годов — время экономических реформ в странах Восточной Европы. В 1963 году была проведена реформа в ГДР, в 1966–1968 — в Чехословакии, в 1968 — в Венгрии. Они основывались на сочетании более гибкого государственного планирования и введения элементов контролируемого рынка. Но итогом стал вопрос о пересмотре плановой системы экономики, на что попытались было пойти чехословаки и на что не готовы были пойти в СССР и ряде других стран социалистического лагеря, так как это ставило под вопрос основу существования социалистических режимов. В результате реформы были, но носили половинчатый характер и были в значительной мере были свернуты после выхода ситуации из-под контроля, как в случае с Чехословакией.

На данный момент не существует специальных исследований, в которых удалось бы показать прямую взаимосвязь между внутренними реформами в европейских социалистических странах и попытками внешних экономических реформ в многосторонней структуре СЭВ — в области цен, специализации производства, создания новых органов — Комиссии СЭВ, международного банка и т. д.

Такая связь безусловно существовала, причем СЭВ выступал тут в двойном качестве: «ночного сторожа» и площадки для модернизации экономической основы «мировой системы соци-

ализма». Об этом наглядно говорит текст Директив делегации СССР на XXI сессию СЭВ и представителю СССР на XXII заседание Исполнительного комитета СЭВ, одобренного на Политбюро 23 ноября 1967 года. В нем, в частности, предлагалось: «Поддержать предложения других стран-членов СЭВ об организации в органах Совета изучения происходящих в странах-членах СЭВ экономических реформ, подчеркнуть при этом, что Советская Сторона считает целесообразным, чтобы такое изучение было организовано в рамках СЭВ для заинтересованных стран, что может сыграть важную роль для дальнейшего совершенствования экономического и научно-технического сотрудничества между странами-членами Совета, с учетом тех последствий, которые вытекают из результатов осуществления в странах экономических реформ»¹⁰.

Важный момент «заинтересованных стран». СССР стоял перед проблемой введения интеграционных механизмов разных скоростей для разного количества стран. После реформистских неудач Хрущева и на фоне постоянного торпедирования совместных решений со стороны Румынии и ряда других слаборазвитых стран СЭВ, всю вторую половину 1960-х годов СССР и страны-единомышленники проводили линию на отход от обязательного принципа единогласного принятия решений к более гибким схемам работы Совета. В первую очередь, это касалось трактовки статьи 4 устава СЭВ — принципа «заинтересованных стран».

Весьма показательны директивы представителю СССР на XXIII заседание Исполкома СЭВ в Москве 7 июня 1966 года. В них содержался отдельный пункт о применении 4-й статьи Устава СЭВ. Представителю поручалось «высказать мнение о целесообразности искать более гибкие формы сотрудничества между странами СЭВ, которые учитывали бы различие интересов и степень заинтересованности отдельных стран»¹¹. Давалась установка согласиться с польским предложением о применении ста-

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 131. Л. 15.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 15. Л. 52.

тьи 4 Устава СЭВ. При этом в качестве возможной записи в протоколе XX сессии СЭВ рекомендовалось предложить следующую редакцию: «Страны, которые не считают для себя возможным участвовать в разработке в органах СЭВ и в осуществлении отдельных мероприятий, интересующих другие страны, будут с полным пониманием относиться к интересам этих стран и не будут предпринимать действий, препятствующих проведению этих мероприятий в рамках СЭВ. В то же время осуществление таких мероприятий заинтересованными странами не должно налагать никаких обязательств и не приводить к ущемлению интересов стран, не участвующих в их проведении»¹².

На встрече руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов СЭВ в Бухаресте 7 июля 1966 года большое место заняло обсуждение Устава и интерпретации его 4-й статьи — проблема отхода от единогласия и допустимости введения принципа «заинтересованных сторон» в принятии решений. Причем высказывались диаметрально противоположные точки зрения: румыны были за единогласие и против создания межгосударственных отраслевых объединений¹³, поляки и болгары, наоборот, поддерживали новые формы взаимодействия стран в Совете¹⁴. А. Н. Косыгин выступал одним из последних, в роли «примирителя». В качестве лекарства примиряющего свойства он высказался о том, что «не все вопросы могут быть в равной мере взаимовыгодными». Пытаясь остудить накал дискуссии, который отражал столкновение национальных интересов разных стран, он напомнил присутствующим, что СССР выполняет свои интернациональные обязанности «независимо от того, выгодно это нам или невыгодно»¹⁵.

Интересно, что на встрече Косыгин открыто выступил против создания совместно управляемых предприятий, основанных на многосторонних инвестициях стран-членов СЭВ.

¹² Там же.

¹³ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 72. Д. 29. Л. 50–53.

¹⁴ Там же. Л. 86; Л. 31.

¹⁵ Там же. Л. 86; Л. 108.

«Я должен сказать, что мы против таких предприятий, и не поддерживаем идеи их создания... СЭВ не должен обрастать хозяйственными организациями»¹⁶. Согласно дальнейшим пояснениям, Косыгину СЭВ представлялся в виде зонтичной структуры: он вносит рекомендации и создает экономические и организационные условия, но не берет на себя прямые функции управления. «Наш Центральный Комитет и Правительство твердо стоят на той позиции, что СЭВ не является каким-то надгосударственным органом, надгосударственным госпланом»¹⁷, — заявил Косыгин на встрече.

Подобные заявления резко контрастируют с дальнейшими попытками углубить интеграцию при разработке «Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции», разрабатывавшейся с конца 1960-х и принятой СЭВ в 1971 году. В рамках нее были созданы новый Международный инвестиционный банк и новые многосторонние организации, которые призваны были стать мотором социалистической интеграции в 1970-х: например, программа «Интеркосмос» (появилась в 1967, была переименована в 1970), организации: «Интерхим» (1970), «Интератоминструмент» (1972), «Интератомэнерго» (1973) и др. Возможно, слова Косыгина в какой-то мере были «данью месту» проведения встречи — попытке успокоить румын. Но не исключено, в 1966 году Косыгин и вправду придерживался иной, нежели Хрущев, точки зрения на роль СЭВ, однако его взгляды в дальнейшем претерпели изменения под воздействием чехословацкого и китайского факторов.

Однозначно можно говорить, что уже в 1969 году сам Л. И. Брежнев принял участие в XXIII специальной сессии СЭВ 23–26 апреля в Софии. И в своем выступлении он говорил прямо противоположное сказанному Косыгиным в 1966 году. «Мы считаем, что принцип заинтересованности, зафиксированный в Уставе СЭВ, имеет важное значение для эффективной работы

¹⁶ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 72. Д. 29. Л. 104.

¹⁷ Там же.

СЭВ. Он гарантирует суверенитет и равноправие участников нашей организации, т. к. ограждает любую страну от навязывания не отвечающих ее интересам решений.... Однако было бы целесообразным рассмотреть существующее толкование понятия заинтересованности, чтобы при принятии рекомендаций или решений по экономическим вопросам в СЭВ заинтересованность не превращалась в право вето»¹⁸.

СССР снабжал ряд стран СЭВ сырьем на 90–95%, причем эта ситуация иждивения союзников по социалистическому лагерю волновала все больше само советское руководство. Это отмечал в своем выступлении Косыгин еще в 1966 году. Аппетиты союзников росли, сталинская модель СЭВ начинала не справляться со своими обязательствами. В этом плане характерен пример с отказом СССР в удовлетворении запросов соцстран в снижении контрактных цен на поставляемый из СССР хлопок в декабре 1966 — январе 1967 года. Вообще вопрос «справедливых» цен был ахиллесовой пятой для СЭВ и таковой и остался на протяжении второй половины 1960-х годов. Но в данном случае интересна реакция СССР и обоснование границы, за которой Москва уже была не готова идти на еще большие экономические уступки своим союзникам — то чувствительное место, где национальные интересы начинали четко пересекаться с интернациональным долгом.

Суть эпизода заключалась в попытке перезаключения соглашений на поставки хлопка на новую пятилетку. Страны СЭВ (кроме ГДР и ВНР) требовали снижения цен на хлопок на 100 рублей за тонну (в среднем с 700 до 600 руб.), заявляя, что они оказались выше среднемировых по итогам периода 1960–1964 годов¹⁹. Вопрос был поднят на уровень Совета Министров СССР. В соответствии с его поручением была рассмотрена записка министра внешней торговли Н. Патоличева в ЦК КПСС по вопросу о контрактных ценах. В итоге в январе 1967 года была подготовлена и представлена в Политбюро ЦК КПСС резолютивная

¹⁸ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 39. Л. 37об.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 371. Л. 110.

записка за подписью глав всех профильных министерств и ведомств: М. Лесечко, Н. Патоличева, В. Гарбузова, М. Мисника, В. Ситина, М. Свешникова, И. Кабанова — с окончательным анализом и предложениями по выходу из сложившейся ситуации.

Высокая комиссия пришла к выводу, что «СССР не рассматривает поставку хлопка как обычную торговлю, осуществляемую на основе принципа "взаимной выгоды". Поставки хлопка, так же как и зерна, всегда рассматривались нами как оказание странам братской помощи, учитывая их ограниченные возможности закупок этих товаров на валюту»²⁰. В документе отмечалось, что на переговорах несогласные страны СЭВ увязывали цену на хлопок с ценами на поставки своих товаров в СССР. «Претензии стран нельзя признать справедливыми, — заключала комиссия. — Большинство перечисленных товаров (сигареты, табак, синтетический каучук, текстиль из нашего хлопка, косилки и др.) закупается Советским Союзом в этих странах главным образом по настоятельной просьбе этих стран, а не потому, что Советский Союз в них крайне нуждается, и неправильно увязывать продажу упомянутых товаров на коммерческой основе с поставками хлопка, осуществляемыми по существу в порядке братской помощи»²¹. Комиссия достаточно жестко предлагала добиваться сохранения существующих цен или в крайнем случае допускала их снижение на 7%²².

Данный эпизод характерен для иллюстрации конфликта двойного рода. Во-первых, между частичным стремлением к введению рыночных механизмов определения цен и плановой экономикой в СЭВ. Во-вторых, между ростом национальных интересов стран-членов и разрастанием груза «интернациональных» обязательств СССР. О непомерности взятой на себя ноши и необходимости ухода от иждивенческих отношений со стороны членов СЭВ говорилось еще в разбираемой в начале главы записке Андропова 1968 года. Стоит отметить, что «бремя»

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 110–111.

²² Там же. Л. 111.

сверхдержавы было характерно не только для СССР. Примерно в это же время США начинают политику частичного свертывания европейских обязательств на фоне роста вовлеченности во Вьетнамский конфликт и перекладывания все большего бремени оборонных расходов на европейских членов альянса, что также сопровождалось сопротивлением и неудовольствием со стороны последних.

Мысли о более осторожных формулировках тезисов об ориентации на сырьевые ресурсы СССР и, в частности, отказ от поставок готовой сталелитейной продукции из СССР, нашли свое отражение в пояснительной записке в ЦК КПСС к проекту предложений СССР «О проблемах экономического сотрудничества стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи» в январе 1969 года²³. Там же можно найти основную суть противоречия в видении целей восточноевропейской «интеграции» между СССР и ведущими странами восточного блока во второй половине 1960-х годов.

«Необходимость тезиса о совместном планировании диктуется тем, что в предложениях наших друзей (в частности, в предложениях ВНР и ПНР) делается акцент на развитие сотрудничества в первую очередь и главным образом в сфере обращения. Предложения Советского Союза исходят из того, что центр тяжести экономического сотрудничества заключается в интеграционных мероприятиях в сфере производства [выделено мною. — М. Л.]»²⁴. Таким образом, становится очевидным, что для наиболее развитых стран СЭВ жизненно важными при обсуждении интеграционных мероприятий в СЭВ были вопросы товарно-денежных отношений, вопросы кредитов и цен, а не жестко регламентированного производства, завязанного на специализации, чего добивался в качестве первоочередной цели СССР.

В 1967 году заинтересованное в укреплении СЭВ руководство Польской народной республики всячески сигнализиро-

²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 954. Л. 39–40.

²⁴ Там же. Л. 39.

вало о том, что «вместо интеграции в отдельных отраслях промышленности и производства происходит дезинтеграция. Имеющиеся договоренности по отдельным вопросам кооперации и специализации производства между этими странами или совсем не реализуются, или реализуются частично и с большими трудностями»²⁵. Польское руководство считало главной причиной торможения узость внутренних рынков стран-членов и их национальный эгоизм — нежелание специализироваться, напротив, стремление развивать все отрасли у себя одновременно. Как пересказывал свою доверительную беседу с заместителем председателя Совета Министров ПНР П. Ярошевичем постоянный представитель СССР в СЭВ М. Лесечко, Польша стояла перед выбором: либо усиливать экономическую интеграцию с капиталистическими странами Западной Европы, либо — в двустороннем порядке — с СССР «через интеграцию с промышленным потенциалом Советского Союза» (создание больших грузовых автомобилей, развитие малотоннажной химии, черной и цветной металлургии и т. д.). Из документа явствует, что Польша выражала неудовольствие тем, что, являясь крупнейшей индустриально развитой страной СЭВ, она занимает в товарообороте с СССР меньшее место, чем другие соцстраны (явно намекая на ГДР). Поляки жаловались, что, получив лишь крайне незначительную долю участия в строительстве завода ФИАТ в Тольятти, они вынуждены были развивать свое параллельное производство автомобилей²⁶.

Говоря про страны Западной Европы, польская сторона в первую очередь имела в виду страны-члены Европейского сообщества (ЕЭС, ЕОУС, Евратом). Не секрет, что «Общий рынок» шести западноевропейских стран был самым динамично развивающимся в 1960-е годы из всех западноевропейских интеграционных объединений. Вопрос о формате отношений СЭВ с западным экономическим центром силы ставился по

²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 347. Л. 156.

²⁶ Там же. Л. 158–160.

инициативе восточноевропейских стран СЭВ, чья доля торговли с западными соседями была гораздо более чувствительной, чем у СССР на тот момент. Если СССР мог позволить себе выбирать между ФРГ и Японией, то поле для маневра социалистических стран с гораздо меньшими политическими и экономическими возможностями было существенно уже. Так, к примеру 31 мая 1968 года состоялось совещание министров внешней торговли стран-членов СЭВ для обмена мнениями по вопросам торгово-политических отношений со странами ЕЭС. Поводом для беспокойства стала эволюция единой торговой политики ЕЭС. Ожидалось введение специального импортного режима для ввоза сельскохозяйственных товаров из социалистических стран в рамках «общей сельскохозяйственной политики» ЕЭС. К тому же «Общий рынок» завершал комплекс мероприятий по введению единого внешнего таможенного тарифа с 1 июля 1968 года и планировал переход к единой торговой политике с 1970 года.

Наибольшие дискуссии вызвала записка венгерской стороны, в которой доказывалось, что ЕЭС перестал быть экономической базой НАТО и национальные интересы стран-членов СЭВ требуют установить с ним ту или иную форму отношений с целью поддержания и развития товарообмена. В своем выступлении представитель ВНР привел такие цифры: народное хозяйство ВНР несет ежегодный ущерб от мероприятий «Общего рынка» в размере 20 млн долларов²⁷. Де-факто почти все страны вынуждены в скрытой форме в виде «технических» переговоров на низшем уровне вести переговоры с целью улучшить условия торговли. Удельный вес одной Венгрии в торговле с ЕЭС искусственным волокном составлял 2%, а удельный вес всех стран СЭВ по этому показателю — 42%! Исходя из этого, венгерский представитель призывал к началу диалога на уровне СЭВ и ЕЭС, а не отдельных стран, с целью большего нажима на Брюссель²⁸.

27 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 518. Л. 101.

28 Там же.

Венгерского делегата поддержал представитель Чехословакии, который прямо заявил: «нельзя игнорировать существование ЕЭС. Несмотря на все разногласия, ЕЭС консолидируется и это — реальность, с которой мы должны так или иначе считаться. По таможенным вопросам компетентна только Комиссия ЕЭС, по сельскохозяйственным — Комиссия или Совет министров ЕЭС. По этим вопросам отдельные страны принимать на себя обязательства не могут»²⁹. Как следовало из выступления делегатов ВНР и ЧССР, они уже вели переговоры с ЕЭС как международно-правовым субъектом в рамках ГАТТ с целью улучшить условия торговли. В ответ на это министр внешней торговли СССР Патоличев выступил в успокаивающих тонах, заявив что единый таможенный тариф касается всех третьих стран, а не только социалистических и что за последнее время был достигнут ряд серьезных успехов: во-первых, пробита брешь в попытке ЕЭС не предоставлять СССР ни фирменных, ни банковских кредитов, во-вторых, несмотря на подготовку к единой торговой политике, с 1970 года такие страны, как Франция, охотно идут на заключение долгосрочных двусторонних соглашений и планируют их развивать и в будущем и т. д.³⁰ В итоге совещание не приняло каких-либо конкретных прорывных решений, перенеся обсуждение возможной единой линии стран СЭВ в отношении ЕЭС на следующее заседание. Вопрос о той или иной форме признания ЕЭС был отнесен к разряду высокой политики и вынесен за скобки таких совещаний.

Несмотря на нараставшие противоречия в СЭВ, в середине — второй половине 1960-х годов им были достигнуты и заметные успехи на интеграционном поприще в области стандартизации и специализации в отдельных отраслях. В конце хрущевского периода, в 1964 году, были созданы важные межгосударственные хозяйственные объединения «Интерметалл», «Общий парк грузовых вагонов», «Организация сотрудничества подшипниковой промышленности». Как отмечает О. Н. Широков, во второй

²⁹ Там же. Л. 103.

³⁰ Там же. Л. 98, 96.

половине десятилетия наибольшие успехи демонстрировало машиностроение. Межгосударственной специализацией было охвачено производство более 200 видов и типов машин и оборудования³¹.

Советское руководство явно искало новых путей нерыночного скрепления социалистического содружества. В этом плане крайне любопытна малоизвестная трансрегиональная инициатива Кремля в масштабах Евразии, которая сравнима с первыми шагами в сторону того геополитического проекта, который в XXI веке стал известен как ЕврАзЭС.

Известно, что еще в июне 1956 года по договоренности с европейскими странами народной демократии был введен на основе взаимности безвизовый режим для въезда и выезда советских граждан и граждан этих стран, направляющихся по служебным делам³². Правда, в 1957 году ГДР отменило безвизовый режим, что привело к введению режима ускоренной выдачи деловых виз. И вдруг в январе 1969 года Политбюро ЦК КПСС принимает проект типового «Соглашения о безвизовом въезде в СССР, выезде из СССР и транзитном проезде через территорию СССР» граждан НРБ, ВНР, ГДР, КНДР, МНР, ПНР, СРР и ЧССР. Речь шла о свободном передвижении рабочей силы, что является одним из главных достижений известной нам шенгенской зоны, являвшейся одной из целей западноевропейской интеграции и достигнутой путем подписания Шенгенского соглашения об упрощении паспортно-визового контроля стран Европейского сообщества в 1985 году. Как объяснить такую инициативу, и можно ли говорить о попытке ввести «соцшенген» в 1969 году? Самое обидное, что без дополнительных исследований, требующих углубления в 1970-е годы, на данный момент невозможно проследить судьбу этой визовой новации со стороны СССР.

Согласно решению Политбюро ЦК КПСС, МИДу СССР поручалось провести переговоры и при достижении договорен-

³¹ Широков О. Н. Указ. Соч. С. 59.

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 169. Л. 30.

ности подписать на условиях взаимности соглашения с указанными странами по лицам, направляющимся в СССР или через территорию СССР по служебным и частным делам³³.

К решению прилагался типовой проект такого рода соглашения, который говорит о беспрецедентном по важности вопросе — по сути, речь шла про решение организовать механизм свободного передвижения людей на социалистическом пространстве Евразии: от ГДР и Румынии до Монголии и Северной Кореи! Это сразу наводит на аналогии с западноевропейским вариантом интеграции — одна из целей — свобода передвижения людей и рабочей силы. Все это с трудом вяжется с распространенными взглядами на СССР как на крайне консервативную систему, однако документы говорят сами за себя.

Типовое соглашение предусматривало свободный безвизовый въезд и выезд «по действительным проездным документам» граждан и сопровождающих их членов семей по служебным, туристическим, личным (в гости) делам, а также в качестве членов делегаций и отдельно приглашенных лиц по линии обменов: между обществами дружбы, областями, городами, общественными организациями, школами и т. д.³⁴ Отдельно прописывалось оформление детей и поездки к временно пребывающим на территории одной из договаривающихся сторон студентам, аспирантам, практикантам, специалистам и т. д. Предусматривалась возможность продления пребывания при наличии уважительных причин. Кроме того, в Дополнительном протоколе прописывались правила поездок на собственном автомобиле — по маршрутам, открытым для иностранных туристов, либо при условии оставления автомобиля на хранение в кемпингах «Интуриста»³⁵. Лишь статья 14 оставляла право любой договаривающейся стороны отказать во въезде или пребывании

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 228. Л. 183.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 232 Л. 64–66.

³⁵ Там же. Л. 70.

нежелательным лицам — гражданам другой договаривающейся стороны³⁶.

Известно, что во второй половине 1960-х Политбюро практиковало выдачу разрешений на работу в СССР этнических бригад болгарских и корейских рабочих (в основном на лесозаготовках). Однако в данном случае комплексный документ, либерализовавший передвижение людей в рамках «мировой социалистической системы», демонстрировал подчеркнутое внимание к людям с семьями, детьми, студентами. В нем прописывались значительные преференции для туристов и развития туризма — это, несомненно, был большой шаг вперед по сравнению с предыдущими отдельными решениями. К сожалению, ни одного реально заключенного типового договора по материалам фонда Политбюро ЦК КПСС ни с одной из перечисленных выше стран обнаружить не удалось. Наиболее вероятная гипотеза: после советско-китайского пограничного конфликта на острове Даманский в марте 1969 года и резко обострения пограничной обстановки на Дальнем Востоке, СССР уже было не до либерализации погранично-пропускного режима.

4.3. Проблемы и перспективы развития ОВД во второй половине 1960-х годов

Можно говорить о том, что в конце 1960-х со стороны СССР идет активный поиск новых путей «скрепления» пространства Восточного блока, укрепления блоковых структур накануне решающих переговоров о разрядке напряженности в Европе и разоружении. Причем отличие слов от дел наблюдается как со стороны СССР, так и со стороны США. Вашингтон всячески укреплял структуры НАТО и корпоративный дух альянса на фоне перезаключения договора 1949 года. Во второй половине 1960-х

³⁶ Там же. Л. 68.

годов США испытывали проблемы с демонстративным выходом Франции из военной структуры альянса и с Пакистаном, недобрым отсутствием поддержки со стороны Вашингтона в территориальном конфликте с Индией³⁷.

СССР испытывал аналогичные проблемы не только в случае с Чехословакией, но и в отношениях с Румынией, которая всячески мешала параллельному процессу укрепления ОВД и достижению компромисса по вопросам разоружения и разрядки напряженности с Западом.

В этом плане показательным Совещание Политического и консультативного комитета государств-участников ОВД 6–7 марта 1968 года в Софии. Записи бесед говорят о серьезном расколе между Румынией и остальными 6 странами-членами ОВД. При этом следует отдать должное советским переговорщикам, лично Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину, в попытках найти компромисс на двусторонних переговорах с румынской делегацией между заседаниями ПКК, они были предельно конструктивны и корректны, чего не скажешь о румынах. Обсуждая проект договора о нераспространении ядерного оружия, который находился на завершающей стадии (был согласован в «Комитете восемнадцати» в рамках ООН), Н. Чаушеску вдруг стал выставлять нереальные условия и оговорки, предлагая отложить этот вопрос и вернуться к нему лет эдак через пять³⁸. Никакие аргументы и доводы советской стороны на него не имели воздействия. На последовавшей закрытой встрече Брежнева и Косыгина с Я. Кадаром, Т. Живковым и А. Дубчеком в последний день заседания последние предлагали сделать коллективное представление румынам о неприемлемости их позиции. Брежнев высказался за скрытие фактов разногласий, но об уровне его возмущения и важности ОВД для СССР говорит излагаемая в пересказе, а потому, вероятно, чуть скорректированная запись состоявшегося

³⁷ О военно-политическом курсе Франции и советских оценках см. подробнее тематическую главу в книге: Улуян А. А. «Послепражский 1969-й». Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и Европейском Средиземноморье. М.: ЛЕНАНД, 2016 С. 237–284.

³⁸ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 33. Л. 2.

обмена мнениями: «Л. И. Брежнев говорит, что шести странам, придерживающимся единой позиции, следовало бы вообще изучить вопрос о судьбе Варшавского Договора. Сложилось нетерпимое положение, когда при решении вопросов, имеющих жизненно важное значение для наших стран, у нас связаны руки. Мы не можем решать важнейшие вопросы из-за позиции румын. Это еще вопрос, с кем они в стоворе. Советский Союз несет больше девяноста процентов расходов на оборону в социалистическом лагере, от его оборонной мощи зависит поддержание мира и спокойствия не только в Европе, но, можно сказать, и на всем земном шаре, а румынская позиция мешает нам все решать вопросы, от которых зависит судьба мира социалистических стран. Такое положение, добавляет Л. И. Брежнев, нетерпимо дальше и следует задуматься над вопросом о судьбе Варшавского Договора»³⁹.

По сути, в ОВД, как и СЭВ, СССР стал искать путей пересмотра положения о единогласии при принятии решений через механизм «заинтересованных сторон». Документы ОВД пока полностью не доступны исследователям, но насколько можно судить по документам Политбюро, именно по итогам софийского совещания ПКК министрам обороны и главнокомандующему Объединенными вооруженными силами ОВД было дано поручение подготовить согласованные проекты новых базовых документов: «Положение о Комитете министров обороны государств-участников Варшавского Договора», «Положение об объединенных вооруженных силах и объединенном командовании государств-участников Варшавского Договора», «Положение о военном совете объединенных вооруженных сил стран-членов Варшавского Договора», «Положение о единой системе противовоздушной обороны государств-участников Варшавского Договора»⁴⁰. В марте 1969 года Политбюро утверждало проект письма по этому вопросу ЦК братских партий и правительствам стран-участникам ОВД. Шла работа над созданием Штаба и Тех-

³⁹ Там же. Л. 20.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 242. Л. 28.

нического комитета объединенных вооруженных сил. Обсуждался порядок ведения очередного совещания ПКК ОВД с целью обсуждения «мер по совершенствованию структур и механизмов политических органов ОВД»⁴¹ (имелись в виду Постоянная комиссия по внешнеполитическим вопросам и объединенный секретариат ПКК)⁴².

Реформы в ОВД плавно перетекают в начало 1970-х годов и тем самым выходят за рамки хронологического рассмотрения данной книги. Хочется лишь отметить, что как видно из вышеприведенного, СССР на словах выражал заинтересованность в роспуске двух военных блоков, а в реальности всячески сопротивлялся нарушению принципа биполярности и укреплял структуры ОВД. Каждая сторона (и США, и СССР) пыталась добиться максимальных успехов к моменту старта переговорного процесса и сплотить наибольшее количество сторонников под своими знаменами.

Со стороны это было аналогично резкой интенсификации ядерных испытаний, которые были характерны для великих держав накануне подписания соглашения о запрете этих самых испытаний. В разбираемом в данной главе отдельно записке «О мероприятиях в связи с процессами интеграции в Западной Европе» (первая версия — март 1969 года) специально рекомендовалось, «учитывая опыт чехословацких событий, избегать таких форм организации, которые... сеяли бы неуверенность в отношении дальнейшего существования Варшавского договора или его компетенции (например, возможность одновременного роспуска или ослабления ОВД и НАТО), или ослабляли бы бдительность в отношении реального смысла политики ФРГ»⁴³.

СССР в 1969 году принимает документы, которые говорят о попытке перезагрузить и улучшить накануне созыва СБСЕ отношения с Албанией, Югославией, Румынией — «периферией» социалистической мир-системы. Отчасти это отражало попыт-

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 33.

⁴³ РГАНИ. Ф. Оп. 68. Д. 1128. Л. 165.

ки нового руководства страны найти быстрое решение старых проблем⁴⁴.

Р. Г. Пихоя в своем исследовании называет советское руководство в ранний период Л. И. Брежнева «коллективным»⁴⁵. Представляется, что здесь стоит внести важное уточнение. Это все же была совсем иная история, чем коллективное руководство после смерти Сталина (триумвират Хрущев–Булганин–Молотов). Конечно не сразу, но именно в период второй половины 1960-х годов сложилась команда Л. И. Брежнева и представляется более правильным назвать этот период «командным» в том смысле, что впервые за много лет советской власти в высшем руководстве страны сложилась команда экспертов и политиков-профессионалов, не объединенных *ad hoc* по тому или иному вопросу страхом репрессий или клановой борьбой, а выступающих с программным видением развития страны, не шифрующих свои идеи от имени заместителей, а открыто выносящих свои взгляды и идеи в виде проектов ключевых политических документов.

Это видно уже из стенограммы одного из первых таких совещаний у Брежнева по подготовке его речи для XXIII съезда ЦК КПСС 27 ноября 1965 года.

«Брежнев: Кто вы такие? Вы — рабочая группа при мне, то, что напишете, то я и скажу на съезде. Язык должен быть простой. Если надо соригинальничать, тоже можно, в докладе невредно упомянуть один-два раза народные мудрые поговорки, но не все время приводить анекдоты»⁴⁶. В этих напутствиях явно читается желание найти свой стиль, отличный от анекдотического стиля Н. С. Хрущева. В то же время новый руководитель далек от авторитарных тенденций и стремится совмещать свежесть мыслей спичрайтеров своей новой команды с должным уважением ко всем ступеням прохождения советской партийной бюрократической машины: «...надо, очевидно, отключиться и весь де-

⁴⁴ Подробнее см.: Улуян А. А. Указ. Соч.

⁴⁵ Пихоя Р. Г. Указ. Соч. С. 483.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 74. Л. 11.

кабрь работать, тогда мы что-то в конце декабря на Президиуме начнем обсуждать, на Секретариате также, подключим членов Президиума к разделам, посмотрим какие-то этапы. Хочется, чтобы доклад был хорошим»⁴⁷, — резюмировал свою встречу с новой командой молодой генсек.

Одним из первых выступлений Брежнева стала речь на сентябрьском пленуме ЦК КПСС (29 сентября 1965 года) об улучшении управления в промышленности, положении в сельском хозяйстве и текущей международной обстановке. В ней фиксировались осложнения отношений с США и Великобританией из-за войны во Вьетнаме и одновременно отмечались успехи на двусторонней основе с такими странами, как Франция, Япония, Турция, Пакистан и Италия⁴⁸. Попытаемся разобрать наиболее успешные двусторонние экономические связи Москвы во второй половине 1960-х годов с целью оценить степень взаимопроникновения Запада и Востока в рассматриваемый период.

4.4. Мечты и реалии экономической конвергенции: двусторонние аспекты внешнеэкономических связей СССР и ключевых стран капиталистического мира во второй половине 1960-х годов⁴⁹

СССР искал партнеров в ключевых капиталистических странах, причем не только европейских. Об этом свидетельствуют, к примеру, директивы советской делегации посетить

⁴⁷ РГАНИ. Там же. Л. 14.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 135. Л. 36–38.

⁴⁹ Под конвергенцией понимается течение в экономической мысли 1960-х годов, основанное на вере в возможность мирного синтеза капиталистического и коммунистического обществ под влиянием общих экономических, социальных и политических потребностей, характерных для индустриальных обществ. См., например: *Soutou G-H. Convergence theories in France during 1960s and 1970s // The Making of Détente. Eastern and Western Europe in the Cold War, 1965–1975. Loth W. and Soutou G-H. (Eds.) Lnd., N. Y., 2008. P. 25–48.*

сперва ФРГ («Даймлер-Бенц»), а потом Италию («ФИАТ») в поисках партнера по созданию автогиганта — производства грузовых автомобилей на Камском заводе в 1970 году⁵⁰. С той же целью СССР зондировал возможности «РЕНО» во Франции и вел переговоры с англичанами. Поездки начала 1970-х были логическим продолжением работы, начатой еще во второй половине 1960-х.

В плане кредитов и научно-технологического сотрудничества, а по сути примера конвергенции Запада и Востока, в середине 1960-х опять отличилась Италия. 4 мая 1966 года состоялось подписание банковского соглашения между «Институте Мобильяро Италияно» и Внешторгбанком СССР о финансировании строительства автозавода «ФИАТ» в СССР с кредитной линией на сумму до 200 млрд итальянских лир⁵¹. Эта сумма покрывала 90% стоимости поставляемых машин и оборудования, передаваемых прав, технической документации и услуг, которые оказывали ФИАТ и другие привлеченные итальянские фирмы. При этом ФИАТ брал обязательство закупить у советских внешнеторговых организаций оборудование или установки, или лицензии и товары длительного пользования на сумму, которая составляла определенный процент от стоимости поставляемого ФИАТ для СССР оборудования⁵². Немаловажно, что СССР также получал право продавать производимые в СССР автомобили в третьи страны по своему усмотрению⁵³.

Отношения с Римом активно развивались и в последующие годы. Если в начале 1960-х главным предметом крупных сделок была нефть, то во второй половине десятилетия наиболее привлекательным предметом советского экспорта становится

50 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 372. Л. 37.

51 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 10. Л. 52, 69. В долларовом выражении сумма контракта составляла 642 млн долларов — см. подробнее: *Терехова Н.* Итальянская прививка советскому автопрому // Эксперт, 2014. №16. С. 33.

52 Там же.

53 Там же. Л. 53.

открытый в Сибири газ. В составленной МИДом СССР секретной «Памятке к беседам с министром иностранных дел Италии Аминторе Фанфани 10–16 мая 1967 г.» отмечалась важность закрепления практики политических консультаций с Италией, их систематизации на уровне один раз в год⁵⁴. Также отмечалась необходимость закрепления и развития практики личных контактов, в том числе желательности установления таковых и по военной линии. В международном плане на первое место ставились проблемы общеевропейского совещания и нераспространения ядерного оружия. В то же время документ зарисовывал советские интересы в области двустороннего экономического сотрудничества. Отмечалось, что несмотря на возникшие трудности в переговорах о продаже природного газа в Италию и строительстве газопровода СССР–Италия (условия кредита и цена на газ), Москва надеялась на достижение договоренности и подписание соглашения⁵⁵.

В то же время в Памятке совершенно четко заявлялась отрицательная позиция СССР по «технологическому плану Фанфани». Предложения итальянцев о включении в этот общеевропейский проект ряда стран социалистического лагеря явно вызывали тревогу в Москве. Предлагалось «отметить, что в основе этого плана лежит идея сотрудничества в рамках замкнутого военного блока, что его осуществление привело бы к усилению зависимости западноевропейских стран от США»⁵⁶.

В 1968 году СССР предлагал свой альтернативный вариант такого общеевропейского плана под названием «Декларация о принципах общеевропейского научно-технического сотрудничества». Она разрабатывалась в рамках подготовки к будущему общеевропейскому совещанию. Декларация предусматривала укрепление добрососедских отношений путем развития сотрудничества между государствами с различными

54 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 87. Л. 128.

55 Там же. Л. 136.

56 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 87. Л. 133.

социальными и экономическими системами путем создания общеевропейских исследовательских, консультативных и координационных центров научно-технических советов, обмен делегациями, проведение симпозиумов, обмен патентами и лицензиями, обмен и совместная разработка стандартов, а также создание смешанных комиссий и т. д.⁵⁷ В частности, говорилось об использовании «создаваемых или уже существующих региональных и национальных центров, институтов и других органов»⁵⁸.

Насколько утопичны или реалистичны были советские предложения при всей традиционности инициатив (очевидна преемственность с идеями общеевропейского сотрудничества еще конца 1950-х годов)? Представляется, что в тот момент позиции советской науки и в целом советской инженерно-технологической базы были достаточно сильны и привлекательны, о чем, к примеру, свидетельствует резкий рост двусторонних соглашений по сотрудничеству в области использования мирного атома в середине- второй половине 1960-х годов.

Прямой иллюстрацией идеи объединения национальных исследовательских центров служит ответ А. Косыгина на послание Федерального канцлера Австрийской республики Йозефа Клауса в ноябре 1967 года. Большой пассаж отводился именно научно-экономическому сотрудничеству с нейтральной Австрией в области мирного атома. После общих слов о пользе общеевропейского экономического сотрудничества в нем говорилось: «Советский Союз с пониманием относится, в частности, к идее создания силами Европейской организации по атомным исследованиям (ЦЕРН) ускорителя на 300 гигавольт. Мы сотрудничаем в области мирных ядерных исследований с рядом международных организаций, в том числе ЦЕРНом, а также многими европейскими государствами.

Европейские ученые имеют возможность проводить свои работы на советском ускорителе заряженных частиц в Дубне.

57 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 2971. Л. 198–199.

58 Там же.

Теперь они смогут работать и на крупнейшем в мире ускорителе, недавно введенном в строй в Серпухове. В свою очередь, советские ученые были бы готовы при соответствующей договоренности принять участие в научно-исследовательских работах на ускорителе ЦЕРНа, сооружение которого предполагается в Нижней Австрии»⁵⁹.

Еще в 1964 году СССР подписал соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области мирного атома с Бенелюксом и изучал заинтересованную позицию Великобритании. В ноябре 1967 года был подписан Протокол о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях между Государственным комитетом по использованию атомной энергии СССР и Шведской королевской академией технических наук⁶⁰, в мае 1969 года в Хельсинки было подписано Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях с Правительством Финляндской Республики⁶¹. В том же 1969 году было заключено Соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между СССР и Бельгийско-Люксембургским экономическим союзом. Аналогичные соглашения заключались и со странами СЭВ. В целом в этот период заметно возрастает количество конкретных соглашений по двустороннему сотрудничеству с отдельными странами в той или иной области технологического сотрудничества.

Трудно назвать другую страну Западной Европы, с которой у СССР установились бы такие теплые и близкие отношения во второй половине 1960-х годов, как Франция. Безусловно, ключевую роль в сближении двух стран играл личный фактор — независимая политика де Голля, его последовательный антиамериканизм и стремление диверсифицировать внешнюю политику за счет «особых отношений» с Москвой. Много написано про знаменитый двухнедельный визит де Гол-

59 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 131. Л. 99.

60 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 131. Л. 59.

61 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 276. Л. 27.

ля в СССР в конце июня 1966 года, по продолжительности и значимости сравнимый, пожалуй, лишь с поездкой по стране Ричарда Никсона в 1972 году⁶².

Позиция де Голля в НАТО и в ЕЭС крайне импонировала советской стороне, и, хотя с точки зрения товарооборота Франция по-прежнему уступала лидерство другим капстранам, по количеству политических консультаций, различного рода визитов, выставок она была для Москвы вплоть до смерти де Голля первой среди всех западноевропейских стран.

Как показывают документы, связанные с подготовкой визита де Голля в Москву, СССР в рамках идеи созыва общеевропейского совещания всячески пытался закрепить дружеские отношения с ключевыми странами Западной Европы посредством обновленных договоров о мире или дружбе. Так в указаниях советскому послу в Париже для беседы с генеральным секретарем французской компартии Вальдеком Роше в преддверии визита французского президента особо отмечалось, что «нам представляется важным, чтобы благоприятное развитие советско-французских отношений получило договорное закрепление. Политический договор между СССР и Францией явился бы важнейшим фактором обеспечения мира в Европе»⁶³.

В информации, разосланной советским послам в странах соцдружества для передачи в качестве конфиденциальной информации об итогах визита де Голля в Москву особо подчеркивалось, что «мы поддержали тезис о необходимости решения европейских проблем прежде всего в рамках Европы, т. е. практически без американского вмешательства»⁶⁴.

В первоначальном мартовском варианте 1969 года записки А. Громыко о процессах западноевропейской интеграции со-

62 См., например: *Арзаканян М. Ц.* Великий Де Голль. «Франция – это Я!» М., 2012. С. 384–389; *Осипов Е. А.* Франция и развитие процесса разрядки (1965–1975). М., 2016. С. 50–51.

63 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 109–110.

64 РГАНИ. Ф. Оп. 72. Д. 24. Л. 114.

Илл.9. Президент Франции Шарль де Голль и председатель СМ СССР А. Н. Косыгин в открытой машине на улицах Ленинграда во время официального визита французского президента в СССР 20 июня – 1 июля 1966 г. Из фондов РГАКФД.

держался важный пассаж в выводах к документу, впоследствии измененный и сокращенный (вероятно, ввиду того, что доработка документа шла уже в обстановке ухода де Голля с поста президента). «Ввиду этого основная установка социалистических стран... поддерживая соответствующие дезинтеграционные тенденции и процессы, выделяя среди интеграционных те, которые мешают сколачивать блок основных империалистических стран против СССР, ГДР и других социалистических стран (голлистская "Европа отечеств" и др.), продолжая неустанную линию борьбы против оси "Вашингтон-Бонн", "Лондон-Бонн", "Вашингтон-Лондон-Бонн" и т. п.»⁶⁵.

В раннем варианте пункт про Францию так и назывался «Голлистская "Европа отечеств"». В нем говорилось, что в интерпре-

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 165.

тации французского президента «в таком виде "Европа отечеств" исключала бы, по крайней мере, на первом этапе Англию и имела бы некоторую антиамериканскую направленность. Вместе с тем стремление Франции сохранить ведущее место в Западной Европе вынуждало бы ее искать противовес ФРГ путем маневрирования с США, а также развития отношений с Советским Союзом (деголевская формула "Европа от Атлантики до Урала")»⁶⁶. Из этого, впоследствии существенно отредактированного и сокращенного абзаца следует, что в отличие от времен Н. С. Хрущева, концепция «Европы от Атлантики до Урала» уже не вызывала у советской стороны такого бурного отторжения, как в начале 1960-х. Правда, отмечалось, что в итоге и этот вариант интеграции в силу своей классовой сущности направлен на ослабление социалистического содружества, представляя, таким образом, лишь «меньшее из двух зол» для СССР⁶⁷.

В отчете ГКНТ СССР о работе IV сессии смешанной Советско-французской комиссии подводились некоторые итоги научно-технического и экономического сотрудничества с Францией за период 1967–1969 годов⁶⁸. В нем, в частности, отмечалось, что во Франции было принято решение о частичном сокращении количественных ограничений импорта советских товаров во Францию, и делаются заявления о перспективе полного снятия ограничений в течение срока действия соглашения. Отмечались конкретные шаги в области совместного использования мирного атома — подготовка совместного научного эксперимента на серпуховском ускорителе с помощью французской жидководородной камеры «Мирабель». Отдельно описывалась работа сессии смешанной советско-французской комиссии по цветному телевидению, которая была посвящена совместной разработке усовершенствованного телескопа с увеличенным отклонением луча⁶⁹.

66 Там же. Л. 163.

67 Там же.

68 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1139. Л. 141–144, 150–154.

69 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1139. Л. 146.

Развивалось не только научно-техническое сотрудничество, но и военное, что было немислимо в обстановке, скажем, начала 1960-х годов и крайней подозрительности, которую питал Хрущев к де Голлю и его концепции «Европы от Атлантики до Урала», как было показано в предыдущей главе. К примеру, 22 ноября 1967 года Политбюро положительно рассматривает вопрос «О мероприятиях по дальнейшему развитию контактов между вооруженными силами СССР и Франции» — название, которое трудно было себе представить в повестке дня ЦК КПСС, скажем, в 1950-е годы. Комплекс мероприятий предусматривал обмен военно-спортивными делегациями, ежегодный обмен визитами учебных кораблей, обмен визитами начальников штабов и даже показ (на основе взаимности) нескольких военных объектов для делегаций работников военных аппаратов сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил Французской Республики. Допускалось даже в случае пожелания французов разрешить им посещение военных учений и маневров в СССР!⁷⁰

Добровольный уход де Голля с поста президента Пятой республики стал настоящим шоком для советской дипломатии. Указания советским послам говорили о необходимости проявлять максимальный такт и сдержанность в проявлении каких-либо симпатий в отношении тех или иных политических сил в Пятой Республике⁷¹.

Постановление ЦК КПСС «О некоторых мерах в связи с уходом де Голля с поста президента Франции» полностью одобряло соображения, изложенные в записке Громыко от 29 апреля 1969 года. В ней выражалось неверие в то, что де Голль ушел окончательно: говорилось о том, что «хотя сам де Голль оставил пост президента, это не означает, что он полностью сошел с политической сцены. Его слово и авторитет могут иметь вес и в дальнейшем»⁷². К слову сказать, сразу после известия об уходе, послу СССР во Франции были даны специальные указания най-

70 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 131. Л. 65–66.

71 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 257. Л. 48.

72 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1024. Л. 5.

ти удобный способ связаться с де Голлем и выразить ему благодарность и поддержку со стороны СССР.

В записке отмечалось, что внешнеполитическая ориентация Франции отличалась крайне выгодными для СССР чертами, что «во многом окрашивалось личными концепциями де Голля»⁷³. Но была сформирована и внушительная объективная основа для поддержания высокого уровня отношений: были созданы «довольно солидные позиции для продолжения нынешнего благоприятного направления этих отношений (развитая практика двусторонних консультаций и обмена информацией по международным вопросам, представляющим взаимный интерес, увеличение более чем в двое объема торговли в 1964–1968 годах; практическое сотрудничество в цветном телевидении, исследовании космоса и некоторых других областях науки и техники; широкие обмены в области культуры и по общественной линии»⁷⁴. Рекомендовалось, с одной стороны, не снижать активности в контактах с Францией, а с другой — проявлять такт в советских средствах массовой информации⁷⁵.

Говоря о двусторонних связях Москвы, нельзя не упомянуть Великобританию — страну, товарооборот которой стабильно держался на первом–втором месте на протяжении 1960-х среди европейских капстран (не считая Финляндию). Причем здесь перепады в политических оценках отнюдь не мешали развитию бизнеса.

В 1966 году, на фоне разгоравшейся войны во Вьетнаме, указания советскому послу в Лондоне отличались крайней жесткостью и холодом в оценке премьер-министра Вильсона. «Мы не питаем никаких иллюзий в отношении его политики, — говорилось в указаниях МИДа СССР. — Давалась крайне негативная оценка его «нечестного и опасного курса в отношении агрессии США во Вьетнаме»⁷⁶. Однако поиск Вильсоном альтернатив не-

73 Там же.

74 Там же. Л. 6.

75 Там же. Л. 7.

76 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 24. Л. 6.

удавшемуся вступлению в «Общий рынок», попытки заигрывания с антиинтеграционными кругами в Великобритании неизбежно толкали его к идее реанимации «особых отношений» между Москвой и Лондоном в духе политики Г. Макмиллана. Здесь ключевым стал визит А. Н. Косыгина в Великобританию и переговоры с британским премьером и его окружением.

Как отмечалось в «Материалах к беседам А. Н. Косыгина во время визита в Англию 6–13 февраля 1967 года», несмотря на тесное сотрудничество с США, правительство Вильсона придавало большое значение этому визиту, стремясь сохранить свой авторитет на международной арене и в западном мире в условиях падения ее удельного политического и экономического веса. Интересно, что несмотря на периодический обмен холодными нотами по случаю того или иного международного кризиса, «советско-английские отношения в экономической, научно-технической и культурной областях в настоящее время превосходят по своему объему отношения с любой другой крупной капиталистической страной»⁷⁷. Этот парадокс в отношениях с Лондоном на протяжении 1960-х годов подтверждается статистикой внешней торговли: объем был стабилен и в определенные годы выходил на первое место среди всех капиталистических стран (см. график товарооборота СССР с ведущими капстранами).

Великобритания была перспективным экономическим партнером для СССР. Не случайно одной из задач ставилось «подведение долгосрочной экономической основы под советско-английские отношения»⁷⁸. При этом несколько раз подчеркивалось, что в научно-техническом отношении британская промышленность занимает одно из ведущих положений в мире и «представляет значительный интерес для нас с точки зрения использования их опыта»⁷⁹.

Чего хотела советская сторона от визита Косыгина? Естественно, давалась установка на поддержание тенденции

77 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 67. Л. 43.

78 Там же. Л. 46.

79 Там же. Л. 43.

к британской независимости во внешнеполитических делах и закрепления выгодных СССР аспектов двустороннего сотрудничества. Но Лондон был не просто европейским, а глобальным партнером, и поэтому в документе говорилось о том, что «даже небольшая подвижка в английской позиции по международным вопросам в сторону известного размежевания с США могла бы положительным образом сказаться также на политике целого ряда западноевропейских, азиатских и африканских государств»⁸⁰.

В документе подчеркивалось встречное стремление Лондона в «разыгрывании своего рода посредника между Западом и Востоком»⁸¹. В этой связи отмечалось, что «в частности, они весьма заинтересованы в том, чтобы советская сторона обсуждала с ними актуальные международные и, особенно, европейские проблемы, чтобы наше развивающееся сотрудничество с Францией и другими западноевропейскими государствами не вело к дальнейшему падению роли Англии в Европе»⁸².

В этом плане ключевой темой переговоров конечно являлась европейская безопасность во всех ее измерениях, в том числе общеевропейские экономические и научно-технические связи. Как отмечалось в «Материалах к беседам», для СССР ключевым документом в обсуждении вопросов европейской безопасности являлась принятая в июле 1966 года в Бухаресте Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе. Она противопоставлялась британской «Декларации о Европе»⁸³. В Бухарестской декларации, хорошо известной исследователям, помимо ключевых пунктов о германском вопросе, разоружении и т. д. были и весьма общие положения про экономическую составляющую безопасности.

В 1967 году Великобритания предложила свой вариант разрядки — «Декларацию о Европе» — документ, изначально

⁸⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 67. Л. 44.

⁸¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 67. Л. 42.

⁸² Там же.

⁸³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 67. Л. 48.

переданный МИДу ЧССР, но затем попавший и в МИД СССР⁸⁴. В ней очень деликатно обходились разногласия по путям решения германской проблемы и существенное внимание уделялось перспективам экономического сотрудничества, в частности, предлагалось введение международных стандартов и общих единиц измерения, создание механизма экономических консультаций и т. д.⁸⁵ Долгое время приходилось гадать о советской реакции на британские предложения, пока не открылись фонды РГАНИ. В «Материалах к беседам» обнаружился целый раздел, посвященный советской оценке этого предложения.

«Что касается существа английского проекта, — говорилось в установочном документе МИДа СССР, — то следовало бы отметить, что проект содержит ряд полезных положений (признание принципов суверенного равенства и территориальной целостности, недопущение вмешательства во внутренние дела, воздержание от угрозы или применения силы, решение спорных вопросов мирными средствами, развитие отношений между европейскими государствами не на блоковой основе). Однако простого признания этих принципов явно недостаточно для обеспечения безопасности европейских народов, если одновременно не намечается, в каком направлении должны решаться конкретные задачи европейской безопасности (границы, ядерное вооружение ФРГ и др.)»⁸⁶.

В дипломатическом документе другого уровня, справке из посольства СССР в Великобритании, говорилось о том, что дипломатическое «зондирование» позиции социалистических стран по отношению к проекту Декларации о Европе Великобритания проводит «с согласия и по поручению Совета НАТО, который счел "целесообразным", чтобы Англия выступила со своим проектом, как с собственной инициативой»⁸⁷.

⁸⁴ Липкин М. А. Британия в поисках Европы... С. 134–135.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 67. Л. 50.

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 239. Д. 31. Л. 78.

Советская сторона, как явствует из Памятки, должна была продвигать общеевропейское экономическое и технологическое сотрудничество, в частности, через усиление ЕЭК ООН. Предлагалось в беседах с англичанами выдвинуть идею, чтобы советские и английские представители в ЕЭК ООН совместно выступили за разработку «новых форм экономических связей между государствами, кооперирование в области научных исследований, поощрение торгового обмена на общеевропейской основе без каких-либо ограничений и дискриминации»⁸⁸.

В информации, разосланной членам Политбюро по итогам визита А. Косыгина в Великобританию 6–13 февраля 1967 года, отмечался общий благоприятный настрой правительства Вильсона и интерес деловых кругов «Туманного Альбиона» к сбыту своей продукции в СССР, а также к развитию научно-технического сотрудничества с советскими исследовательскими институтами⁸⁹. «Дальнейшее развитие наших отношений с Англией важно не только само по себе: оно может быть использовано в наших интересах как средство расшатывания блока НАТО, укрепления выгодных нам тенденций в европейской политике и оказания нажима на США и ФРГ. Характерно, что опубликованное после визита Совместное заявление вызвало беспокойство в ФРГ, о чем свидетельствуют отклики западногерманской печати», — отмечалось в итоговом докладе⁹⁰.

В заключительных документах, благодаря реалистичной позиции министра иностранных дел Брауна, удалось оставить за скобками разногласия в отношениях двух стран и прописать стремление к заключению нового договора о дружбе и мирном сотрудничестве, признание территориальной целостности в Европе и желательность развития сотрудничества на общеевропейской основе — главных целей для СССР в тот момент⁹¹. Одним из итогов визита было достижение принципиальной до-

88 Там же. Л. 51.

89 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 382. Л. 9.

90 Там же. Л. 10.

91 Там же. Л. 11.

говоренности об установлении прямой телефонной связи между Кремлем и Даунинг Стрит 10⁹².

Январь — апрель 1967 года был отмечен большим количеством входящих и исходящих справок посольства СССР о противниках и сторонниках вступления Великобритании в «Общий рынок» и перспективах развития советско-британских отношений в этой связи. Причем среди них была даже справка — исторический анализ «Англия и европейская безопасность» бывшего сотрудника Института всеобщей истории АН СССР А. М. Некрича⁹³. Как отмечалось в отчете по итогам февральских встреч Косыгина с Вильсоном в Лондоне, «англичане проявляют заинтересованность в расширении и углублении экономических отношений с Советским Союзом, и идея общеевропейского экономического сотрудничества с участием СССР может привлечь к себе внимание широких кругов этой страны»⁹⁴. Однако там же говорилось, что практическое осуществление такой идеи пока весьма затруднительно и она рассматривалась как одна из тем на общеевропейском совещании в будущем⁹⁵.

В качестве практической меры в рамках закрепления выгодных тенденций и подведения базы под идею общеевропейского совещания заявлялось, что одним из важнейших моментов двусторонних отношений с Британией станет вопрос о заключении договора о дружбе и мирном сотрудничестве (очевидно, по аналогии с попытками закрепить таким же договором благоприятное развитие отношений с Францией). Отдельные документы позволяют отрывочно восстановить судьбу переговоров на эту тему. Они говорят о том, что диалог между Москвой и Лондоном шел весной 1967 года. В Архиве внешней политики удалось получить британскую версию документа. В ней бросается в глаза ряд пунктов, которые наверняка вызвали некоторое смущение советской стороны. Так, в духе разрядки, англичане предлагали

⁹² Там же. Л. 21.

⁹³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 239. Д. 29. Л. 53–76.

⁹⁴ Там же. Л. 17.

⁹⁵ Там же.

поощрять наряду с культурными обменами и туризмом «развитие условий, содействующих ... свободному распространению соответственно в Соединенном Королевстве и в Советском Союзе всех книг, газет, и иных изданий, публикуемых в другой стране»⁹⁶, а также обмен кино-радио-телевизионными программами. Можно только догадываться, насколько неприемлемым для советской системы были эти положения. Очевидно это стало одной из причин, по которой уже в мае 1967 года Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о проекте Договора о дружбе и мирном сотрудничестве с Великобританией и приняло двойственное решение «поручить МИД СССР дополнительно изучить этот вопрос с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК КПСС»⁹⁷.

В «Предварительных соображениях» к переговорам с де Голлем давалась оценка значимости экономического и научно-технического фактора применительно к тому, что можно было бы условно назвать советской «паутиной» концепцией безопасности в Европе⁹⁸. В одобренных Президиумом ЦК КПСС «Предварительных соображениях к переговорам с президентом Франции де Голлем» говорилось о новой, расширительной трактовке советской стороной концепции «безопасности» в свете сближения с Францией и линией на общеевропейское совещание. Эта линия просматривается и в других внешнеполитических документах — в частности, в отношении Великобритании и Италии. В, казалось бы, сугубо военно-политическом разделе «вопросы европейской безопасности и германская проблема» говорилось о растущем интересе европейских государств к расширению связей и контактов как на двусторонней, так и многосторонней основе⁹⁹.

Особенно отмечался встречный интерес к научно-техническому сотрудничеству с СССР. В этой связи говорилось следую-

96 АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 237. Д. 13. Л. 83.

97 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 91. Л. 10.

98 Термин вводится автором.

99 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 75–76.

щее: «В Европе активизируются силы, выступающие за стабилизацию политической обстановки на континенте. Советское правительство считает необходимым содействовать этому процессу, устранить препятствия, которые мешают сближению и сотрудничеству государств Востока и Запада Европы. В этом плане важное значение имеет развитие экономического и научно-технического сотрудничества государств Европы вне зависимости от их социального строя. Разумеется, мы не исключаем и возможности участия ФРГ в таком сотрудничестве. Развитие такого сотрудничества могло бы послужить как бы материальным фундаментом, на который должна опираться безопасность в Европе [выделено мною. — М. Л.]»¹⁰⁰.

Выступая на совещании министров внешней торговли стран-членов СЭВ по вопросам торгово-политических вопросов отношений со странами «Общего рынка» (Минск, 31 мая 1968 года), министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев так охарактеризовал новые тенденции торгово-экономических отношений СССР с ключевыми капиталистическими странами: «Если бы мы имели больше ресурсов, то несмотря на углубление интеграции на Западе, очень многие капиталистические страны желали бы в двустороннем порядке развивать торговлю с нами. Увеличилось количество смешанных торговых палат (с Финляндией, Англией, Италией, Францией, экономическая комиссия с Японией). Это явление нового характера. Раньше у нас имелись экономические комиссии только с социалистическими странами. ... С ФРГ не имеем торгового соглашения по нашей инициативе, поскольку западногерманские власти однажды нарушили контракт на трубы. Несмотря на наше нежелание заключать торговое соглашение, ФРГ предприняла все меры для того, чтобы расширить торговлю с СССР и без торгового соглашения.... Если бы мы захотели удвоить торговлю с ФРГ, то это можно было бы достигнуть в течение двух лет. Ряд товаров нам раньше никто не хотел продавать, а фирмы ФРГ их нам поставили... Но мы не

¹⁰⁰ Там же.

идем на существенное расширение торговли с ФРГ по политическим мотивам»¹⁰¹.

Министр не случайно особо выделил ФРГ в своем выступлении. Несмотря на то что в середине 1960-х годов политические отношения с ней находились на крайне низкой отметке, это была ключевая страна как для развития западноевропейской интеграции, так и для любых вариантов военно-политического решения проблемы «безопасности», равно как и для приводимого выше нового, «экономического» аспекта безопасности в Европе, задевавшего все страны СЭВ.

«Политическая месть» Москвы за срыв сделки по закупке труб большого диаметра с правительством ФРГ в 1962 году из-за эмбарго НАТО, о которой говорил Патолитчев, вероятно стала причиной отказа от рассмотрения аналогичного вопроса на Политбюро в ноябре 1967 года. Тогда на повестку дня был вынесен вопрос о возможности предварительных переговоров с фирмами ФРГ по вопросу продажи советского природного газа в ФРГ и поставки на условиях кредита труб, оборудования и материалов для газовой промышленности СССР. Но решение было отложено¹⁰². Уже в декабре того же 1967 года СССР пришлось делать политическое заявление в связи с активизацией милитаристских и неонацистских сил в ФРГ в результате легализации в Ганновере национал-демократической партии ФРГ¹⁰³.

Перемены в отношениях Москвы и Бонна стали происходить лишь в самом конце 1960-х годов. Они нашли свое отражение в основополагающей записке МИДа СССР «О политической линии и некоторых практических шагах СССР в связи с образованием в ФРГ правительства В. Брандта», рассмотренного и одобренного на заседании Политбюро ЦК КПСС 1 декабря 1969 года. В принятом по итогам обсуждения постановлении предписывалось Международному отделу и Отделу по связям с коммунистическими и рабочими партиями ЦК использовать

101 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 518. Л. 98.

102 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 128. Л. 11.

103 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 134. Л. 19–20, 102–111.

положения записки в консультациях с братскими странами, а Министерству иностранных дел руководствоваться ими при осуществлении практических мероприятий¹⁰⁴.

Общие оценки изменений в Бонне были настроенными. Отмечая положительные для СССР перемены и необходимость более гибкого подхода, советские дипломаты не без оснований считали, что главной целью «новой восточной политики» Брандта было затруднить строительство социализма в ГДР, привязать ГДР к ФРГ различными экономическими связями и ослабить монолитность социалистического содружества¹⁰⁵.

Интересно, что в документе помимо хорошо изученного историками политико-дипломатического контекста большой акцент делался на экономической составляющей как двусторонних советско-западногерманских отношений, так и многосторонних — влияния ФРГ на экономику стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), особенно ГДР.

В записке отмечалось, что «западногерманская промышленность проявляет интерес к получению из Советского Союза определенных видов сырья и полуфабрикатов, а также к техническому опыту в целях укрепления своих позиций в борьбе с американскими, английскими, французскими и японскими конкурентами»¹⁰⁶. Для проверки искренности намерений нового правительства в Бонне предлагалось дать согласие на подготовку торгового соглашения (которого в отличие от Японии, с ФРГ у СССР так и не было), а также соглашения о научно-техническом сотрудничестве (которого не было и с Японией, но было в тот момент с Великобританией и Францией).

Помимо общих моментов, которые интересовали СССР — торговля, обмен лицензиями, совместная научно-техническая работа — особое место отводилось перспективам газового контракта с Западной Германией. «Важное значение может иметь достижение договоренности о поставках в ФРГ советского при-

104 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304. Л. 3.

105 Там же. Л. 22.

106 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304. Л. 19.

родного газа. Речь идет о заключении контракта, который действовал бы в течение двух десятков лет и поставил до известной степени в зависимость от Советского Союза такую важнейшую сферу народного хозяйства ФРГ, как энергетика. С поставками Советского Союза будет связана также перестройка некоторых отраслей химической промышленности ФРГ на новые источники сырья, что потребует крупных инвестиций. Вследствие этого западногерманские монополистические круги, которые получают выгоды от газового контракта (мощные объединения “Рургаз”, “Тиссен”, “Маннесман” и др.), будут, видимо, оказывать на боннское правительство воздействие в плане удержания от шагов, заключающих в себе опасность обострения отношений с Советским Союзом»¹⁰⁷, — логически рассуждали авторы записки МИДа.

Документ отражал обеспокоенность растущей экономической зависимостью восточноевропейских стран от ФРГ и призывал противопоставить этой растущей экономической силе барьер в виде согласованной политической линии стран СЭВ:

«Потребность социалистических государств в получении промышленного оборудования и лицензий на капиталистическом рынке при ограниченности собственных золотовалютных ресурсов и конкурентоспособных валютных товаров открывает Западной Германии важные каналы воздействия на эти страны. Развитию отношений ФРГ с социалистическими странами способствуют также значительный удельный вес немецкого оборудования в промышленности этих стран; многочисленность кадров квалифицированных специалистов, прошедших немецкую выучку или воспитанных в семьях с пронемецкими традициями; краткость коммуникаций и емкость рынка ФРГ; высокая конкурентоспособность западногерманской промышленности по основным показателям»¹⁰⁸.

Как показывает подробно разбираемый в этой главе доклад МИДа СССР «О некоторых внешнеполитических вопросах и воз-

¹⁰⁷ Там же. Л. 20.

¹⁰⁸ Там же. Л. 30.

можных мероприятиях в связи с усилением враждебного Советскому Союзу курса китайского руководства», рассмотренный на заседании Политбюро ЦК КПСС 15 мая 1969 года, СССР все-речь рассматривал перспективу войны на два фронта¹⁰⁹. В этих условиях Москва делала ставку на ускоренную нормализацию отношений с Западом через созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и нормализацию отношений с ФРГ. Параллельно предпринимались аналогичные шаги по созданию системы коллективной безопасности на Дальнем Востоке, где ключевым игроком выступал Токио. Сдерживание растущей военной и политической мощи Китая становилось частью тактики на еще большее сближение с такими региональными лидерами, как, в первую очередь, Япония, во вторую — Индия.

Применительно к ФРГ ставилась задача нормализовать отношения, и если не достичь сближения, то «нейтрализовать» военно-экономический потенциал Бонна: «Наша безопасность и международная политика, несомненно, выиграли бы, если бы удалось в какой-то степени нейтрализовать этот крупный потенциал, который ныне противостоит СССР как откровенно враждебная сила»¹¹⁰. При соблюдении всех необходимых согласований с другими странами Варшавского договора, вносились некоторые модификации в двусторонние отношения, например, говорилось о необходимости более дифференцированного подхода к различным силам внутри ФРГ, обращения с Западной Германией как с любым другим суверенным государством и отходом от обязательного согласования всех «касающихся нас и ФРГ» шагов с руководством ГДР¹¹¹.

Если для успеха будущего СБСЕ ключевым фактором было достижение взаимопонимания с ФРГ и решение в той или иной форме германского вопроса, то для аналогичной политики СССР на Дальнем Востоке (договор о коллективной без-

109 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1025. Л. 14–70.

110 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 304. Л. 49.

111 Там же.

опасности и т. п.) ключевой страной выступала в тот момент Япония.

В документе признавалась невозможность заключения мирного договора с Токио из-за японо-американского договора безопасности 1960 года, который увязывался с возможностью урегулирования территориального вопроса. «В рамках нашей хозяйственно-экономической заинтересованности желательно всемерно развивать внешнюю торговлю с Японией, добиваясь такого положения, при котором создавалась бы устойчивая потребность некоторых отраслей экономики в торговле с Советским Союзом. Активно работать с японскими деловыми кругами в целях изыскания взаимоприемлемых форм и вариантов, их технического участия в строительстве промышленных объектов в районах Дальнего Востока и Сибири. Добиваться того, чтобы на длительный срок втягивать влиятельные японские деловые круги в сферу советско-японских торгово-экономических отношений, что будет затруднять нежелательные для нас повороты в политике японского правительства»¹¹². Отмечая высокий научно-технический уровень японской экономики, ставилась задача заключения договора о научно-техническом сотрудничестве по примеру западноевропейских стран¹¹³.

Несмотря на частичное снятие остроты советско-китайской пограничной проблемы после ряда встреч во второй половине 1969 и в 1970 годах, общий вектор, обозначенный в докладе МИДа, продолжал сохраняться и определять политику СССР в первой половине 1970-х годов.

СССР искал и с трудом находил капитал, свободный от американского политического влияния. О том, насколько непросто шел поиск стратегических партнеров в капиталистических странах говорит очень емко характеризующая остроту мировой финансовой ситуации выступление Косыгина на встрече руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов СЭВ в Бухаресте 7 июля 1966 года.

¹¹² Там же. Л. 56.

¹¹³ Там же.

«Посмотрите, что происходит на западном рынке в широком смысле, т. е. включая все капиталистические страны. Нужно сказать, что свободного рынка, по крайней мере, по решающим позициям, больше не существует, — эмоционально и прямо заявил представлявший СССР Косыгин. — ... Американский капитал сейчас усиленно проникает в промышленность стран Западной Европы и прибирает ее к своим рукам. Возьмите автомобильную промышленность. Кто остался на Западе свободным от американского капитала в автомобильной промышленности? Может быть, частично ФИАТ. Все остальные фирмы находятся в руках американцев либо прямо, либо косвенно. Происходит концентрация капитала, причем концентрация не только отраслевого, но и межотраслевого капитала. Практически этот процесс означает, что в мире параллельно политической борьбе идет напряженная экономическая борьба, которая проявляет себя и в большой политике. Для социалистических стран это означает крупную, очень серьезную борьбу с капиталистическим миром»¹¹⁴.

И борьба шла по всему полю, причем в нее были вовлечены такие азиатские страны-части мировой системы капитализма, как Япония. Последняя, в отличие от ФРГ, на разном уровне всячески демонстрировала стремление к объединению своей экономики с советской. Японские делегации предлагали международное разделение труда, совместное освоение недр Сибири и Дальнего Востока. С другой стороны, чего опять же, не было в отношениях с Италией или ФРГ, это озвучивалось на условиях закрепления технологического превосходства японской стороны.

Весьма показательна в этом плане запись беседы между заместителем председателя Совета министров СССР, председателем Госплана СССР П. Ф. Ломако с главой японской торговой делегации Т. Китамура еще в июле 1963 года. На этой встрече Китамура прямо говорил о бедности Японии природными ресурсами и предлагал интегрировать советские ресурсы с япон-

¹¹⁴ РГАНИ Ф. 10. Оп. 2. Д. 29. Л. 108.

ской промышленностью, обеспечив СССР готовыми изделиями японских заводов. В частности, речь шла о товарах народного потребления и готовых изделиях из древесины. Ломако ответил: «...Нам невыгодно продавать лес и покупать готовые изделия. Советский Союз не возражает продавать лес Японии и получать взамен оборудование для комплексного развития лесной промышленности»¹¹⁵.

С комплексными поставками передового оборудования из Японии дела шли не так гладко, как хотелось бы советскому руководству. При том, что по техническим характеристикам японские лицензии и оборудование были в числе самых передовых в тот момент, «финансовое сопровождение» таких сделок существенно уступало западноевропейским конкурентам Японии. Испытывавшие трудности с валютой, представители Министерства внешней торговли СССР постоянно указывали на желательность рассрочки платежей или предоставление долгосрочных кредитов, что обнаруживало ахиллесову пяту японской экономики — слабость национальной финансовой системы.

Неизвестные ранее документы РГАНИ и РГАЭ говорят о невероятном оптимизме советских чиновников применительно к перспективам развития советско-японских отношений. Так, 30 января 1969 года на заседании Политбюро ЦК КПСС был одобрен текст постановления Совета министров СССР «О мерах по развитию советско-японских экономических отношений»¹¹⁶.

В интересах развития Сибири и Дальнего Востока, Совет министров СССР постановлял одобрить создание рабочих комитетов по подготовке конкретных соглашений по широкому спектру деятельности — разработке угольных и железнорудных месторождений, экспорте в Японию газа, угля, железной руды, лесоматериалов, а также модернизации дальневосточных морских портов. Давались установки переговорщикам: добиваться сроков соглашений до 20 лет и получения долгосрочных кредитов сроком до 15 лет для закупки в Японии оборудования, ма-

¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 412. Л. 86, 87.

¹¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 223. Л. 4.

шин, материалов для строительства промышленных объектов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Весьма примечателен пункт, согласно которому ставилась задача «закупки в кредит товаров широкого потребления в таких количествах, суммы, от реализации которых в СССР могли бы частично покрыть основные затраты советской стороны, связанные со строительством соответствующих объектов»¹¹⁷. Если понимать его буквально, то речь шла о том, что ради создания инвестиционного пула государство выступало перекупщиком дефицитных японских товаров, перепродажа которых населению СССР приносила прибыль в виде рублевого фонда на строительство промышленных объектов.

Помимо взаимного обмена специалистами допускалось «в случае целесообразности» привлечение японских специалистов для проектно-изыскательских и шеф-монтажных работ в СССР¹¹⁸.

Отдельной темой с середины 1960-х годов стал вопрос о масштабных поставках газа с вновь открытых месторождений Сибири и кредитных возможностей наиболее перспективного стратегического партнера.

Транспортные коридоры и перспективы их развития с учетом региональной специфики СССР как моста между Востоком и Западом стали одним из решающих факторов в выборе СССР стратегического технологического партнера среди капиталистических стран. Планы того, что современным языком принято называть «великим шелковым путем» из Европы в Азию, через территорию СССР, разрабатывались, начиная со второй половины 1960-х годов.

По поручению Президиума Совета министров СССР, в 1966 году группа специалистов во главе с Н. К. Роздобудько (Институт комплексных транспортных проблем при Госплане СССР) подготовила аналитический доклад «Сокращение транспортных издержек и увеличение валютных доходов за счет

¹¹⁷ Там же. Л. 48.

¹¹⁸ Там же.

экспорта транспортных услуг — важный резерв повышения эффективности внешней торговли»¹¹⁹. Как следует из названия доклада, выполняя задачу по поиску дополнительных источников валютной прибыли и с целью рационализации транспортных потоков в СССР, рабочая группа провела ревизию транспортной сети страны и грузопотоков.

В частности, с точки зрения перспектив развития транзитных путей отмечалось, что СССР частично интегрирован в транспортные цепочки между Европой, Северной Америкой, с одной стороны, и Ираном, Афганистаном — с другой. Отчасти — в систему речных перевозок придунайского региона. Но не более того¹²⁰. Поэтому предлагалось поручить Министерству внешней торговли совместно с Министерством путей сообщения и Министерством морского флота разработать мероприятия по организации перевозок транзитных грузов из Европы в Японию и в обратном направлении. Это предусматривало:

«а) установление транзитного тарифа на уровне конкурентных тарифов на перевозки грузов морем из Европы в Японию и из Японии в Европу;

б) организацию маршрутных грузовых поездов по направлениям Находка — Брест, Находка — Ленинград, Находка — Чоп»¹²¹.

Авторы доклада предлагали начать транспортировку нефти и нефтепродуктов в Японию через порт Находку, включая строительство для этой цели второй очереди нефтеперевалочной базы в Находке. При этом отмечалось: «...Однако современная транспортная схема экспорта нефти в Японию через черноморские порты сохранится»¹²².

На деле это означало, что при крайне небольшой пропускной способности железнодорожных путей и портовых возможностей Дальнего Востока, основной экспорт советской нефти в Японию шел через черноморские порты. Бакинская

119 РГАЭ. Ф. 4327сч. Оп. 81с. Д. 2387. Л. 171–236.

120 Там же. Л. 196.

121 Там же. Л. 200.

122 Там же. Л. 175.

нефть благодаря своим качествам котировалась выше нефти из Саудовской Аравии, но маршрут в Японию был неблизкий и сложный: он пролегал через Суэцкий канал, возникала проблема обратной загрузки танкеров и масса других трудностей. В итоге переломить кардинально ситуацию с транспортировкой нефти даже на пике интереса со стороны Японии к СССР так и не удалось. Более того, она пала жертвой политических проблем: закрытие Суэцкого канала в результате арабо-израильской войны 1967 года ударило именно по советскому нефтяному экспорту в Страну восходящего солнца. Как отмечал М. И. Крупянко, удлинение маршрута в обход всего Африканского континента значительно повысило транспортные издержки и снизил конкурентоспособность черноморской нефти. Доля советских нефти и нефтепродуктов в общем объеме экспорта в Японию упала с 21,3% в 1965 году до 8,7% в 1970 году¹²³.

Поскольку трубопроводы являются частью транспортной инфраструктуры и именно они наиболее интенсивно развивались в СССР в 1960–1970-е годы, интересно сравнить судьбу двух проектов: трубопровода для поставки газа в Японию и в ФРГ. Их проработка проходила приблизительно в одно и то же время: детальные переговоры с японцами начались в 1968 году, с западными немцами — в 1969 году.

Крупные сибирские месторождения советского газа и их экспортный потенциал, а также способы доставки стали темой переговоров лишь во второй половине 1960-х годов¹²⁴. После третьего заседания Советско-Японского экономического комитета в конце 1968 года в Японии был создан Комитет по природному газу («Конденкай»). Он провел конкурс среди проектов японских фирм и выбрал в качестве победителя

¹²³ Крупянко М. И. Советско-японские экономические отношения. М., 1982. С. 47.

¹²⁴ Подробнее о внутренней стороне вопроса см.: Некрасов В. Л., Стафеев О. Н., Хромов Е. А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск, 2012.

предложения фирмы «Марубени-Иида». Затем для продвижения идеи газового трубопровода с СССР с японской стороны был создан специальный Рабочий комитет по сахалинскому газу. Суть японских предложений сводилась к строительству силами СССР газопровода с северной части острова Сахалин (г. Оха) до мыса Крильон, протяженностью 1 000 км. Японская сторона также финансировала газопровод от этой точки до Комсомольска-на-Амуре, протяженностью 586 км. Как заявила в 1970 году японская делегация, Япония брала на себя строительство газопровода через пролив Лаперуза до острова Хоккайдо. В случае достижения взаимовыгодной цены за 1 кубометр газа японская сторона выражала готовность привлечь кредит на сумму в 100 млн долл.¹²⁵

Советская сторона проработала встречный проект, который предусматривал поставку не только сахалинского, но и якутского газа в Японию, общей протяженностью 4 580 км, как единый проект, поскольку по советским расчетам, это требовало меньше капиталовложений на 1 000 кубических метров газа¹²⁶. Однако переговорный процесс шел сложно: японцы были принципиально против якутского газа, так как не могли дать гарантий стабильного потребления большого объема топлива (в советском варианте речь шла про 10 млрд кубометров в год). Для советской стороны малые объемы потребления делали проект нерентабельным.

По сравнению с японцами переговоры с западными немцами проходили с феноменальной быстротой. Их масштаб, стоимость, сроки, конечная реализация не шли ни в какое сравнение с темпами и масштабами советско-японского диалога, продолжающегося до сих пор.

1 февраля 1970 года между Внешнеторговым объединением «Союзнефтеэкспорт» и «Рургаз АГ» было заключено соглашение о поставке в ФРГ в течение 20 лет природного газа в количестве не меньше 52,5 млрд кубометров начи-

125 РГАЭ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 3704. Л. 2–3.

126 Там же. Л. 4–5.

ная с 1973 года. Одновременно западногерманские фирмы «Маннесман» и «Тиссен» подписали отдельное соглашение на поставку 1 200 тыс. тонн труб большого диаметра для газопроводов в СССР, тем самым преодолев эмбарго стран НАТО 1962 года на запрет поставок труб большого диаметра в СССР. Финансовые гарантии сделки были прописаны в соглашении между Внешторгбанком СССР и консорциумом западногерманских банков во главе с «Дойче банком». Оно открывало кредитную линию для оплаты труб и оборудования на сумму в 1,2 млрд марок ФРГ (370 млн долл. США) со сроком погашения до 30 сентября 1982 года¹²⁷.

Условия знаменитой сделки «газ–трубы» между советскими и западногерманскими представителями были согласованы в рекордные сроки: первые контакты начались летом 1969 года, а уже осенью обе стороны парафировали базовые документы. Самое главное, был достигнут беспрецедентный уровень доверия между капиталистическим и социалистическим государствами, бывшими до того времени идеологическими противниками. Можно сказать, что он подтвердил слова министра Патоличева об огромных возможностях экономического сотрудничества в случае исчезновения политических препятствий. Контракт был подписан до заключения базового Московского договора между СССР и ФРГ (подписание — август 1970 года, ратификация в ФРГ — июнь 1972 года). Срок сделки обозначал горизонт планирования до 1982 года, низкий процент кредита говорил о крайне высоком уровне доверия западногерманской финансово-промышленной элиты к советской экономике¹²⁸.

¹²⁷ Липкин М. А., Филитов А. М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: Советско-западногерманские отношения в конце 1960-х — начале 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История» [печатный выпуск], 2015. № 2(35). С. 237–270.

¹²⁸ Там же. С. 237–267.

4.5. Два международных «шока» для СССР: влияние чешского и китайского факторов на советское восприятие интеграционных процессов в Восточном и Западном блоках

Влияние «Пражской весны» на эволюцию «доктрины Брежнева» привлекает внимание многих исследователей и порою носит преувеличенный характер по сравнению с менее изученным и гораздо более сильным шоком (СССР стоял на пороге полномасштабной военной агрессии со стороны соседнего государства) от военного конфликта с КНР на острове Даманский весной 1969 года¹²⁹. Если первый шок отразился в уже анализировавшихся в начале главы документах 1968 года и выразился в росте консультаций и инициатив придания большей значимости экономическому фактору внутри СЭВ, разработке программы социалистической интеграции, выделению дополнительных кредитов Чехии и т. д., то второй, в который раз за 1960-е годы, привел к преобладанию соображений геополитического порядка над экономической выгодой и экономическими расчетами.

Надо сказать, что команда Брежнева начала укреплять восточные рубежи еще с середины 1960-х годов. В 1965 году была проведена работа по ревизии истекшего Договора о дружбе и взаимопомощи с МНР 1946 года. По редакции проекта нового договора видны приоритеты советской стороны: был добавлен текст в статью 5 про то, что «Высокие Договаривающиеся Стороны будут консультироваться по всем важнейшим международным проблемам, которые затрагивают обе страны или интересы мира и международного сотрудничества, и, действуя в духе Устава Организации Объединенных Наций, будут принимать все необходимые меры, включая военные, в целях обеспечения своей безопасности, независимости и территориальной целостности»¹³⁰.

¹²⁹ См., например: *Пихоя Р. Г.* Указ. Соч. С. 518, 573.

¹³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 385. Л. 25.

В 1966 году был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Монголией, в 1967 году было подписано соглашение с Улан-Батором о размещении советских войск на территории МНР и Договор о безвозмездной военной помощи МНР. В 1967 году были обновлены Договоры о коллективной безопасности с Болгарией и Венгрией, которые содержали обязательства о взаимной военной помощи в случае нападения на одну из договаривающихся сторон не только в Европе. Однако, как отмечалось в докладе МИДа о китайской угрозе 1969 года, в отношениях с другими членами ОВД — с Чехословакией, ГДР и Польшей — взаимная помощь изначально прописывалась только на случай войны в Европе (1949 год) и здесь на фоне пограничных конфликтов в Азии потребовались срочные дипломатические усилия по внесению дополнений в эти соглашения¹³¹. В противном случае складывалась парадоксальная ситуация, когда главный донор ОВД, СССР, рисковал остаться один, без помощи половины союзников по восточному блоку.

Федор Бурлацкий в своих воспоминаниях пишет, что А. Косыгин рассчитывал быстрым наскоком урегулировать все отношения с КНР в ходе своего неофициального визита в Китай, однако по итогам визита в столицу Поднебесной понял, что разногласия носят принципиальный характер, КНР преследует в международной политике прямо противоположные цели, чем СССР¹³². История двух «дозаправок» самолета Косыгина в аэропорту Пекина частично изложена в исследовании В. Зубока¹³³. Некоторые подробности встречи Косыгина и Мао Цзэдуна 11 февраля 1965 года можно найти в исследовании Р. Г. Пихои. По оценкам последнего, Косыгин был достаточно тверд в отстаивании своей позиции и, предлагая ряд уступок, в то же время отказался дезавуировать советскую критику КПК на последнем пленуме, проведенном во главе с Н. С. Хрущевым в 1964 году.

¹³¹ РГАНИ Ф. 3. Оп. 68. Д. 1025. Л. 28.

¹³² Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 316, 318.

¹³³ Зубок В. М. Указ. Соч. С. 743

Москва предлагала объединить усилия в поддержке Северного Вьетнама. Мао предлагал раздел сфер влияния, не желая делить с СССР роль главного борца с империализмом в Азии¹³⁴.

По документам Политбюро четко прослеживается, что с 1965 года меняется тон советских оценок китайской угрозы — это совершенно проверяемый факт. В ноябре–декабре 1965 года Президиум ЦК КПСС одновременно готовит и рассматривает два связанных вопроса: о помощи Монголии и противодействии китайской угрозе. На заседании 18 ноября был одобрен «с учетом замечаний» комплексный документ «Мероприятия по вопросам советско-китайских отношений и борьбы за единство международного коммунистического движения и всех антиимпериалистических сил»¹³⁵. Придерживаясь линии на нормализацию межгосударственных отношений, он в то же время предусматривал ряд закрытых пунктов «превентивного характера», которые говорили о серьезности восприятия угрозы с Востока.

В нем, в частности, поручалось ряду Отделов ЦК, МИДа и Министерства обороны проработать вопросы консультации с руководством МНР в вопросах советской помощи в укреплении обороны Монголии. Им же поручалось разработать меры по развитию отношений с Японией, Индонезией и в целом — поднятию авторитета СССР в неприсоединившихся странах, особенно в Африке¹³⁶. В одном из рассекреченных приложений под грифом «особая папка» давалась прямая оценка угрозы: «В связи с переходом китайского руководства к прямой политической борьбе против СССР с использованием средств разведки и других подрывных методов поручить КГБ и Министерству обороны войти в ЦК КПСС с соответствующими предложениями о необходимости активных мер»¹³⁷.

Более того, на заседании Президиума ЦК КПСС 2 декабря 1965 года без записи в протокол был рассмотрен пункт «К во-

134 Пихоя Р. Г. Указ. Соч. С. 511–512.

135 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 380. Л. 12–17.

136 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 379. Л. 15–16.

137 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 379. Л. 18.

просу о международном положении». По итогам рассмотрения было принято решение «Поручить МИД СССР (т. Громыко) и Министерству обороны СССР (т. Малиновскому) подробно изучить вопросы, связанные с наращиванием военных сил в Европе (ФРГ) и Азии (КНР) и внести конкретные предложения по этому вопросу в ЦК КПСС»¹³⁸. Хотя детали обсуждения неизвестны, с большой долей вероятности можно предположить, что на этом заседании впервые взвешивалась большая или меньшая степень угрозы и рассматривались варианты как избежать войны на два фронта — темы, поднимаемой впоследствии в ключевом документе по китайскому фактору в мае 1969 года.

Китайский фактор и геополитические резоны стали решающими при принятии Политбюро решения о неучастии СССР в Азиатском банке развития в ноябре–декабре 1965 года.

В марте 1965 года XXI сессия Экономической комиссии ООН для Дальнего Востока (ЭКАДВ) приняла резолюцию о создании Азиатского банка развития для стран этого региона. Был образован консультативный комитет из 9 стран, которому было поручено выявить круг заинтересованных стран и подготовить проект устава международного банка. 21 октября — 1 ноября 1965 года в Бангкоке состоялось подготовительное совещание представителей 21 страны ЭКАДВ (включая СССР, США, Великобританию, Нидерланды) и еще 10 стран не из членов этой организации (Австрии, Бельгии, Канады, Дании, Финляндии, ФРГ, Италии, Норвегии, Швеции, Швейцарии). Интересно, что де Голль счел идею банка чисто американской затеей и отказался послать своих представителей на это мероприятие.

Согласно проекту устава, акционерный капитал Банка должен был составлять 1 млрд долларов США, из которых 600 млн должны были вноситься странами Азии и Дальнего Востока, а еще 400 — странами из других регионов. Оплата взноса производилась в течение 5 лет, причем он наполовину делался в золоте или свободно конвертируемой валюте и наполовину — в национальной валюте стран-участниц. В результате обсуждений

¹³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 382. Л. 1.

победил проект устава, в котором лишь 20% от общего количества голосов делились между странами-участницами поровну, а остальные 80% — согласно размеру вносимого капитала. Интересно, что как указывалось в совместной записке Министерства финансов и МИДа СССР «О совещании представителей стран по вопросу создания Азиатского банка развития», «США, Япония и некоторые другие капиталистические государства и до начала Бангкокского совещания, и в ходе его проведения проявили большую заинтересованность в том, чтобы Советский Союз вступил в Азиатский банк развития»¹³⁹.

По сути, речь шла про уникальное предложение, аналогичное предложению СССР принять участие в институтах Бреттон-Вудской системы в 1944 году: войти в качестве полноправного члена и основателя новой трансрегиональной международной банковской организации с момента ее создания. Организация, безусловно, тут же становилась частью мировой капиталистической системы. Это могло дать источник кредитов для развития азиатской части СССР, совместных проектов с Японией и другими странами региона и т. д. Но в советской справке давалась негативная оценка такого приглашения: «Это, очевидно, связано с их попытками прикрыть империалистическую политику, которую они намереваются проводить при посредничестве Банка в развивающихся странах Азии и Дальнего Востока»¹⁴⁰, — говорилось о позиции США и Японии. Впрочем, помимо них советское участие всячески приветствовали собственно азиатские страны и даже представители секретариата ЭКАДВ. Они объясняли это стремлением таким образом создать противовес влиянию США и других западных стран.

Советские представители на совещании, следуя инструкциям, высказали принципиальные замечания и предложения (ограничить членство только развивающимися странами ЭКАДВ, распределить голоса поровну независимо от суммы взноса в уставной капитал и т. д.)¹⁴¹ СССР не дал никаких обещаний участия

139 РГАНИ. Ф.3. Оп. 16. Д. 805. Л. 61.

140 Там же.

141 Там же.

в капитале Банка, ограничившись пространным заявлением о том, что «при наличии соответствующего пожелания и в зависимости от конкретных условий» он мог бы рассмотреть вопрос о точечном экономическом и техническом содействии в реализации конкретных проектов в странах ЭКАДВ¹⁴². В выводах Записки говорилось, что «участие Советского Союза в Банке нецелесообразно, прежде всего, с политической точки зрения, ибо условия его создания и предполагаемая деятельность явно обеспечивают господствующее положение в нем США, Японии и некоторых других империалистических государств». Но отнюдь не менее важным был и второй аргумент: «кроме того, вступление СССР в Банк, в котором руководящую роль будут играть США и в котором будут участвовать Тайвань, Южная Корея и Южный Вьетнам, могло бы быть использовано Китаем для новых провокационных выступлений против Советского Союза»¹⁴³.

Таким образом, СССР оказался перед выбором между геополитическими интересами на Востоке (где шла Вьетнамская война и стояла проблема «умиротворения Китая») и непосредственно экономическим интересом в получении крупных кредитов на развитие проектов на советском Дальнем Востоке. Выбор был сделан в пользу геополитики.

Москва отказалась от участия в итоговой Манильской конференции, принявшей устав Банка в декабре 1965 года. Очевидно, по ее итогам, состоялось повторное заседание Политбюро ЦК КПСС по вопросу об Азиатском банке развития в начале декабря 1965 года. Было принято решение «согласиться с соображениями, изложенными в записке Министерства финансов и МИДа СССР от 24 ноября 1965 года»¹⁴⁴.

В то же время СССР всячески пытался усилить позиции своих союзников в международных структурах азиатского мира. При всей, казалось бы, очевидности и логичности советской помощи Монголии на фоне роста китайской угрозы, именно накану-

¹⁴² Там же. Л. 62.

¹⁴³ Там же. Л. 64.

¹⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 816. Л. 79.

не заседаний Президиума ЦК по китайскому вопросу 1965 года состоялось скандальное и по сути провальное голосование по одному из аспектов монгольского вопроса. Документы Президиума говорят об одном из немногих, крайне нехарактерных, но все же имевших место случаев, когда голосование показывало плюрализм и диаметрально разницу взглядов членов ЦК!

На заседании Президиума ЦК 5 ноября 1965 года путем опросных листов был вынесен на голосование вопрос «О просьбе монгольских друзей об оказании помощи в активизации внешнеполитической деятельности МНР»¹⁴⁵. Как следует из пояснительной записки министр иностранных дел МНР М. Дугэрсурен обратился с просьбой помочь Улан-Батору с иностранной валютой на сумму примерно 3,3 млн долларов для учреждения дополнительных дипломатических представительств, подготовки кадров со знанием иностранных языков, организации типографии и для изготовления политической литературы и т. д. Там же монгольская сторона просила помочь в организации выходов монгольских самолетов на международные авиалинии с целью увеличить в страну поступления дефицитной инвалюты. Внешнеполитическая комиссия (М. Сулов, Ю. Андропов, Б. Пономарев, В. Кузнецов, Д. Шевлягин, Н. Захаров) рекомендовала выдать беспроцентный кредит МНР в сумме 3 млн долларов для усиления дипломатического представительства МНР в странах Азии и Африки, специализированных организациях ООН. В то же время она предлагала воздержаться от инициатив с типографией и авиалинией¹⁴⁶.

Однако тут мнения голосующих членов Президиума диаметрально разделились. Брежнев проголосовал «за». Шелепин — «за» с поправкой «за счет СССР безвозмездно»¹⁴⁷. Воронов — «за», без поправки Шелепина. Микоян — со своей поправкой, аналогичной Шелепину¹⁴⁸. Подгорный и Шверник — ни за ни

145 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 790. Л. 82.

146 Там же. Л. 84–85, 87–88.

147 Там же. Л. 96.

148 Там же. Л. 97.

против, но чтобы обсудить вопрос на Президиуме. Суслов проголосовал «за» и по поправке Шелепина ответа не дал, считая, что нужны конкретные предложения. А Кириленко, Косыгин и Полянский и вовсе никак себя не выразили в нарушение всех протоколов удаленного голосования!

В чем была причина такого разнобоя можно лишь догадываться. Отдельно в такой формулировке этот вопрос на более поздних заседаниях Политбюро не ставился. Можно предположить, что он обсуждался на заседании 11 ноября, когда монгольский вопрос вновь рассматривался по итогам доклада Брежнева о результатах его поездки в МНР¹⁴⁹. Судя по тому, что Микоян и Шелепин дали параллельно одинаковую по сути поправку разными словами, речь шла про сбой в подготовке Секретариатом ЦК решения по данному вопросу, когда часть членов Президиума не знала, что думали другие, а часть вообще пошла на принцип и, видя дурную организацию, проигнорировала голосование.

Итогом поездки Брежнева и обсуждения «Мероприятий по вопросам советско-китайских отношений» 18 ноября 1965 года стала подготовка к продлению Договора о дружбе и взаимной помощи СССР с МНР и переговоры с правительственной делегацией МНР по вопросам дополнительного экономического и технического содействия¹⁵⁰.

Несмотря на то, что отношения СССР и КНР постепенно ухудшались на протяжении 1960-х годов, открытые масштабные вооруженные столкновения в марте 1969 года на острове Даманский стали пиком конфронтации и привели к кардинальной ревизии всей внешнеполитической стратегии и тактики СССР. Это включало оценку будущего ОВД, СБСЕ, внешнеэкономической политики, вопросов экономической интеграции в рамках СЭВ и отношения к западноевропейским интеграционным группировкам.

К таким выводам можно прийти на основании анализа, раскреденного в 2014 году «совершенно секретного» ключевого

¹⁴⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16.

¹⁵⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 382. Л. 61.

для всей внешней политики СССР 60-страничного документа «Доклад МИД СССР по внешнеполитическим вопросам и соображениям о возможных мероприятиях в связи с усилением враждебного Советскому Союзу курса китайского руководства», рассмотренного и принятого на заседании Политбюро ЦК КПСС 15 мая 1969 года¹⁵¹.

Этот источник относится к ряду целеполагающих внешнеполитических документов конца 1960-х годов, и в нем явно прослеживается влияние на более поздние версии других записок МИДа СССР (например, напрямую видны части, слово в слово повторяющиеся во второй версии записки А. Громыко об интеграционных процессах в Западной Европе, принятой осенью 1969 года и в документах о новой линии в отношениях с ФРГ, датированных также осенью 1969 года).

«Открытый переход нынешнего китайского руководства на позиции враждебности по отношению к Советскому Союзу, организация вооруженных провокаций на советско-китайской границе в районе реки Уссури, развитие внутри КНР существенным образом сказывается не только на положении на Дальнем Востоке, но и на международной обстановке в целом. Хотя в исторической перспективе основными противниками Советского Союза остаются и будут оставаться империалистические державы, и прежде всего США, сейчас дело складывается таким образом, что ввиду авантюристического курса группы Мао Цзэ-Дуна на первый план практически выдвигается опасность со стороны Китая»¹⁵², — так уже с первых строчек определял остроту текущего момента и масштаб действий доклад МИДа СССР.

Документ допускал возможность «при нынешних тенденциях его руководства» прямой сговор КНР с США, Японией и ФРГ против СССР¹⁵³. Хотя прямым текстом это не говорится, но между строк читается, что главная задача помешать этому —

¹⁵¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1025. Л. 14–73.

¹⁵² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1025. Л. 15.

¹⁵³ Там же. Л. 17.

предотвратить угрозу войны на два фронта. По сути, СССР готовился к войне и, хотя к счастью все ограничилось локальным вооруженным конфликтом, впервые со времен Второй мировой этот конфликт происходил на территории СССР, и речь шла о возможном вторжении.

В то же время в разделе «Китай и вопросы отношений Советского Союза с США» делался крайне важный вывод об угрозе глобального конфликта: «правилен будет подтверждаемый ходом послевоенного развития вывод, что если между СССР и США не разразится прямое столкновение, то не будет и большой войны между СССР и империалистическим лагерем (это, разумеется, не исключает возникновения отдельных периодов напряженности и кризисных ситуаций в различных районах мира, соответственно, и обострения советско-американских отношений)»¹⁵⁴. Таким образом, в отличие от оценки мировой ситуации в конце 1940-х — начале 1950-х, когда СССР готовился к третьей мировой войне, можно сказать, что в конце 1960-х в советском руководстве сложился «модус вивенди» о том, что соперничество с США сохранится, оно имеет глобальный характер, но обе стороны будут избегать прямого военного столкновения, ограничиваясь локальными региональными конфликтами и использованием невоенных средств давления. В этих условиях, особенно на фоне китайского фактора, появлялся дополнительный стимул к реализации идеи общеевропейского совещания и сближения с Западом. Не случайно документ допускал как желательную возможность не просто проведение совещания, а создание европейской организации безопасности и сотрудничества по примеру ряда стран других континентов¹⁵⁵.

Продолжая линию советских внешнеполитических документов середины — второй половины 1960-х годов, в докладе МИДа также особо выделялся экономический и научно-технический аспект безопасности. «Все большее значение приобретает раз-

154 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1025. Л. 33.

155 Там же. Л. 40.

витие торгово-экономических и научно-технических связей с западноевропейскими странами как на двусторонней, так и на общеевропейской основе. В этом плане заслуживает серьезного рассмотрения и соответствующей практической работы проект создания трансевропейского газопровода для поставки советского газа на запад Европы. Осуществление проектов общеевропейского значения, естественно, с должным учетом наших материальных возможностей было бы важно, помимо прямых экономических выгод, которые нам это дает, для закрепления положительных моментов в политике некоторых западноевропейских стран»¹⁵⁶.

Наиболее емко увязка основных направлений советской внешней политики по всем европейским и неевропейским направлениям формулируется в конце раздела про агрессивную политику Пекина. «В случае развязывания группой Мао Цзэдуна широкого военного конфликта с Советским Союзом исходить из того, что в нашу задачу будет входить не просто отражение нападения, а разгром и победа над Китаем как агрессором. Наши действия, направленные собственно на Китай, должны сопровождаться акциями широкого международного плана, рассчитанными на то, чтобы ограничивать попытки КНР блокироваться с другими странами на враждебной Советскому Союзу основе. Речь идет, во-первых, о всемерном укреплении и развитии сотрудничества Советского Союза с другими странами социалистического содружества. Во-вторых, этим целям отвечает продолжение линии на разрядку международной напряженности, решение назревших международных проблем и улучшение отношений с США и другими крупными империалистическими державами. В-третьих, еще большую актуальность приобретает осуществление планомерной и активной работы в сопредельных с КНР государствах и в ряде других стран, которые китайское правительство пытается использовать в своих интересах»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Там же. Л. 43.

¹⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1025. Л. 21.

Как видно из вышеприведенной цитаты, МИД СССР ставил в качестве задачи особой важности укрепление восточноевропейской интеграции как в экономическом, так и в военном отношении. Причем военная линия диктовалась не столько стремлением оказать давление на западный мир, сколько необходимостью обезопасить себя от пограничных конфликтов на востоке страны. Особого внимания для раскрытия темы данной книги заслуживает раздел «Действия Китая против социалистических стран и вопросы отношений СССР с этими странами».

«Большие потенциальные резервы включает осуществление интеграции европейских социалистических стран. Помимо потребностей, вытекающих из противоборства с империалистическими державами и нынешней политикой КНР, имеются другие объективные причины, которые настоятельно ставят интеграцию в повестку дня в качестве одной из важнейших задач долгосрочного плана»¹⁵⁸. Хотя более детальное развитие идеи майского документа получили в специальной записке МИДа СССР, принятой с поправками в октябре 1969 года, общий импульс, увязка и важность интеграционных процессов как экономических (в СЭВ), так и политических (в ОВД) представляется крайне важной именно в редакции программных действий СССР мая 1969 года.

Ругая автаркию локальных многоотраслевых экономик стран СЭВ, принятый ЦК КПСС документ уже не в витиеватой форме, как в начале 1960-х, а прямо признавал выгоду западноевропейской интеграции и необходимость копирования ее на Востоке: «западноевропейские страны давно осознали это и широко ставят на службу укрепления капиталистического строя преимущества интеграции. Они исходят из того, что объединение экономических, научно-технических и иных возможностей усиливает их позиции в процессе длительной исторической борьбы против социализма...Если задача интеграции не будет решаться на деле, то соцстраны окажутся

¹⁵⁸ Там же. Л. 26.

в сложном положении, учитывая, в частности, большую степень интеграции в Западной Европе»¹⁵⁹. Допускались «дополнительные издержки» со стороны СССР, отход от регламентации и централизации всех связей, изменение методов общения с соцстранами. «Однако издержки такого пересмотра не идут ни в какое сравнение с тем, что стоит Советскому Союзу материально, политически и морально разрешение кризисных ситуаций типа венгерской или чехословацкой»¹⁶⁰. Тем самым доклад в дискуссионном ключе ставил вопрос о пересмотре советской линии начала 1960-х годов на централизацию управления органов СЭВ и попытки упрощенных схем «ручного управления» восточноевропейской интеграцией из Москвы. Документ впервые провозглашал задачу развития интеграции «снизу», большего внимания к интересам союзников и укрепления общих органов СЭВ и ОВД¹⁶¹.

В наиболее зрелой форме идеи укрепления социалистического содружества и ревизии доставшегося от эпохи Хрущева наследства нашли свое место в Записке МИДа СССР «Об интеграционных процессах в Западной Европе», подготовленной в марте 1969 года, а затем отправленной на доработку «с учетом замечаний» и принятой в окончательном виде решением Политбюро ЦК КПСС в октябре 1969 года.

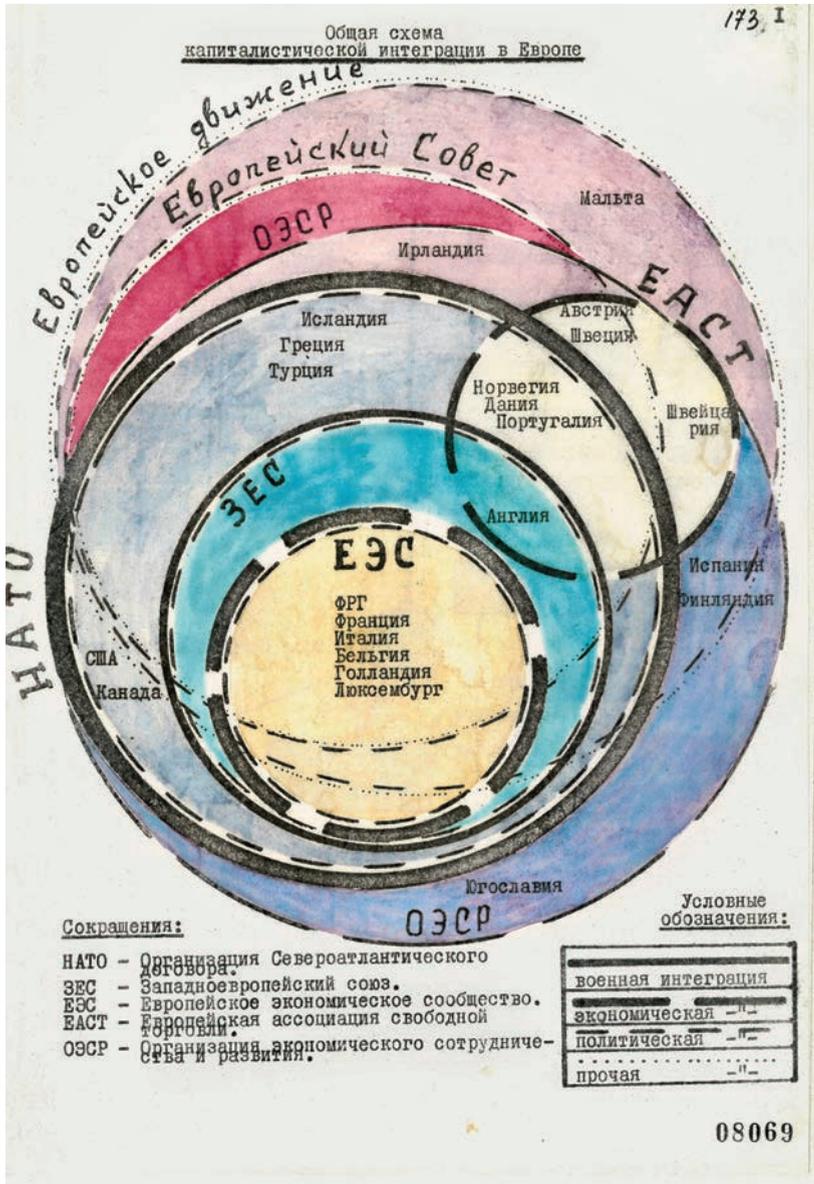
Сам факт того, что документ такого уровня принимался почти год и при сохранении объема существенно переписывался по частям, говорит о смене многих акцентов в советской внешней политике после ухода де Голля и обострения китайского фактора в 1969 году.

Уже в первоначальном мартовском варианте обращают на себя внимание новые моменты в оценке западноевропейской интеграции. Во-первых, «европейская и атлантическая интеграция» рассматриваются в одной связке (что видно и из схемы). Отмечается, что они возникли после Второй мировой

159 Там же. Л. 27.

160 Там же.

161 Там же. Л. 28.

Интеграционные процессы во второй половине 1960-х годов

Илл. 10. Общая схема капиталистической интеграции в Европе. РГАН. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 173.

войны «под прямым воздействием роста влияния социализма в мире и возникновения социалистических государств». Сущность западной интеграции определяется как реакционная, хотя применительно к экономической составляющей отмечается объективная природа ее сущности. Здесь можно провести связь с реалистической линией, которую пробивали специалисты ИМЭМО АН СССР с начала 1960-х годов. Приводимые архивные иллюстрации говорят о том, что это первый и пока единственный из известных случаев иллюстрации ключевых внешнеполитических документов цветными схемами (в оригинале использованы цветные краски). Можно смело сказать, что в 1969 году СССР не только в переносном, но и в буквальном смысле отходит от черно-белого манихейского видения западноевропейской интеграции. Это еще не означает поддержки идей конвергенции (хотя изучение экономических отношений социалистических и западноевропейских капиталистических стран Политбюро поручает тому же ИМЭМО АН СССР в ноябре 1969 года)¹⁶². Москва чисто прагматически делает ставку на ослабление западноевропейской интеграции и усиление восточноевропейской с прицелом на возможное взаимное признание в случае успеха СБСЕ. Как и в отношении ОВД, для фиксации отношений требовалось максимально нарастить собственные структуры. Судя по логике документа, применительно к СЭВ это мыслилось через программу социалистической интеграции, принятой в 1971 году.

Тезисы предыдущих лет о связи с НАТО существенно дополняются новым восприятием реальности угрозы для социалистического содружества и советской сферы интересов в Европе. «Основная установка состоит, однако, в том, чтобы в конечном счете осуществить создание европейской федерации или конфедерации в рамках атлантического или европейского сообщества, куда на завершающем этапе имеется в виду вовлечь и европейские социалистические страны»¹⁶³. Причем в этом, по

162 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 301. Л. 2.

163 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 124.

мнению авторов записки, на стороне империалистов играют и китайцы, «которые фактически смыкаются с ними в попытках активизировать антисоветские тенденции в социалистических странах, вывести их из-под советского влияния, разложить социалистическое содружество и его военно-политическую и экономическую организацию»¹⁶⁴. Важность китайского фактора была еще более усилена в переработанном и измененном по итогам первого обсуждения в Политбюро документа, представленного в переработанном виде в июле, но окончательно поставленного на голосование и принятого лишь в октябре 1969 года.

При анализе документа и особенно цветных приложений поражает глубина и комплексность видения советскими экспертами МИДа СССР интеграционных процессов на Западе Европы: они рассматриваются во всех вариантах (ЕАСТ, ЕЭС, Совет Европы и т. д.) как «союзы и организация западноевропейских стран», которые «взаимно переплетаются и в ряде случаев как бы накладываются друг на друга»¹⁶⁵. Сложные схемы в приложении — свидетельство возросшего реализма советских экспертов. Они, как и анализ, проводимый в документе, говорят о желании понять и перенять наиболее сильные стороны интеграции. К слову сказать, в архивах встречаются документы с ошибками. Так, в справке МИДа СССР, датированной мартом 1957 года «О планах участия Австрии в экономическом объединении Европы» наблюдалась полная каша в понимании того, кто лидер в каком конкурирующем интеграционном проекте в Западной Европе (ЕЭС, ЕАСТ, ЗЕС)¹⁶⁶. Однако комплексная записка МИДа СССР 1969 года говорит о высоком классе советских аналитиков и блестяще иллюстрирует советское видение происходивших в Западной Европе процессов. Хотя и здесь не обошлось без некоторых спорных моментов: видение западноевропейской интеграции как части общего западного антисоветского плана при-

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. Л. 123.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 120. Д. 1296. Л. 73–75.

вело к тому, что в тексте авторы включили в список основных акторов экономической интеграции такие структуры, как МВФ и ГАТТ, которые конечно были институтами глобального капиталистического рынка, но к региональной западноевропейской интеграции имели весьма косвенное отношение¹⁶⁷. Впрочем, в схеме этих глобальных структур не видно.

Другим явным преувеличением, несколько раз встречающимся в документе, является утверждение о причастности Китая к империалистической интеграции Западной Европы, во что, по-видимому, всерьез верили в тот период эксперты МИДа и что, несмотря на сближение Пекина и Брюсселя в начале 1970-х, все-таки, совершенно очевидно, было большим преувеличением¹⁶⁸.

В документе отмечается противоборство интеграционных и дезинтеграционных тенденций, но, в отличие от идеологически ангажированных победных реляций о крахе империалистической интеграции, характерных для аналитических записок 1950-х — начала 1960-х годов, заявляется вполне реалистично, что «преувеличение силы противоречий внутри западной интеграции, сплавиваемой общим стремлением капиталистов разных стран сообща вести борьбу против социализма, было бы заблуждением, поскольку это размагничивало и имобилизовало бы наши силы»¹⁶⁹.

В том же духе реализма и прагматизма документ отмечал, что в любом варианте интеграция в Западной Европе в ближайшие годы будет только усиливаться¹⁷⁰. Здесь следует отметить, что в первоначальном мартовском варианте предлагался более гибкий подход к разным вариантам западноевропейской интеграции. Тогда еще была вера в деголлевскую альтернативу наднациональной линии ФРГ и США, и предлагалось выделять приемлемые для СССР интеграционные тенденции (голлистская

167 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 125.

168 Там же. Л. 124, 138.

169 Там же. Л. 135.

170 Там же. Л. 138.

«Европа отечеств» и проч.)¹⁷¹. В июльском варианте этого уже нет, с уходом де Голля и обострением китайской угрозы формулировки явно становятся жестче, возможности для маневра остаются, но в более закамуфлированном виде: «исходить из того, что интеграция западных империалистических государств во всех ее вариантах направлена в конечном счете против главных социально-экономических итогов войны и послевоенного развития, и прежде всего против стран социалистического содружества, их единства и сплоченности»¹⁷².

Из этого делался главный вывод: основная установка социалистических стран должна состоять в том, чтобы «всеми средствами дискредитировать и расшатывать западную интеграцию, поддерживая соответствующие дезинтеграционные тенденции и процессы, выделяя среди интеграционных те, которые мешают сколачивать блок основных империалистических стран против СССР, ГДР и других социалистических стран, продолжая неустанную линию борьбы против оси «Вашингтон–Бонн», «Лондон–Бонн», «Вашингтон–Лондон–Бонн» и т. п.»¹⁷³ В этом пассаже оставлен дух мартовской записки: речь все-таки идет про выделение среди интеграционных процессов тех, которые мешают созданию нового «санитарного кордона» вокруг Восточного блока и расшатыванию его устоев.

Примечательно, что при этом в итоговой июльской версии ничего не говорится о различных вариантах оси «Париж–Бонн» или «Париж–Лондон», что наряду с другими местами документа, где отмечаются заслуги «антиамериканской» трактовки интеграции Парижа, позволяет сделать вывод о том, что подход конца 1960-х все-таки был не так догматичен, как тезисы ИМЭМО 1962 года. Москва подходила выборочно, всячески импонируя (а порою и идеализируя) позицию де Голля и свое влияние на Францию. В записке говорилось: «Правительство Франции проводило свой курс на самостоятельность,

¹⁷¹ Там же. Л. 165.

¹⁷² Там же. Л. 138.

¹⁷³ Там же.

опираясь в определенной степени на Советский Союз. Эта линия будет, по-видимому, в той или иной мере продолжена и после ухода де Голля, ибо на нее воздействуют объективные факторы: возросшая политическая и экономическая роль Франции в капиталистическом мире, пустившие глубокие корни разносторонние формы франко-советского сотрудничества и др.»¹⁷⁴ Рассуждая о французской концепции «объединенной Европы», советские эксперты предвидели даже в случае включения в нее Великобритании антиамериканскую направленность европейского проекта во главе с Парижем¹⁷⁵. Очевидно, что, даже несмотря на обострившееся в течение 1969 года чувство безопасности и возрождение стереотипов времен межвоенного периода, Кремль оставлял возможность дифференциации различных путей развития капиталистической интеграции.

Допуская, или предвидя развитие на фоне разрядки различных форм сотрудничества между Западом и Востоком, а главным образом апеллируя к печальному опыту Чехословакии, авторы записки призывали избегать таких форм сотрудничества, которые бы вели к вовлечению восточноевропейских социалистических стран в группировки с участием западных стран (правда с оговоркой — «без участия СССР, Польши и ГДР»)¹⁷⁶. Конкретные шаги социалистической интеграции, которые предлагал документ, отчасти копировали успешные моменты западноевропейской интеграции, отчасти развивали сильные стороны советской пропаганды.

Предлагалось создать общественное «Движение за мирную и демократическую Европу»¹⁷⁷. Очевидно, что эта идея вылилась в итоге в серию подготовительных съездов к «Ассамблее за мир и безопасность в Европе» (аналогу Движения за мир), в итоге состоявшейся в Брюсселе в июне 1972 года

174 Там же. Л. 133.

175 Там же. Л. 137.

176 Там же. Л. 139.

177 Там же.

в рамках подготовки европейской общественности к созыву СБСЕ.

В эту логику антиинтеграционной борьбы вписывалось готовившееся общеевропейское совещание (будущее СБСЕ) и необходимость усиления внешнеполитической координации действий социалистических стран через механизм консультаций министров иностранных дел членов ОВД. Здесь же выдвигалась задача дальнейшей «обработки» Франции силами всех европейских соцстран, «имея в виду закрепление выгодного нам курса Франции на налаживание общеевропейского сотрудничества на основе уважения государственного суверенитета стран Западной Европы»¹⁷⁸.

Что предлагал документ в плане конструктивной альтернативной линии стран Восточной Европы и СССР?

Во-первых, это набор общеевропейских инициатив. При чем двусторонние советско-французские отношения рассматривались как возможная антиамериканская альтернатива, путь преодоления отставания западноевропейских стран в научно-техническом плане от США. Другими ответами на американское давление назывались «план Фанфани» и английские идеи (вероятно, Декларация о Европе)¹⁷⁹. Но они, как уже отмечалось выше, не поддерживались СССР. По их образцу и подобию предлагалось расширение отношений с нейтральными странами Европы. В области торговли и экономики предлагалось строить с ними отношения по примеру советско-финляндской модели, пытаясь тем самым предложить им какую-то альтернативу распадавшейся ЕАСТ. В деталях идея была не проработана, предлагалось поручить это МВТ СССР. Интересно, что записка предлагала работать с нейтральными странами не только в политической (консультации) и экономической области, но и по военной линии (поставки оружия и проч.)¹⁸⁰. Причем эту работу пред-

¹⁷⁸ Там же. Л. 140.

¹⁷⁹ Там же. Л. 134.

¹⁸⁰ Там же. Л. 141.

лагалось согласовать в рамках СЭВ. Предлагалось провести специальное совещание послов СССР в Швейцарии, Швеции, Австрии и Финляндии. В целом давалась установка на развитие двусторонних долгосрочных торгово-экономических отношений со странами «Общего рынка» в обход Римского договора. Особый акцент делался на поддержке членов распадающейся ЕАСТ — скандинавских стран и Австрии — путем развития с ними взаимовыгодных отношений по примеру советско-финской модели¹⁸¹.

В политической области выдвигалась идея некоей «демократической альтернативы» — общественного «Движения за мирную и демократическую Европу», противопоставляемой европейскому движению — проводнику идей «империалистической интеграции»¹⁸².

Явно беря пример с детально разобранных в первой части документа процессов развития политической и культурной интеграции в рамках НАТО и Совета Европы, в документе выдвигалась целая программа сплочения социалистического содружества по линии совершенствования механизмов ОВД и СЭВ.

В первую очередь, заявлялось о желательности политической интеграции через создание политических надстроек в СЭВ и ОВД. Конкретно прописывалось создание постоянной комиссии и объединенного секретариата во главе с Генеральным секретарем в ОВД, а также учреждение в Москве института постоянных представителей стран ОВД в ранге послов. Сразу оговоримся, что в дальнейшем эта идея получила развитие в других программных документах МИДа и ЦК.

Вслед за майским документом по китайской угрозе развивался тезис о необходимости подготовки широкого массового движения за социалистическую интеграцию «снизу», через сеть механизмов формирования общественного мнения в Восточной Европе.

¹⁸¹ Там же. Л. 142.

¹⁸² Там же. Л. 139.

Предлагалось «внести на рассмотрение братских партий европейских социалистических государств предложения о создании объединенных институтов и организаций социалистических стран по вопросам идеологии, внешней политики и культуры: Объединенный институт по проблемам социалистической Европы (с задачей разработки и публикации материалов по вопросам социалистической интеграции и др.), Объединенный институт по основным проблемам внешней политики, Институт культурного сотрудничества стран социалистической Европы (для организации встреч, фестивалей, выставок, семинаров, пропагандирующих идеи социалистической интеграции), Фонд развития социалистической культуры в Европе с правом присуждать премии за деятельность в области культуры, способствующую пропаганде идей социалистической интеграции, Ассоциация преподавателей, Союз журналистов, Объединение породненных городов братских социалистических стран и др. Принять меры к возрождению и оживлению в СССР деятельности Антифашистского комитета, Славянского комитета, Комитета ветеранов войны и др., тесно контактируя с ее деятельностью соответствующих организаций в братских социалистических странах»¹⁸³.

Особенностью и преимуществом социалистической интеграции документ подчеркивал сохранение государственного суверенитета стран-участниц. Интересно, что в документе ставится равенство между понятиями «содружество» и «интеграция», последнее ставится в скобках рядом с первым¹⁸⁴. Это существенно для советского понимания термина «интеграция» в тот период. Советские эксперты в конце 1960-х уже не строили планов наднационального объединения стран Восточного блока. Это не означало отсутствия поиска путей улучшения механизма принятия решений с преодолением права «вето» — проблема, с которой параллельно столкнулась и западноевропейская модель в середине 1960-х годов, что при-

¹⁸³ Там же. Л. 143.

¹⁸⁴ Там же. Л. 144.

вело к демонстративному бойкоту Францией заседаний центральных органов Европейских сообществ в течение 1965 года (так называемый «кризис пустого кресла»)¹⁸⁵.

Что обращает на себя внимание в концовке записки МИДа СССР о процессах интеграции — неожиданный прямой намек на внутренние идеологические споры о роли национального фактора во внешней политике СССР: «одним из важнейших условий правильной организации и функционирования социалистической интеграции братских государств и ее органов (политических, экономических, военных и культурных) является правильный подход к национальному вопросу, борьба с антиленинскими положениями о будто бы уже происходящем сейчас процессе "отмирания наций" внутри СССР или стран социалистического содружества, с тенденциями к великодержавности и космополитизму, порою маскирующимися под поддельный "интернационализм", с попытками изображать нации как некий продукт капиталистического общества, который должен отпасть вместе с падением капитализма и т. п.»¹⁸⁶. Анализ внутриполитических баталий по этому ключевому для судьбы СССР и СЭВ вопросу безусловно требует отдельных дополнительных исследований на новом архивном материале.

Как следует из анализа документов конца 1960-х — начала 1970-х годов, СССР явно делал ставку на модернизацию СЭВ до уровня ЕЭС, возможно с целью установления контактов на равных в рамках СБСЕ, попытки к чему были предприняты уже в начале 1970-х годов. Хотя на словах делались заявления о готовности отказа от блоков (в первую очередь — военно-политических, во вторую — экономических), в реальности ни СССР, ни США не планировали этого делать и, наоборот, всячески использовали время до начала Совещания для максимального укрепления своих блоковых структур. Забегая уже в начало 1970-х, следует напомнить о планировавшемся политическом документе, ко-

¹⁸⁵ *Ludlow N. P. The European Community and the Crisis of the 1960s. Negotiating the Gaullist Challenge.* N. Y., 2007. P. 71–124

¹⁸⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 144–145.

торый должен был усилить политическую и юридическую интеграцию в СЭВ в дополнение к Комплексной программе социалистической интеграции, принятой в 1971 году. Речь шла про секретные переговоры о некоем Межгосударственном договоре стран-членов СЭВ, который так и не был принят.

Впервые желательность такого документа, соглашения или договора между «заинтересованными социалистическими странами», декларируется советской стороной в проекте предложений «О проблемах экономического сотрудничества стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи» в январе 1969 года¹⁸⁷. Насколько можно судить из рабочей концепции и схемы «Договора о дальнейшем углублении и совершенствовании сотрудничества и развитии социалистической экономической интеграции» два года спустя, он позиционировался как юридически обязательный для исполнения договор, усиливающий шансы на реализацию Комплексной программы и в то же время «важнейший политический документ», подлежащий ратификации высшими органами государственной власти договаривающихся государств¹⁸⁸.

Подтверждая принципы международного социалистического разделения труда, предлагалось включить в него фразу о том, что это «не будет сопровождаться созданием наднациональных органов, затрагивать внутренние вопросы планирования, финансовой и хозяйственной деятельности сторон», что, конечно, создавало существенные рамки в углублении интеграции¹⁸⁹. Понятно, что фраза была призвана успокоить румын и болгар. В то же время венгерская сторона активно предлагала включить в документ наиболее прогрессивные идеи «органического сочетания координации планов с более широким использованием товарно-денежных отношений»¹⁹⁰. А в подготовленной польской стороной версии статьи про отношения с третьими стра-

187 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 954. Л. 32.

188 РГАНИ. Ф. 3 Оп. 68. Д. 1377. Л. 130.

189 Там же. Л. 133об.

190 Там же.

нами говорилось, что «развитие взаимного экономического и научно-технического сотрудничества и социалистической экономической интеграции будет сопровождаться участием Договаривающихся Сторон в мировом разделении труда»¹⁹¹. А это уже означало вписывание СЭВ в мировой рынок, т. е. то, о чем говорил Оскар Санчес-Сибони: если не интеграция, то вхождение как составной части мировой социалистической системы (СЭВ) в глобальное, мировое разделение труда!

В дискуссии емко выразились подходы, характерные для различных стран социалистического содружества: от желающих оставить все как есть (Румыния) до стремящихся к интеграции в глобальный рынок капиталов и услуг (Польша). Возможно, именно эти внутренние противоречия между блоковой сущностью СЭВ и радикальными предложениями наиболее развитых членов организации и привели к тому, что из-за опасений раскола договор так и не был подписан. В любом случае очевидно, что политическая интеграция в СЭВ в конце 1960-х — начале 1970-х годов не состоялась, и провал подписания политического документа тому пример. Политическая интеграция пошла по пути совершенствования структур ОВД. В 1970-х, к примеру, вопросы отношений СЭВ и ЕЭС рассматривались в Исполнительном комитете СЭВ по поручению ПКК ОВД. Ожидавшегося международно-правового усиления СЭВ на волне подписания многостороннего договора и равноправного признания и установления официальных отношений с ЕЭС в рамках «второй корзины» СБСЕ в 1970-х так и не произошло, хотя это было частью советского видения трансевропейского проекта.

В подготовленных для ЦК КПСС уже в августе 1971 г. «Тезисах по вопросу общеевропейского экономического сотрудничества» экспертами ИЭМСС АН СССР заявлялось напрямую: «Современная Европа знает два типа интеграции: социалистический и капиталистический. Могут сосуществовать и соревноваться и два типа интеграции в Европе... Социалистические страны готовы к сотрудничеству в рамках фактически существующих двух ти-

¹⁹¹ Там же. Л. 135об.

пов интеграции»¹⁹². Однако признание СЭВ и сохранение его единства было не в интересах «Общего рынка».

Стратегической целью СССР в подготовке общеевропейского совещания было закрепление итогов Второй мировой войны, что и было достигнуто на СБСЕ. В этом отношении экономическое сотрудничество и панъевропейские проекты были направлены против углубления интеграционных процессов в Западной Европе, на закрепление международно-правового статуса СЭВ. Здесь интересы СССР и западных стран прямо расходились. Поэтому вторая (экономическая корзина) не принесла сколь-либо прорывных результатов в 1975 году.

Как отмечает в своем классическом исследовании Р. Г. Пихоя, «вторая половина 1960-х годов относится к числу наименее изученных в советской истории»¹⁹³. Концентрируясь на внутренней политике СССР, он приходит к выводу о том, что после «Пражской весны» в СССР и наступает свертывание реформ и период застоя¹⁹⁴. Применительно ко внешней политике, как показывает эта глава, наоборот, пражский и китайский фактор приводят к невероятной активизации внешней политики, где, с одной стороны, идет укрепление блоковых структур, а с другой, реформа их сущности — усиление политической интеграции в рамках ОВД и экономической в рамках разработки программы «комплексной социалистической интеграции», уходящих в начало 1970-х годов.

1969 год стал важной вехой в развитии интеграционных процессов в Восточном и Западном блоках. Во-первых, это была знаковая дата — момент переподписания истекавших базовых договоров как для стран-основательниц СЭВ, так и для НАТО (1949 год). Во-вторых, это был год самой острой фазы советско-китайского конфликта, отразившегося на всей внешней политике СССР. В-третьих, это был год ухода де Голля и смены руководства во Франции — страны, которая играла

¹⁹² Архив Российской Академии наук (РАН) Ф. 1933. Оп. 1. Д. 67. Л. 104–105.

¹⁹³ Пихоя Р. Г. Указ. Соч. С. 483.

¹⁹⁴ Там же. С. 569, 572–573.

огромное политическое значение в 1960-х для европейских инициатив Москвы, олицетворяя «срединный» путь европейской интеграции и фигуры, стоявшей на пути расширения ЕЭС и приема в «Общий рынок» Великобритании и группы пробритански настроенных стран. Гаагский саммит 1969 года стал важной вехой в развитии западноевропейской интеграции, разблокировав процесс расширения Европейских сообществ. 1969 год также стал ключевым для глобального сдвига в отношениях между Москвой и Бонном.

Это был временной период, когда в один год произошло большое количество качественных перемен, которые определили успех СБСЕ, принятие комплексной программы социалистической интеграции, изменения в институтах ОВД, прорыв в переговорах по сокращению вооружений, появление стратегического партнера Москвы на Западе в лице ФРГ и множество других сложнейших двух- и многосторонних проектов, чей успех был заложен долгим вызреванием «высокой разрядки» во второй половине 1960-х годов.

СССР переключается с вновь возникшего в 1960-х азиатского вектора (Япония, Китай, в целом АТР) все больше и определеннее на западноевропейское направление сотрудничества. Можно говорить даже о том, что в известной мере происходит интеграция и рост взаимозависимости двух частей Европы в плане научно-технологических проектов, кредитов, инфраструктурных связей. Экономика становится важной частью того, что можно было бы назвать «паутиной» концепцией безопасности, в рамках которой СССР успешно развивает двусторонние связи и пытается укреплять блоковые структуры. Именно благодаря этим связям Москве удалось в середине — второй половине 1960-х преодолеть запрет ЕЭС на выдачу долгосрочных кредитов соцстранам и достаточно долго, выходя в начало 1970-х, препятствовать введению общей торговой политики Брюсселя в отношении третьих стран.

И ведущие британско-американские специалисты по холодной войне Арне Вестаф и Владислав Зубок, и отечественный историк Р. Г. Пихоя на основе анализа политических докумен-

тов отмечают, что в какой-то момент наступает ситуация, когда «хвост виляет собакой», когда СССР становится заложником собственных геополитических амбиций¹⁹⁵. Наступает момент, когда в силу слабости или неререформируемости создаваемых союзнических отношений центр начинает отдавать больше, чем получать от системы «мирового социализма». Вкладывая в партнеров огромные средства и ресурсы, Москва теряет их поддержку и проводит политику себе в убыток. За это новая команда Брежнева ругала Хрущева и пыталась как-то остановить иждивенческое поведение своих союзников по социалистическому содружеству. Но на деле, как показывает анализ, проводимый в данной главе, это получалось с большим трудом. Экономические интересы ведущих стран СЭВ концентрировались в области торгово-финансовой интеграции, СССР, не отказываясь от диалога, продолжал по сути генеральную линию Хрущева на первоочередную интеграцию в области промышленного производства.

В целом про первую пятилетку внешней политики команды Л. И. Брежнева можно сказать, что ее характеризовал геометрический рост двусторонних контактов, официальных и неофициальных визитов как высокопоставленных чиновников, так и коллективных делегаций, коллоквиумов, конференций и прочих способов обмена мнениями и сближения позиций во внешней политике Запада и Востока, что в конечном счете предопределило успех «высокой разрядки» в начале 1970-х годов. С этой точки зрения представляется спорным тезис В. Зубока о том, что «в период между 1964 и 1970 г. руководители СССР находились в международном дрейфе»¹⁹⁶. Безусловно, разбираемые в данной главе два международных шока оказали сильнейшее влияние на расстановку внешнеполитических акцентов, но общая линия на общеевропейское совещание, на выстраивание

¹⁹⁵ Westad O. A. The Cold War and the International History of the Twentieth Century // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 1. Origins. Leffler M. P. and Westad O. A. (eds). Cambridge. 2010. P. 20–21; Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 846

¹⁹⁶ Зубок В. Указ. Соч. Там же.

«материальной базы» безопасности в Европе через паутину многочисленных соглашений и контактов создавалась не в 1971, а гораздо раньше — постепенно, целенаправленно на протяжении всей второй половины 1960-х годов.

Из стран Восточного блока Советский Союз был наиболее самодостаточен и наименее уязвим для общей внешнеторговой политики ЕЭС. Европейские социалистические страны были куда больше обеспокоены проблемой установления отношений и условий торговли с западноевропейским центром силы, что приводило к периодической постановке ими вопроса о признании «Общего рынка». Однако до 1972 года Москва продолжала придерживаться политики непризнания, выигрывая бои местного значения в области кредитов и долгосрочных торговых соглашений с отдельными членами Европейских сообществ.

Судя по всему, вопрос формата отношений с Брюсселем откладывался и увязывался с успехом или неудачей общеевропейского совещания — будущего СБСЕ. Ключевой здесь станет дискуссия внутри СССР и СЭВ 1971–1972 годов. В конце 1960-х вопрос был еще заморожен и находился в стадии «вызревания». Однако романтическим идеям равноправного диалога СЭВ и ЕЭС в рамках СБСЕ в 1970-х так и не суждено было сбыться. Впрочем, в силу ограниченности доступа к ключевым архивным фондам по 1970-м годам и, с другой стороны, огромного массива второстепенных данных и нюансов по этому периоду, настоящее исследование останавливается на рубеже 1960–1970-х годов, заглядывая в 1970-е, но не погружаясь в детали и специфику этого особого периода в истории как Советского Союза, так и в целом мировой экономики и международных отношений.

Заключение

Были ли шансы у единой Европы после окончания Второй мировой войны?

Ответ на этот вопрос лежит не только в русле идеологических и военно-политических факторов, игравших роль центробежных сил и мешавших объединению послевоенной Европы. Как было показано в первой главе, проблема безопасности, финансовой стабильности, экономического восстановления разрушенных войной национальных хозяйств были общими для стран как Западной, так и Восточной Европы. Различия в идеологии не помешали союзникам объединиться против фашистской Германии и добиться победы во Второй мировой войне. С точки зрения экономики источниками для восстановления советского хозяйства должны были стать репарации с побежденных стран и иностранные кредиты (в первую очередь — американские). И то, и другое лежало в русле логики сотрудничества с союзниками по антигитлеровской коалиции. Поэтому буквально с первых же дней формирования этой коалиции СССР участвовал в обсуждении будущего послевоенного устройства Европы, и его включали в свои планы общего развития европейской и глобальной экономики как британские, так и американские планировщики.

В вопросах построения субрегиональных федеративных образований в послевоенной Европе, активно выдвигавшихся Великобританией в годы Второй мировой войны, Москва занимала схожую с Вашингтоном — выжидательную позицию,

сменившуюся по мере похолодания отношений между союзниками на отрицательное отношение к проектам политической интеграции в Европе. Главным фактором в росте недоверия к таким планам был вопрос об эмигрантских правительствах Польши и Чехословакии, которые во время войны находились в изгнании в Лондоне и которым британский кабинет готовил роль главных игроков в своих послевоенных планах восстановления этих стран.

Оценивая сугубо прагматически перспективы объединения разоренных стран Западной и Центральной Европы, по сравнению с выгодами от сотрудничества с новой «мастерской мира» — США, советские эксперты, дипломаты и представители высшего политического руководства явно рассчитывали на развитие плодотворного партнерства с американским центром силы. Советский Союз как региональный лидер и сверхдержава с глобальными интересами делал ставку на более выгодное партнерство с США, нежели на романтические планы сложного и малопредсказуемого процесса объединения малых и средних стран Европы в некий собственный «центр силы».

СССР активно участвовал в выработке послевоенного «мирового экономического порядка» в 1943–1945 годах. Как было показано на материале новых архивных документов, Советский Союз добился выгодных для себя условий членства в Международном валютном фонде на переговорах в Бреттон-Вудсе и, несмотря на колоссальные экономические потери от войны, успешно трансформировал свою военно-политическую мощь в финансово-экономические инструменты. При этом глобальные институты МВФ, МБРР, МТО и ГАТТ воспринимались им, прежде всего, как часть международного механизма по реконструкции Европы, финансово-экономическая составляющая сотрудничества стран-победительниц в рамках ООН. До 1946 года надежда на получение крупного американского кредита и продолжение отношений в духе ленд-лиза позволяли СССР с пренебрежением относиться к планам создания первых общеевропейских структур: Европейского таможенного союза, Европейской угольной организации (ЕУО), Европейского экономического комитета (ЕЭК).

Как показали новые документы, ближе всего к участию в интеграционных общеевропейских структурах Москва была в марте-апреле 1945 года, когда послала своих представителей в Лондон на переговоры об учреждении ЕЭК и ЕУО. Однако, столкнувшись с угрозой потери гарантированных ему по праву победителя репараций, Кремль счел недопустимым рисковать потерей этого ресурса ради гипотетических выгод экономической кооперации с западными странами. В ситуации крайней нужды во внешних источниках для восстановления своей экономики СССР интересовали кредиты, а дать их послевоенной Европе могли только США. Затягивание и обставление решения этого вопроса массой политических уступок после смены администрации в Вашингтоне наряду с некоторой наивностью советского руководства сыграло на руку сторонникам жесткого курса как в СССР, так и в США.

Тем не менее, как показывает анализ документов МИДа и МВТ СССР, на уровне советских чиновников, в научных кругах происходила амортизация, если не сказать, шло скрытое сопротивление курсу на конфронтацию в отношениях с США и новой линии на неучастие в многосторонних организациях. Идеи сотрудничества еще долго оставались актуальными в среде советских экспертов, и даже в начале 1947 года предпринимались зондажи и робкие попытки под различными предложениями вернуться к сотрудничеству в МВФ или Европейской экономической комиссии ООН, шифровавшиеся под видом инициатив «снизу» в кругах МИДа СССР.

Решающей вехой стал июль 1947 года, когда на Парижском Совещании министров иностранных дел Великобритании, Франции и СССР окончательно обозначилось принципиальное расхождение во взглядах на будущее развитие Европы между лидерами трех ведущих европейских держав. Москва отказалась от участия в «плане Маршалла» на условиях, которые были равнозначны потере самостоятельности в вопросах экономической политики как внутри страны, так и в зоне своего влияния — странах Восточной и отчасти Северной Европы. Из трех стран — Великобритании, Франции и СССР — Совет-

скому Союзу самой дорогой ценой далась победа во Второй мировой войне, поэтому, видя нежелание улучшить условия предоставления американской помощи и признаки сговора за своей спиной, Кремль отказался от участия в этом проекте. Окончательный отход от экономического сотрудничества был закреплен опусканием «железного занавеса» с обеих сторон — созданием Координационного комитета по торговле стран НАТО и Комиссии по координации торговли с капиталистическими странами при бюро СЭВ в 1949 году.

Со второй половины 1947 года все проекты западноевропейской интеграции приравнивались советскими экспертами и политическими лидерами к американизации Европы. В советском политическом лексиконе ставился знак равенства между «маршаллизацией Европы» и западноевропейской интеграцией. Неприятие американского сценария развития Европы предопределило сворачивание до минимума сотрудничества с западноевропейскими странами даже в рамках созданной при поддержке СССР Европейской экономической комиссии ООН.

Тем не менее, как показывает ряд документов второй половины 1947 года, даже после этого и в беседах Сталина с британскими лейбористами, и в секретных документах отдельных членов ЦК КПСС мысль о желательности американских кредитов в приемлемой форме и без угрозы для суверенитета страны не покидала умы руководства страны. После периода острой фазы холодной войны, расцвета «ждановщины» в конце 1940-х годов наступил короткий этап поиска нового сближения через прагматическое экономическое сотрудничество. Сторонники такого курса внутри СССР сгруппировались вокруг Внешнеполитической комиссии ЦК и получили «зеленый свет» на асимметричный ответ на «план Маршалла» в виде международного Московского экономического совещания в апреле 1952 года.

Комплексный анализ на материале российских и зарубежных архивов этого практически неизвестного в историографии события показывает важность и глубину замысла советской стороны. Главной задачей совещания был прорыв торговой бло-

кады, установленной в рамках политики НАТО, и глобальный поворот к мирному сосуществованию, установлению «модус вивенди» между двумя социально-экономическими системами на базе прагматического экономического интереса в развитии общеевропейской и мировой торговли.

Асимметричность замысла заключалась в попытке установить диалог на уровне ведущих бизнес-ассоциаций и научной и общественной элиты стран Запада и третьего мира, минуя дискредитировавшие себя правительства. Это должно было оказать давление на официальные круги и заставить их смягчить свои внешнеполитические курсы, вернуться к сотрудничеству. При этом Москва видела себя в роли авторитетного посредника в установлении отношений между Китаем и западными странами, между развитыми и развивающимися странами, т. е. мостом между «Севером» и «Югом».

Как показывает анализ западных архивных документов, у советской инициативы был большой потенциал для ее успешного завершения. У общественности стран Западной Европы, да и среди правительств стран НАТО не было единства относительно правильности курса на построение интеграционных группировок и обособление группы западноевропейских стран, означавших цементирование «железного занавеса» со странами Восточной Европы. Об этом говорят как введенные в научный оборот документы КОКОМ, так и выступления и поведение иностранных делегатов на совещании в Москве.

Непоследовательность в проведении нового политического курса со стороны самого СССР, что было проявлением скрытой внутривнутриполитической борьбы между «ястребами» и «голубями» в окружении И. В. Сталина, противоречие между политикой борьбы с космополитизмом внутри страны и попыткой сменить не только имидж, но и курс на активное сотрудничество с капиталистическими и развивающимися странами во внешнем мире, привели к тому, что Кремль сам дезавуировал значительную часть своей инициативы. Большая часть торговых предложений, подписанных или предложенных вскоре после Московского совещания, была отвергнута СССР.

Достижения от совещания носили тактический характер. Применительно к интеграционным процессам в Западной Европе главным был временный пропагандистский эффект. Тем не менее идея создания новой международной торговой организации и созыва новой международной торговой конференции, мирного сосуществования двух систем прочно вошли в советский внешнеполитический арсенал в середине — второй половине 1950-х годов. Это позволяет судить о важности МЭС как площадки для отработки идей будущей «оттепели» и общеевропейских инициатив СССР.

Период «коллективного руководства» 1953–1957 годов и особенно правления Н. С. Хрущева 1957–1964 годов был временем наиболее активной политики СССР в отношении европейской интеграции. Причем игра шла по всему полю: как в Западной, так и Восточной Европе. Именно успешное развитие ЕОУС, а затем ЕЭС подтолкнуло советское руководство к попытке провести комплекс интеграционных мероприятий в СЭВ, создать социалистический аналог наднациональной экономической интеграции в 1960–1963 годах. При этом никто не употреблял слова «интеграция» — речь шла о «координации», «централизации», «взаимопомощи». Однако проекты предусматривали отход от единогласия, учреждение органа с наднациональными полномочиями, введение единой валюты, единого банка и т. д. Разрыв в уровне развития экономик стран СЭВ, определявший противоречивость их национальных интересов, помешал реализации этой реформы в Восточном блоке. СЭВ пошел по пути наименьшего сопротивления и стал развиваться вширь, а не вглубь.

Как показывает сопоставительный анализ новых архивных документов из четырех стран, позиция СССР в отношении западноевропейской интеграции имела свою логику и была не столь догматической, как считалось в историографии до сих пор. В ней следует различать официальный курс и внутреннюю борьбу разных течений, выражавшуюся в соперничестве экспертных «команд» в МИДе, ЦК КПСС, МВТ СССР. Именно это соперничество приводило к сосуществованию двух «школ» и двух

подходов. На уровне официальных публикаций и заявлений оно приводило к появлению порою нелогичных и параллельных предложений борьбы с замкнутыми группировками и в то же время к установлению контактов между ними и СЭВ, к общеевропейскому сотрудничеству между всеми существующими интеграционными объединениями.

Ограниченность доступа к источникам этого периода позволяет воспроизвести картину лишь в общих чертах, наиболее подробно осветив эволюцию взглядов экспертов МИДа СССР. Но уже одни только открывающиеся детали вариативности восприятия интеграционных группировок в Западной Европе, попытки проиграть ситуацию возможных шагов по установлению контактов еще в 1957–1960 годах заставляют пересмотреть всю картину советской политики в масштабах европейского региона.

Кажущаяся на первый взгляд недалёковидность и догматичность, неуклюжесть политики критики и непризнания ЕЭС и Евратома на самом деле находят свое объяснение при расширенном взгляде на внешнеполитические и экономические реалии второй половины 1950-х годов. Взгляд на развитие конкурирующих интеграционных проектов в лице наднациональных ЕОУС, ЕЭС, Евратома и межгосударственных — зоны свободной торговли (ЕАСТ), Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) и Европейского атомного агентства (ЕЕА) в 1956 или даже 1957–1958 годах существенно отличается от ретроспективных оценок необходимости сразу выбрать только один вариант, обреченный в будущем на успешное развитие в лице ЕЭС/ЕС. Как показывают предложения Комитета Информации при МИДе СССР и ОМЭО МИДа СССР в 1957 году, советские дипломаты предлагали сделать ставку на межгосударственные интеграционные объединения. Мало кто мог предвидеть, что не ОЕЭС, не ЕАСТ, а именно ЕЭС станет самым успешным из сосуществовавших и борющихся между собой вариантов европейской интеграции. Эта линия постепенно пробивала себе дорогу среди советских министерств и ведомств, но именно она обусловила попытки

СССР в 1960 и 1961 годах вступить в ОЭСР, возникшую на месте ОЕЭС.

Вариативность интеграционных проектов была на руку Москве, с успехом игравшей на противоречиях между «шестеркой» и «семеркой» вплоть до появления угрозы поглощения ЕАСТ со стороны ЕЭС в 1961 году. Но даже после этого, как показывают российские, французские и британские документы, благодаря конструктивному подходу и использованию конкуренции между двумя интеграционными центрами в Западной Европе, Лондоном и Парижем, Советскому Союзу удалось получить первый крупный послевоенный долгосрочный кредит от Великобритании в 1963–1964 годах, несмотря на давление со стороны ЕЭС и США.

СССР поддерживал евроскептиков в ключевых странах Европы и выдвигал конструктивные планы общеевропейского сотрудничества. Причем, как показывают проекты ОМЭО МИДа СССР, в ряде наиболее прогрессивных вариантов речь шла об общеевропейском рынке, о специализации и кооперировании между странами с капиталистической и социалистической ориентацией, о разделении труда и создании общих координирующих структур в виде европейского расчетного фонда и валютного фонда и т. д. СССР был действительно заинтересован в развитии экономического и научно-технического сотрудничества. У Москвы были выигрышные позиции в кооперации в области мирного атома, а также традиционные сырьевые и транспортные возможности. Однако эти щедрые предложения наладить конструктивный диалог наталкивались на подозрительность и откровенное неверие в искренность советских предложений со стороны правительств стран Запада, что не раз отмечали отечественные и зарубежные исследователи эпохи Хрущева.

Приводимые в этой книге аналитические документы западных дипломатов говорят о том, что поворот Москвы назад к сотрудничеству в 1950-е — начале 1960-х годов не воспринимался всерьез из-за радикальности и неправдоподобности этого шага с точки зрения западных экспертов. Неудача советских инициатив заключалась не только в том, что они чаще всего появля-

лись как ответ на тот или иной шаг в развитии западноевропейской интеграции. Их реалистичному и вдумчивому восприятию мешала историческая память. И эксперты британского МИДа и казначейства, и эксперты Комиссии ЕЭС отмечали, что, если бы Москва хотела реально сотрудничать с Западом, она вступила бы в МВФ, МБРР, ГАТТ и не стала бы изобретать новых структур. Долгий период бескомпромиссной борьбы с «планом Маршалла» не вязался с заявлениями о желании участвовать в реформе, созданной для его реализации ОЕЭС в 1960 году. Деструктивная позиция по вопросу международного финансового и экономического сотрудничества в послевоенный период контрастировала с щедрыми предложениями кооперации в рамках предлагавшейся новой международной экономической организации. Инициативы СССР не были должным образом подготовлены и, хотя, как показывают документы российских архивов, были наполнены внутренним смыслом (а на проектном уровне — конкретным содержанием), воспринимались как очередная пропаганда. Наиболее серьезные шансы на их реализацию были связаны с Парижским саммитом великих держав в мае 1960 года. Скандальное и преждевременное окончание его работы похоронило надежды на раннюю разрядку и реализацию связанного с ней пакета общеевропейских и глобальных экономических инициатив СССР.

Выйдя за рамки изучения чисто ответной реакции Москвы на ту или иную фазу развития западноевропейской интеграции, можно проследить, как от глобальных экономических инициатив Советский Союз спустился на уровень регионального мышления и как пересекались эти два уровня.

Во времена Сталина мало кто понимал феномен «европейской интеграции» в современном смысле этого термина. Собственно, и в самой Западной Европе термин «интеграция» вошел в политический лексикон лишь в середине 1950-х годов, заменив употреблявшиеся в разной интерпретации понятия «сотрудничества», «единства» и «общности». Поэтому неудивительно, что первые попытки отреагировать на это явление были вызваны не тем, что западноевропейская интеграция рассма-

тривалась как угроза экономическим интересам СССР, но тем, что она виделась в качестве прикрытия для подготовки третьей мировой войны. И советские инициативы, включая вполне рациональные идеи, диктовались стремлением помешать политической и военной консолидации Западной Европы против Восточной. Если принять во внимание, что планы отцов-основателей европейской интеграции ставили в качестве первоочередной цели политическую интеграцию Западной Европы (через Совет Европы, Европейское оборонительное и Европейское политическое сообщества), то опасения СССР были не беспочвенны. Смягчение международного климата при Хрущеве и успех развития «Общего рынка» привели к росту интереса к экономической составляющей этого явления со стороны СССР и стран Восточной Европы. Впервые понимание объективных причин западноевропейской экономической интеграции появилось в начале 1960-х годов.

Попытки Н. С. Хрущева реформировать СЭВ в 1962–1964 годах, превратив его в супергосплан Восточной Европы с жесткой централизацией и главенствующей ролью Москвы (навеянные успехами наднациональных институтов Европейских сообществ) наткнулись на жесткую оппозицию наиболее уязвимых стран-членов СЭВ. Были достигнуты успехи в отдельных сегментах (например, промышленная специализация, стандартизация), но без тотального диктата в планировании национальных экономик стран-членов через плановые структуры в Москве.

Успех и одновременно вызов со стороны западноевропейской интеграции во второй половине 1960-х годов, вместе с пониманием необходимости большего учета экономических интересов как стран-членов, так и собственных интересов в СЭВ и вне его, толкали новую команду Л. И. Брежнева к поиску свежих инициатив.

В советском представлении рубежа 1960–1970-х годов «единая Европа» подразумевала признание послевоенного статус-кво и построение общеевропейского торгово-экономического пространства с взаимными гарантиями безопасности и с соблюде-

нием общих правил игры, но при сохранении идеологической идентичности восточного блока. Европа виделась как место для мирной конкуренции двух систем в условиях отсутствия торгово-экономических барьеров и даже взаимозависимости двух систем на межблоковой основе (СЭВ–ЕЭС, ОВД–НАТО). СССР стремился к развитию межблоковых и межстрановых отношений, но не к ликвидации блоков вообще, в чем был корень расхождений, например, с концепцией «единой Европы» Ш. Де Голля.

Развитие темы «социалистической интеграции», как показано в последней главе, следует рассматривать в тесной увязке с внешнеполитическими вызовами для СССР и всего восточного блока в результате Чехословацкого кризиса 1968 года и вооруженных столкновений с Китаем в 1969 году, равно как со стратегической линией СССР на проведение общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. С одной стороны, можно наблюдать новое понимание понятия «безопасность» со стороны советского руководства, которое начинает включать экономическое и научно-техническое измерения. С другой, геополитические расчеты в конечном итоге все-таки побеждают соображения чисто экономической выгоды. Пример тому — прием Монголии в СЭВ, экономический эффект от которого для членов СЭВ был весьма невелик, но зато благодаря инвестициям (прямым и по линии СЭВ) СССР резко поднял уровень жизни в этой стране и в значительной мере обезопасил себя от угрозы полномасштабной китайской агрессии. После провала попыток Хрущева придать СЭВ экономические и политические надгосударственные функции, на рубеже 1960–1970-х годов происходит четкое разделение «зон ответственности» между СЭВ и ОВД: СЭВ отвечает за экономическую интеграцию, ОВД — за политическую и военную.

При Л. И. Брежневем сфера «интеграции» становится ареной мирного соревнования между Западом и Востоком. Однако налицо серьезные успехи в двусторонних экономических отношениях СССР с ключевыми западными странами на внеблоковой основе и рост нерешенных проблем в отношениях с партнерами по восточному блоку. Внутреннее противоречие между

попытками ограниченного введения рыночных механизмов (формирования цен, выдачи кредитов, введения единой валюты, определения принципа заинтересованных сторон) и базовой плановой сущностью СЭВ и социалистических экономик самих стран-членов сказывалось на эффективности попыток изменить сталинскую модель организации, пересмотреть схему взаимодействия центра и периферии. Происходит постоянное столкновение принципов «взаимопомощи» и «взаимовыгоды», «интернационального долга» и национальных интересов.

Выход из ситуации виделся СССР в «наращивании» внутреннего потенциала СЭВ и превращении Совета в социалистический аналог ЕЭС с установлением контроля над неизбежно ширившимися контактами с западным центром экономического притяжения в Европе. Хотя в 1969 году СССР еще стоял на позициях непризнания Европейского сообщества, настойчивые запросы европейских членов СЭВ и сама логика готовившегося общеевропейского совещания приводили к мысли о рассмотрении этого вопроса в будущем по итогам общеевропейского совещания. Увы, но то что было выгодно СССР не всегда оказывалось выгодно странам-членам СЭВ, не говоря о геополитическом и экономическом конкуренте в лице Европейского сообщества.

По причинам, изучение которых выходит за рамки данной книги, равноправного диалога с «Общим рынком» и победного триумфа модели социалистической экономической интеграции в 1970-е годы так и не произошло. Взаимное признание СЭВ и Европейского сообщества состоялось лишь в 1988 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ

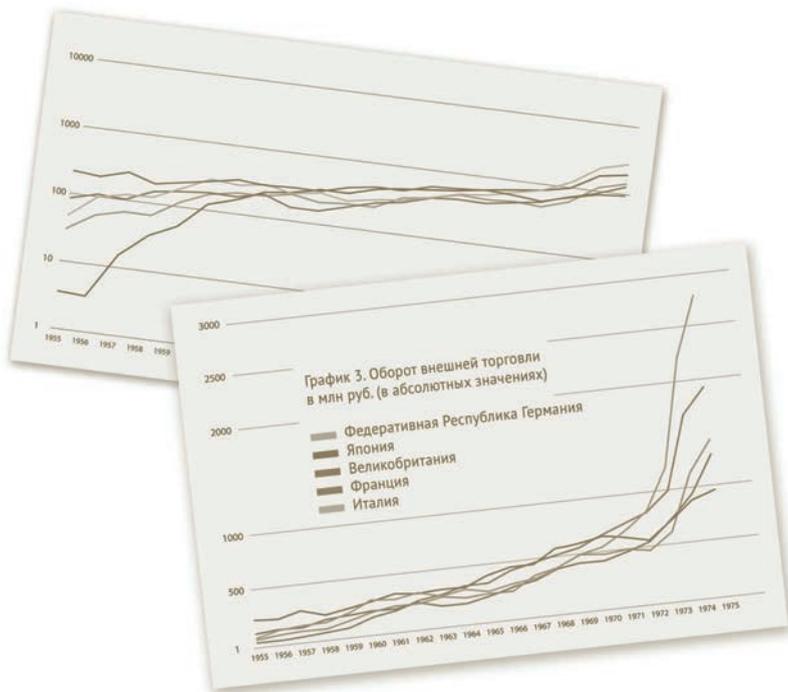
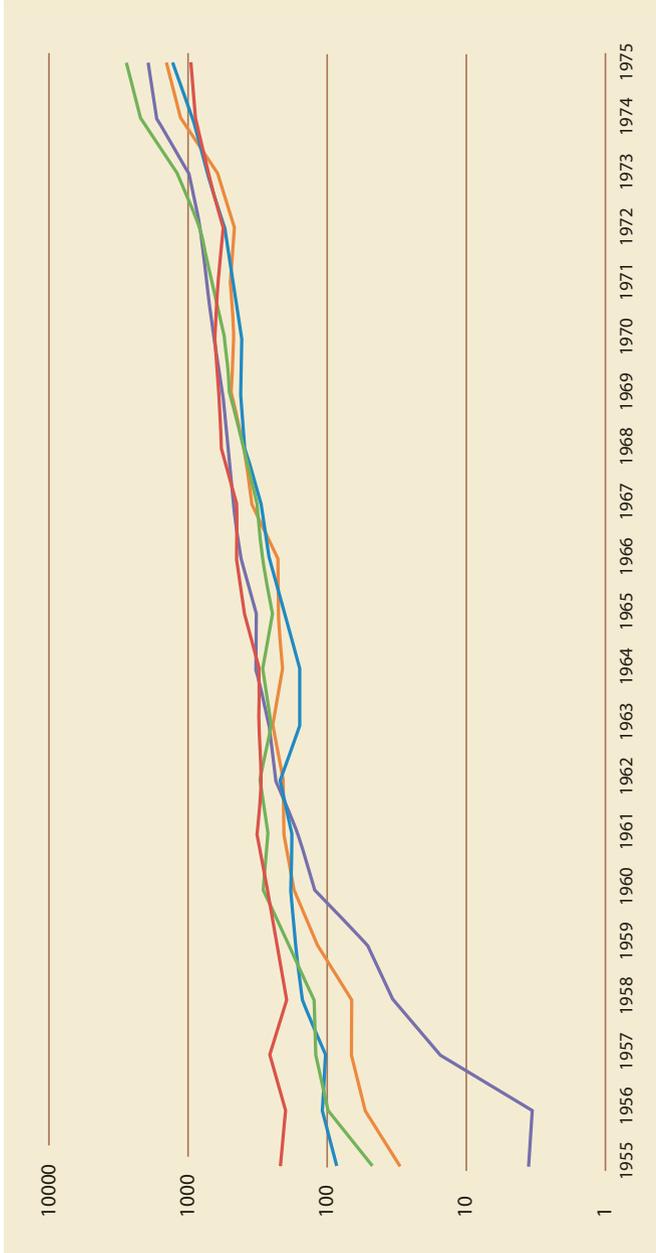

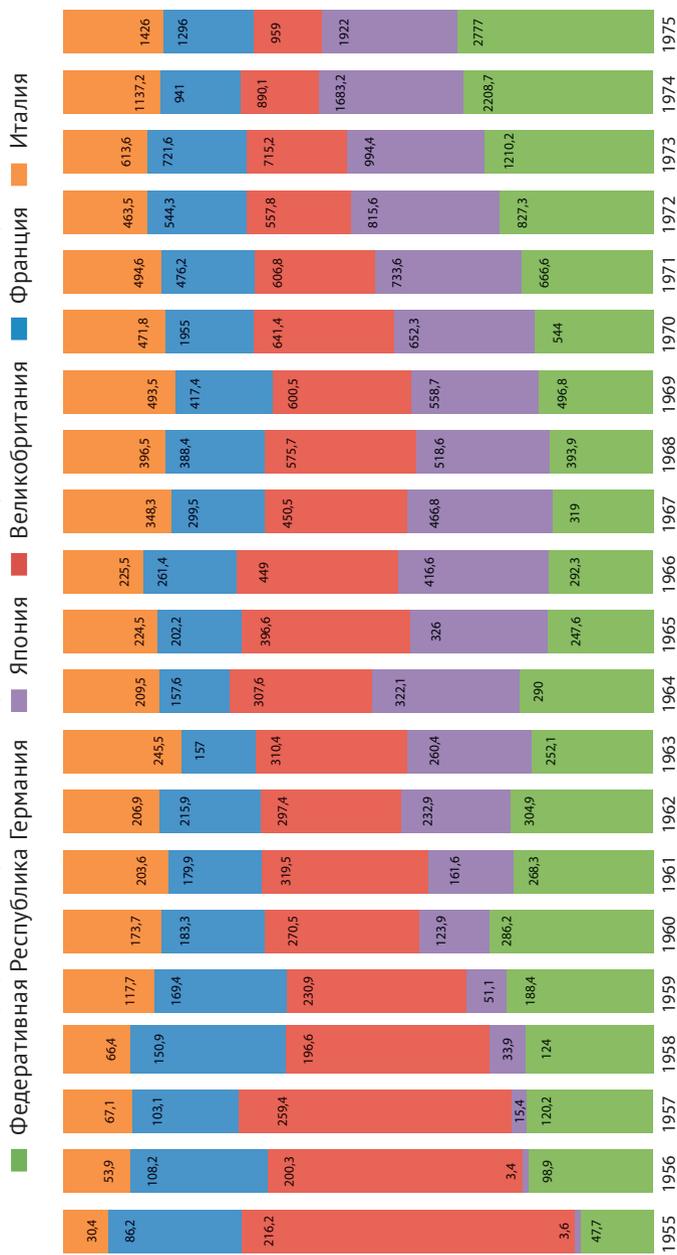
График 1. Оборот внешней торговли в млн руб. (по логарифмической шкале)
 Федеративная Республика Германия ■ Япония ■ Великобритания ■ Франция ■ Италия

Илл.11 а. График внешней торговли СССР с ключевыми капиталистическими странами Запада за 1955–1975 гг. (составлен по данным Бюллетеней МВТ СССР) .

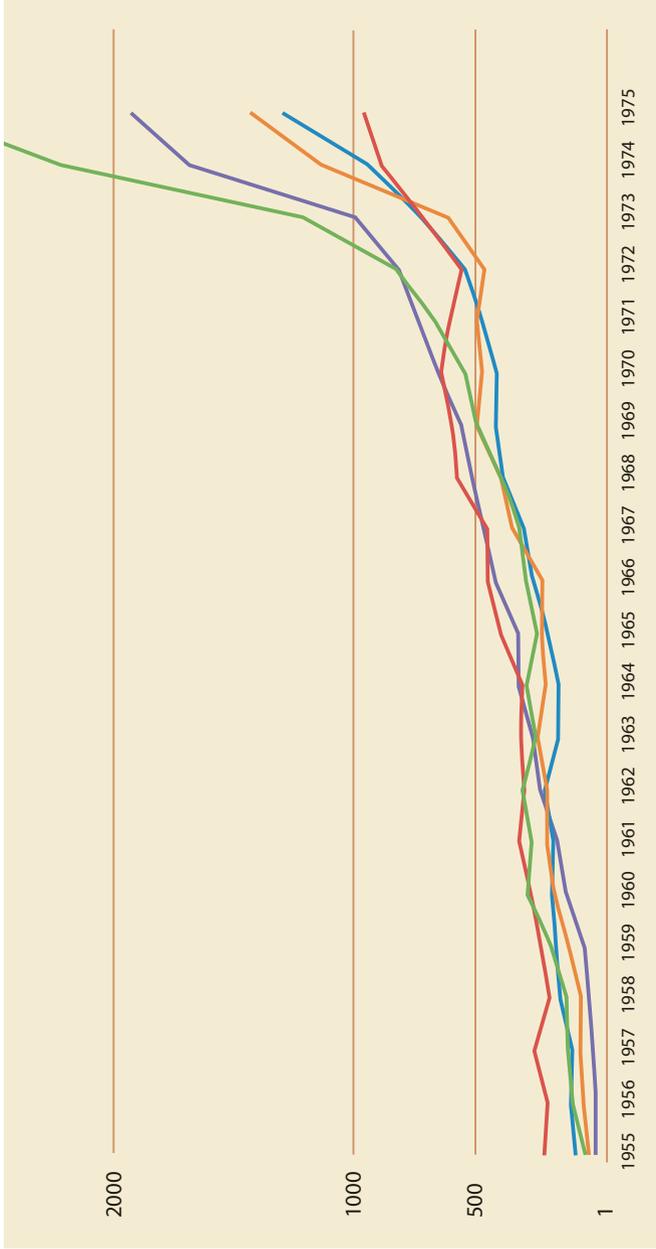
Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов

График 2. Оборот внешней торговли в млн руб. (в абсолютных значениях)

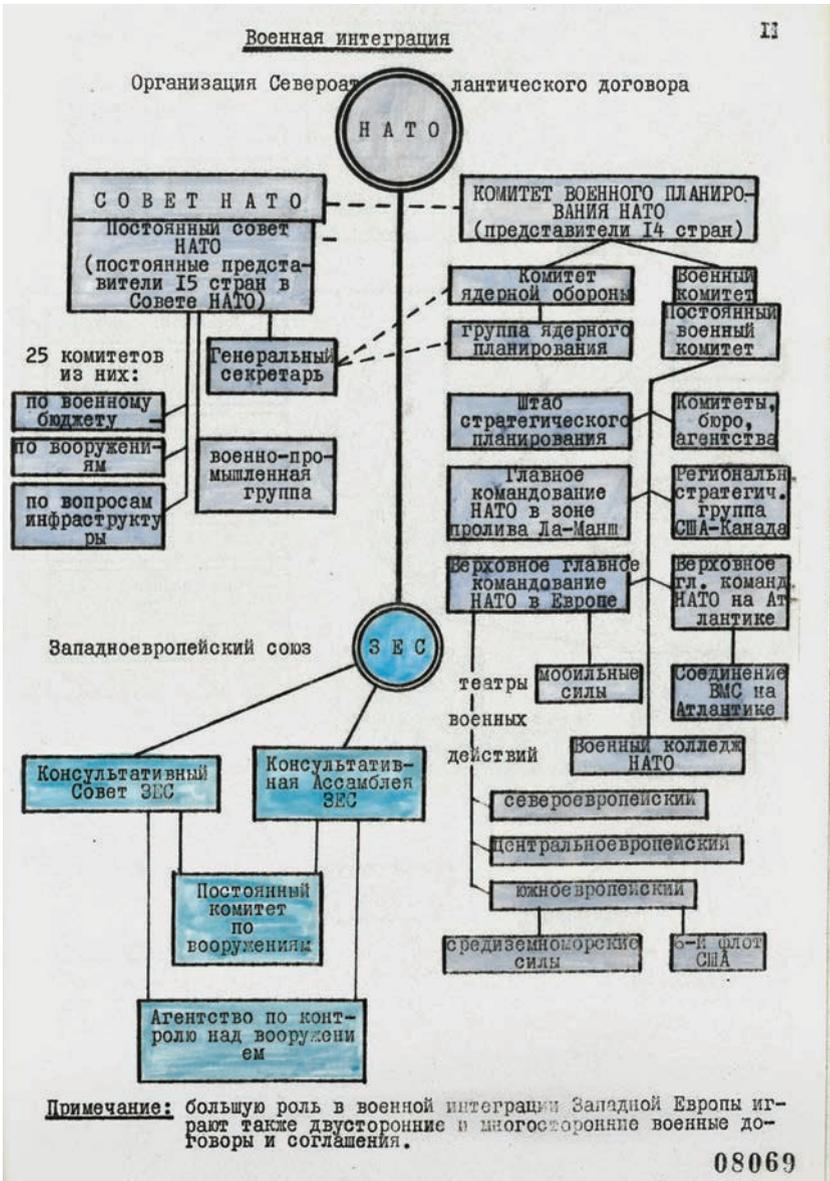
Илл. 11 б. График внешней торговли СССР с ключевыми капиталистическими странами Запада за 1955–1975 гг. (составлен по данным бюллетеней МВТ СССР).

График 3. Оборот внешней торговли в млн руб. (в абсолютных значениях)
 Федеративная Республика Германия ■ Япония ■ Франция ■ Италия

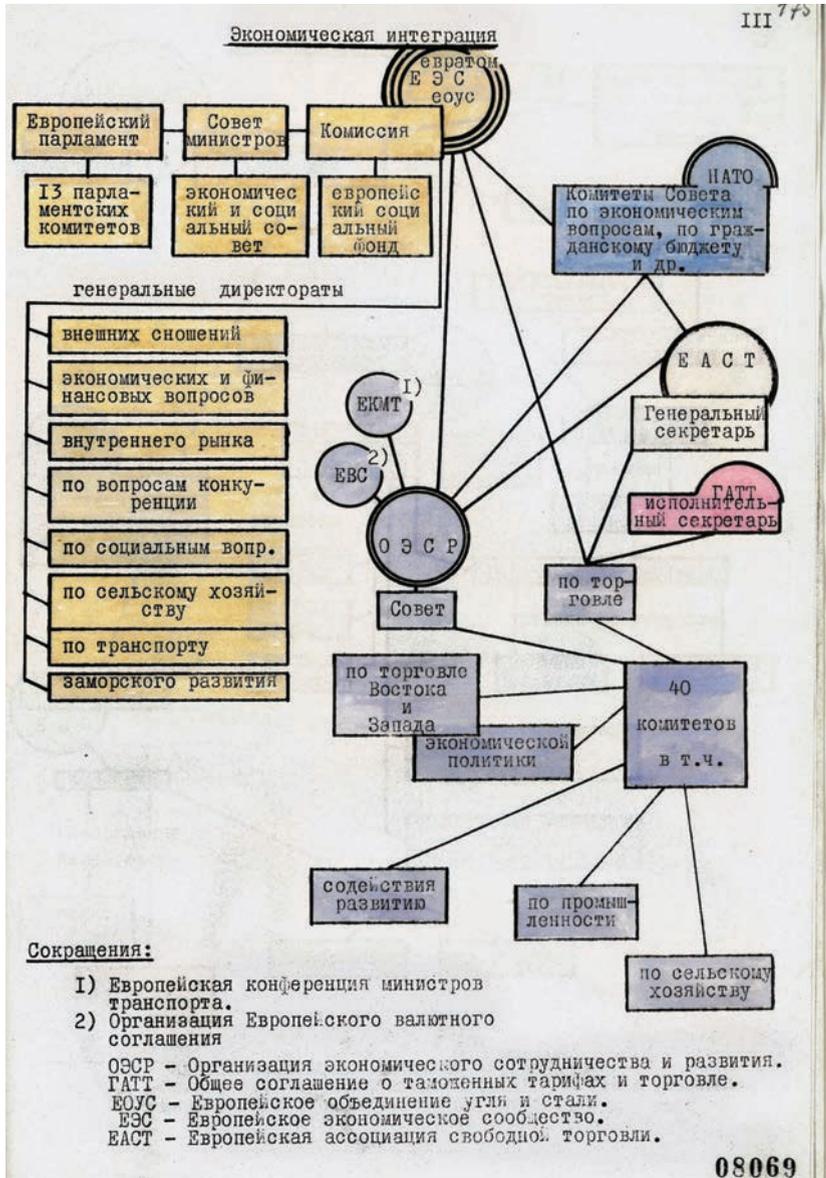

Илл.11 в. График внешней торговли СССР с ключевыми капиталистическими странами Запада за 1955–1975 гг. (составлен по данным Бюллетеней МВТ СССР) .

Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов

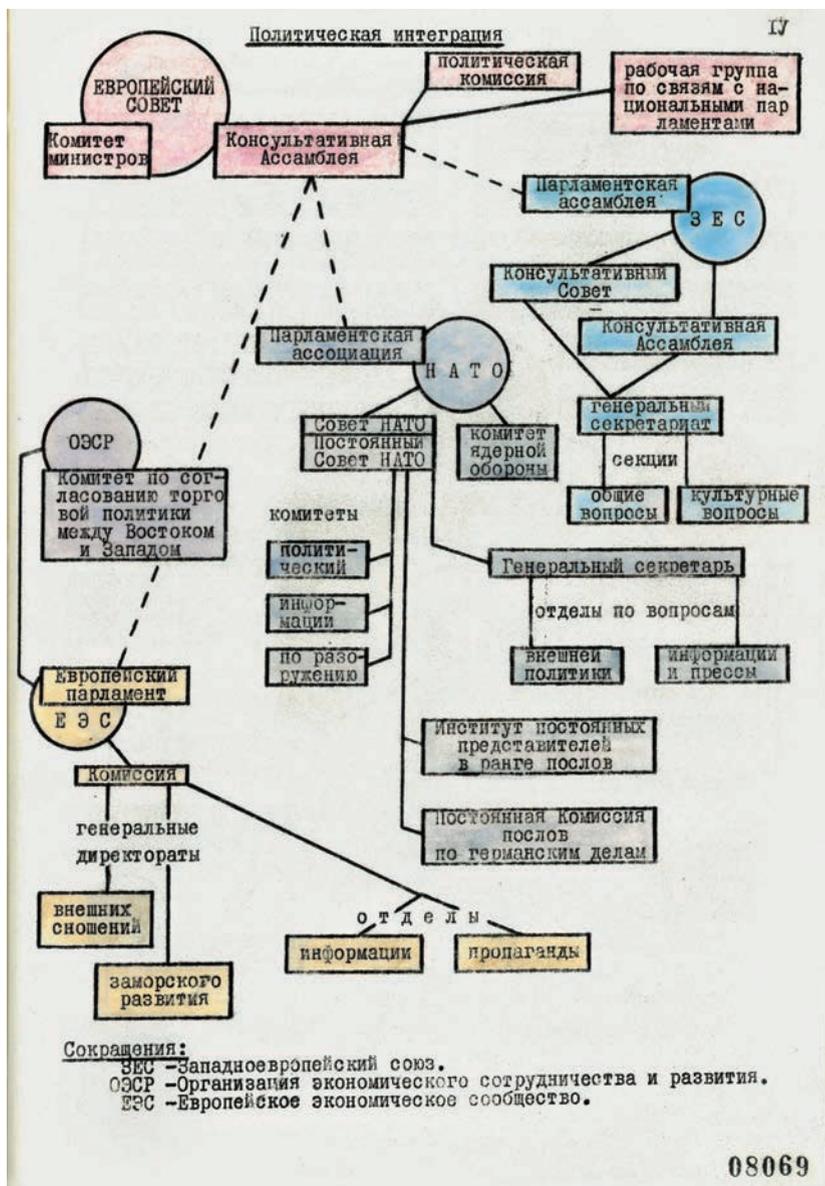

Илл.12. Военная интеграция. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 173.

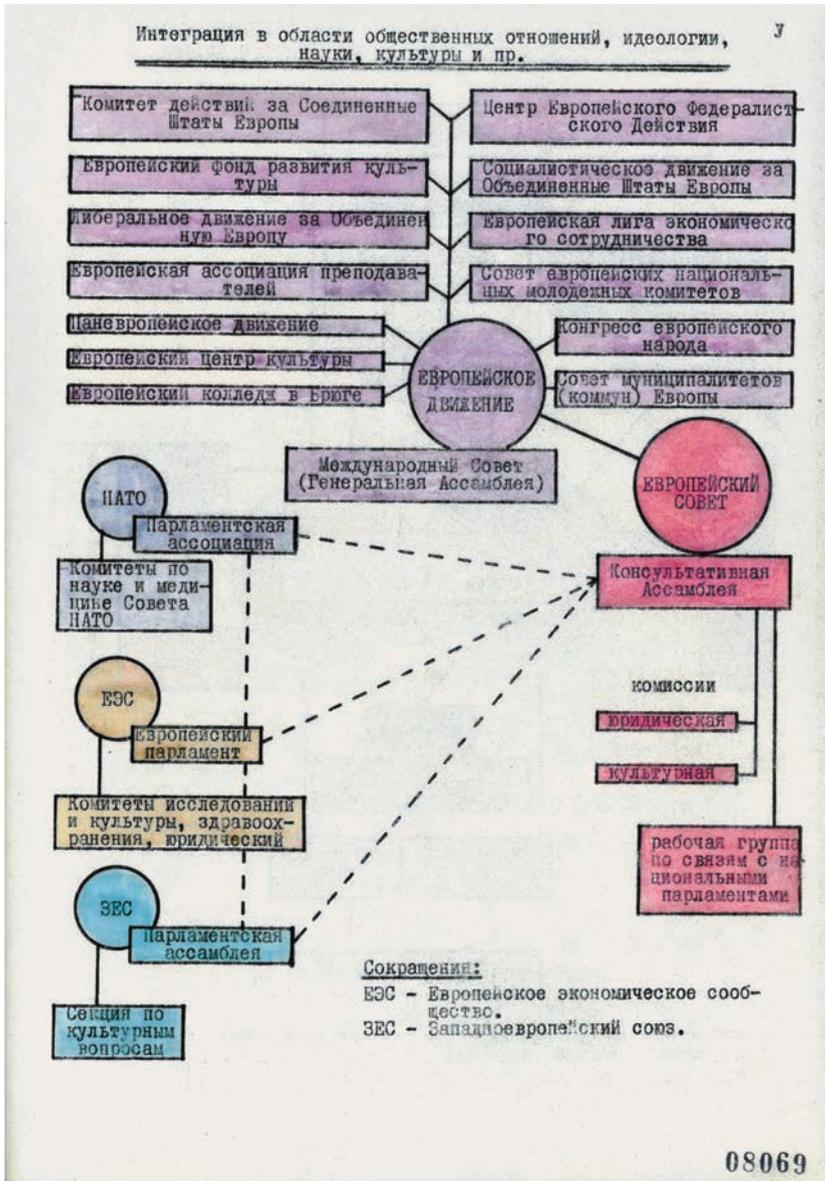

Илл. 13. Экономическая интеграция. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 175.

Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов

Илл. 14. Политическая интеграция. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 176.

Илл. 15. Интеграция в области общественных отношений, культуры и идеологии. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 177.

Именной указатель

Аденауэр, Конрад 200, 219, 223, 224, 372, 383, 407

Алексеев В. 274, 275

Алхимов В. С. 399, 400

Андропов Ю. В. 353, 410, 417, 419, 420, 427, 474

Арзуманян А. А. 293, 370, 388, 390, 408

Аркадьев Г. П. 43, 45, 81, 82

Арутюнян А. А. 26, 31, 39–41, 44, 46, 81, 83, 95, 267–269

Бальфур, Джон 80

Барановский А. М. 26, 27

Бастид, Поль 178

Баяр А. 84

Бевин, Эрнест 105, 108, 110, 111

Берджер, Роланд 297, 298

Берия Л. П. 185, 224, 227

Бивербрук, 1-й барон (Эйткен, Уильям Максвелл) 383–385, 387

Бидо, Жорж 110, 111, 253

Бойд-Орр, Джон 178, 195, 215, 388

Болл, Джон 402

Борисенко Д. Г. 84

Борисов С. А. 218, 220

Брандт, Вилли 456, 457

Браун, Джордж 452

Брежнев Л. И. 10, 15, 17, 231, 334, 360, 417, 418, 425, 435, 436, 438, 439, 468, 474, 475, 495, 506, 507

- Бригиншоу, Ричард* 389
Брунс, Герхард 219, 223, 224
Бузыкин Ю. И. 412
Булганин Н. А. 185, 227, 244, 251, 252, 254, 294, 295, 438
Бутби, Роберт Джон 298
Быстров Ф. П. 40
- Валленберг, Рауль* 136
Ван Лоу, Г. 245, 246
Ванников Б. Л. 260
Варга Е. С. 104, 186
Велебит, Владимир 322, 323
Викери, Оливер 179
Виноградов С. А. 205, 365
Вильсон, Гарольд 128–130, 298, 356, 371, 390, 392, 448, 449, 452, 453
Вознесенский Н. А. 39, 126
Вормсер, Оливер 406
Вышинский А. Я. 28, 39, 41, 43, 44, 80, 84, 90–94, 108, 117, 153, 154, 156, 187, 257
- Гарбузов В. Ф.* 427
Гарриман, Аврелл 126
Герщенко В. С. 30, 31, 39, 50, 81, 83, 105, 115–117
Гор-Бут, Поль 315
Гор, Вильям Ормзби 383
Грибанов М. Г. 288
Григорьян В. Г. 173, 175, 191
Громыко А. А. 139, 239, 257, 260, 261, 263, 264, 313, 314, 332, 333, 340, 353, 360, 368, 421, 444, 447, 471, 476
Гронки, Джованни 396
- д'Эстен, Жискара* 143, 407
Де Голль, Шарль 17, 270, 365, 372, 380, 396–398, 443–445, 447, 448, 454, 471, 480, 485, 486, 493, 507
де Пла, Бернар де Робинэ 192, 216
Дежан, Морис 267–269

- Деканозов В. Г.* 30, 40
Джей, Дуглас 298
Джонстон, Эрик 126
Дифенбейкер, Джон 388, 389
Дрейсон, Джордж Барнаби 178, 206, 207
Дрюон, Морис 178
Дубчек, Александр 435
Дугэрсурен, Мангалын 474
Дэвис, Гарольд 178
- Емченко В. Н.* 39
Ерофеев В. И. 45, 59, 105, 365
- Жданов А. А.* 112, 113
Живков, Тодор 435
- Зарубин Г. Н.* 119
Засядько А. Ф. 353
Захаров Н. С. 474
Зверев А. Г. 39, 40, 139
Зееландер, Пол ван 143
Зиллиакус, Кони 118–121, 356, 357, 388
Зорин В. А. 117, 236
- Иден, сэр Энтони* 57, 58–61, 66, 67, 90, 206, 207, 252, 256, 294, 295, 385
Ильичев И. И. 220, 267, 268
- Кабанов И.* 236, 427
Каганович Л. М. 185, 212
Кадар, Янош 435
Кармичел, Грэхэм 205
Карьялайнен, Ахти 327
Каутский, Карл 275
Кейнс, Мейнард Джон 25, 26
Кекконен, Урхо Калева 327, 329

- Кеннеди, Джон* 304, 368, 370, 377, 383, 389, 397, 398
Керр, Арчибальд Кларк 25, 63, 65, 80, 84, 85, 90, 93, 94
Кипсар Г. Ф. 339
Кириленко А. П. 475
Китамура, Такаши 461
Клаус, Иозеф 442
Клейтон, Уильям Локхарт 75, 99, 108, 111
Козлов Ф. Р. 353
Коллонтай А. М. 132, 133
Колпаков Б. Т. 105
Косыгин А. Н. 137, 353, 390, 391, 408, 424–426, 435, 442, 445, 449, 452, 453, 460, 461, 469, 475
Косяченко Г. П. 39
Кроссман, Ричард Ховард Стэффорд 120
Крутиков А. Д. 39–41, 44
Крутиков А. Д. 44
Куденхов-Калерги, Рихард 142
Кудрявцев С. М. 191
Кузнецов В. В. 360, 368, 369, 474
Кулаков П. К. 84
Кулсон, Джон 89
Кумыкин П. Н. 105, 139, 208, 217, 218, 220
Куприков Т. К. 278
- Ла Гардия, Фиорелло Генри* 71, 75–78
Ланге, Оскар 190
Лебедев В. З. 287, 288
Лейт-Росс, Фредерик Вильям 71
Ленин В. И. 162, 274, 275
Лесечко М. А. 343, 353, 358, 427, 429
Ли, Трюгве Хальвдан 43
Ллойд, Селвин 302, 380
Лозовский С. А. 42
Ломако П. Ф. 461, 462
Лэнгфорд-Холт, Джон 298
Любимова В. В. 306

- Майский И. М.* 58
Маккей, Рональд Уильям (Вильям) Гордон 120
Маклейн, Дональд 108
Макмиллан, Гарольд 143, 145, 269, 270, 296, 299–302, 366, 372, 379, 380, 385, 388, 392, 396–398, 405, 406, 449
Маленков Г. М. 112, 113, 122, 185, 227
Малик А. Я. 153
Мао Цзэдун 213, 330, 334, 469, 470, 476, 478
Мартынов А. И. 218, 220
Маршалл, Джордж Кэтлетт Мэршалл-мл 42, 45, 46, 53, 79, 90, 103–108, 110–114, 116–118, 121–124, 147, 154, 156, 161, 165, 167, 181, 182, 236, 258, 262, 312, 317, 331, 332, 499, 500, 505
Масарик, Ян Гаррик 99, 100
Маттеи, Энрико 393, 395, 396
Маурер, Ион Георге Иосиф 357, 358, 359
Мейер, Рене 285
Менжинский Е. К. 275, 276, 277
Меньшиков М. А. 137, 153, 154, 155
Микоян А. И. 41, 42, 51, 82, 111, 112, 125, 126, 128, 129, 131, 133, 137–139, 171, 185, 209, 222, 225, 227, 320, 331, 350, 352, 353, 474, 475
Милнер, Альфред 381, 383
Мисник М. И. 427
Молле, Ги 145, 256
Молотов В. М. 25, 28, 29, 42, 44, 45, 55, 58–62, 77, 78, 79, 81, 92, 95, 96, 97, 104, 105, 109, 110, 115, 116, 117, 121, 126, 129, 153, 156, 171, 186, 187, 191, 218, 225, 237, 257, 438
Молчанов Н. 273, 274
Монне, Жан 145, 146, 161, 277, 304, 305
Монтгомери, Бернард Лоу 379, 380, 381, 384–387
Монтегю, Айвор 177
Мюрдаль, Гуннар 242

Насер, Гамаль Абдель 256
Некрич А. М. 453

Ненни, Пьетро 112
Нестеров М. В. 179, 184, 190, 191, 219, 224, 226
Ниярди, Миклош 111, 112
Нкрума, Кваме 376
Новиков В. Н. 353
Новиков К. В. 81
Норте, Х. 267
Ноэль-Бейкер, Филип 388

Павлов Д. В. 218, 220
Патолитчев Н. С. 353, 396, 426, 427, 431, 455–467
Пауэрс, Фрэнсис 319
Пери, Джек 204, 205
Перру, Франсуа 307
Петерсон, Морис 129
Питт ст., Уильям 382
Подгорный Н. В. 474
Подцероб Б. Ф. 156
Полянский Д. С. 475
Пономарев Б. Н. 474
Птичкин Н. Н. 308
Пьетромарки, Лука 396
Пэтч, Холл 72

Рассадин Г. 156
Ратиани Г. М. 156
Ребатт, Жорж 144
Рединг, лорд (Джералд Руфус Айзекс) 232
Рейли, Патрик 402
Робертс, Фрэнк Кейнон 92, 93
Робинсон, Джоан 177
Роздобудько Н. К. 463
Роше, Вальдек 444
Рощин А. А. 43, 45
Рубинский Ю. И. 225, 306
Рудзинский Я. 101

- Руднев К. Н.* 353
Рузвельт, Франклин Делано 29, 35, 41, 42, 46, 125, 127, 133
- Саксин Г. Ф.* 313, 322
Свешников М. Н. 399, 400, 427
Семенов В. С. 220, 224
Семичастнов И. Ф. 220
Сенин М. 289, 291
Сильверман, Сидней 178
Ситин В. 427
Славин Н. В. 288
Смит, Уолтер Бедел 45
Спаак, Поль Анри 277, 315, 318
Сталин И. В. 12, 41, 42, 45, 51, 52, 58, 59, 63, 65, 67, 68, 76, 77, 79, 90, 91, 94, 96, 97, 111, 117, 118, 121, 122, 125, 126, 127, 133, 137, 138, 139, 152, 154, 173, 185, 191, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 217, 218, 220, 222, 225, 226, 227, 231, 232, 238, 279, 334, 335, 337, 385, 408, 409, 438, 500, 501, 505
Степанов М. С. 42, 137, 138, 218
Суслин П. Н. 276
Суслов М. А. 474, 475
- Тамброни, Фернандо* 396
Тан, У 355
Тито, Иосип Броз 69, 335
Торникрофт, Питер 196, 207
Трумэн, Гарри 42, 78, 157
Туомия, Сакари Севери 311, 313
Тушунов А. В. 288
- Ульбрихт, Вальтер* 343
Уокер Гордон, Патрик 298, 357–359, 390
Уотсон, Данкан 80
Усборн, Хенри 177, 178

Фаддеев Н. В. 313
Фанфани, Аминторе 302, 441, 487
Фао, Витторио 375
Фари, Ферручио 145
Филипп, Андре 100, 145
Фирюбин Н. П. 313, 314, 343, 347, 369, 390
Фор, Эдгард 233
Фрей Л. И. 51
Фридрих II Великий 382
Фут, Майкл 120

Хайд, Хартфорд Монтгомери 298

Хайле Селассие I 376

Хаммершильд, Даг 242

Ханчен, Нан 179

Хит, Эдвард 402

Ходжа, Энвер 335

Холлидэй Л. 315

Хрущев Н. С. 12, 15, 185, 249, 294, 295, 300, 302, 304, 305, 314, 318, 319, 320, 327, 330, 334, 335, 349, 353, 354, 355, 357, 358, 359, 365, 373, 374, 376, 377, 379, 384, 397, 409, 410, 411, 413, 417, 419, 423, 425, 428, 446, 447, 469, 480, 495, 502, 504, 506, 507

Хьюгс (Хьюз), Эмрис 178

Хэлл (Халл), Корделл 62, 63

Царапкин С. К. 81

Чернышев П. 313, 339

Черчилль, Сэр Уинстон Леонард Спенсер 46, 58, 61, 63, 65–68, 122, 135, 141, 143, 150, 152, 158, 206, 207, 294, 301, 385

Чистяков А. С. 115, 116, 117, 322

Чэмпиион, Артур 121

Шамбейрон, Робер 183, 190, 191, 226

Шатэньо, Ив 193

Шверник Н. М. 474

- Шевлягин Д. П.* 474
Шеель, Вальтер 285
Шейнвелл (Шинвелл), Эмануэл 89
Шелепин А. Н. 474, 475
Шепилов Д. Т. 255, 256, 260, 261
Шукбург, Эвелин 402, 404, 405
Шуман, Морис 255
Шуман, Робер 145, 146, 147, 157, 158, 161, 169, 180, 182, 184, 193, 236, 289, 290, 291, 345
Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид 252, 302, 319, 320, 372
Энь-Лай, Чжоу 211, 212, 333
Эррол, Фредерик 399
Эрхард, Людвиг 217, 219, 223
Эттли, Клемент 88, 385, 388
Юрин Б. 274, 275
Ярошевич П. 429

Литература

Диссертации

Алексеев Д. С. На пути к Бреттон-Вудсу: Американское правительство и планирование послевоенного экономического миропорядка (1940–1945 гг.). Диссертация на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Саратов, 2003. — 183 с.

Никуличев С. Ю. Отношения Объединенной Европы со странами Африки: опыт коллективного сотрудничества. 1957–2001 гг. Диссертация на соискание учен. степ. к.и.н. М., 2009 — 309 с.

Robin Hivert Émilie. Le thème de l'Europe dans les rapports de la France avec les pays communistes (1943–1958). Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'université Paris IV. Vol. 1, 2. Paris, 2008. — 742 P.

Seppinen J. Suomen Efta-ratkaisu yöpakkasten ja noottikriisin välissä. Väitöskirja, Helsingin yliopisto, Bibliotheca historica 21. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1997. — 349 P.

Статьи

Андросова Т. В. Советско-финляндские отношения на фоне холодной войны // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 6. М., 2007. С. 195–215

Будс Р. Б. Бреттон-Вудская конференция Объединенных наций в 1944 г. (К истории создания Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития) // Новая и новейшая история, 1992. № 2. С. 31–50.

Васильева Н. Ю. СССР и образование Совета Европы // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). Сборник научных статей. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 97–105.

Гибианский Л. Я. Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории, 2001 № 11. С. 38–56.

Гладышева А. С. Советские планы экономической интеграции в рамках СЭВ и позиция румынского руководства (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т. 6. Выпуск 11 (44) [Электронный ресурс URL: <http://history.jes.su/s207987840001341-4-1> дата обращения: 22.12.2015]

Громова А. В. Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея Пан-Европы // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М.: УРСС, 2007 № 20. С. 189–197.

Дубинин Ю. О «Европе от Атлантики до Урала» // Россия в глобальной политике, 2007. №5. С.155–160.

Егорова Н. И. Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 455–485.

Егорова Н. И. Реакция советских лидеров на «планы» Плевена и Шумана // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 67–86.

Капитонова Н. К. Визит Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию в 1956 году (по архивам Президента РФ и МИД РФ) // Новая и новейшая история, 2010. №6. С. 112–136.

Княжинский В. Б. Политическая стратегия антикоммунизма: Очерк истории империалистической политики «европейской интеграции». М., 1969.

Комаров А. А. СССР и Скандинавский оборонительный союз (1948–1949 гг.) // Северная Европа. Проблемы истории: сб. науч. трудов/ Под ред. О. В. Чернышевой. М.: Наука, 2003. Вып.4. С. 90–101.

Кузьмин Ю. С. Парижский договор 1951 г. и многоуровневая интеграция в 50-е годы // 50 лет Европейских сообществ и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Международная научная конферен-

ция, Санкт-Петербург 19–20 октября 2011 г. [Электронный ресурс: URL <http://www.edc.spb.ru/conf2001/Kuzmin.html>]

Липкин М. А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е — первая половина 1970-х годов). По новым материалам российских и зарубежных архивов // Новая и новейшая история, 2009. №3. С. 59–60.

Липкин М. А. Маркиз де Кюстин в 1957 году? Записка французского интеллектуала о трехнедельной поездке в СССР // Диалог со временем. М.: УРСС, 2010. №33. С. 251–259.

Липкин М. А. Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х — первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. М., 2015, №4 (46). С. 77–101.

Карих М. Комитет информации — наш ответ ЦРУ. Руководители советской внешней разведки в послевоенный период. Военно-промышленный курьер. №14 (280) от 15 апреля 2009.

Наринский М. М. Визит французской правительственной делегации в СССР в 1956 году // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957). М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 198–216.

Наринский М. СССР и план Маршалла: по материалам Архива Президента РФ // Новая и новейшая история, 1993 № 2. С. 11–19.

Наринский М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции. Под ред. Намазовой А., Эмерсон Б. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 30–45.

Обичкина Е. О. СССР и становление «малой Европы»: реакция на римские договоры 1957 года // СССР, Франция и объединение Европы (1945–1957) М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 217–231.

Орлик И. И. Из предыстории СЭВа // К 60-летию Совета экономической взаимопомощи. Единая Европа: прошлое и настоящее экономической интеграции. М.: ИЭ РАН, РГАЭ, 2009. С. 43–58.

Орлик И. И. СЭВ — «Общий рынок»: первые шаги к сближению двух интеграций. К 60-летию Совета экономической взаимопомощи. Единая Европа: прошлое и настоящее экономической интеграции. М.: ИЭ РАН, РГАЭ, 2009. С. 223–238.

Провалов К. К. Россия и ЕС. На пути к партнерству и сотрудничеству. 24 марта 2007 г. [Электронный ресурс: URL: <http://www.mid>.

ru/bdomp/ns-arch.nsf/6ecccbdaa260928b43256b1e0031f3f0/8c46a7bac3c82199c32572ad002865a4!OpenDocument Дата обращения 01.10.2015]

Размеров В. Брюссельский пакт и план Плевена в советской внешнеполитической пропаганде // История европейской интеграции: 1945–1994. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 129–140.

Салаконе А. СССР и «нео-атлантическая» Италия в 1960-е гг. // Итальянская республика в меняющемся мире. М., 2014. С. 110–122.

Салаконе А. Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т.6. Выпуск 2 (35) [Электронный ресурс: URL:<http://history.jes.su/s207987840000986-3-1> дата обращения: 22.10.2015]

Сироткин В. Г., Алексеев Д. С. СССР и создание Бреттон-Вудской системы 1941–1945 гг.: политика и дипломатия // Новая и новейшая история. Саратов, 2004. №21. С. 72–89.

Снапковский В. На весах справедливости. Деятельность ЮНРПА в Беларуси. 1945–1947 гг. // Неман. Минск, 1993. №6.

Соколов В. В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. М., 2010. №6. С. 3–17.

Соколов В. В. ЮНРПА и Советский Союз. 1943–1948 годы (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. М., 2011. №6. С. 24–33.

Терехова Н. Итальянская прививка советскому автопрому // Эксперт, 2014. №16. С. 32–35.

Узнародов И. М. Вторая мировая война и развитие европейской интеграции // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2005. №2. С. 8–12.

Филитов А. М. Советское руководство и Европейская интеграция (40-е – начало 50-х годов) // Историческая наука на рубеже веков. М.: Наука, 2001. С. 121–141.

Черкасова Е. Римский договор и европейская интеграция: советские интерпретации // История европейской интеграции 1945–1994. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 160–169.

Шенин С. Ю. Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект. // США: экономика, политика, 1998. № 4. С. 78–87, №5 С. 74–88.

Coppolaro L. Trade, security and the two Europes. The Accession of the socialist countries to GATT (1959–1973) // Les deux Europes. Actes du IIIe colloque international RICHIE. Bruxelles, 2009. P. 47–58.

Schlarp, K.-H. Das Dilemma des westdeutschen Osthandels und die Entstehung des Ost-Ausschusses der deutschen Wirtschaft // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Jg. 41 (1993), Heft 2. P. 223–276.

Müller, W. The Soviet Union and Early West European Integration // Journal of European Integration History. 15 (2009/2). P. 67–85.

Müller W. Die UdSSR und die europäische Integration // Vom Gemeinsamen Markt zur Europäischen Unionsbildung. 50 Jahre Römische Verträge 1957–2007. Gehler M. (Hrsg.). Wien-Koln-Weimar, 2009. S. 617–661.

Mueller W. Recognition in Return for Détente? Brezhnev, the EEC, and the Moscow Treaty with West Germany, 1970–1973 // Journal of Cold War Studies. Vol. 13. No 4. 2011. P. 79–100.

Pechatnov V. Reflections on Soviet Foreign Policy, 1953–1964 // Peaceful coexistence? Soviet Union and Sweden in the Khrustchev Era. Moscow, 2010.

Robin T. Les relations commerciales de la France et de la Grande-Bretagne avec la République populaire de Chine, à la lumière de la Conférence économique internationale de Moscou d'avril 1952 // Revue d'Histoire Diplomatique. Vol. 1. 2007. P. 41–58.

Rey M.-P. Le retour à l'Europe? Les décideurs soviétiques face à l'intégration ouest-européenne, 1957–1991 // Journal of European Integration History, 2005 N1 (Vol. 11). P. 7–27.

Rey M.-P. The Soviet leadership and the EEC, 1957–1991: from overt hostility to the quest for partnership // Россия и Запад: исторический опыт XIX–XX вв. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 260–267.

Zubok V. The Soviet Union and European integration from Stalin to Gorbachev // Journal of European Integration History, 1996. Vol. 2. N1. P. 85–98.

Монографии и коллективные труды

Арзаканян М. Ц. Великий Де Голль. «Франция – это Я!» М.: Язуз: ЭКСМО, 2012.

Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. М.: Наука, 1983

Батюк В. И., Евстафьев Д. Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Изд. Рос. Университет, 1995.

Быстрова Н. И. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М.: «Гиперборейя», «Кучково Поле», 2007.

Войтоловский Ф. Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. М.: Крафт+, 2007.

Волков М. Н., Лекаренко О. Г. Американская крепость Европа: политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947–1955 гг.). Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2009.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы, 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Европа: проблемы интеграции и развития / Под ред. О. А. Колобова. Т.1. Н. Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2008.

Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра-Книжный клуб, 2000.

Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2001.

Кузьмин Ю. С. Общая Ассамблея Европейского сообщества угля и стали и развитие европейской интеграции (1952–1958). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002

Крупяник М. И. Советско-японские экономические отношения. М., 1982.

Липкин М. А. Британия в поисках Европы: Долгий путь в ЕЭС: 1957–1974 гг. СПб.: Алетейя, 2009.

Микоян С. А. Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006.

Некрасов В. Л., Стафеев О. Н., Хромов Е. А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск, 2012.

Очерки истории министерства иностранных дел России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т.2.

Печатнов В. О. От Союза – к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2006

Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны, 1945–1985 гг. М.: Русь-Олимп, Астрель, АСТ, 2007.

Попов В. П. Экономическая политика советского государства. Москва–Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2000.

Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2006.

Синдеев А. А. История западноевропейской интеграции. Начало: 1947–1957 годы. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

Таубман У. Хрущев. М.: Молодая Гвардия, 2008.

Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии после Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957.

Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х – 1980 г.). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013.

Улунян А. А. «Послепражский 1969-й». Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и Европейском Средиземноморье. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Фурсенко А. А. Россия в международных кризисах. Середина XX века. М.: Наука, 2006.

Черкасов П. П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Издательство «Весь мир», 2004.

Чубарьян А. О. Российский европеизм. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2009.

Шенин С. Ю. Американская программа «Пункта-4»: 1949–1953. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000.

Павлов М. Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. М.: Международные отношения, 2010.

Кен О., Рурпасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2005.

Млечин Л. Служба внешней разведки. М.: Москва: Яуза: Эксмо, 2004.

Осипов Е. А. Франция и развитие процесса разрядки (1965–1975). М., 2016.

Пискулов Ю. В., Градобитова Л. Д. Север и интеграция. М.: Международ. отношения, 1972.

Угроза Плана Шумана / Пер. с итальянского О. Ф. Мизиано. М.: Издательство иностранной литературы, 1954.

Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

Хормач И. А. СССР–Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. М.: ИРИ РАН, 2005. Том II.

Широков О. Н. СЭВ в мировой экономике: современные оценка и проблемы функционирования и значения. Вопросы истории, методологии и историографии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

Экономическая история СССР: очерки / Гловацкая Н. Г; Амосов А. И.; Архипкин И. В. Рук. авт. коллектива Абалкин Л. И. Кол. авт. М.: ИНФРА-М, 2007.

Bossuat G. La France, l'aide américaine et la construction européenne: 1944–1954. Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 1992.

Les deux Europes. Actes du IIIe colloque international RICHIE. Bruxelles, 2009.

Jackson I. The Economic Cold War. America, Britain and East-West Trade, 1948–1963. Hampshire, N.Y., 2001.

Iriye I. (editor). Global Interdependence: the World After 1945. Belknap. Harvard University Press. Cambridge, London, 2014

Kahn M. Sovjetekonomin med Svenska ögon. Svenska statens bild av Sovietunionens ekonomi 1917–1956. Sekel. Lund, 2009.

Ludlow N. P. The European Community and the Crisis of the 1960s. Negotiating the Gaullist Challenge. N. Y., 2007.

Milward A. From Reconstruction to Integration. Lnd., N. Y., 1984.

Montgomery V. An Approach to Sanity: a Study of East-West Relations. Lnd., 1959.

Neumann I. B. Soviet perceptions of the European Community, 1950–1988. Norwegian Institute of International Affairs. NUPI Rapport Nr. 131, July 1989

Quigley, C. Anglo-American Establishment from Rhodes to Cliveden. N.Y., 1981

Rey, M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris, 2002.

Sanchez-Sibony O. Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrustchev. Cambridge University Press, 2014.

Wood, A. The True History of Lord Beaverbrook. Lnd., 1965.

Summary

A comparative study of archival evidences from four countries shows that the Soviet line towards West European integration had its own logic and was not so dogmatic as considered earlier. One shall distinguish the official notes and the inner struggle of various fractions (competition between various expert groups in the Ministry of Foreign Relations, the CPSU Central Committee, Ministry of Foreign Trade and etc.). As the research shows there were at least two approaches: negative dogmatic and a creative constructive one. This inner competition explains the appearance of official statements with often illogical and parallel suggestions of a struggle with closed economic groupings and at the same time search for communications between them and the COMECON, dialogue within the all-European cooperation between all existing integration models.

Looking at the realities of the second half of the 1950s one can see that Moscow's unwillingness to recognize the EEC and Euratom was dictated not only by ideological motives but due to a variety of choice: at those time there existed alternative western models — OEECD, European Atomic Agency, later — EFTA. Few experts could envisage that of all others the three European Communities would play the key role in a web of integration combinations.

The Soviet Union was competitive in a number of high-tech areas at the time (especially the peaceful nuclear power) and had traditionally attractive raw materials and transport capabilities for all-European projects and cooperation. Yet as documents show

all Soviet fresh initiatives to start a constructive and mutually beneficial dialogue were blocked by suspicion and a lack of faith in sincerity of the Soviet proposals by Western governments. Moscow's U-turn towards cooperation in 1950s — 1960s (attempts to join NATO in 1954, OEECD in 1960) were not taken for serious by western experts because of a too radical nature of these changes.

Soviet attempts under Nikita Khrustchev to reform COMECON in 1962-1964 by turning it into the “super-Gosplan” despite of all official statements were a certain attempt to copy supranational character of the European Communities. They failed when the “mutual assistance” started questioning “national interests” of the most vulnerable member countries in COMECON. Certain improvements were done (for instance industrial specialization, standardization) but without a direct command from the planning structures in Moscow. The level of Moscow's influence on COMECON development is often exaggerated and has to be studied more thoroughly, especially during the Brezhnev era.

The challenge from the successful West European integration in the second half of 1960s as well as a new understanding of the importance of economic interests both of COMECON members and of the USSR itself led a new team of Leonid Brezhnev towards a revision of the Khrustchev's legacy and a search for new initiatives.

As the last chapter shows one shall study the “socialist integration” in a tight connection with external political challenges for the USSR and the Eastern bloc. Namely — the Prague Spring in 1968 and a series of military Sino-Soviet border conflicts in 1969 as well as the preparation for the future Conference on Security and Cooperation in Europe. On the one hand the book shows a new understanding of the term “security” from the side of the Soviet leadership. It obviously included new dimensions — economic and technological ones. On the other side geopolitical considerations finally prevail over pure economic benefit. Unlike the European Community in Western Europe in the East COMECON did not take political functions — in the late 1960s — beginning of 1970s economic integration remained domain of the COMECON, political integration became priority of the Warsaw Pact. That's why in the

second half of the 1970s attempts to start a dialogue between the European Community and COMECON began only when they were sanctioned by the Political and Consultative Committee of the Warsaw Pact.

During the years of early Brezhnev's reign, the sphere of “integration” became an arena of a peaceful competition between East and West. The Soviet Union was successful in developing bilateral economic ties with the key West European countries on non-bloc basis thus weakening the Western integration but failed to find a key solution to the COMECON inner problems. The inner contradiction between attempts to use limited market tools and the basic planning nature of COMECON and its member countries hampered attempts to make Eastern model more attractive for everyone. The documents show a rising conflict between the “international duty” and national interest, “mutual aid” and “mutual benefit”.

Unfortunately, those economic receipts which were of benefit to the USSR with its global aims were not always of benefit to the COMECON member states and to much more extent — to the members of the European Community. Due to reasons which stay beyond this book's analysis, the equitable dialogue with the Common Market and the triumph of “socialist integration” in the 1970s did not happen. The mutual recognition between COMECON and European Community took place only in 1989.

Книги, выпущенные
издательством Университета
Дмитрия Пожарского
(Русский фонд содействия
образованию и науке)

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru.

Геополитика . Социология .
Новейшая история . Военная
история

1. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century / предисловие Г. М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2015, 2016.
2. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750 / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2015, 2016.
3. *Валлерстайн Иммануил*. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2016.

4. *Зверев В. О.* Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016.
5. *Кикнадзе В. Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века. М., 2011.
6. *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2013.
7. *Котельников В. Р.* Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009. М., 2010.
8. *Люттвак Эдвард Н.* Возвышение Китая наперекор логике стратегии. Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2016.
9. *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016.
10. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: логика войны и мира. Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace / пер. с англ. А. Н. Ковалея, Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015, 2016.
11. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. Luttwak Edward N. Coup d'État: Practical Handbook / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015.
12. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964. М., 2015.
13. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012.
14. *Петров П. В.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941 г. М., 2016.
15. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938–1948 гг. М., 2016.
16. *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948–1968 гг. М., 2016.
17. *Рашид Ахмед.* Талибан / пер. с англ. М. В. Поваляева. М., 2003.
18. *Свойский Ю. М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014.

19. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015.
20. *Симонов Н. С.* Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940–1969 годы. М., 2013.
21. *Симонов Н. С.* Очерки истории банковской системы России. 1988–2013 гг. М., 2016.
22. *Симонов Н. С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016.
23. *Степанов А. С.* Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М., 2009.
24. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
25. *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
26. *Тумшиц М. А., Золотарёв В. А.* Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. М., 2017.
27. *Тумшиц М. А.* Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 – декабрь 1991 гг.). М., 2016.
28. *Улунян Ар. А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). М., 2013.
29. *Фомин А. М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.
30. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов. М., 2012.

История Латинской Америки

31. *Исэров А. А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М., 2011.
32. *Платошкин Н. Н.* История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг. М., 2011.

33. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817–1828 гг. М., 2011.
34. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг. М., 2011.
35. Платошкин Н. Н. Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация. М., 2011.
36. Платошкин Н. Н. Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года. М., 2013.
37. Платошкин Н. Н. Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия. М., 2015.

Средневековье. Новое время.

Исследования. Источники:

а) Сборники и хрестоматии

38. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
39. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибииков, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
40. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
41. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
42. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
43. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон,

- И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
44. Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2010.
45. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
46. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: *Пашуто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
47. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2013, 2015.
48. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2013.
49. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М., 2014.
50. Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 2016.
51. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2016.
52. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.
53. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
54. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
55. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.

56. Немецкие анналы и хроники X – XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова. М., 2012.
57. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том 1 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
58. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Том 2 / подгот. публ. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
59. Формирование территории Российского государства. XVI – начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015.

б) Русь и Россия. Славянский мир

60. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.
61. *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). М., 2015.
62. *Бадаланова Геллер Ф. К.* Книга сущая в устах: фольклорная Библия бессарабских и таврических болгар. М., 2017.
63. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
64. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
65. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
66. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
67. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
68. *Каштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
69. *Каштанов С. М.* Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
70. *Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.

71. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
72. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.
73. Мендюков А. В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. М., 2016.
74. Менькова И. Г. Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки. М., 2014.
75. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
76. Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016.
77. Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М., 2013, 2015.
78. Рахаев Д. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
79. Собрание проповедей протоиерея Валентина Амфитеатрова / сост. Е. Н. Викторова, И. Н. Сергеенко. М., 2016.
80. Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) Западный мир. Восток

81. Агишев С. Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
82. Ауоров О. В., Марей А. В. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование. М., 2012.
83. Белозёрова В. Г. Традиционное искусство Китая: В 2 т. Том 1: Неолит – IX век / отв. ред. М. Е. Кравцова. М., 2016.
84. Большаков О. Г. Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII–VIII вв.). М., 2016.
85. Ганина Н. А. Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования. М., 2014.

86. *Генрих Хантингдонский*. История англов / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015.
87. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
88. *Долеман Р. (Парсонс Роберт)*. Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / перевод А. Ю. Серёгиной. М., 2013.
89. *Долгорукова Н. М.* Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII в. М., 2016.
90. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
91. *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
92. *Лидов А. М.* Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
93. *Марей Е. С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.
94. *Мереминский С. Г.* Формирование традиции: английское историописание второй половины XI – первой половины XII веков. М., 2016.
95. *Святитель Хроматий Аквилейский*. Проповеди / пер., вступ. ст. С. С. Кима. М., 2014.
96. *Юлиана Нориджская*. Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich. Revelations of Divine Love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina*. М., 2010.

Этнография . Фольклористика . Археология

97. *Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012
98. *Иванова Л. И.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
99. *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011.

100. *Лобанова Н. В., Филатова В. Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015.
101. *Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
102. *Логинов К. К.* Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья. М., 2010.
103. *Ольговский С. Я.* Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М., 2014.
104. *Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.

Античность . Византистика .
Философия . Филология

105. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 1 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
106. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 2–4 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
107. *Квинт Смирнский.* После Гомера / вступ. ст., пер. с др.греч. яз., прим. А. П. Большакова М., 2016.
108. *Прокл Диадох.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / пер. А. И. Щетникова. М., 2013.
109. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. Херсон. Том I / Золотарёв М. И. и др. М., 2013.
110. Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и комм. И. Ю. Шабаги. М., 2016.
111. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко. М., 2015.
112. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П. В. Кузенкова. М., 2013.
113. *Gaudeamus Igitur:* Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе. М., 2010.
114. *Виноградов А. Ю.* Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.

115. *Виноградов А. Ю.* «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа. М., 2014.
116. *Ермолаева Е. Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». М., 2011.
117. *Жмудь Л. Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
118. *Завойкина Н. В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
119. *Кузьмин Ю. Н.* Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М., 2013.
120. *Кулланда С. В.* Скифы: язык и этногенез. М., 2016.
121. *Лапырёнок Р. В.* Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II до н.э. М., 2016.
122. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия Византийской империи. Luttwak Edward N. The Grand Strategy of the Byzantine Empire / пер. с англ. А. Н. Ковалёва. М., 2010, 2012, 2016.
123. *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
124. *Позднев М. М.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М., 2010.
125. *Ревзин Г.* Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями. М., 2006.
126. *Смирнов С. В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
127. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть I. М., 2013.
128. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть II. М., 2013.
129. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II. Часть III. М., 2013.
130. *Суриков И. Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009.
131. *Суриков И. Е.* Античный полис. М., 2010.
132. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.
133. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.

134. Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2013, 2015.
135. Файер В. В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010.
136. Файер В. В. Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М., 2013.

Журнал «Аристей»

137. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. I. М., 2010.
138. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. II. М., 2010.
139. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. III. М., 2011.
140. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IV. М., 2011.
141. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. V. М., 2012.
142. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VI. М., 2012.
143. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VII. М., 2013.
144. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VIII. М., 2013.
145. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IX. М., 2014.
146. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. X. М., 2014.
147. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XI. М., 2015.
148. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XII. М., 2015.
149. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XIII. М., 2016.

ЕГИПТОЛОГИЯ

150. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2013.
151. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2014.
152. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2015.
153. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2016.
154. *Лаврентьева Н. В.* Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства). М., 2012.
155. *Прусаков Д. Б.* Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации. М., 2015.

Специальные исторические дисциплины

156. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2006.
157. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2008.
158. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2009.
159. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2010.
160. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2011.
161. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2012.
162. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей в 2 ч. / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2013.
163. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2015.
164. *Антонец Е. В.* Введение в римскую палеографию. М., 2009.
165. *Вальков Д. В.* Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2015.

Вестник Университета Дмитрия Пожарского

166. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура. М., 2014.
167. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (2). Русь и Византия. М., 2015.
168. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (3). Политические репрессии на севере России (материалы работы Соловецкого семинара). М., 2016.
169. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 2 (4). Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. М., 2016.

Собрания сочинений:

Четыре тома избранных произведений
О. А. Седаковой

170. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том). М., 2010.
171. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том). М., 2010.
172. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том). М., 2010.
173. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том). М., 2010.
174. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / под ред. А. В. Маркова, Н. В. Ликвинцевой, С. М. Панич, И. А. Седаковой. М., 2013.

Собрание сочинений В. В. Бибихина

175. Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I. М., 2010.
176. Бибихин В. В. Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II. М., 2013.
177. Бибихин В. В. Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III. М., 2013.

Учебники и учебные пособия

178. *Кизим А. В.* Крымская война. Учебное пособие. М., 2017.
179. *Девяткина К. С.* Сборник упражнений к учебнику ENGLISH IX (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М., 2017.
180. *Девяткина К. С.* Сборник упражнений к учебнику ENGLISH X (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М., 2017.
181. *Девяткина К. С.* Сборник упражнений к учебнику ENGLISH XI (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М., 2017.
182. *Зайков А. В.* Римское частное право в систематическом изложении. Учебник. М., 2012.
183. *Поливанова А. К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари. М., 2013.
184. *Рязановский А. Р.* Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён. М., 2015.
185. *Смышляев А. Л.* История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие. М., 2007.
186. Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. М., 2016.

Если вы нашли в наших книгах опечатки, просьба сообщить о них на электронный адрес knigiudr@gmail.com. В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена опечатка. Благодарим за сотрудничество.

Места, в которых можно приобрести наши книги

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, корп. 2,
по будням с 10:00 до 19:00.

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru
www.ozon.ru
www.setbook.ru
www.urss.ru
www.greybooks.ru
www.libroroom.ru
www.kniger.by
www.good-book.com.ua
www.arhe.com.ua
и многие другие.

2. Книжные магазины:

РОССИЯ. Москва

- «PRIMUS VERSUS», ул. Покровка, д. 27, стр. 1, www.dbiblio.org
- ТД «БИБЛИО-ГЛОБУС», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, www.biblio-globus.ru
- «ГИПЕРИОН», Хохловский пер., д. 7/9 стр. 3, www.hyperionbook.ru
- «ГНОЗИС», Турчанинов пер., д. 4, www.gnosisbooks.ru
- Книжная лавка историка «КЛИ», ул. Б. Дмитровка, д. 15, www.gospen.su
- «КНИГА МАКСИМА», Ленинские горы, д. 1, стр. 51, здание Первого гуманитарного корпуса МГУ им. М. В. Ломоносова, www.maxi-book.ru
- «КНИЖНАЯ ЯРМАРКА В ОЛИМПЕЙСКОМ», Олимпийский пр-т, д. 16, стр. 1, здание СК Олимпийский, www.marketbooks.ru

- «МОСКВА», ул. Тверская, д. 8, стр. 1, www.moscowbooks.ru
- Сеть книжных магазинов «МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ», www.mdk-arbat.ru
- «МУЗЕЙ АНДРЕЯ РУБЛЁВА», Андроньевская пл., д. 10, www.rublev-museum.ru
- Книжная галерея «НИНА», ул. Волхонка, д. 18/2, www.kniginina.ru
- «ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы, www.pravslovo.ru
- Книжный киоск «РОССПЭН», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, www.rosspen.su
- Книжный магазин «РОССПЭН», 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1, www.rosspen.su
- «РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ», ул. Пушечная, д. 7/5 стр. 2. <http://www.hamlet.ru>
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ», ул. Нижняя Радищевская, д. 2, www.kmrz.ru
- «У КЕНТАВРА», ул. Чайнова, д. 15, здание РГГУ, www.knigirggu.ru
- «ФАЛАНСТЕР», Малый Гнездицкий пер., д. 12, www.falanster.su
- «ФАЛАНСТЕР НА ВИНЗАВОДЕ», 4-й Сыромятнический пер., д. 1, стр. 6
- Книжный Дом «ФАМИЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА», ул. Усачёва, д. 2 стр. 3
- «ХОДАСЕВИЧ», ул. Покровка, д. 6, www.xodacevich.com
- «ЦИОЛКОВСКИЙ», Пятницкий пер. д. 8, www.primuzee.ru
- Сеть книжных магазинов «ЧИТАЙ-ГОРОД», www.chitai-gorod.ru
- «ЧИТАЛКА», ул. Жуковского, д. 4, www.chitalcafe.livejournal.com

Санкт-Петербург

- Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД», www.bookvoed.ru
- «ВСЕ СВОБОДНЫ», набережная реки Мойки, д. 28, www.vse-svobodny.com
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», ул. Петрозаводская, д. 9, www.dbulanin.ru
- «КНИЖНЫЙ ОКОП», Васильевский остров, Тучков пер., д. 11/5, литера А, пом. 15Н
- «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ», Литейный пр-т, д. 57, www.podpisnie.ru
- «ПОРЯДОК СЛОВ», набережная реки Фонтанки, д. 15, www.wordorder.ru
- Книжный киоск СПбГУ, Университетская набережная, д. 7-9, здание Санкт-Петербургского государственного университета

- «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДОМ КНИГИ», Невский пр-т, д. 28, литера А, www.spbdk.ru
- «СВОИ КНИГИ», Васильевский остров, ул. Репина, д. 41, www.svoi-knigi.ru
- «ФАКЕЛ», Лиговский пр-т, д. 74
- «ФАРЕНГЕЙТ 451», ул. Маяковского, д. 25

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА», ул. Предтеченская д. 31

Воронеж

- «КНИЖНЫЙ КЛУБ», ул. 2-летия ВЛКСМ, д. 54А, здание ТЦ «Петровский пассаж», www.knigafe.ru

Екатеринбург

- «ЙОЗЕФ КНЕХТ», ул. 8 марта, д. 7
- «ПИОТРОВСКИЙ», ул. Бориса Ельцина, д. 3, здание Ельцин Центра

Казань

- «СМЕНА», ул. Бурхана Шахиди, д. 7, здание Центра современной культуры «Смена»

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА», ул. Сурикова, д. 45
- «БАКЕН», пр-т Мира, д. 115А, www.bakenbooks.com

Нижний Новгород

- «ДИРИЖАБЛЬ», ул. Б. Покровская, д. 46; ул. Белинского, д. 118; ул. Щербакова, д. 2; ул. Советская, д. 19/2, www.dirigable-book.ru
- «ЛОГОС», «ПОЛКА», ул. Б. Покровская, д. 30

Новосибирск

- «ВООК-LOOK», Морской пр-т, д. 22
- «КАПИТАЛЬ», ул. Горького Максима, д. 78

Пермь

- «ПИОТРОВСКИЙ», ул. Ленина, д. 54, www.piotrovsky.su

Петрозаводск

- Книжный киоск ПетрГУ, пр-т Ленина, д. 33, здание Петрозаводского государственного университета

Ростов-на-Дону

- Книжный салон «ИНТЕЛЛЕКТУАЛ», ул. Б. Садовая, д. 55, www.knizhnyu-salon.alloy.ru

Саратов

- «ОКСЮМОРОН», пр-т Кирова, д. 52

Севастополь

- «АЛЬБАТРОС», ул. Соловьёва, д. 6

Ставрополь

- «КНЯЗЬ МЫШКИН», ул. Космонавтов, д. 8А

Тверь

- «МЫСЛЬ», Свободный пер., д. 28, здание Библиотеки им. Горького

Томск

- «АКАДЕМКНИГА», ул. Набережная реки Ушайки, д. 18А
- Книжный центр «ПОЗИТИВ», пр-т Ленина, д. 24А

Тюмень

- «НИКТО НЕ СПИТ», Сургутская, д. 11 кор. 2

Фрязино

- «КЛАДЕЗЬ», ул. Московская, д. 2Б

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ул. Свердлова, д. 9.

АРМЕНИЯ . Ереван

- «БУКИНИСТ», пр-т Маштоци, д. 20

БЕЛОРУССИЯ . Минск

- Книжная выставка «У ПОЮЩИХ ФОНТАНОВ», отдел исторической литературы, ул. Октябрьская, д. 5, здание КЗ "Минск"

ГЕРМАНИЯ . Франкфурт-на-Майне

- "KNIZHNIK Internationale Buchhandlung", Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, www.knizhnik.de/ru

УКРАИНА

Официальный представитель на Украине:

- Перчак Валерий. Киев, рынок «Петровка», ряд 43, место 9-10, магазин «ЭКСЛИБРИС», perchak.valery@yandex.ru

Также по вопросам приобретения книг на территории Украины обращайтесь к нашим партнерам:

- Оксана Кравченко, okhuce@gmail.com
- Швед Павел Владимирович, p.shved@gmail.com

Харьков

- «ЛИТЕРА НОВА» Академкнига 1, ул. Квитки-Основьяненко, д. 4/6, www.litera-book.com.ua
- «ЛИТЕРА НОВА» Академкнига 2, ул. Чернышевская, д. 34, www.litera-book.com.ua
- Книжный киоск «ЛИТЕРА НОВА», ул. Гагарина, д. 22, здание центрального автовокзала, www.litera-book.com.ua

При оптовых закупках возможны скидки, с вопросами обращайтесь к директору Издательства Роману Порошину: roland42@yandex.ru

По вопросам маркетинга обращайтесь к директору по маркетингу Марии Медведевой-Якубицкой: vedmediya@mail.ru

По вопросам розничных закупок, с предложениями и пожеланиями обращайтесь на адрес Издательства: knigiudp@gmail.com

Университет Дмитрия Пожарского

Университет носит имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского — восстановителя и защитника российской государственности в Смутное время, навсегда вошедшего в историю нашей Родины как пример верности долгу, искренней и деятельной любви к Отчизне.

Университет Дмитрия Пожарского ориентирован на получение фундаментальных и прикладных исследовательских результатов мирового уровня в естественных и гуманитарных науках. Он ставит перед собой задачу подготовить для России высококвалифицированных специалистов-исследователей в ключевых областях знания и сферах человеческой деятельности.

Приоритетом Университета является восстановление ценности классического фундаментального образования, науки и практики в России. Университет Дмитрия Пожарского призван стать Университетом в истинном значении этого слова.

Мы видим выпускников Университета людьми с большой внутренней мотивацией, источник которой — их образование, чувство чести и любовь к Родине, — людьми сильными, не боящимися трудностей жизни и напряженных усилий, способными к внутреннему росту, изменению людей и мира вокруг себя.

Университет поможет сформировать собственное, глубокое и цельное мировоззрение, умение аналитически мыслить, постигать новое, видеть связь вещей и явлений, способность понять структуру любой области человеческого знания и деятельности и готовность грамотно взаимодействовать с профессионалами в этой области, умение прочесть любую книгу и понять ее содержание, способность решать самые сложные задачи.

Эти качества позволят выпускникам участвовать в руководстве народным образованием и наукой в национальном масштабе, разрабатывать решения научных и социальных проблем первостепенной важности, руководить ведущими образовательными и научными организациями, сотрудничать с органами власти всех уровней.

В 2016 г. открылась магистратура по двум направлениям:

Экономико-физико-математическое направление включает изучение совокупности предметов, которые позволят понять экономическое и социальное устройство современного общества и его эволюцию, — математики, теоретической физики, экономических дисциплин, социологии, психологии.

Гуманитарное направление даст лингвистическую, историческую и филологическую подготовку, открывающую широкую перспективу научно-педагогической деятельности.

Оба направления предполагают овладение серьезной интеллектуальной культурой: общими предметами являются история и иностранные языки, магистрантам экономико-физико-математического отделения будет дано представление о современном гуманитарном знании, а гуманитарного — о современной физике и математике.

В дальнейшем планируется открытие бакалавриата и аспирантуры.

Более подробная информация на сайте Университета
www.usdp.ru

Научное издание
Холодная война

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Института всеобщей истории РАН и Университета Дмитрия Пожарского

Липкин Михаил Аркадьевич

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ:**

середина 1940-х –
конец 1960-х годов

Корректор *С. А. Давыдова*
Компьютерная верстка, дизайн
и оформление *М. А. Ормонт*
Дизайн и оформление серии *Е. А. Горева*

Подписано в печать 15.12.2015. Формат 60×90 1/16.
Тираж 1000 экз. Первый завод 500 экз. Заказ .

«Русский фонд содействия образованию и науке».
Университет Дмитрия Пожарского.
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.
www.s-and-e.ru.

Отпечатано: ПАО «Т 8 Издательские технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.